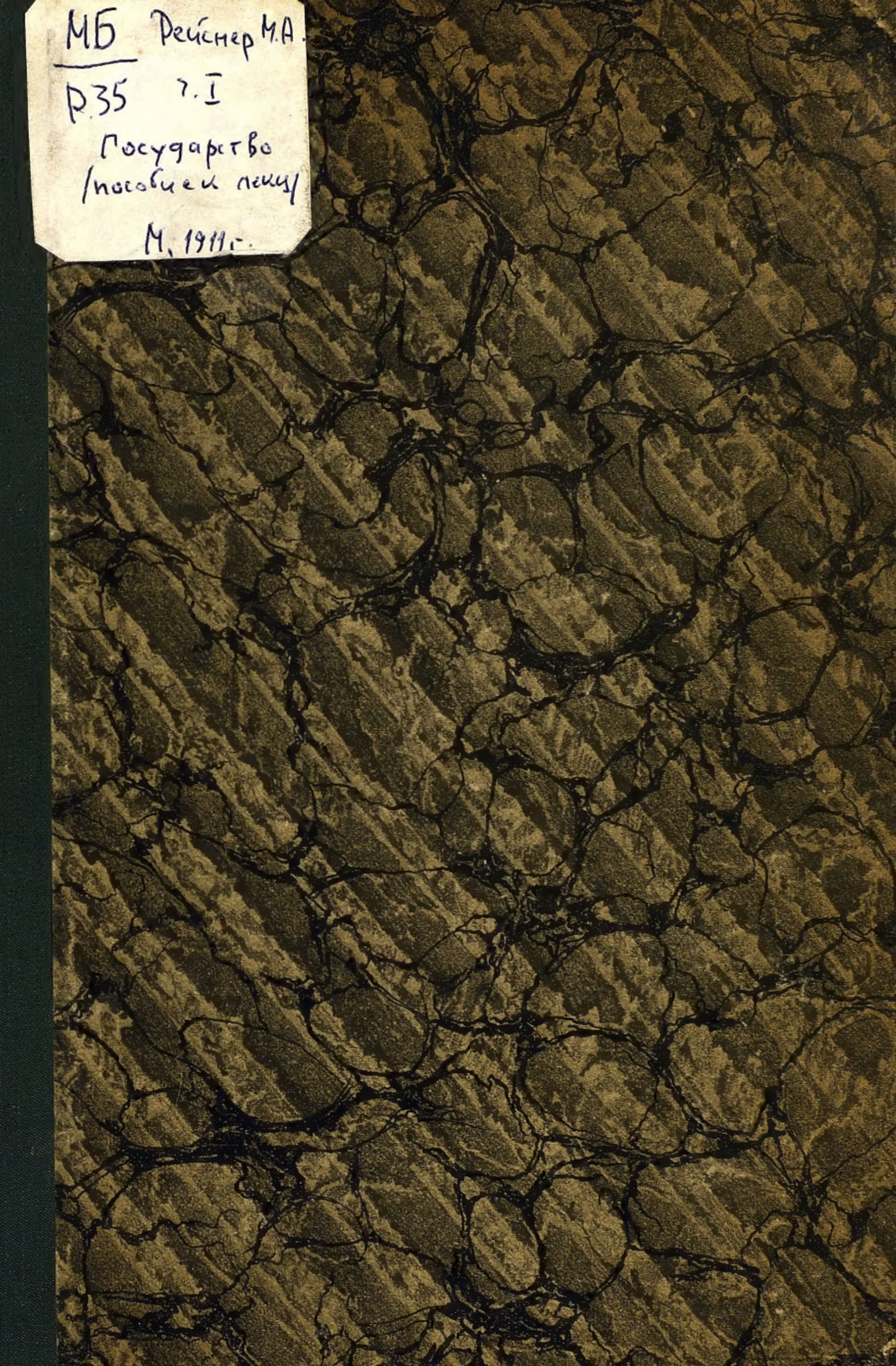
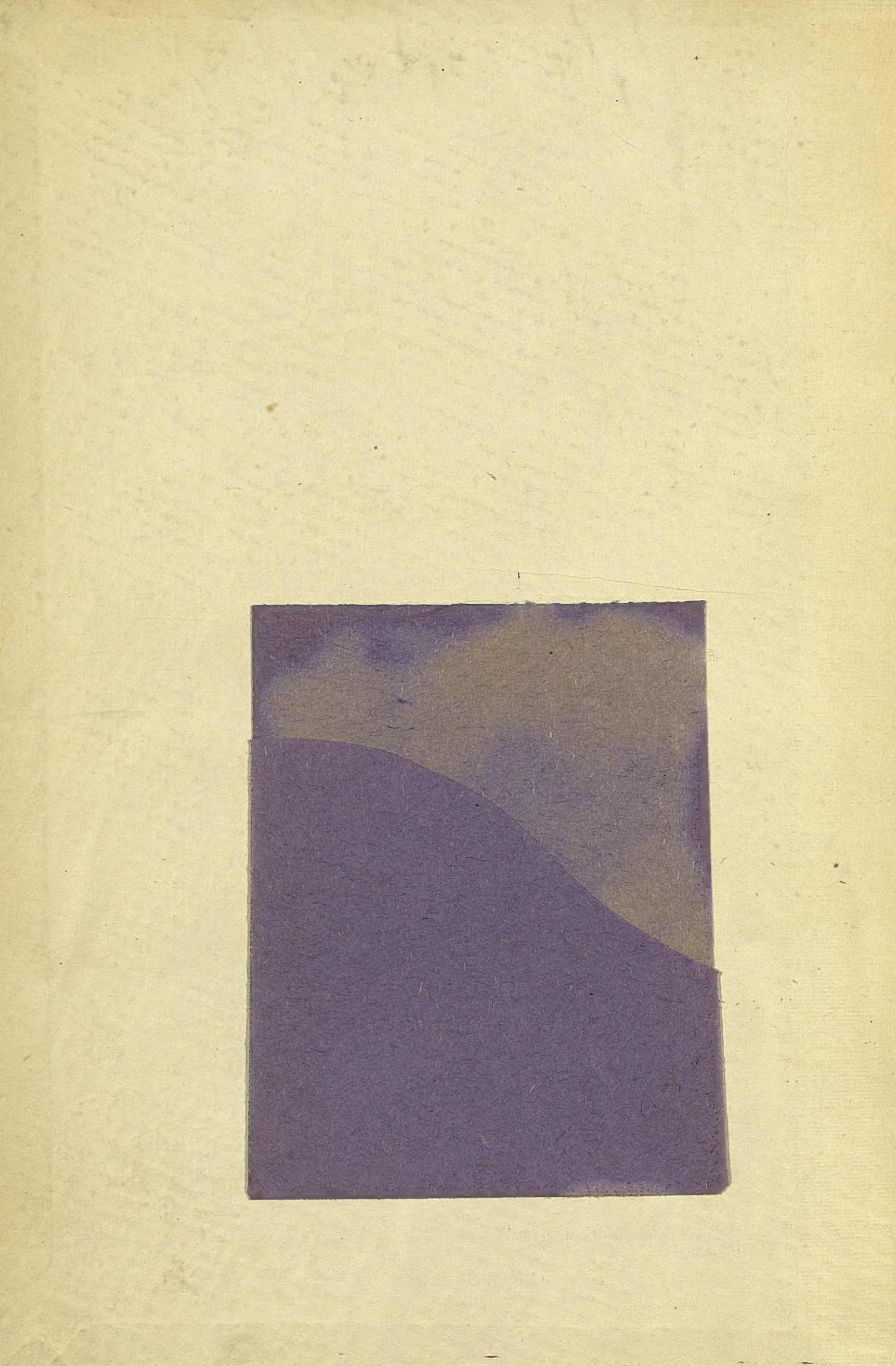

МБ Рейснер М.А.
Р.35 т. I
Государство
/пособие к лекц/
М. 1911 г.

М. А. РЕЙСНЕРЪ,
прив.-доц. С.-Петербургскаго университета,
профес. Психо-неврологическаго института.

ГОСУДАРСТВО.

Часть II. ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО.

Часть III. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ФОРМЫ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1912.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Государство и общество.

ГЛАВА I.

Борьба классовъ и антагонизмъ хозяйственныхъ системъ.

Hegel. Philosophie der Geschichte. Его же. Philosophie des Bechts. Lorenz v. Stein. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. L. Feuerbach. Vorlesungen über das Wesen der Aeligion. Его же. Wesen des Christenthums. L. Knapp. System der Bechtsphilosophie. A. Comte. Cours de philosophie positive. Giovanni Battista Vico. Principj della scienza nuova. Марксъ. Капиталъ, ч. I. Его же. Нищета философіи. Критика политической экономіи. 18 Брюмера. Енгельса. Людвигъ Фейербахъ. Происхожденіе семьи, собственности и т. д. Анти-Дюрингъ. Лоріа. Соціологія. М. М. Ковалевскій. Современные соціологи. Бартъ. Философія исторіи какъ соціологія.

Изслѣдованіе отдѣльныхъ идеологій въ ихъ историческомъ развитіи дало намъ цѣлый рядъ антагонизмовъ. Какъ мы видѣли въ I части настоящихъ очерковъ, каждый идеологическій методъ далъ различныя политическія идеи, при чемъ онѣ охватили всѣ важнѣйшія политическія формы. Каждый методъ оказался способнымъ дать создавшей его группѣ въ одинаковой степени демократію, аристократію и монархію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и антагонизмъ политическихъ идей. Обращаясь отъ идей къ создавшей ихъ потребности, мы видимъ, что крестьянство столь же не однородно въ своихъ политическихъ идеалахъ, какъ крупное землевладѣніе или городская масса. Есть крестьяне монархисты и республиканцы; есть горожане соціалисты и приверженцы тиранических формъ; есть дворяне анархисты и олигархи, сторонники феодальнаго царства или наслѣдственной аристократіи. Но рядомъ съ такимъ антагонизмомъ внутри отдѣльныхъ группъ, охваченныхъ однимъ и тѣмъ же методомъ соціальнаго сознанія, мы находимъ еще новое противорѣчіе. Ибо самые методы отрицаютъ другъ друга и притомъ наиболѣе радикальнымъ способомъ. И если внутри групповой антагонизмъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, языкъ общихъ понятій для веденія своей борьбы, то здѣсь

мы не находимъ даже такой духовной общности въ міросозерцаніи отдѣльныхъ группъ. Каждая изъ нихъ говоритъ только своимъ языкомъ и совершенно не понимаетъ прочихъ. Какъ бы глухая стѣна логически отдѣляетъ идеологію мистическаго типа отъ соціальной эстетики, а эту послѣднюю отъ идеологій, построенныхъ при помощи раціонализма. Такъ усложняется система антагонизмовъ, лежащая въ основѣ политическихъ идей, и примиреніе ихъ на первый взглядъ представляется невозможнымъ.

Уже въ предшествующемъ изложеніи видѣли мы, что причины антагонизма перваго рода лежатъ въ классовой борьбѣ, ведущейся въ рамкахъ опредѣленнаго и цѣльнаго хозяйственнаго строя. Вездѣ и всегда эта борьба слабыхъ и сильныхъ, при чемъ послѣдніе ведутъ ее въ значительной степени при содѣйствіи тѣхъ же слабыхъ. Эту борьбу короче можно представить какъ борьбу большинства и меньшинства, народа и его владыкъ, при чемъ самъ же народъ и создаетъ своихъ тирановъ. И нельзя не признать, что въ общемъ историческомъ ходѣ постепенно побѣждаетъ демократія, массы поднимаются, а съ этимъ вмѣстѣ становится болѣе однороднымъ и политическій идеалъ преобладающаго большинства той или иной группы. Конечно, демократія крестьянъ-общинниковъ въ видѣ царства Божія на землѣ рѣзко отличается отъ демократіи мелкихъ вотчинниковъ или одворяненнаго крестьянства. Демократія современнаго пролетаріата весьма далека отъ буржуазной республики мелкаго городского мѣщанства. Но, тѣмъ не менѣе, всѣмъ имъ присущи общія черты, которыя приводятъ къ торжеству здѣсь и тамъ именно народнаго идеала демократической политики. Путемъ постоянной борьбы и смѣняющаго ее компромисса въ предѣлахъ каждой группы, охваченной типичнымъ методомъ соціальнаго сознанія, вырабатывается неизбѣжное народоправство.

Антагонизмъ самихъ методовъ соціальнаго сознанія представляется, несомнѣнно, болѣе крупнымъ по размѣрамъ и своему значенію. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ борьбой классовъ, но и съ кореннымъ различіемъ во всемъ соотношеніи классовъ или группъ и въ ихъ отношеніи къ общей системѣ хозяйства. Весьма легко себѣ представить мирный процессъ возникновенія классовъ и ихъ борьбы въ предѣлахъ той или иной замкнутой среды—натуральнаго, денежноменового или капиталистическаго типа. Здѣсь намъ приходитъ на помощь естественный ходъ раздѣленія труда, въ одномъ мѣстѣ выдвигающій жреца-агронома, въ другомъ—воина-защитника, въ третьемъ—мастера или капиталиста. Но совсѣмъ иное дѣло, когда за антагонизмомъ классовъ стоитъ смѣна старыхъ производственныхъ формъ и формъ обмѣна, когда радикально отрицается вся хозяйственная система, какъ таковая, и наново перестраивается отношеніе производителя къ почвѣ и орудіямъ производства, а новыя идеи

объявляютъ старой идеологіи безпощадную войну. Исключительно важный характеръ пріобрѣтаетъ поэтому тотъ моментъ, когда новый методъ соціальнаго сознанія отрицаетъ прежде принятый и несетъ съ собой цѣлый міръ новыхъ словъ, понятій и отношеній.

Этотъ послѣдній процессъ не могъ не привлечь серьезнаго вниманія философовъ и соціологовъ. И невольно здѣсь должна была родиться мысль о борьбѣ какихъ-то идей-силъ, которыя постоянно уничтожаютъ одна другую путемъ грандіозныхъ катастрофъ. Исторія съ этой точки зрѣнія принимаетъ видъ постоянной смѣны то фазисовъ развитія абсолютнаго духа, то методовъ познанія вообще, то идеологическихъ переломовъ въ силу развитія процесса производства.

Уже у Гегеля находимъ мы исторію въ видѣ ряда отдѣльныхъ, весьма мало связанныхъ между собою сценъ, разыгрываемыхъ подобно театру на міровой сценѣ. У Гегеля главнымъ источникомъ подобныхъ превращеній былъ абсолютный духъ, который съ цѣлью раскрытія своей сущности и познанія самого себя воплощался въ отдѣльныя культуры, смѣняющія другъ друга въ ходѣ всемірной исторіи. Такихъ ступеней Гегель различаетъ въ исторіи четыре: первую ступень образуетъ пьеса подъ названіемъ восточнаго міра; здѣсь властвуетъ общая субстанція — внѣшній міръ, который цѣликомъ поглощаетъ личность. Свобода здѣсь принадлежитъ лишь одному: царю или деспоту, все остальное порабощено; этотъ міръ, исполнивъ свое предназначеніе, умираетъ, чтобъ дать возможность духу перейти къ слѣдующей ступени. Въ видѣ послѣдней является эллинская античность; здѣсь сознаніе свободы пробуждается не сразу, а личность находитъ себя во образѣ „прекрасной личности", эстетически связанной и эстетически свободной. Это—юношество духа, на Востокѣ пережившаго свое дѣтство. Но юношеская гармонія гибнетъ какъ нѣчто незрѣлое и недовершенное; занавѣсъ падаетъ: новое дѣйствіе, новая пьеса. Это—Римъ: тутъ рѣзко противопоставлены общее и частное, всемірное государство и личные интересы, аристократія и демократія. Въ результатѣ гибнетъ и эта раздвоившаяся культура, а личность, дошедшая до крайняго самоуглубленія, находитъ тамъ свое тождество съ божествомъ и примиряется сама съ собою въ христіанствѣ. Но здѣсь опять занавѣсъ падаетъ, и возникаетъ германскій міръ; онъ примиреніе личности и божества переноситъ въ объективную среду церкви и государства, гдѣ, въ концѣ-концовъ, и наступаетъ царство послѣдней гармоніи, представляющей собой высшее сознаніе свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ сущности абсолютнаго духа, находящаго здѣсь и спеціальную область самопознанія въ наукѣ, искусствѣ и религіи.

Само государство переживаетъ у Гегеля въ высшей степени важный процессъ. Оно прежде всего тѣсно связывается съ обще-

ствомъ, которое противополагается государству какъ специфическая среда хозяйственной жизни. Основаніемъ общества оказывается система частныхъ потребностей, на которой и выростаетъ вся масса экономическихъ отношеній. Такъ образуется раздѣленіе труда, которое и ведетъ къ различнымъ способамъ удовлетворенія потребностей. На раздѣленіи труда покоится различіе состояній. Такихъ состояній Гегель насчитываетъ три: естественное или добывающее (земледѣльцы); формирующее или промышленное (ремесленники, фабриканты, купцы) и общее (юристы, ученые), которое исполняетъ общественныя дѣла. Гражданское общество въ отличіе отъ государства есть среда борьбы и раздора. Только судъ, полиція и корпораціи придаютъ ему нѣкоторое единство. Только государство, какъ высшее воплощеніе свободы и какъ дѣйствительность нравственной идеи, придаетъ не только единство, но и высшее освященіе обществу, такъ какъ лишь въ государствѣ разрозненные и борющіеся общественные элементы поднимаются до общаго сознанія или объективнаго разума. Само государство развиваетъ въ себѣ противоположность и различеніе властей и противополагается другимъ государствамъ въ ходѣ всемірной исторіи.

Система гегелевской философіи исторіи раскрывается очень легко, если обобщить тотъ или иной идеологическій принципъ, избрать ту или иную эпоху, когда, вообще говоря, онъ достигъ высшаго своего развитія, и, устранивъ всѣ сопутствующія или противорѣчащія данному принципу явленія, изобразить исторію какъ постоянную смѣну отдѣльныхъ яркихъ идеологій. Какъ мы уже знаемъ изъ выше приведенныхъ данныхъ, на самомъ дѣлѣ, конечно, такого превращенія исторіи въ рядъ сценическихъ представленій абсолютнаго духа оправдать отнюдь нельзя, особенно, если отказаться отъ признанія главнымъ факторомъ исторіи того хитраго и жестокаго духа, который ради цѣлей самопознанія шутитъ, какъ со своими игрушками, не только съ личностями въ родѣ великихъ людей, но и съ цѣлыми народами, которые, свершивъ предуказанное имъ духомъ дѣло, кончаютъ жизнь самоубійствомъ или подвергаются закланію со стороны тѣхъ или иныхъ избранниковъ того же всемірнаго духа. Но, конечно, гегелевская система уже тѣмъ велика, что она хоть и въ отвлеченной метафизической, а частью поэтической формѣ дѣлаетъ попытку опредѣлить идеологическія системы какъ нѣчто живое, данное самой жизнью, ея опредѣленной средой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разъ Гегель намѣчаетъ своеобразную логику каждой идеологіи съ ея неизбѣжной односторонностью и внутреннимъ раздвоеніемъ, обусловленнымъ, какъ мы уже видѣли выше, многообразіемъ политическихъ интересовъ. Еще бòльшую заслугу представляетъ ученіе Гегеля въ томъ отношеніи, что оно различаетъ общество и государство, связываетъ хозяйственную среду и политическую идею и пред-

ставляетъ историческій ходъ какъ вѣчную смѣну стараго новымъ, какъ непрерывную борьбу, гдѣ новое, убивая старое, вмѣстѣ съ тѣмъ является высшимъ, лучшимъ и болѣе цѣннымъ. И хотя съ подобнымъ положеніемъ нельзя согласиться безъ весьма серьезныхъ оговорокъ, однако, оно несетъ съ собой именно признаніе и благословеніе борьбы за лучшее и высшее, которая и есть истинный двигатель человѣческаго прогресса.

Въ системѣ Огюста Конта находимъ мы прежде всего сочетаніе двухъ историко-философскихъ началъ: съ одной стороны, ученіе о смѣнѣ критическихъ или революціонныхъ и органическихъ или установившихся періодовъ въ жизни человѣчества, а съ другой—ученіе о трехъ фазисахъ развитія въ связи съ методами познанія, при помощи коихъ люди постигаютъ окружающій міръ. Съ такой точки зрѣнія у Конта оказалось три главныхъ періода. Первый теологическій, который простирается вплоть до крушенія религіозно-феодальной системы средневѣковья; этотъ періодъ характеризуется такимъ методомъ познанія, который для объясненія явленій олицетворяетъ ихъ въ видѣ живыхъ существъ, духовъ и боговъ, и при помощи такого представленія человѣкъ организуетъ свое отношеніе къ міру и къ своимъ ближнимъ. Этотъ періодъ выдвигаетъ на первый планъ жречество, которое, въ свою очередь, организуетъ общественныя отношенія. Второй періодъ — эпоха, когда подъ вліяніемъ торжества индустріи, развитія свободомыслія и революціоннаго духа совершается переходъ къ метафизическимъ понятіямъ, при помощи коихъ и происходитъ вся организація соціальной и частной жизни. Наконецъ послѣ революціи наступаетъ періодъ окончательнаго успокоенія, человѣчество переходитъ къ чисто-научному позитивному методу, а промышленники и ученые, въ качествѣ руководящихъ силъ, смѣняютъ господствовавшихъ во время метафизики юристовъ. Первый періодъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается органической эпохой устойчивости и порядка, второй знаменуетъ собою переходный, критическій и революціонный фазисъ развитія, наконецъ, вмѣстѣ съ третьимъ приходитъ въ жизнь гармоническое сочетаніе движенія впередъ и органической работы успокоенія, при чемъ, какъ очевидно, водворяется высшая форма именно органическаго типа.

Къ этому ученію Контъ еще присоединяетъ различеніе особыхъ теченій или „серій“, которыя въ своей совокупности образуютъ ходъ соціальнаго развитія. Такихъ серій находитъ онъ четыре: индустріальную, эстетическую, научную и философскую. Въ общемъ процессѣ историческаго развитія высшіе ряды духовнаго развитія опредѣляютъ нижній или индустріальный. И лишь для современности дѣлаетъ Контъ многозначительную уступку,—здѣсь вмѣсто „нисходящаго воздѣйствія“ констатируетъ онъ „восходящую филіацію“, которая подчиняетъ индустріальному, а съ нимъ вмѣстѣ и экономиче-

скому ряду всѣ высшіе ряды, а слѣдовательно, налагаетъ его вліяніе и на искусство, и на науку, и на философію. Именно индустріализмъ нашелъ свою поддержку въ протестантствѣ съ его культомъ свободной личности; его вліянію обязано и современное развитіе интеллигентности и соціальнаго инстинкта; предъ индустріализмомъ склонилось и современное государство, которое поощряетъ промышленность и науки и даже войны ведетъ ради его интересовъ. Но это состояніе временное и ненормальное. Въ будущемъ будетъ иначе. Водительство въ обществѣ возьметъ на себя объединенная съ наукой философія. И тогда воцарится истинное „органическое" состояніе.

Система Огюста Конта, подобно гегелевской, менѣе всего оправдывается исторической дѣйствительностью; не только смѣна революціонныхъ и органическихъ идей, но и различіе методовъ познанія далеко не совпадаютъ съ извѣстными намъ историческими эпохами въ развитіи человѣчества. Такихъ другъ отъ друга отрѣзанныхъ, другъ другу противоположныхъ періодовъ исторія, конечно, не знаетъ но въ высшей степени цѣнной оказывается та, заимствованная у Тюрго и развитая Контомъ, мысль, которая различаетъ самые методы построенія отдѣльныхъ идеологій. И если отвергнуть такую неположительную мысль, какъ сведеніе всей жизни человѣчества исключительно къ духовному фактору, вліяніе котораго оказывается, съ одной стороны, безграничнымъ, а съ другой—для метафизическаго періода отвергается самимъ Контомъ, то все же изъ сопоставленія общественно-идейныхъ теченій и фактическихъ условій той или иной соціальной среды не только возможно, но и должно сдѣлать цѣлый рядъ значительныхъ и цѣнныхъ заключеній. Стоитъ лишь указанные Контомъ методы прослѣдить въ опредѣленной классовой средѣ на протяженіи всей исторіи, и окажется, что мистика, метафизика и позитивизмъ какъ разъ характеризуютъ собой донынѣ существующіе отдѣльные классы только съ тою разницей, что рядомъ съ теологическимъ методомъ отсталыхъ народныхъ массъ придется поставить романтическую идеологію землевладѣнія и позитивный раціонализмъ городского сословія. Социальный позитивизмъ Конта отлично войдетъ въ раціональную метафизику буржуазіи, въ то время какъ истинно-научный позитивизмъ далеко еще не въ силахъ дать сколько-нибудь безспорной программы для созданія идеальнаго общества; таковую пока съ успѣхомъ замѣняетъ тоже позитивная, но опять-таки идеологія рабочаго класса.

Къ болѣе положительнымъ результатамъ и гораздо ранѣе, чѣмъ Огюстъ Контъ, пришелъ въ свое время такъ печально непризнанный и такъ постыдно забытый Джіамбатисто Вико; онъ первый съ великой силою истиннаго творчества открылъ глубокую связь между жизнью и идеями, между средой и способомъ ея мышленія. Въ раз-

витіи обществъ Вико различаетъ три великія эпохи: первое время— дѣтство человѣчества, эпоха первобытной культуры, когда и языкомъ, и мыслію, и общественной организаціей была религія и культъ; всякое появленіе новой мысли, новой наклонности и перемѣны строя въ это время выражается въ миѳологіи. Вторая эпоха—время героической борьбы и аристократическаго строя, смѣнившаго собой первобытную теократію; но героевъ, выдвинувшихся путемъ завоеванія, скоро смѣняетъ третій факторъ развитія, а именно плебеи, съ которыхъ начинается и новое государство. Если въ первую эпоху господствуетъ страхъ передъ божествомъ, если во второй періодъ устанавливается суровый военный строй, направленный къ охраненію гражданскаго порядка и защиты границъ, то именно въ третьемъ періодѣ устанавливается свобода и равенство гражданъ, а въ самомъ правленіи—законъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ третью эпоху съ господствомъ плебеевъ на мѣсто прежняго владычества религіи и поэзіи водворяется великій авторитетъ отвлеченныхъ понятій, царствуетъ краснорѣчіе и философія. Однако свободныя правленія извращаются подъ вліяніемъ торжества личной выгоды, внѣдряется продажность, философія приводитъ къ скептицизму. Тогда на сцену выдвигается монархъ, подъ знаменемъ котораго водворяется твердый и устойчивый порядокъ законной монархіи, не уничтожающей ни свободы ни аристократическаго предпочтенія лучшихъ и достойнѣйшихъ; безъ такой монархіи демократія можетъ привести къ анархіи и наступленію первоначальнаго варварства. Но монархія извращается въ свою очередь, въ концѣ-концовъ такъ совершается круговращеніе исторіи, а во время среднихъ вѣковъ Вико констатируетъ второй ея поворотъ отъ новаго варварства къ новой культурѣ. Вѣкъ боговъ, съ миѳологіей и культомъ, вѣкъ героевъ, съ рыцарской символикой и поэзіей романтизма, вѣкъ человѣческій, съ его философіей и богатствомъ,—каждый изъ нихъ несетъ зачатки паденія и раздвоенія. Съ паденіемъ жрецовъ гибнетъ ореолъ религіи, съ разложеніемъ рыцарства исчезаетъ тайна сверхчеловѣческой доблести, съ развитіемъ богатства рушится свобода и равенство. И каждая эпоха смѣняетъ другую въ борьбѣ и гражданскихъ войнахъ, и даже монархія не спасаетъ отъ окончательнаго разложенія: она несетъ съ собою деспотизмъ и рабство, низкопоклонство и эгоизмъ—ее смѣняетъ гибель культуры и ея новое начало.

Какъ мы видимъ, въ системѣ Вико соціальное развитіе идетъ путемъ постепенной смѣны всего соціальнаго содержанія, при чемъ носителями перемѣны являются отдѣльные классы. Новое культурное содержаніе требуетъ необходимо и соотвѣтственной формы, при чемъ каждый разъ въ зависимости отъ общественной среды мѣняется и методъ, при помощи котораго строится та или иная идеологія. Такимъ образомъ, здѣсь не духъ и не разумъ получаютъ значеніе пер-

вичнаго фактора, а сама жизнь, которая и рождаетъ чрезъ посредство общественной психики соотвѣтственныя идеи. Очень мѣтко подмѣченъ мистицизмъ первоначальнаго сознанія, удивительно вѣрна характеристика нѣмой эпохи рыцарства, перешедшаго къ символамъ и рисункамъ на щитахъ, домахъ и могилахъ. Точно такъ же оправдывается вполнѣ историческими данными и философскій раціонализмъ городской культуры съ ея борьбой между бѣдностью и богатствомъ. Конечно, теорія круговорота, заимствованная Вико у Макіавелли и античныхъ писателей, не оправдывается на дальнѣйшей исторіи, но и въ ней мы не можемъ не отмѣтить въ скрытомъ видѣ идеи классовыхъ противоположностей и борьбы, выраженной, правда, въ слишкомъ смѣломъ обобщеніи.

Переходя къ ученіямъ матеріалистическаго типа, мы находимъ здѣсь въ качествѣ главнаго представителя такъ называемый марксизмъ. Предшественникомъ Маркса былъ Гегель и школа лѣвыхъ гегельянцевъ. Съ одной стороны здѣсь надо отмѣтить Людвига Фейербаха и Людвига Кнаппа, изъ которыхъ первый въ религіозныхъ образахъ нашелъ отраженіе земной жизни человѣка, а второй прослѣдилъ психологически самое происхожденіе моральныхъ и юридическихъ фантазмъ изъ общихъ потребностей человѣческаго рода. Въ другомъ направленіи работалъ Лоренцъ-фонъ-Штейнъ, который еще до Маркса установилъ классовую борьбу на экономической почвѣ, какъ предпосылку всякой политической борьбы. Карлъ Марксъ, опираясь на предшествующія ученія С.-Симона и Фурье такъ же, какъ на общую концепцію Гегеля, создалъ весьма полную систему историческаго матеріализма. Въ этомъ ученіи первенствующую роль получилъ экономическій факторъ, въ частности процессъ производства и обмѣна. На этой почвѣ создается рядъ идеологическихъ надстроекъ: религія, мораль, право и государство. Процессъ идеологическій, однако, не совпадаетъ съ процессомъ экономическимъ. Въ области экономики находимъ мы непрестанный прогрессъ и борьбу; здѣсь совершается непрерывная хозяйственная революція, которая постоянно выдвигаетъ какой-нибудь опредѣленный классъ, являющійся представителемъ новыхъ производительныхъ силъ. Такой классъ пріобрѣтаетъ господство и стремится закрѣпить свою власть при помощи идеологій. Тогда наступаетъ періодъ нѣкоторой гармоніи между господствующимъ классомъ и другими классами, такъ же какъ между его идеологіей и общими условіями хозяйственнаго процесса. Расхожденіе между экономикой и идеями начинается тогда, когда происходитъ накопленіе новыхъ производительныхъ силъ, общество переходитъ къ новымъ экономическимъ формамъ, а на горизонтѣ появляется новый классъ, домогающійся господства. И тутъ развивается конфликтъ, въ которомъ на одной сторонѣ оказывается господствующій классъ стараго порядка, опирающійся на всю громад-

ную силу косности укоренившихся идей, а на другой выступаетъ новый классъ со своей революцiонной идеологiей. Побѣда новыхъ хозяйственныхъ формъ становится вмѣстѣ торжествомъ новаго общественнаго класса, который, въ свою очередь, и перестраиваетъ всю старую идеологiю. Такъ происходитъ вѣчная смѣна отжившихъ формъ новыми, и каждый разъ для преодолѣнiя косности старой идеологiи нуженъ идейный переворотъ и революцiя. Ясно отсюда, что идеологiя, по ученiю марксизма, обусловлена экономической основой, является результатомъ классоваго сознанiя и обладаетъ собственной силой косности, которая заставляетъ ее очень часто отставать отъ прогрессивнаго развитiя хозяйственныхъ формъ.

Историческiй матерiализмъ является громаднымъ шагомъ впередъ, но, очевидно, онъ во многомъ не доводитъ до конца своихъ основныхъ положенiй. Отмѣтимъ въ виду этого нѣкоторые пробѣлы, которые безусловно нуждаются въ восполненiи и болѣе обширномъ раскрытiи разъ намѣченныхъ положенiй. Такимъ первымъ пробѣломъ должно считать отсутствiе соцiально-психологической теорiи, посвященной выясненiю рожденiя идей изъ хозяйственной среды. Несмотря на блестящiе опыты Маркса по психологiи классовъ и общественныхъ группъ, главные вопросы остались пока здѣсь безъ отвѣта. Вторымъ пробѣломъ является недостаточно рѣзкое различенiе такихъ идеологiй, какъ феодальная, буржуазная и т. п. У эпигоновъ марксизма нерѣдко въ силу этого можно читать такую нелѣпость, какъ причисленiе феодализма къ мелко-буржуазной идеологiи. Третьимъ моментомъ, нуждающимся въ выясненiи, является вопросъ о борьбѣ классовъ въ рамкахъ одной и той же идеологiи и этой же борьбѣ при переходѣ отъ одной идеологической системы къ другой. При поверхностномъ знакомствѣ съ марксизмомъ можно даже подумать, что каждая борьба хозяйственныхъ классовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и конфликтъ различныхъ методовъ соцiальнаго сознанiя. Однакоже самъ марксизмъ даетъ намъ образцы не только борьбы разныхъ идеологiй, но и борьбы въ рамкахъ одной и той же идеологiи; эти вещи, конечно, надо точнѣе различать. Почти не затронутъ въ марксизмѣ вопросъ о томъ способѣ, путемъ котораго совершается не замѣна одной идеологiи другою, а нѣкоторый компромиссъ, который способенъ подчасъ къ очень долгому существованiю.

Для того, чтобъ отвѣтить на вопросы, поставленные Марксомъ и предшественниками его, мы прежде всего должны помнить, что дѣло идетъ отнюдь не о процессѣ, въ которомъ политическiй результатъ непосредственно связанъ съ экономической первопричиной. Уже на примѣрѣ частныхъ идеологiй отдѣльныхъ соцiальныхъ группъ мы могли съ очевидностью убѣдиться въ томъ, какой далекiй путь проходитъ соцiальный актъ, прежде чѣмъ онъ получитъ выраженiе въ идеологической организацiи. Не непосредственный, а весьма

окружный и извилистый ходъ зависимости и вліянія, цѣлый рядъ отраженій и переломовъ въ психикѣ той или иной хозяйственной среды — пока, наконецъ, создаются идеи надъ идеями, столь далекія подчасъ отъ своего первоначальнаго источника. И марксизмъ правильно отмѣтилъ: сила косности этихъ идей чрезвычайно велика; въ силу этого лишь соціально-психологическій методъ въ приложеніи къ исторіи можетъ открыть хотя бы главныя черты идеологическихъ сплетеній.

И когда мы говоримъ о классовой борьбѣ и діалектикѣ формъ общественнаго сознанія, когда проходятъ предъ нами конфликты цѣлыхъ міросозерцаній, когда, съ другой стороны, подъ ихъ покровомъ должны совершаться цѣлыя экономическія катастрофы, мы должны быть еще болѣе осторожны въ установленіи связи между хозяйственной средой и между ея такъ называемымъ отраженіемъ. Ибо здѣсь идетъ рѣчь не объ одномъ развитіи въ предѣлахъ одного метода сознанія, переживающемъ цѣлую діалектику отъ монархіи къ демократіи, но о процессѣ, который еще болѣе сложенъ и многообразенъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ хотя бы встрѣчу такъ называемаго феодализма съ новѣйшей буржуазно-капиталистической системой. Развѣ можно одной формулой, однимъ словомъ исчерпать то громадное богатство пришедшихъ въ столкновеніе силъ, изъ коихъ каждая дастъ, въ концѣ-концовъ, равнодѣйствующую компромисса. Стоитъ лишь припомнить, что феодализмъ былъ сложной системой, объединившей барина съ мѣщаниномъ и крѣпостнымъ, и далеко не растерялъ этихъ союзниковъ въ борьбѣ противъ революціи. Наличность одной Вандеи и бѣлаго террора показываетъ намъ, что не одно дворянство было на сторонѣ стараго режима. Точно такъ же была бы безсильна и буржуазія безъ поддержки крестьянства и работниковъ-санкюлотовъ. И когда между борющимися сторонами заключенъ былъ компромиссъ, онъ далъ наслоеніе цѣлаго ряда групповыхъ и классовыхъ идеологій, опредѣленныхъ очень сложной психикой.

Психологія и здѣсь должна сыграть рѣшающую роль: и прежде всего психологія классовой борьбы, идеологическаго компромисса и построенной на его основѣ политической организаціи. Надо изслѣдовать степень и силу идейной организаціи тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ и группъ, надо взвѣсить энергію ихъ нападенія и пассивной самозащиты, надо разобрать тѣ мотивы, которые въ зависимости отъ матеріальныхъ условій способны привести ихъ въ движеніе и направить ихъ на естественнаго врага. И если каждый общественный конфликтъ сопровождается гибелью идеологическихъ цѣнностей того или другого класса въ катастрофѣ воскресшей вновь первобытной враждебности,—какъ это утверждаетъ Ратценгоферъ,— то, спрашивается, въ какой степени тамъ и здѣсь приводитъ такое

крещеніе кровью и желѣзомъ къ созданію новыхъ идеологическихъ силъ? Какъ, очевидно, разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ въ полномъ ихъ объемѣ привело бы насъ къ необходимости систематики всего, что было до сихъ поръ написано о соціальной борьбѣ, а въ частности о психологіи массъ, значеніи подражанія и внушенія въ усвоеніи общественныхъ идей, объ изобрѣтеніи и идейной дуэли Тарда, объ эмоціональной теоріи нравственности и права, объ эстетикѣ въ организаціи самого труда и т. д. безъ конца, вплоть до психологіи расъ и партійныхъ организацій.

Такая задача превышала бы нашу цѣль, состоящую въ раскрытіи идеологій лишь постольку, поскольку онѣ непосредственно входятъ въ комплексъ государственныхъ понятій, нормъ и идеаловъ. Въ виду этого мы необходимо ограничиваемъ нашу задачу. И вопросъ о силахъ и способахъ соціальной борьбы получаетъ для насъ лишь характеръ борьбы политической, такъ же, какъ окончательный компромиссъ интересуетъ насъ лишь постольку, поскольку дѣло идетъ о государствѣ, какъ о таковомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди идейныхъ силъ соціальнаго сцѣпленія и организаціи для насъ на первый планъ выступаетъ право и нравственность въ различныхъ своихъ формахъ и проявленіяхъ. Въ высшей степени важна для насъ также и та смѣна сложныхъ политическихъ формъ, которая, являясь результатомъ классовой борьбы и, будучи обусловлена всей совокупностью хозяйственной эпохи, даетъ весьма сложныя формы деспотическихъ, правовыхъ и свободныхъ государствъ. Взятая въ такомъ объемѣ задача, оставаясь огромной, тѣмъ не менѣе, даетъ государствовѣду возможность хотя бы приблизиться къ ней. Пользуясь спеціально матеріаломъ государственныхъ идеологій, онъ, съ другой стороны, получаетъ возможность дать нѣкоторые выводы и для соціологіи вообще.

ГЛАВА II.

Каста, сословіе и общественный классъ.

Изслѣдуя вопросъ объ отношеніи идеологіи и той хозяйственной среды, въ которой она образуется, мы должны прежде всего отмѣтить, что идеологическіе антагонизмы соотвѣтствуютъ болѣе или менѣе полно соціальнымъ антагонизмамъ лишь при наличности опредѣленныхъ формъ экономической жизни. Возможна чрезвычайная вражда соціальныхъ группъ, которая, однако, не вызоветъ никакого столкновенія идеологій; возможна не менѣе серьезная ихъ борьба, и однакоже въ области идеологическаго отраженія получится весьма несовершенный и отдаленный образъ, въ которомъ лишь съ трудомъ

можно угадать тѣ явленія, которыя вызвали данное идеологическое построеніе. Для того, чтобы вполнѣ выяснить данный вопросъ, достаточно остановиться на такомъ основномъ фактѣ соціальныхъ отношеній, какимъ является общественное раздѣленіе труда и вызванные имъ борьба и конфликты. Достаточно прослѣдить здѣсь конструкцію базиса и надстройки для того, чтобы убѣдиться съ очевидностью въ истинности нашего утвержденія.

И въ самомъ дѣлѣ, одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ общественнаго раздѣленія труда является, безспорно, рабовладѣніе. Оно возникаетъ вездѣ, гдѣ мы находимъ весьма обширные запасы земель съ относительнымъ богатствомъ природы и рѣдкое населеніе, стоящее на весьма первобытномъ уровнѣ культурнаго развитія. Среди такого населенія достаточно малѣйшаго преобладанія экономическаго, военнаго или духовнаго для того, чтобы косная и лѣнивая масса признала надъ собою абсолютную власть существа, которое бы стало за него думать и желать, а главное—организовало бы его силы и доставило бы этимъ путемъ пропитаніе. Таково естественное обоснованіе рабства въ средѣ, гдѣ величайшей производительной силой является организаціонная дѣятельность деспотической власти. И тамъ, гдѣ достаточно весьма экстенсивнаго труда для полученія достаточнаго количества продуктовъ, способныхъ обезпечить не только весьма скромныя потребности рабовъ, стоящихъ на уровнѣ полуживотныхъ, но и самого господина, такая рабовладѣльческая организація труда оправдываетъ себя совершенно достаточными результатами.

Разъ установленное рабство имѣетъ тенденцію чрезвычайнаго расширенія, съ одной стороны, вслѣдствіе чрезвычайной примитивности своего установленія, а съ другой — въ виду свойственной первобытной культурѣ нетронутости естественныхъ богатствъ. Ни для кого вѣдь не является секретомъ, что изобиліе естественныхъ даровъ природы отнюдь не способствуетъ развитію борьбы за существованіе, съ вытекающимъ отсюда усовершенствованіемъ и человѣческихъ способностей и орудій труда. И бичъ рабовладѣльца, нарушая мирную идиллію пастьбы человѣческихъ стадъ на тучныхъ пастбищахъ, порождаетъ не только пламя раздора и войны,— ибо война вообще не прекращается среди первобытныхъ людей,— но, что самое главное,—формы организованнаго совмѣстнаго труда въ цѣляхъ не только добычи прокормленія, но и того излишка, который даетъ толчокъ развитію начатковъ культуры и хозяйственнаго прогресса. Для насъ важна здѣсь, однако, не экономическая сторона дѣла, которая достаточно выяснена у любого экономиста, а сторона идеологическая, которая рабовладѣнію придаетъ особый характеръ и образовываетъ то, что мы могли бы обозначить, какъ нѣкоторый организаціонный принципъ.

Рабство, какъ идеологическій принципъ, безмѣрно шире сферы его экономическаго происхожденія. Однако и оно само не сразу выясняетъ свою сущность. Въ періоды патріархальнаго племенного быта оно еще не выдѣляется изъ семьи. Работающій вмѣстѣ съ хозяевами рабъ является членомъ общей трапезы и семьи, стоитъ подъ охраной общаго очага и его боговъ, онъ еще человѣкъ, а не вещь, и, какъ таковой, пользуется той же духовной атмосферой, въ которой живутъ и его господа. Домашнее рабство отличается особыми чертами и не даетъ еще своего собственнаго идеологическаго принципа. Послѣдній обнаруживается лишь тогда, когда происходитъ рѣзкое раздѣленіе между рабомъ и господиномъ, и первый теряетъ идеологически свойства не только низшаго или худшаго человѣка, но человѣка вообще. Въ этомъ случаѣ предполагается, что рабъ совершенно лишенъ разума, воли и чувства, независимыхъ отъ господина, что онъ самъ по себѣ не можетъ желать и нормировать свою дѣятельность, добывать себѣ хлѣбъ, защищаться и т. п. Идеологически рабъ становится лишь такимъ же одушевленнымъ предметомъ, какъ любое животное, прирученное человѣкомъ и приспособленное къ выполненію работы на господина. Рабъ есть только орудіе въ чужихъ рукахъ, только объектъ, который никогда не можетъ быть субъектомъ, только жизнь, приданная въ качествѣ механическаго дополненія къ чужой жизни.

Спрашивается теперь, какіе дѣлаются отсюда выводы. Вѣдь на самомъ дѣлѣ рабъ, которому отказано въ человѣческой личности, тѣмъ не менѣе, остается таковой. Будучи на дѣлѣ человѣкомъ, онъ такъ же думаетъ и чувствуетъ, какъ господинъ, такъ же желаетъ и двигается. Способный къ любви—онъ любитъ другихъ людей, онъ можетъ быть супругомъ и отцомъ, ему свойственно стремленіе пріобрѣтать нужные ему предметы, ибо такъ же, какъ свободному, ему необходимо быть сытымъ и утолять жажду, прикрыться и отдыхать, какъ всякому другому. Какъ же можетъ произойти, чтобы всѣ эти человѣческія функціи оказались не существующими у живого человѣка, пока онъ еще дѣйствительно живетъ? Все дѣло въ томъ, что конкретно живой человѣкъ идеологически считается мертвымъ или обнаженнымъ. Рабъ — это человѣкъ, лишенный права на общую идеологію и пользованіе ея благами. И если даже установлены тѣ или иныя нормы, защищающія жизнь раба или его здоровье, то никогда самому рабу не предоставлено заявлять на нихъ претензію и обращаться за помощью къ этимъ нормамъ. Онъ можетъ быть защищенъ какъ любая вещь, но самъ онъ стоитъ внѣ всякой идеологіи, какъ эта самая вещь.

И ясно теперь, что идеологически всѣ дѣйствія раба считаются или ничтожными, или принадлежащими его господину. Бракъ для раба не существуетъ такъ же, какъ не существуетъ свобода мысли

и труда, какъ не существуетъ собственности. Онъ можетъ быть фактически чѣмъ угодно, но идеологически онъ ничто. Отсюда его бракъ считается не бракомъ, а скотской физической связью. Его дѣти такъ же мало принадлежатъ ему, какъ любые господскіе щенки. У него не можетъ быть ни своей чести, ни совѣсти, ни призванія, ни таланта. У него нѣтъ Бога и нѣтъ святости, нѣтъ неба или безсмертія. У него нѣтъ доблести или добродѣтели, и даже за преступленія, имъ совершонныя, отвѣчаетъ не онъ, а господинъ, подобно тому, какъ отвѣчаетъ хозяинъ за убытки, причиненные другимъ его скотиной.

Если мы теперь окинемъ общимъ взглядомъ оба слоя связанныхъ рабовладѣніемъ людей, то мы увидимъ, что идеологически мы здѣсь имѣемъ весьма своеобразное отношеніе. Линія, мысленно отдѣляющая рабовладѣльцевъ на рабовъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и границей идеологической организаціи вообще. Внизу, подъ этой линіей, гдѣ начинается мѣсто, занимаемое рабами, начинается вмѣстѣ съ тѣмъ и пространство идеологической пустоты, въ которой пребываютъ лишь животныя и вещи, но отсутствуетъ человѣкъ. Конечно, такое положеніе вещей представляется противоестественной нелѣпостью уже по тому одному, что на самомъ дѣлѣ такой порядокъ самъ основывается на идеологіи, и притомъ такой, которая охватываетъ не только господъ, но и принадлежащихъ имъ рабовъ. Вѣдь нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, во-первыхъ, рабское подчиненіе однихъ и командованіе другихъ вызвано общей психикой тѣхъ и другихъ, а, во-вторыхъ, ими руководитъ и нѣкоторая общая идеологія. И пусть послѣдняя выражается цѣликомъ въ простомъ признаніи законности рабства, то и этого достаточно. Но все дѣло въ томъ, что именно общая идеологія господина и раба состоитъ въ отрицаніи возможности идеологіи для рабовъ, она признается исключительнымъ достояніемъ господъ, рабы же осуждены на вѣчное пребываніе въ идеологически пустомъ пространствѣ.

Ясно теперь, что какія бы движенія ни переживались въ рабской средѣ, въ какую бы борьбу ни вступали рабы со своими господами — все это идеологически является совершенно безразличнымъ. И если даже какое-нибудь грандіозное возстаніе рабовъ создастъ особое независимое рабское государство, рабскую армію, рабскую собственность, бракъ, промыслы и т. п., то здѣсь возможна только одна альтернатива: или эти рабы будутъ признаны свободными, какъ это не разъ бывало въ Спартѣ, и тогда прекратится ихъ идеологическая глухо-нѣмота, или же, въ случаѣ побѣды, они будутъ повѣшены, распяты или инымъ путемъ уничтожены, а вмѣстѣ съ ними погибнетъ, какъ несуществующая и вся созданная ими идеологическая организація. Но въ первомъ случаѣ рабы перестаютъ быть

рабами, а во второмъ—фактическое нѣчто превращается въ идеологическое ничто.

Наличность идеологической пустоты можетъ имѣть формы, и не связанныя непосредственно съ экономической областью. Разъ образованная, она можетъ быть перенесена на любыя отношенія. Глухонѣмымъ или мертвымъ въ идеологическомъ смыслѣ можетъ быть признанъ иностранецъ, чужеземецъ на территоріи одного государства. Такой же участи подвергается человѣкъ, почему-либо отлученный отъ общества, объявленный внѣ закона или проклятый церковью. Такое существо, несмотря на свою физическую и духовную жизнь, оказывается мертвымъ въ идеологическомъ смыслѣ и лишается возможности какого-либо общенія съ людьми. Порываются всѣ его кровныя связи; онъ становится врагомъ въ своей собственной семьѣ; онъ изгоняется изъ своего собственнаго дома и лишается какого-либо имущества; безнаказанно всякій можетъ отнять у него все, что онъ имѣетъ; никто не долженъ ему протянуть руку помощи; никто его не смѣетъ накормить, напоить или дать ему прибѣжище и кровъ; всякій желающій можетъ свободно убить его. Именно такимъ положеніемъ отличаются средневѣковые изгнанники, снабженные „волчьей свободой", именно на такомъ положеніи и сейчасъ тѣ низшіе разряды населенія въ Индіи, которые образуются изъ лицъ, отлученныхъ отъ кастоваго порядка вообще. Значительную аналогію подобному положенію образуетъ и современный уголовный институтъ гражданской смерти и лишенія всѣхъ правъ состоянія. Такой преступникъ не только заключается на болѣе или менѣе продолжительное время въ тюрьму, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умираетъ для гражданскаго оборота, бракъ его подлежитъ расторженію и т. п. Но уже этотъ послѣдній примѣръ показываетъ намъ, что принципъ, примѣненный къ рабовладѣнію, можетъ не только быть перенесенъ въ другія области, но и въ значительной степени видоизмѣненъ. Правда, преступникъ, заключенный въ тюрьму, въ извѣстной степени является государственнымъ рабомъ. Его личность, не только трудъ, принадлежитъ государству. Но рабство это, съ другой стороны, по большей части временно и не вполнѣ лишено правовой охраны, приводимой въ дѣйствіе самимъ лишеннымъ правъ.

Изъ сказаннаго видно, что лишеніе драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка—на идеологическое выраженіе и организацію своей жизни—можетъ имѣть различныя степени. (И если во всѣхъ приведенныхъ и возможныхъ случаяхъ личность и соціальная группа подчиненнаго порядка абсолютно лишена права на собственное идеологическое творчество, которое цѣликомъ принадлежитъ группѣ властвующей или господъ, но, тѣмъ не менѣе, самими господами можетъ быть сдѣлана та или иная уступка, и этимъ путемъ изъ рабовъ выдѣлены привилегированные слои.) Въ такомъ случаѣ мы находимъ нѣкоторую

іерархію не только властвованія однихъ слоевъ надъ другими, но и права пользованія свыше установленной идеологіей. Предположеніемъ такого порядка является, съ одной стороны, наличность высшаго круга господъ, которые одни въ то же время обладаютъ полнымъ правомъ идеологическаго выраженія, а съ другой—неполноправныхъ и вовсе лишенныхъ этого права несвободныхъ, которые не только служатъ господамъ, но и цѣликомъ принимаютъ отъ нихъ идеологическія цѣнности. Такой порядокъ, въ которомъ господствуетъ монополія идеологическаго творчества со стороны лишь одного экономически властвующаго класса, мы называемъ кастовымъ.

Съ этой точки зрѣнія кастою является такая хозяйственно-дѣятельная группа, которая или пользуется монополіей идеологическаго творчества, или подчиняется ей. Основой для дѣленія такихъ группъ служитъ принципъ общественнаго раздѣленія труда, и притомъ въ формѣ рабовладѣнія. И подобно тому, какъ рабовладѣлецъ всегда можетъ извѣстнымъ образомъ распредѣлить различныя функціи между своими рабами, однихъ изъ нихъ повысить, другихъ понизить, а нѣкоторымъ дать исключительно высокое положеніе, точно такъ же и при кастовомъ порядкѣ мы имѣемъ группы, которыя не сами по себѣ, не ради своихъ интересовъ, а въ силу порядка, установленнаго высшей кастой, привязаны къ опредѣленному роду дѣятельности и хранятъ ту организацію, которая извнѣ и свыше на нихъ возложена. Низшія касты при такомъ строѣ не имѣютъ ни своей морали, ни религіи, ни права. Эти нормы, поскольку это считаетъ необходимымъ высшая каста, она жалуетъ низшимъ. Притомъ, чѣмъ выше каста, тѣмъ въ большемъ размѣрѣ ей оказывается эта милость, чѣмъ ниже — тѣмъ она темнѣе и глуше, тѣмъ меньше признается за ней права не только идеологическаго творчества, но прямо идеологическаго выраженія ея дѣятельности и функцій.

Кастовый порядокъ имѣетъ хозяйственныя предпосылки, въ извѣстной степени аналогичныя частному рабовладѣнію. Разница лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ рабовладѣльцемъ является отдѣльное лицо, а здѣсь цѣлый высшій классъ въ своей совокупности. Какъ здѣсь, такъ и тамъ нужна прежде всего соотвѣтственная питательная среда. При кастовомъ строѣ такую питательную среду представляетъ классъ многочисленнаго крестьянства, живущаго при крайне примитивныхъ условіяхъ, ведущаго натуральное хозяйство и обладающаго весьма скромными потребностями. Помѣщенное въ благопріятныхъ условіяхъ общиннаго строя, такое крестьянство живетъ изолированной жизнью и сравнительно безъ особенныхъ усилій содержитъ многочисленные привилегированные классы. Не интересуясь ничѣмъ, кромѣ своихъ мелкихъ и мѣстныхъ интресовъ, сохраняя въ своей замкнутой средѣ свои старые обычаи и боговъ, такое крестьянство пассивно мирится со своимъ подневольнымъ положе-

ніемъ и несетъ жрецамъ изобильные дары. Сравнительно съ положеніемъ рабовъ, находящихся въ частномъ владѣніи, такой коллективно порабощенный крестьянинъ находится, конечно, въ лучшемъ положеніи. Ему предоставлена значительная степень хозяйственнаго самоуправленія, при отдаленности господъ онъ отдѣлывается преимущественно только оброками и повинностями и почти не знаетъ барщины. Такая среда, правда, отличается чрезвычайной косностью и темнотой. Общественное сознаніе почти отсутствуетъ. Движенія въ такой средѣ не наблюдается никакого. Но, съ другой стороны, привилегированныя касты оказываютъ своему коллективному рабу и соотвѣтственную поддержку, а жрецы, этотъ высшій господинъ и владыка, помогаютъ организаціи крестьянскаго труда при помощи своихъ подчасъ весьма высокихъ знаній. Вѣдь имъ принадлежитъ великая таинственная и магическая наука, которая необходима для проведенія каналовъ и осушительныхъ канавъ, для низведенія дождя или привлеченія плодотворнаго разлива великихъ благодѣтельныхъ рѣкъ.

Спрашивается, зачѣмъ какое-то знаніе тѣмъ, за кого другіе все гораздо лучше знаютъ? Къ чему вайсію читать священныя книги, когда вмѣсто него ихъ отлично прочтетъ браминъ, и зачѣмъ ему вообще безпокоиться и желать чего-нибудь, когда за него желаютъ и думаютъ тѣ, кто спеціально къ этому приставленъ? А съ другой стороны, каждой кастѣ высшая изъ нихъ даетъ то, что ей нужно, удѣляетъ тѣ или иныя божественныя знанія, сообщаетъ нѣкоторыя молитвы, устанавливаетъ ея обязанности, регулируетъ ея внѣшнія отношенія. И всѣ касты одинаково являются лишь средствами къ высшей общей цѣли, которая и есть цѣль господъ, и вовсе нѣтъ необходимости всѣмъ знать эту цѣль, кромѣ лицъ, которыя спеціально призваны къ ея осуществленію. Все, что господинъ считаетъ нужнымъ, онъ сообщаетъ своимъ слугамъ и рабамъ. Остальное же—его великая тайна, которая образуетъ его привилегію какъ господина, признакъ его царственнаго и священнаго призванія. И тайной облекается вся сущность общественнаго строя. Подъ покровомъ тайны скрыты черты закона, которымъ владѣетъ жрецъ; тайной пронизано владычество единыхъ знающихъ, единыхъ слушающихъ и говорящихъ. Развѣ открываетъ господинъ своему рабу истинные тайники своего сердца? Неужто будетъ онъ слугѣ сообщать свои великіе замыслы и цѣли? Слуга долженъ исполнять, а не разсуждать, рабъ — повиноваться, а не спрашивать—къ чему или зачѣмъ. Одинъ господинъ знаетъ, чего онъ хочетъ, и куда онъ идетъ.

Теперь мы уже можемъ выяснить и отношенія между кастами. Какъ очевидно, прежде всего онѣ не допускаютъ никакихъ договорныхъ отношеній, такъ же какъ и отношеній враждебности или борьбы. Если бы что-нибудь подобное наступило, то мы уже не

имѣли бы передъ собой кастоваго принципа въ его чистотѣ. Между кастами мыслимъ лишь одинъ порядокъ, и это — подчиненія всѣхъ кастъ одной, или высшей. Такое подчиненіе и послушаніе имѣетъ различное содержаніе въ зависимости отъ того, какое мѣсто занимаетъ въ общемъ строѣ. Въ самомъ низу внѣ кастъ стоящіе отверженные паріи или нечистые. Они лишены въ такой же степени религіи, какъ собственности, семьи, и часто на нихъ лежитъ величайшій позоръ и проклятіе, и общеніе съ ними другимъ кастамъ запрещено. Они пополняются или наслѣдственно или же путемъ изверженія изъ другихъ кастъ нарушителей закона. Но зато въ качествѣ отверженныхъ они не подлежатъ и тѣмъ стѣсненіямъ, которымъ подлежатъ другія. Надъ ними мы находимъ судру, ремесленниковъ, которые являются одной изъ низшихъ кастъ, но подлежатъ уже большимъ ограниченіямъ, чѣмъ паріи. Судра, однако, настолько еще стоитъ внѣ закона, что ея членамъ дозволено питаніе нечистыми вещами, напр., мясомъ за исключеніемъ коровьяго. Вайсіи, или земледѣльцы, которымъ дозволена и торговля—въ качествѣ особой касты Ваннія,— уже не должны вкушать мяса совсѣмъ и подлежатъ значительно большимъ ограниченіямъ, нежели судра. Еще выше стоятъ кшатріи, или воины, изъ среды которыхъ берутся и цари. Но единственнымъ классомъ, который въ полной мѣрѣ обладаетъ добродѣтелью, читаетъ законъ, толкуетъ его и налагаетъ его на другихъ, это каста брамановъ, передъ которой все склоняется, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ и несетъ всѣ самыя строгія обязанности религіи и добродѣтели. Такъ дѣло обстояло въ Индіи, еще строже былъ порядокъ въ Египтѣ, гдѣ семь кастъ начинались высшей—жрецовъ, а оканчивались, какъ наиболѣе презираемой и нечистой,—пастухами, въ частности свинопасами.

Казалось бы, трудно сравнить положеніе этихъ кастъ съ положеніемъ хотя бы привилегированныхъ фактически рабовъ. Между рабомъ и господиномъ нѣтъ закона. Здѣсь же между высшими и низшими кастами стоитъ разъ навсегда опредѣленный законъ. Несомнѣнно, это крупное отличіе, ибо только внѣ кастъ стоящіе паріи стоятъ совсѣмъ внѣ закона, а судра подчинены лишь очень немногимъ правиламъ закона, въ громадной же части своей жизни стоятъ внѣ его. Съ другой стороны, касты являются наслѣдственнымъ и замкнутымъ строемъ, мѣнять котораго не можетъ и браманъ: законъ вѣдь стоитъ и надъ браманомъ, и согласно закону подлежитъ господинъ величайшимъ ограниченіямъ въ своей частной и общественной жизни. И если нельзя вайсію родниться съ судрой, а кшатрію съ браманомъ, то опять-таки мы находимъ здѣсь въ качествѣ высшей царственной нормы законъ, передъ которымъ преклоняется и самъ хранитель его, жрецъ и мудрецъ. Безъ всякаго сомнѣнія, такой законъ представляетъ собой въ высшей степени важную гарантію про-

тивъ произвола господствующей касты. Надъ всѣмъ строемъ подымается мощная идеологія, которая, хоть и не въ равной степени, но уже наполняетъ собой общественную организацію. Идеологическая пустота наблюдается лишь на самыхъ низахъ соціальнаго зданія, и по мѣрѣ восхожденія къ болѣе и болѣе привилегированнымъ классамъ она соотвѣтственно исчезаетъ, пока не достигаетъ своего совершеннаго устраненія въ классѣ жрецовъ, или брамановъ.

Но, съ другой стороны, надо отмѣтить и то обстоятельство, что законъ, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ собой тайну одного высшаго слоя. Правда, у каждой касты есть свои профессіональные, техническіе секреты, которые наслѣдуются и передаются отъ отца къ сыну. Но законъ, о которомъ идетъ рѣчь, — законъ общій, обязательный для всѣхъ; и тѣмъ не менѣе его и хранятъ и толкуютъ одни только жрецы, которые лишь поскольку оказываютъ особую милость или считаютъ необходимымъ, постольку сообщаютъ его членамъ другихъ кастъ. Это придаетъ высшей кастѣ именно то положеніе, которое мы отмѣтили и для рабовладѣльца: изъ идеологически мертвой массы онъ выдвигаетъ лишь тѣхъ, кого хочетъ или считаетъ нужнымъ, и пріобщаетъ ихъ какъ низшихъ къ своей морали и быту. Но привилегированный рабъ все же рабъ, а низшая каста все же внутренно мертва, ибо она лишь пассивное вмѣстилище извнѣ и сверху даннаго ей закона. И если кастовый принципъ можетъ получить еще новыя формы и воплощенія, то рѣшающимъ опять-таки остается одно, совершенно особое идеологическое значеніе высшей господствующей соціальной группы.

И въ самомъ дѣлѣ, не безъ основанія видятъ кастовый принципъ въ томъ отношеніи римскихъ патриціевъ и греческихъ эвпатридовъ къ демосу или плебсу, которое характеризуетъ ихъ раннюю исторію. И тамъ законъ, право были тайной однихъ властвующихъ классовъ, а вѣрнѣе — кастъ. И если бы народъ путемъ возстанія и революціи не потребовалъ открытаго, всѣмъ извѣстнаго писаннаго закона, и не добился бы въ одномъ случаѣ двѣнадцати таблицъ, а въ другомъ законовъ Дракона, то онъ остался бы не только подъ гнетомъ касты, но и самъ сталъ бы рядомъ отдѣльныхъ кастъ. Подобнымъ же образомъ можно говорить безъ преувеличеній и о кастовомъ началѣ въ средневѣковой римской церкви, несмотря на то, что здѣсь даже не было наслѣдственности клира. Несомнѣнно, что скрытое подъ покровомъ чуждаго, непонятнаго языка, недоступное для мірянъ Евангеліе могло стать такимъ же тайнымъ закономъ для мірянъ въ католичествѣ, какъ священныя книги брамановъ для вайсія. Точно такъ же заслуживаетъ названія касты и всякое привилегированное чиновничество въ родѣ китайскаго мандарината, которое проходитъ сначала длинный искусъ экзаменовъ и испытаній, а потомъ складывается въ замкнутую организацію, которая одна создаетъ

тайную идеологію, на основаніи которой и управляется безотвѣтный и темный народъ. И даже то просвѣщенное чиновничество XVIII вѣка, которое одно считало себя обладающимъ таинствомъ всего знанія и всей философіи, по праву заслужило названіе касты, когда оно использовало монополію своей интеллигенціи съ цѣлью полученія надлежащихъ доходовъ съ массы идеологически глухо-нѣмого народа.

Вполнѣ возможна и сейчасъ кастовая наука, которая одна, пользуясь привилегіей офиціальнаго авторитета, не только глушитъ всякую свободную мысль, но и пользуется своимъ положеніемъ для принудительнаго насажденія практическихъ знаній въ то время, какъ про себя она таитъ возможность иной болѣе отвлеченной, болѣе глубокой и заманчивой работы. И съ такой академіей, закостенѣлой въ своихъ традиціяхъ, боящейся новыхъ силъ и новыхъ пріемовъ, повторяется то же, что происходитъ съ любою кастой жрецовъ или мандариновъ. Лишенная всякой связи съ реальной жизнью, духовная дѣятельность или вырождается въ особый эпикуреизмъ, научную гастрономію безплодной, хотя и утонченной игры ума, или пріобрѣтаетъ характеръ грубаго идеологическаго творчества не столько на пользу науки, сколько ея жрецовъ. Такъ рождается схоластика и рутина, самодовольство и высокомѣріе, фанатизмъ и буквоѣдство. И если подобныя черты еще могутъ быть допустимы въ религіозной средѣ, гдѣ господствуютъ догматизмъ, нетерпимость и традиція, то менѣе всего онѣ служатъ на пользу наукѣ, гдѣ необходима свобода и борьба, исканіе новыхъ истинъ, низверженіе старыхъ авторитетовъ. Затхлая атмосфера касты заставляетъ разлагаться могучія церковныя организаціи и вызываетъ съ необходимостью реформу. Въ области знанія и подавно ведетъ кастовый духъ къ полной гибели научныхъ силъ, къ полному прекращенію научнаго творчества. Мумія можетъ заключать въ себѣ одинъ только трупъ.

Если мы обратимся теперь къ тому порядку, гдѣ впервые идеологія начинаетъ отвѣчать нуждамъ другихъ классовъ населенія и создается ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ, то намъ надо отмѣтить то общество, которое называется сословнымъ. Предпосылки его уже значительно иныя, чѣмъ условія, благопріятныя для наличности кастъ Прежде всего сословія рождаются лишь тамъ, гдѣ природа болѣе скудна, и человѣкъ долженъ усиленно работать для добыванія нужныхъ пищи, крова и одежды. Благодаря разнообразію хозяйственныхъ условій и необходимости тѣснаго къ нимъ приспособленія исчезаетъ однородность обширныхъ группъ населенія и появляется, наоборотъ, чрезвычайное разнообразіе въ ихъ бытѣ, хозяйственной и политической организаціи. Властвующій классъ не можетъ довольствоваться полученіемъ обильной ренты, получаемой безъ всякаго труда; такой ренты здѣсь нѣтъ. Господинъ долженъ самъ садиться въ среду населенія, долженъ жить и работать не только съ нимъ,

но въ значительной степени и для него. Такая совмѣстность въ общественной работѣ невольно и необходимо сближаетъ господина и его слугъ, хозяина и его крестьянъ. Исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность широкаго духовнаго эпикуреизма, утонченной интеллигенціи жрецовъ и духовенства, а болѣе грубый военный и землевладѣльческій классъ значительно сближается съ народомъ въ его общемъ идеологическомъ творчествѣ. Роль жрецовъ еще не прекратилась, и здѣсь мы видимъ сосредоточеніе идейной организаціонной работы преимущественно въ одномъ профессіонально-подготовленномъ духовномъ сословіи. Но это духовенство уже не властвуетъ, какъ каста, оно должно итти на компромиссъ и включать въ общую идеологію требованія воиновъ, торговцевъ и крестьянъ. Борьба, которая въ противоположность кастовой тишинѣ исполняетъ собой сословное общество, не даетъ застыть кастамъ въ эгоистической ихъ тираніи.

Сравнительная бѣдность хозяйственнаго производства и необходимость дѣлежа между господствующими классами порождаетъ постоянную борьбу въ сословной средѣ и притомъ, что очень важно, борьбу не только между отдѣльными группами воиновъ, но и борьбу между сословіемъ воиновъ съ одной стороны и сословіемъ жрецовъ съ другой. Такая борьба, наполнившая собой европейское средневѣковье, далеко не является европейской особенностью. Вездѣ, гдѣ былъ феодализмъ, вездѣ шла и такая борьба свѣтской и духовной руки. Подобные факты извѣстны намъ изъ жизни Египта и другихъ древнихъ государствъ, а на дальнемъ востокѣ борьба микадо и шогуновъ ни въ чемъ не уступаетъ по своей грандіозности борьбѣ императоровъ и папъ. Такая борьба приводитъ къ двумъ результатамъ: съ одной стороны она создаетъ особую свѣтскую интеллигенцію, которая противоборствуетъ интеллигенціи жрецовъ, а съ другой борющіяся стороны необходимо обращаются за помощью къ горожанамъ и крестьянству, а этимъ самымъ раскалываютъ послѣднее, нарушаютъ идеологическій миръ и возбуждаютъ потребность собственнаго идеологическаго творчества. Благодаря тому, что церковь и князья привлекаютъ къ себѣ лучшихъ изъ народа въ качествѣ воиновъ, слугъ, даже приближенныхъ и рыцарей, между высшимъ классомъ населенія и его низами образовывается средній классъ, который въ городахъ скоро эмансипируется отъ своихъ господъ, и даетъ представительство народу въ видѣ третьяго сословія. Города получаютъ скоро самостоятельное значеніе и выступаютъ какъ третій элементъ въ борьбѣ духовной и свѣтской власти. И опять-таки у городовъ свои требованія и свои запросы, каждая группа горожанъ желаетъ обособить свой промыселъ или ремесло и требуетъ для него особой идейной организаціи. Отъ единой, всеобщей идеологіи, созданной державными жрецами, здѣсь нѣтъ

и помину; и если церковь хочетъ остаться единственнымъ сосудомъ идеологическихъ цѣнностей, она должна итти на крупную уступку; она беретъ на себя организацію всѣхъ сословныхъ идеаловъ въ единой системѣ христіанскаго воззрѣнія, она создаетъ грандіозный компромиссъ всѣхъ сословій, при чемъ каждое находитъ свои моральныя воззрѣнія въ общемъ ученіи единой, непогрѣшимой церкви.

Само собою разумѣется, что этотъ примѣръ борьбы и отстаиванія своихъ интересовъ не могъ пройти безслѣдно и для общественнаго сознанія крестьянъ. И хоть городъ подчасъ былъ отъ нихъ далеко, но это всегда былъ образецъ свободной привольной жизни, воздухъ котораго превращалъ раба въ вольнаго человѣка. Мы уже раньше останавливались на причинахъ, которыя создали свободное крестьянство въ ранній періодъ средневѣковья. И хоть эти крестьяне впослѣдствіи попали въ самую различную зависимость отъ господъ, однако старинный духъ среди нихъ не угасъ. Оружіе было дешево и доступно каждому, разрозненные господскіе замки были далеко не всегда достаточно защищены, а сами крестьяне далеко не утратили ни воинской практики ни духа мужицкаго упорства. И когда подымалась борьба свободныхъ крестьянскихъ общинъ противъ угнетателей, они не только находили поддержку въ городахъ, но и учились у горожанъ идейному выраженію своихъ требованій и интересовъ. И тамъ, гдѣ, какъ въ Швейцаріи или Фрисландіи, крестьянамъ удалось отстоять свою свободу, они съ той же необходимостью образовали сословія, съ какой организуется и замыкается въ себѣ всякій отдѣльный отрядъ, противопоставленный враждебному непріятельскому войску. Нечего и говорить, что сословіе свободнаго крестьянства было далеко не повсемѣстнымъ явленіемъ, но мы часто находимъ крестьянъ въ состояніи не полной зависимости, которая есть результатъ не только чисто экономическихъ причинъ, но и основательнаго опасенія, что умаленіе старыхъ привилегій вызоветъ со стороны сплоченной крестьянской массы мятежъ и вооруженное возстаніе.

Разрозненность соціальныхъ группъ и легкая доступность вооруженнаго воздѣйствія придаетъ и городу оригинальный характеръ. По примѣру другихъ сословій и въ городѣ царитъ постоянная вражда, и здѣсь для обезпеченія себѣ устойчиваго, опредѣленнаго дохода лучшимъ средствомъ является крѣпкая боевая организація, а въ случаѣ надобности—открытый бунтъ и междоусобная война. На мирномъ договорѣ между цехами и гильдіями основывается ихъ хозяйственное сотрудничество; на возстаніи и побѣдахъ основаны право и привилегіи цеховъ въ ихъ общей іерархіи. И если мастера какой-нибудь отрасли производства желаютъ добиться признанія какихъ-либо новыхъ привилегій, они должны вести борьбу, подбирать себѣ союзниковъ и быть готовыми къ самому форменному бою. И если внѣ цеховъ стоящая группа желаетъ попасть въ ихъ разрядъ, она

должна быть способна доказать это не только своимъ хозяйственнымъ вѣсомъ и значеніемъ, но въ случаѣ надобности и своею воинской силой. Вотъ почему весь городъ представляетъ изъ себя собраніе рѣзко обособленныхъ корпорацій, официальная роль и значеніе которыхъ далеко не всегда совпадаетъ съ ихъ дѣйствительнымъ вѣсомъ въ общемъ хозяйственномъ оборотѣ. И если въ кастахъ все подчиняетъ себѣ отвлеченная идейная сила, созерцаніе и умозрѣніе, то здѣсь, наоборотъ, хозяйственный процессъ искажается въ своемъ сознаніи тяготѣющимъ надъ нимъ мечомъ, и военно романтическія формы захватываютъ имъ по существу совершенно чуждую область. Такъ устанавливается не деспотія идеи, а тиранія меча, острее котораго присуще здѣсь всякой соціальной враждѣ и противоположности.

Боевое происхожденіе сословій привело къ своеобразному складу ихъ идеологической системы. И прежде всего мы наблюдаемъ въ ея основѣ принципъ розни, а не единенія. Въ этомъ смыслѣ сословіе— полная противоположность кастѣ. И такая природа сословій осталась за ними навсегда. И даже въ то время, когда уже значительно затихли средневѣковые раздоры, и сословія, не только въ городахъ, но и цѣлыхъ государствахъ сложились въ группы, связанныя общимъ сотрудничествомъ и политическимъ интересомъ, разрозненность и своекорыстность является ихъ общей неизмѣнной чертой. Сословіе— съ этой точки зрѣнія значитъ обособленность, которая основывается на двухъ началахъ: съ одной стороны, профессіональной исключительности, а съ другой — политической независимости. Менѣе всего стремились сословія къ установленію общей связи. И даже тамъ, гдѣ какъ въ городѣ, всѣ корпораціи были втянуты въ одинъ общій процессъ производства и обмѣна, онѣ стремились по возможности разорвать отдѣльныя стадіи этого процесса и превратить ихъ въ исключительное, монопольное обладаніе отдѣльныхъ замкнутыхъ группъ. И то же самое мы наблюдаемъ въ государствѣ: когда самому бытію сословій сталъ угрожать возникающій изъ ихъ розни абсолютизмъ, они не смогли объединиться даже въ виду общаго врага.

Слѣдующій характерной чертой, рѣзко отличающей сословіе отъ касты, является то обстоятельство, что среди сословій мы не находимъ мертвыхъ или идеологически глухо-нѣмыхъ группъ. Здѣсь также встрѣчаются отдѣльные, отлученные отъ церкви и лишенные гражданскаго общенія люди—съ волчьей свободой,— возможенъ даже случай временнаго лишенія цѣлой области христіанскихъ даровъ въ виду интердикта, налагаемаго за грѣхи на цѣлую область, но по принципу всѣ христіане даже самаго низшаго сословія не лишены ни даровъ благодати ни вѣчнаго спасенія. И какъ ни узокъ подчасъ объемъ правоспособности члена низшаго сословія, но во всякомъ случаѣ для него не закрыта причастность не только морали и права, но и самой

высокой святости. Напротивъ, ему даже значительно облегчается возможность вѣчнаго спасенія и небесной награды самымъ его положеніемъ въ нищетѣ, трудѣ и лишеніяхъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть нѣкоторой аналогіи между христіанствомъ и буддизмомъ, который ниспровергъ кастовый принципъ и открылъ всѣмъ возможность святости, добродѣтели и права.

Не менѣе важнымъ въ сословномъ строѣ оказывается и другая его сторона. Благодаря розни государства и церкви произошло раздѣленіе духовнаго и свѣтскаго начала, которое уничтожило то единство идеологической организаціи, которое было порождено деспотіей одного религіознаго принципа. Результаты такого раздѣленія чрезвычайно важны. И если для духовной жизни попрежнему рѣшающимъ остался авторитетъ одного центра, то въ такъ называемой мірской или свѣтской области открывалась великая возможность проявленія непосредственнаго идеологическаго творчества внутри самихъ сословій. И если сама церковь сдѣлала большія уступки сепаратизму сословій, и дала каждой корпораціи своего святого, свою Богородицу, свой храмъ и свой праздникъ, то тѣмъ болѣе развернулась отдѣльная корпоративная поэзія, свѣтская литература, мірское знаніе, свои нравы и обычаи, свои обряды и моды, свое правовое сознаніе и техническіе пріемы. Въ городскихъ корпораціяхъ развивается ремесло, тайна котораго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и привилегія того или другого сословія или корпораціи.

Такъ внутри не только сословія въ цѣломъ, но и каждой вотчины, корпораціи или общины слагается своя самобытная моральная организація. Она охватываетъ не только нравственность въ узкомъ смыслѣ слова, но бытъ, приличія, хозяйственную дѣятельность и право. Корпоративная мораль точно опредѣляетъ нравственныя свойства и способъ ихъ испытанія со стороны вновь поступающихъ членовъ. Ея нормамъ подлежатъ съ одной стороны связи дружбы и товарищества между равными, а съ другой отношенія преданности, вѣрности и послушанія относительно старшихъ. Такъ образуется крѣпкая и устойчивая моральная дисциплина, органомъ которой и становится корпоративный судъ, карающій не только за проступки, но и за наличность тѣхъ или иныхъ чувствъ, мыслей, настроеній. Право здѣсь въ значительной степени сливается съ моралью. Оно становится болѣе гибкимъ и всеобъемлющимъ, болѣе тѣсно приспособленнымъ къ данной узкой средѣ, но, съ другой стороны, видоизмѣняется и мораль, она пріобрѣтаетъ во многомъ формальный и внѣшній характеръ, теряетъ способность индивидуализаціи, становится обычаемъ и снабжается строгой системой наказаній. И отдѣльный членъ корпораціи, будучи отъ нея въ полной экономической зависимости, въ то же время со всѣхъ сторонъ охватывается ея правомъ и дисциплиной, ея нравами и обычаемъ. Тѣсная морально-бы-

товая связь членовъ корпорацiи была точнымъ выраженiемъ ея изолированнаго хозяйственнаго положенiя и боевыхъ отношенiй извнѣ. То же находимъ мы и въ общей канструкцiи сословiй.

И въ своихъ взаимныхъ отношенiяхъ сословiя становятся отнюдь не на религiозную почву. Напротивъ, сословiе получаетъ чисто правовое выраженiе во внѣ. И если iерархiя кастъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ iерархiя все возрастающихъ обязанностей, при чемъ самыми свободными оказываются стоящiя внизу, а самыми связанными — находящiяся вверху, то въ сословiяхъ мы находимъ какъ разъ обратный порядокъ. Сословная система есть прежде всего система не обязанностей, а правъ; вольности, свободы, преимущества, привилегiи, — вотъ что отличаетъ одно сословiе отъ другого. И если среди кастъ самымъ свободнымъ оказывается судра, которому, какъ нечистому, все позволено, кромѣ коровьяго мяса, то самымъ свободнымъ при сословномъ строѣ является наиболѣе привилегированный, а вмѣстѣ и принадлежащiй къ высшей группѣ, титулованный, а то и владѣтельный дворянинъ. И все, что въ кастахъ излагается на языкѣ обязанностей, здѣсь переводится на языкъ привилегiй и правъ, которымъ соотвѣтствуютъ чужiя обязанности. Церковь пыталась въ среднiе вѣка поставить въ строгую зависимость пользованiе свѣтскими правами отъ несенiя религiозныхъ обязанностей, но, какъ извѣстно, эта попытка не удалась, и привилегiи стали независимы отъ святости тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ корпорацiй.

При устанавленiи объема привилегiй рѣшающимъ оказывается далѣе не высшiй законъ церкви, а сила фактическихъ соотношенiй, которыя затѣмъ находятъ свое выраженiе въ юридическихъ актахъ. Эти послѣднiе по принципу являются актами гражданскаго права. Въ основу ихъ, слѣдовательно, полагаются всѣ виды и способы перехода частныхъ имуществъ, начиная съ наслѣдованiя, даренiя, мѣны и залога и кончая двусторонними соглашенiями, въ которыхъ находитъ свое осуществленiе взаимная воля отдѣльныхъ лицъ и корпорацiй. Эта воля не отрицается ни за кѣмъ, разъ только она опирается на достаточную силу. И если мы попробуемъ представить себѣ цѣликомъ ту идеологiю, которая связываетъ между собой сословiя, то мы увидимъ, что она воплощается въ безконечной сѣти самыхъ разнообразныхъ титуловъ, актовъ и договоровъ, регулирующихъ по всякимъ поводамъ и случаямъ взаимныя обязанности и права. И только изъ этого моря отдѣльныхъ частныхъ сплетенiй и положенiй мы можемъ вывести сколько-нибудь общiя черты, характеризующiя картину въ цѣломъ. Объектомъ всѣхъ этихъ соглашенiй и правъ являются самые различные предметы. Сюда входятъ всевозможныя экономическiя услуги и дѣйствiя, повинности и личные сервитуты; сюда же принадлежатъ права на судъ, на финансовыя обложенiя, на полицейскiй надзоръ и охрану; права на первую ночь и на преиму-

щественную покупку хлѣба; права на монопольную продажу сукна и на покупку опредѣленныхъ платьевъ по установленной цѣнѣ; права проѣзда и права грабежа; права на представительство и на несеніе коронаціонныхъ регалій — однимъ словомъ права буквально на все и вся, не исключая ни нравственной жизни человѣка, ни его жизни, ни тѣла, ни семьи. Договоръ Шейлока съ Антоніо относительно куска мяса изъ его тѣла есть характерный актъ для средневѣковыхъ отношеній.

И слѣдуетъ отмѣтить, что такая идеологическая конструкція отличалась своеобразной устойчивостью. Конечно, прежде всего сама хозяйственная жизнь сословнаго общества была исполнена чрезвычайной медленности движенія и хода. Отдаленность центровъ обмѣна и крайняя рѣдкость населенія. Невозможныя пути сообщенія и господство натуральнаго хозяйства,—все это дѣлало обмѣнъ и общеніе между отдѣльными группами въ высокой степени рѣдкимъ и затрудненнымъ; а незначительность рынка и господство постояннаго напередъ опредѣленнаго спроса придавали еще болѣе спокойный и устойчивый характеръ городскому производству. Но, несомнѣнно, такой устойчивости хозяйственнаго процесса и вялому его ходу въ значительной степени способствовала и юридическая его структура, которая каждое движеніе мастера, каждый шагъ купца или земледѣльца облекала въ форму отдѣльныхъ привилегій или обязанностей, связанныхъ съ тысячью чужихъ правъ. Отсюда рождалась такая юридическая связанность хозяйственной жизни, которую трудно себѣ представить въ нашъ вѣкъ господства абсолютной частной собственности. Возьмемъ для примѣра какого-нибудь мастера, изготовляющаго ткани. Во-первыхъ, онъ можетъ пріобрѣтать пряжу лишь въ опредѣленномъ мѣстѣ и у строго опредѣленныхъ лицъ, для которыхъ продажа шерсти или шелка—особая привилегія. Цѣна и качество этого продукта строго опредѣлены, иначе будутъ нарушены права и привилегіи третьихъ лицъ, которыя изготовляютъ продуктъ иного качества и цѣны. Подготовительныя дѣйствія относительно этой шерсти, ея окраска, промывка, расческа и т. п. тоже строго опредѣлены и составляютъ, въ свою очередь, предметъ привилегіи новой категоріи лицъ, которыя въ противномъ случаѣ чувствовали бы себя глубоко оскорбленными въ своихъ исконныхъ и священныхъ правахъ. Обрабатывать данную шерсть нашъ мастеръ тоже юридически обязанъ лишь строго опредѣленнымъ образомъ, чтобы иначе не задѣть привилегіи другихъ мастеровъ, которымъ принадлежитъ исключительное право обработки ткани именно другимъ способомъ, другого качества, размѣра и цвѣта. Наконецъ продать свою матерію мастеръ въ правѣ лишь въ опредѣленные дни на опредѣленномъ мѣстѣ и лицамъ, которыя имѣютъ право ее купить. Отъ начала до конца въ процессѣ производства оказываются замѣшанными чужія привилегіи и права, кото-

рыя въ случаѣ нарушенія грозятъ военными репрессіями, местью или карой. Неудивительно теперь, что производитель скорѣе предпочтетъ десятками лѣтъ ограничиваться старыми пріемами ремесла, нежели потревожить весь осиный улей держателей всевозможныхъ правъ, замѣшанныхъ въ его процессѣ. Прійти же со всѣми ними къ новому соглашенію было бы весьма затруднительно. Для этого нужны новыя битвы и новый миръ.

И этотъ процессъ дополняется еще однимъ. Чѣмъ больше является желающихъ пройти въ гильдіи и цехи и этимъ увеличить конкуренцію среди нихъ, тѣмъ больше опасность, что уменьшится отдѣльная часть дохода, приходящаяся на отдѣльнаго мастера. Отсюда естественное стремленіе къ недопущенію новыхъ членовъ въ ту или иную замкнутую корпорацію, и повышеніе требованій ко вновь вступающимъ. За гильдіями замыкаются цехи. За ними вся корпорація правомочныхъ горожанъ. И то, что мы находимъ въ городѣ, мы встрѣчаемъ и въ деревнѣ. Съ уменьшеніемъ запаса населенныхъ земель, пригодныхъ для образованія рыцарскаго лена, растетъ опасность раздробленія уже существующихъ крупныхъ вотчинъ и помѣстій между новыми кандидатами на рыцарскія шпоры, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ стремленіе не только затруднить доступъ неблагороднымъ въ составъ благородныхъ, но и укрѣпить наслѣдственную передачу земель въ опредѣленныхъ семьяхъ, которыя уже болѣе или менѣе продолжительное время владѣютъ ими. Такъ естественно усиливается стремленіе замкнуть сословія вообще и предупредить возможность перехода сословныхъ владѣній и правъ въ чужія руки. А такъ какъ однимъ изъ такихъ способовъ является бракъ дѣвицъ изъ привилегированныхъ семействъ съ худородными или женитьба лицъ высшаго сословія на особахъ низшаго, то поднимается сильная реакція противъ такихъ браковъ, и сословіе превращается въ то, что мы знаемъ—въ наслѣдственно-замкнутыя привилегированныя группы на почвѣ раздѣленія доходовъ и труда, при чемъ переходъ изъ одной группы въ другую становится юридически невозможенъ. Но и здѣсь мы не можемъ не отмѣтить той разницы, которая отличаетъ сословіе отъ кастъ. Наслѣдственность въ послѣднихъ есть дѣло высшаго закона, а въ первомъ — результатъ дѣятельности самихъ корпорацій. Переходъ въ наслѣдственныхъ кастахъ абсолютно недопустимъ, ибо тамъ прирождены и грѣхъ, и святость, а нечистая кровь низшаго напередъ исключаетъ его причастность высшему служенію. Въ сословіяхъ переходъ очень часто возможенъ хотя бы въ видѣ исключеній. Въ кастахъ нарушеніе запрета смѣшенія кастъ карается смертью или отверженіемъ, въ сословіяхъ въ лучшемъ случаѣ—непричастностью къ высшимъ правамъ нижерожденнаго супруга. Замкнутость сословій меньше, чѣмъ кастъ, и связана съ наслѣдственностью. Кастовый же принципъ можетъ, какъ мы видѣли выше, существовать и безъ наслѣдственности.

Наслѣдственность привилегій и правъ, связанныхъ съ принадлежностью къ сословной группѣ, опять-таки оказывается какъ идеологическій принципъ значительно шире первоначальнаго своего содержанія. Отъ способа общественнаго раздѣленія труда она переходитъ спеціально къ политическимъ преимуществамъ и правамъ и объединяетъ въ болѣе широкія категоріи лицъ, стоящихъ на одномъ и томъ же уровнѣ привилегированности. Такъ въ общую группу несвободныхъ крестьянъ сливаются обширные слои полныхъ крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, но лично свободныхъ, постоянно и временно-обязанныхъ и т. д. Въ категорію свободныхъ людей зачисляются, съ одной стороны, крестьяне, фермеры и арендаторы, а съ другой— внѣцеховые рабочіе, поденщики, свободные слуги, наемные солдаты и т. д.; надъ ними поднимается привилегированное и наслѣдственное городское населеніе цеховъ и гильдій, еще выше дворянство со своими шестью щитами, начиная съ простыхъ рыцарей и кончая герцогами и королями, и, наконецъ, надъ этими сословіями, въ качествѣ перваго изъ нихъ,—духовенство. Къ наслѣдственности правъ присоединяется наслѣдственность занятій и должностей, начиная съ членовъ городскихъ сенатовъ и кончая королевскимъ трономъ; наслѣдственность имуществъ сопровождается наслѣдственностью государственной власти, земель и подданныхъ; а наслѣдственное право представительства въ старыхъ и новыхъ палатахъ дополняетъ это развитіе сословнаго принципа.

Такъ начало меча и крови устраняетъ непосредственность идеологическаго воспріятія въ сословной средѣ и замыкаетъ хозяйственную жизнь въ твердыя рамки наслѣдственныхъ правъ и преимуществъ. И все, что выходитъ изъ этихъ рамокъ, остается навсегда въ узкой средѣ сословій и не имѣетъ болѣе никакого значенія для общаго компромисса отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Соціальный процессъ какъ бы искусственно останавливается. Все, что не имѣетъ прямого отношенія къ установившимся уже междусословнымъ отношеніямъ, оказывается совершенно неважнымъ и безразличнымъ. Каждое сословіе сосредоточиваетъ все свое вниманіе исключительно на охранѣ уже добытыхъ правъ, а въ лучшемъ случаѣ старается добыть нѣсколько новыхъ правъ, которыя и присоединяетъ къ своему наслѣдственному достоянію. Наслѣдственность искусственно прекращаетъ всякое передвиженіе и возникновеніе новыхъ группъ, устраняетъ появленіе новыхъ формъ хозяйственной жизни, замѣняетъ мертвымъ покоемъ первоначальную борьбу отдѣльныхъ группъ и корпорацій. Все сведено къ правамъ крови. Нигдѣ и ни у кого не можетъ быть новыхъ претензій. И дворянинъ получаетъ то, что причитается дворянину, купецъ—то, что наслѣдственно присвоено купцу, мѣщанинъ или крестьянинъ то, что отъ вѣка положено на долю того или другого: suum cuique, каждому свое! Всякій идетъ шагъ

за шагомъ по стопамъ своихъ предковъ и повторяетъ заново ту жизнь, которую уже прошли до него его отцы и дѣды. Такъ вмѣсто закона сверху властвуетъ обычай и преданіе извнутри каждаго сословія, порабощаютъ мертвецамъ живого человѣка, а надъ личностью подымается въ даль вѣковъ уходящая древняя родовая группа. Вмѣсто жрецовъ здѣсь властвуютъ живые и мертвые отцы, и теряютъ свой голосъ дѣти и говорятъ чужимъ голосомъ, чужимъ языкомъ, взятымъ изъ могилъ. Преданіе и наслѣдіе — вотъ высшій авторитетъ, власть прошлаго надъ настоящимъ.

Можно ли говорить въ сословномъ обществѣ о раціонально выработанной организаціи, о сколько-нибудь удовлетворительномъ компромиссѣ соціальныхъ группъ въ ихъ основныя требованія? На нашъ взглядъ—совершенно нельзя. Не говоримъ уже о томъ, что и въ сословномъ обществѣ часто продолжаютъ свое существованіе нѣкоторыя касты—что въ особенности примѣнительно къ помѣщикамъ и крѣпостнымъ,—а слѣдовательно, имѣются нѣмыя идеологически группы. Но дѣло въ томъ, что и тѣ группы, которыя обладаютъ въ полной мѣрѣ идеологическимъ языкомъ, отнюдь не говорятъ на немъ всего въ междугрупповыхъ отношеніяхъ. И та дѣйствительная жизнь, которая не прекращается ни на минуту, или не находитъ себѣ вовсе полнаго выраженія, или же ищетъ себѣ выхода, не предусмотрѣннаго старинными формами. Ибо все во внѣшнихъ отношеніяхъ сводится только къ сословіямъ, все повторяетъ безъ конца вѣчно отжитое и выражается въ одной лишь формѣ корпоративнаго и вотчиннаго интереса. И если новое явленіе не укладывается въ споръ о новомъ правѣ въ придачу къ уже существующимъ, то оно игнорируется вовсе. И если новый вопросъ возбуждается людьми, въ наслѣдственномъ каталогѣ которыхъ нѣтъ спеціальной привилегіи на возбужденіе подобныхъ вопросовъ, то на него не будетъ никогда дано никакого отвѣта.

Еще болѣе понятно, конечно, что, если бы въ нарушеніе сословно-корпоративнаго строя возникло новое образованіе помимо его, то оно не только не могло бы войти съ нимъ въ компромиссъ за отсутствіемъ какой бы то ни было общей почвы, но и встрѣтило бы самую рѣшительную оппозицію. Какъ касты могутъ имѣть дѣло лишь съ кастами, такъ и сословія въ лучшемъ случаѣ могутъ примириться съ кастами или сословіями. Но ничто, внѣ этихъ организацій стоящее, не можетъ войти въ ихъ среду, не ставъ само наслѣдственной привилегированной группой, стоящей на основѣ традиціи и обычаевъ. Такъ наслѣдственно-родовое начало закрыло систему общественнаго раздѣленія труда, а кровь создала фикцію. И нуженъ былъ могучій и жестокій толчокъ извнѣ, чтобы открыть выходъ болѣе точной и гибкой идеологіи общественныхъ слоевъ и дѣйствительному компромиссу между ними.

Тою силой, которая вывела изъ состоянія равновѣсія сословный строй, былъ сначала лишь денежный и торговый, а затѣмъ и промышленный капиталъ. Только на основѣ капитала построенное общество могло дать совершенно иныя формы отношенію классовъ и ихъ идеологической борьбѣ. Капиталъ этотъ неоднократно накоплялся въ самомъ сословномъ обществѣ и былъ причиною цѣлаго ряда соціальныхъ катаклизмъ. И даже значительно раньше на вершинахъ кастоваго строя богатство въ видѣ добычи переходило изъ однѣхъ рукъ въ другія и влекло за собой много перемѣнъ въ крушеніи и образованіи царствъ, въ созданіи и истребленіи династій. И даже тамъ не одинъ разъ въ исторіи возникалъ тайный споръ между жречествомъ и воинствомъ о томъ, кому владѣть награбленнымъ добромъ и массами полученнаго въ странѣ оброка. Въ сословномъ обществѣ, гдѣ мельче были единицы борьбы и неопредѣленнѣе отношенія рыцарей и воиновъ, борьба эта приняла открытый хроническій характеръ. И церковь вышла изъ этой борьбы далеко не безъ успѣха: капиталы, собранные въ видѣ десятины, лепты св. Петра, налоговъ для освобожденія гроба Господня и цѣлаго ряда другихъ экстроординарныхъ и ординарныхъ доходовъ сдѣлали церковь въ исходѣ средневѣковья крупнѣйшимъ капиталистомъ, который и помѣщалъ свои деньги въ самыя различныя предпріятія. Къ послѣднимъ принадлежали и крестовые походы, и отдача денегъ въ ростъ, и подъ залогъ имуществъ черезъ папскихъ евреевъ, и организація транспорта крестоносцевъ въ Святую Землю, и покупка благосклонности различныхъ герцоговъ и королей въ обезпеченіе правильной присылки слѣдуемыхъ съ церковныхъ имуществъ суммъ.

Свѣтская власть задолго до среднихъ вѣковъ становилась крупнымъ капиталистомъ, и римскій цезаризмъ не только возникъ изъ соперничества конкурирующихъ другъ съ другомъ крупныхъ экспропріаторовъ, но и самъ прикрывалъ собой хищническое хозяйство крупныхъ откупщиковъ, грабителей и ростовщиковъ, которые, въ качествѣ проконсуловъ, или прямо хозяевъ финансоваго сбора, разоряли и обирали богатѣйшія провинціи міровой державы. И здѣсь, какъ потомъ, въ церковное время, награбленный капиталъ частью расходовался на пышность, роскошь и блескъ Вѣчнаго города и его оптиматовъ, частью шелъ на военныя экспедиціи для покоренія и разграбленія все новыхъ и новыхъ завоеванныхъ странъ. Нечего говорить, что провинціальные цари, которые послѣ гибели Рима выросли на картѣ континентальной Европы, продолжали ту же благородную политику и, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, грабили церковь и съ реформаціей и безъ нея, экспропріировали менѣе сильныхъ феодаловъ, облагали поборомъ и данью города, если только не могли войти въ ихъ стѣны и вынести изъ нихъ все цѣнное, что только можно было унести.

Такой же хищническій грабительскій характеръ имѣетъ капиталъ и тамъ, гдѣ онъ былъ накопленъ городской плутократіей, составленной изъ осѣвшихъ въ городѣ дворянъ и вышедшихъ изъ плебса торговцевъ и ростовщиковъ. Развѣ первый примѣръ такого изумительнаго богатства, сосредоточеннаго въ республиканскихъ Аѳинахъ, не даетъ намъ тѣхъ же картинъ, которыя мы видѣли выше. Что до того, что здѣсь грабятъ не князья, а властвующій классъ государства, основаннаго на участіи всѣхъ гражданъ въ суверенномъ собраніи народа! Ограбленіе колоній и морская торговля, смѣшанная съ пиратствомъ, предательство союзниковъ и насиліе надъ слабымъ, продажа въ качествѣ рабовъ цѣлаго населенія завоеванныхъ городовъ,—все это украшаетъ собой политику даже такихъ демократій, какъ древнія Аѳины, въ расцвѣтѣ ихъ могущества и славы. И куда бы мы ни заглянули, въ итальянскіе ли города возрожденія, или въ германскую Ганзу, въ голландскіе штаты или кромвелевскую Англію,—вездѣ найдемъ одну и ту же картину захвата и разбоя, ни въ чемъ не уступающую дѣятельности монарховъ-пріобрѣтателей или ростовщичествомъ промышляющей церкви. Но, повторяемъ, періодическія накопленія сокровищъ въ одномъ мѣстѣ, связанныя съ значительной растратой ихъ на предметы роскоши, сопровождались такими же переходами этихъ сокровищъ къ болѣе удачливому сосѣду, и съ этой стороны значили довольно мало. Гораздо важнѣе то воздѣйствіе, которое хоть бы временно накопленный капиталъ производилъ на общественную среду того или иного строя. Въ особенности былъ доступенъ такому вліянію строй общества, основанный на сословномъ принципѣ.

Самымъ разрушительнымъ образомъ подѣйствовалъ капиталъ прежде всего въ области сельскихъ отношеній. Свободный крестьянинъ бросился на соблазнъ городскихъ денегъ и очень скоро израсходовалъ весь свой хлѣбный запасъ, а вмѣстѣ оказался и совершенно безпомощнымъ на случай неурожая и стихійныхъ бѣдствій. Вотчинникъ не хуже крестьянина былъ ослѣпленъ блескомъ покупной роскоши и быстро обратилъ въ металлъ, а затѣмъ въ предметы пышности и блеска все то, что получилъ онъ въ видѣ повинностей, барщины и оброка со своего крестьянина. Блескъ вотчиннаго двора потребовалъ новыхъ тратъ, и на ряду съ отягощеніемъ участи крѣпостного шла задолженность благороднаго господина худородному представителю ростовщическаго капитала. А когда баринъ самъ пожелалъ стать участникомъ грабительской оргіи царей и оптиматовъ, просто ростовщиковъ и просто разбойниковъ, онъ не нуждался больше въ сложномъ порядкѣ крѣпостническихъ отношеній. И ставъ самъ ростовщикомъ и хищникомъ, онъ прогналъ съ земли крестьянъ и завелъ латифундіи съ дешевой человѣческой скотиной купленныхъ рабовъ. Крестьянинъ былъ пролетаризованъ, пошелъ въ наемные

солдаты, составилъ экипажъ морскихъ командъ или образовалъ тысячную массу нищихъ на площади царственнаго города. И замѣчательное дѣло, когда при появленіи новаго капитала въ Европѣ произошло разрушеніе крѣпостническаго уклада, оно совершилось въ аналогичныхъ соціальныхъ формахъ. Произошло срытіе крестьянскихъ усадебъ, огораживаніе общинныхъ полей, замѣна былого земледѣлія охотничьими парками или пастбищами для овецъ, а крестьянинъ-хлѣборобъ превратился въ нищаго и бродягу, и только производительный капиталъ фабриканта или организатора кустарныхъ промысловъ далъ обезземеленному и пріютъ и работу. Такъ смѣшались въ общемъ дѣлѣ патриціи и вольноотпущенники древности, бароны и бюргеры новаго времени... Капиталъ объединилъ ихъ всѣхъ.

Еще съ большею силою отражалось вліяніе торговаго и хищническаго капитала среди городскихъ сословныхъ подраздѣленій. Какъ только капиталъ получилъ возможность быстраго и широкаго накопленія, онъ немедленно почувствовалъ тѣсноту и ограниченность городского рынка. По мѣрѣ развитія колоніальной эксплуатаціи и морской торговли, все болѣе чужимъ становился онъ среди наслѣдственныхъ корпорацій съ ихъ регламентаціей производства и обмѣна, принудительными цѣнами и прошедшимъ долгій подготовительный путь составомъ учениковъ, мастеровъ и подмастерій. Его первой жертвой и союзниками стали внѣ цеха стоящія народныя массы—городской пролетаріатъ. Внѣ города построилъ онъ и первыя свои крѣпости противъ города, для конкуренціи съ городскимъ ремесломъ. Кустарничество обнищалыхъ крестьянъ, домашнее производство внѣ цеха стоящихъ рабочихъ, даже принудительный трудъ рабовъ, арестантовъ, бѣглыхъ, безработныхъ и бродягъ,—все это было использовано капиталомъ для наиболѣе экономнаго производства наибольшей массы товара. Лишнее говорить, что бывшіе въ союзѣ съ капиталомъ князья, сами крупные предприниматели и капиталисты, отдали въ жертву новому производству не только стариковъ въ богадѣльняхъ, но малыхъ дѣтей изъ сиротскихъ домовъ.

Исторія знаетъ нѣсколько приливовъ капиталистической волны въ формѣ хищническаго и ростовщическаго капитала, котораго обратной стороной были широкія траты на предметы потребленія, на военныя экспедиціи, на завоеванія новыхъ странъ, на блескъ и пышность императорскихъ и иныхъ величій. И не имѣя никакихъ корней въ странѣ, лишенный организующаго значенія для цѣлей производства, онъ въ лучшемъ случаѣ оставлялъ послѣ себя развалины великолѣпныхъ построекъ и свободу тысячъ рабовъ, которыхъ нечѣмъ было прокормить разорившемуся плантатору рабовладѣльцу.

Инымъ сталъ капиталъ, когда онъ потерялъ свой аристократическій характеръ и обратился въ рукахъ худороднаго предпринимателя на цѣли организаціи общественнаго производства. Вѣчно воз-

рождаемый трудомъ пролетаріевъ, работающихъ за скудную заработную плату, капиталъ легко опрокинулъ мелкое производство и торговлю, стянулъ въ свои рабочіе дворцы обезземеленныхъ крестьянъ, подчинилъ себѣ разорившагося барина, промѣнявшаго вотчинную власть на счастье и удачу подъ знаменемъ всемогущей биржи.

Особаго торжества достигло капиталистическое производство въ новое время въ тотъ моментъ, когда на помощь ему пришло мореплаваніе съ открытіемъ новыхъ богатыхъ странъ, съ невиданнымъ дотолѣ запасомъ благородныхъ металловъ. Цѣлый рядъ техническихъ изобрѣтеній, одно поразительнѣе другого, вознаграждало городъ за его любовь къ наукѣ и свѣтскому просвѣщенію. Явилась возможность использованія машинъ, не только для процесса самого производства, но и для транспорта, который въ буквальномъ смыслѣ уничтожилъ разстояніе при помощи рельсовыхъ путей и паровыхъ машинъ. Хозяйственный процессъ получилъ невиданную ширину размаха. Изъ узкихъ предѣловъ Европы съ прилежащими къ ней побережьями азіатскаго и африканскаго материковъ онъ не только интенсивнѣйшимъ образомъ захватилъ Новый Свѣтъ, но и весь доступный кораблю и пароходу земной шаръ. Колебанія рынка стали регулироваться состояніемъ хозяйства въ Австраліи и Южной Америкѣ такъ же, какъ въ Англіи или Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ родилась неслыханная дотолѣ интенсивность производства и оборота, стали вырабатываться колоссальныя массы разнообразнѣйшаго товара, а быстрота передвиженія и оборота заставила переживать въ мгновеніе то, что раньше переживалось годами. Рушилась прежняя замкнутость отдѣльныхъ мелкихъ центровъ хозяйственной жизни, пало вмѣстѣ съ ней и то раздѣленіе труда, которое было въ основѣ сословныхъ подраздѣленій. И новый капиталъ раздѣлилъ людей не только по ихъ бѣдности и богатству,—что и раньше не разъ опрокидывало сословный строй,—но по формѣ участія населенія въ процессѣ капиталистическаго хозяйства, которое приноситъ въ одномъ случаѣ ренту или прибыль, а въ другомъ заработную плату.

Уже древность даетъ намъ блестящіе образцы того, какъ денежное хозяйство торговаго капитала разбивало старый устойчивый строй идеологическихъ подраздѣленій. Превращая одну часть общества въ эксплуататоровъ, а другихъ въ эксплуатируемыхъ, ставъ единымъ критеріемъ общественнаго различія, капиталъ уже въ античныя времена дѣлалъ предметомъ покупки и продажи воинскую силу, а вмѣстѣ съ нею воинское достоинство и честь. Ясно какъ Божій день, что рыцарь, патрицій или евпатридъ, становясь наемникомъ капитала, теряетъ всю психику обособленнаго благородства, и отъ этой участи не спасается тотъ, кто, будучи благороднымъ, мараетъ свои руки дѣломъ торговли или инымъ „недостойнымъ“ аристократа промысломъ. Идеологія рыцарства въ та-

кихъ кругахъ становится призракомъ или исчезаетъ совсѣмъ. И когда въ новое время промышленный капиталъ далъ такую мощную опору денежному хозяйству вообще, необходимо послѣдовало затѣмъ и крушеніе той общесословной идеологіи, которая была построена на языкѣ юридическихъ отношеній замкнутыхъ наслѣдственныхъ группъ. И если самъ капиталъ и не смогъ навязать своей идеологіи новому обществу въ его цѣломъ, то онъ во всякомъ случаѣ достигъ одного: его языкъ, языкъ позитивнаго и раціональнаго міросозерцанія, получилъ постольку всеобщее значеніе и силу, поскольку весь хозяйственный процессъ былъ втянутъ въ рамки капиталистическаго оборота. И частныя идеологіи общественныхъ группъ должны были найти себя и свою идеологію въ діалектикѣ вольнаго слова и свободной человѣческой рѣчи.

Спрашивается теперь, что обозначаетъ этотъ послѣдній поворотъ, какіе результаты даетъ онъ въ соціальной средѣ? Какъ относится онъ къ предшествующимъ формамъ общественнаго сознанія? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы должны не только вкратцѣ суммировать предшествующее, но и сдѣлать изъ него нѣкоторые выводы. Прежде всего мы не можемъ не видѣть, что существуетъ обратное отношеніе между богатствомъ и изобиліемъ природы и сложностью, концентраціей и силой идеологическаго процесса. Тамъ, гдѣ, какъ въ Индіи, требовалось наименѣе труда для добыванія средствъ, обезпечивающихъ не только жизнь низшихъ классовъ, но и обильный досугъ высшихъ, эти послѣдніе застывали навсегда на весьма примитивномъ уровнѣ техническихъ и научныхъ знаній. Сама идеологія здѣсь настолько оказывалась не нужна для жизни массъ, для организаціи производственнаго процесса и между классовыхъ отношеній, что являлась какимъ-то пустоцвѣтомъ, плавающимъ на спокойной поверхности питательной среды, который лишь извнѣ порождалъ несложныя рамки профессіональныхъ группъ. Но чѣмъ отвлеченнѣе отъ жизни оказывалась идеологія метафизиковъ, маговъ и философовъ, тѣмъ неподвижнѣе становился ея составъ, тѣмъ болѣе фанатизма связывалось съ соблюденіемъ ея немногихъ общихъ предписаній. И такъ какъ хозяйственный процессъ здѣсь оказался лишеннымъ какого бы то ни было замѣтнаго движенія впередъ, то и сама идеологія стала расти лишь въ количественномъ отношеніи, пока не приняла совершенно паразитическихъ формъ. И когда вѣковая древность придала ей, наконецъ, силу косности и внушенія почти неодолимую, мы видимъ, что духовная бѣдность широкихъ народныхъ низовъ получила такую же поистинѣ страшную устойчивость, какую пріобрѣлъ и кастовый порядокъ съ его непроходимой пропастью между низшимъ и высшимъ.

Мы видѣли, далѣе, что тамъ, гдѣ скудная природа потребовала отъ людей болѣе интенсивнаго труда для обезпеченія средствъ существованія народу и досуга властвующимъ, на ряду съ хозяйствен-

нымъ професcіональнымъ дѣленіемъ явилось дѣленіе территоріальное крѣпко привязанныхъ къ землѣ людей, и немедленно же началась такая борьба соціальныхъ группъ, которая не только стала источникомъ ихъ неустойчиваго равновѣсія, но и привела къ живой потребности въ идеологической организаціи для всѣхъ борющихся силъ. Эта идеологія еще далеко не точно отражаетъ въ себѣ дѣйствительное соотношеніе силъ, такъ какъ натуральное хозяйство даетъ слишкомъ многимъ группамъ обезпеченный доходъ, несвязанный съ ихъ хозяйственными заслугами и ролью въ производствѣ. Напротивъ, рѣшающимъ моментомъ здѣсь является наслѣдственное господство или правовая привилегія, добытая военной силой. И если идеологически при кастовомъ строѣ хозяйство совершенно затемняется духовнымъ началомъ и не находитъ въ немъ почти никакого выраженія, то здѣсь, въ сословномъ порядкѣ, идеологія если и отвѣчаетъ экономическимъ нуждамъ, то не иначе какъ въ совершенно извращенномъ видѣ отношеній военно-политическаго властвованія, претендующаго не только на господствующее, но даже исключительное значеніе. Идеологія и здѣсь еще не дошла до истиннаго корня общественной жизни, она все еще въ полномъ смыслѣ слова „идеологія“, хоть и стала доступной и необходимой для всѣхъ. Нечего говорить, что борьба, присущая сословнымъ группамъ, обладаетъ значительной способностью движенія впередъ, благодаря чему, подъ кровомъ наслѣдственныхъ сословій, объединенныхъ и раздѣленныхъ территоріей, вырастаетъ новый общественный порядокъ.

Теперь мы можемъ оцѣнить вполнѣ тотъ переворотъ, который принесло съ собой сначала лишь денежное, а затѣмъ и капиталистическое хозяйство. Чрезвычайная интенсивность производства, суровость и обостренность борьбы за существованіе, быстрота не только сообщеній, но и всего темпа жизни, напряженность личной дѣятельности и тѣсная зависимость особи отъ хозяйственныхъ условій среды, — все это выдвигаетъ на первый планъ ясное сознаніе экономической обстановки и ея условій. Казалось бы, именно такой строй долженъ, наконецъ, устранить всѣ описательные и посредственные способы организаціи общественныхъ отношеній и привести участника соціальной борьбы къ положительному и свободному познанію ея формъ и видовъ. И это тѣмъ болѣе, что совершенно пали за собственнымъ безсиліемъ тѣ чисто внѣшнія идеологическія преграды, которыя прежде замыкали человѣка въ искусственную темноту наслѣдственныхъ кастъ, а затѣмъ въ столь же искусственныя рамки болѣе подвижныхъ и дробныхъ, но тоже наслѣдственныхъ сословныхъ корпорацій. Власть капиталиста, какъ очевидно, не нуждается для своей дѣйствительности въ романтикѣ или мистикѣ, а основывается непосредственно на хозяйственномъ вѣсѣ и значеніи капитала, этого всепроникающаго и всеохватывающаго соціальнаго фактора, хотя и

не столь замѣтнаго, какъ могущество жреца, или владычество воина. И когда въ новое время говорили объ естественномъ правѣ, о законѣ разума и природы, то, казалось, именно хотѣли сказать, что все искусственное, насильно навязанное, неотвѣчающее непосредственно самой жизни, должно умереть, а съ нимъ и тѣ идеологическія чудовища, которыя такъ невѣроятно искажали общественную жизнь, заставляли людей итти за призракомъ, отдавать свою жизнь фантасмагоріи.

И, однакоже, подобныя ожиданія если и были, то во всякомъ случаѣ не сбылись. И если кастовый принципъ не погибъ совершенно внѣ кастоваго государства, такъ какъ далеко не всѣ слои общества стали истинными сословіями, а многіе (крѣпостное крестьянство) остались на положеніи кастъ, то точно такъ же не могъ исчезнуть и сословный принципъ изъ новаго классоваго общества. И въ самомъ дѣлѣ, классомъ считается такое свободное соединеніе людей, которое опредѣляется исключительно хозяйственнымъ интересомъ лицъ, связанныхъ съ общественнымъ производствомъ посредствомъ полученія прибыли и ренты или заработной платы. Сравнивая съ такимъ классомъ современное европейское землевладѣніе, мы видимъ, однако, что опредѣленіе класса къ нему отнюдь не подходитъ. Сословіе только видоизмѣнило свою идеологію. Дворянско-землевладѣльческій принципъ не умеръ, не погибъ; вотчинникъ понялъ силу своей исконной политической позиціи, онъ бросилъ на вѣсы хозяйственной конкуренціи свою корпоративную дисциплину и косность наслѣдственнаго подбора. Свободной конкуренціи классъ этотъ противопоставилъ свое могущество въ государственной, военной и придворной сферѣ; въ нѣкоторыхъ государствахъ дворянамъ удалось даже сохранить майораты и заповѣдныя владѣнія въ качествѣ неприкосновенныхъ твердынь родовой обезпеченности; они добились громаднаго преобладанія въ такъ называемыхъ верхнихъ палатахъ, они заняли выдающееся мѣсто въ управленіи страны, а въ нѣкоторыхъ странахъ удержали за собой даже вотчинную полицію. И самъ классъ землевладѣльцевъ значительно выигралъ отъ пріема въ свой составъ новыхъ, наиболѣе крѣпкихъ элементовъ изъ среды торговаго и промышленнаго класса. Вмѣстѣ съ женами аграрное дворянство взяло милліоны изъ кассъ банкировъ и предпринимателей, а не умирающій типъ „выскочки“ свидѣтельствуетъ о томъ, что не геральдика стирается бухгалтерской книгой, а наоборотъ. Вѣнцомъ желанія биржевыхъ царьковъ является причастность къ благородному и возвышенному феодализму.

Само собою, однако, что атмосфера борьбы, притомъ мирной, при помощи денегъ и слова, должна была измѣнить самый типъ идеологическаго выступленія. Землевладѣльцы должны были стать не только сословіемъ, но общественнымъ классомъ, а вмѣстѣ и полити-

ческой партіей. Какъ классъ, аграріи имѣютъ одинъ лишь интересъ, общій всѣмъ, кто владѣетъ капиталомъ на современномъ, свободномъ рынкѣ. Этотъ интересъ исчерпывается эксплуатаціей однихъ и конкуренціей съ другими. Но, какъ партія, землевладѣльцы получаютъ новую и высшую организацію; къ партіи никто больше не принадлежитъ по принужденію, но, какъ предполагается, въ силу міросозерцанія и политическихъ убѣжденій. Примитивная идеологія смѣнилась тонко разработанной системой консерватизма, съ его апологіей власти и превознесеніемъ порядка. Цѣлый рядъ интеллигентныхъ силъ посвятилъ себя защитѣ идейнаго знамени новыхъ рыцарей монархической вѣрности, высокаго патріотизма, личнаго мужества, достоинства и чести. Такъ въ качествѣ партіи аграрное дворянство закончило и углубило свою идеологію, которая только теперь сознательно могла отмежеваться отъ всѣхъ иныхъ политическихъ ересей и лжеученій и предпринять съ ними болѣе или менѣе удачную борьбу. Воистину никогда не былъ такъ сознательно разработанъ, такъ позитивно обоснованъ и морально оправданъ идеалъ аристократической власти, какъ въ современномъ обществѣ. Аристократія аграріевъ провозгласила себя аристократіей классоваго общества.

Развѣ не то же случилось съ мистической идеологіей во всѣхъ ея проявленіяхъ? Она не только глубже и ярче разработала свое содержаніе и форму, но и въ значительной степени обновила свои народные корни и соціальную почву. Предоставленные только себѣ, лишенные государственной помощи и поддержки, проповѣдники, священники и жрецы должны были замѣнить опору внѣшняго принужденія чистотой своей жизни, искренностью своего ученія, дѣлами любви, безъ которыхъ вѣра мертва есть. И особенно много въ этой области сдѣлало католичество: не откладывая все дѣло спасенія до жизни будущаго вѣка, римская церковь занялась организаціей грандіозныхъ ассоціацій и кооперативовъ въ крестьянской сферѣ, отдала силу вѣковой идеи и громадный организаторскій опытъ рабочимъ союзамъ, поставила на своемъ знамени тотъ самый соціальный вопросъ, который на зарѣ исторіи создалъ миѳъ потеряннаго рая. Принужденная бороться оружіемъ повседневной прессы, моральной пропаганды и научной работы, церковь поразительно усовершенствовала свои учрежденія, создала свои школы и университеты, организовала могущественнѣйшія партіи клерикализма или центра. И не даромъ въ свободной Америкѣ, этой странѣ процвѣтающаго крестьянства, католичество нашло теперь свой новый расцвѣтъ; нигдѣ, какъ тамъ, не содѣйствовало ея силѣ отдѣленіе церкви отъ государства и предоставленіе ея судебъ самостоятельному ходу развитія.

Аналогичный процессъ наблюдаемъ мы и среди крестьянства. И здѣсь произошло разслоеніе старыхъ идеологій и нарожденіе новыхъ. Въ однихъ слояхъ, а въ наиболѣе своей отсталой части и цѣликомъ

крестьяне остались на положенiи темной закостенѣлой среды, весьма близкой къ кастовому строю. И надъ этимъ слоемъ царитъ столь же суевѣрное и темное духовенство. Въ другой своей части земледѣльцы поднялись до положенiя замкнутой группы, которая, не будучи сословiемъ въ истинномъ смыслѣ слова, по своей замкнутости и недовѣрiю къ чужимъ, по силѣ и устойчивости своего территорiально-родового интереса и организацiи, весьма напоминаетъ сословiе. И, наконецъ, эти кастовыя и сословныя тенденцiи сильно переплетаются съ новымъ сознанiемъ у крестьянъ ихъ чисто-экономической роли. Отсюда и тѣ своеобразныя производительныя, складочныя и потребительныя ассоцiацiи, ссудо-сберегательныя товарищества, крестьянскiе товарищескiе банки и самые различные хозяйственные соединенiя и союзы, которыя объединяютъ дешевую покупку скота и задачи христiанской морали, организацiю складовъ для молока и сыра и насажденiе монархизма, ссудо-сберегательныя операцiи съ особымъ культомъ папской непогрѣшимости. Нельзя не видѣть, что и здѣсь съ одной стороны мы видимъ приближенiе идеологiи къ хозяйственному базису и большую точность въ уясненiи классоваго положенiя крестьянъ, а съ другой—укрѣпленiе и углубленiе старыхъ идеологiй, которыя все же никакъ не могутъ превратить крестьянина въ настоящаго „буржуа". Не даромъ, говоря о психологiи крестьянства, даже весьма партiйные и узкiе писатели должны зачислить его въ особый бытовой и психологическiй разрядъ такъ называемыхъ „мелкихъ буржуа". Гораздо проще, однако, признавать упомянутый „классъ" отнюдь не классомъ въ истинномъ смыслѣ слова, а лишь извѣстнымъ приближенiемъ къ нему. И если, что несомнѣнно, въ нѣдрахъ крестьянства идетъ весьма глубокiй и упорный процессъ переработки его изъ сословiя въ классъ, но до сихъ поръ онъ еще скорѣе сословiе, чѣмъ классъ въ истинномъ смыслѣ слова.

Но воистину, если надо искать примѣровъ непослѣдовательности и чисто-идеологическаго творчества, то это какъ разъ тамъ, гдѣ было провозглашено уничтоженiе всякихъ искусственныхъ организацiй общественности съ замѣной ихъ чисто-естественной, чисто-научной и позитивной формой сотрудничества. Мы говоримъ здѣсь о той самой буржуазiи, которая подъ знаменемъ животворящаго капитала вышла въ XVI—XVIII вв. на арену исторiи и на мѣсто старыхъ замкнутыхъ, уединенныхъ и неподвижныхъ сословiй призвала къ жизни добровольно образуемые, подвижные, сознательно продуманные союзы личныхъ убѣжденiй и интересовъ. Дѣло въ томъ, что новое свѣтское и свободное общество, уничтожая сословiя, отнюдь не подозрѣвало само, что оно несетъ съ собой и новую идеологiю и новое подраздѣленiе людей на враждебные, хоть и свободные классы. Предполагалось, что индивидъ освобождается вообще отъ всякой тиранiи среды и становится единственнымъ носителемъ дальнѣйшаго

прогресса. На дѣлѣ, однако, оказалось далеко не то. И буржуазное общество, столь сильно, казалось бы, проникнутое чистымъ познаніемъ, столь глубоко постигшее тайну хозяйственнаго процесса, далеко не ограничилось признаніемъ однѣхъ экономическихъ категорій рѣшающимъ факторомъ общественной жизни, а прибѣгло снова къ иллюзіямъ и фикціямъ. Оказалось прежде всего, что собственность есть понятіе независимое отъ хозяйственной цѣнности и значенія ею обнимаемыхъ благъ. И въ этой области была сохранена та самая наслѣдственность и замкнутость, которая была такъ рѣзко отвергнута для кастовой святости и сословной чести. Соединенія людей, пользующихся прибылью и рентой, съ одной стороны, и живущихъ весьма скудной заработной платой—съ другой, лишились всякой добровольности и сознательности уже по тому одному, что собственность была поставлена условіемъ такого распредѣленія; и вовсе не интересы общественнаго производства и потребленія, а наличность собственности легла въ основу не экономически, а юридически принудительной принадлежности людей къ тому и другому разряду. Такъ появились классы собственниковъ и несобственниковъ, а общественное раздѣленіе труда, которое въ кастахъ извращалось тираніей идеи, а въ сословіяхъ тираніей меча, теперь подчинилось тираніи частной собственности. И совершенно независимо отъ трудоспособности и силы, призванія и таланта одинъ классъ оказался на положеніи руководителя, распорядителя и господина, другой же — исполнителя, слуги и подчиненнаго. И подобно тому, какъ высшія касты и сословія отчуждали въ свою пользу, что только они могли отнять у низшихъ, такъ же точно и высшіе „классы“ во имя новой идеологіи частной собственности отчуждаютъ въ свою пользу подавляющую массу произведеній общественнаго труда. Понятно теперь, что въ категоріи новыхъ классовъ сравнительно легко вошли многіе элементы старыхъ сословій даже безъ особенной ломки старыхъ отношеній. Классовое общество еще не свободная организація людей на почвѣ цѣлесообразнаго экономическаго ихъ сотрудничества.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ профессіонально классовое раздѣленіе людей представляетъ собой гораздо болѣе гибкія и широкія рамки, нежели сословія или касты. Переходъ изъ одного класса въ другой и менѣе замѣтенъ и болѣе доступенъ, нежели при прежнемъ строѣ. Принадлежность къ общественному классу вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно лишена наслѣдственности, юридическихъ признаковъ, правъ и привилегій. И даже если состоятельному классу обезпечены различнѣйшія преимущества въ видѣ политическаго преобладанія при цензовомъ представительствѣ, то денежный цензъ принципіально доступенъ всякому владѣющему деньгами, безразлично того, какъ и когда пріобрѣтено то или иное состояніе. Раздѣленіе между классами въ значительной степени смягчается и въ томъ смыслѣ, что

сотрудничество ихъ происходитъ не въ строго сословныхъ и территоріальныхъ границахъ, а въ самыхъ разнообразныхъ торговыхъ, промышленныхъ и иныхъ предпріятіяхъ, которыя чрезвычайно облегчаютъ не только взаимное знакомство, но и пониманіе того экономическаго процесса, который объединяетъ на одномъ дѣлѣ хозяина-предпринимателя, техника-руководителя, квалифицированнаго и простого рабочаго. И такую же печать чисто дѣлового общенія несутъ на себѣ и отношенія кредитныя и аграрныя, биржевыя и страховыя и т. п. Но такое сотрудничество обладаетъ и еще одной чертой: оно вовсе не претендуетъ на всего человѣка, на его вѣру и убѣжденія, на его привязанности и вкусы. И если еще не вездѣ бываетъ такъ, то, по крайней мѣрѣ, принципіально, пока дѣло не касается фактическаго отрицанія существующаго строя, дѣло обстоитъ именно такъ. И хозяинъ фабрики, въ концѣ-концовъ, совершенно не въ претензіи, если его ситецъ или рельсы изготовлены рабочими соціалистическихъ взглядовъ и атеистическихъ убѣжденій. До ихъ человѣческаго „я" ему нѣтъ никакого дѣла.

Наступилъ нѣкоторый прогрессъ и въ самомъ веденіи соціальной борьбы. Кровопролитіе и война уже не являются единственнымъ ея аргументомъ. Конечно, въ рѣшительныхъ случаяхъ и сейчасъ мы встрѣчаемся съ примѣненіемъ вооруженной силы. Таковы вооруженныя выступленія забастовщиковъ и революціонеровъ и кровавыя усмиренія не только вооруженныхъ людей, но подчасъ и мирныхъ манифестантовъ. Но во всякомъ случаѣ принятымъ типомъ соціальной борьбы является не драка или война, столь обычныя въ сословномъ порядкѣ, а сравнительно мирныя, хоть и требующія много жертвъ, стачки со стороны рабочихъ и локаутъ или массовое увольненіе ихъ со стороны предпринимателей. Организуется эта борьба уже не при помощи официальныхъ учрежденій, которыя въ капиталистическихъ странахъ скорѣе стремятся къ компромиссу, чѣмъ къ раздору, но при помощи рабочихъ или профессіональныхъ союзовъ съ одной стороны и союзовъ предпринимателей—съ другой. Однако нужно замѣтить, что въ болѣе прогрессивныхъ странахъ даже стачки и локауты примѣняются лишь въ крайнихъ случаяхъ, оружіемъ же борьбы съ обѣихъ сторонъ все болѣе часто являются экономическій расчетъ, строго позитивное знакомство съ положеніемъ рынка и профессіональная организація союзовъ, которые и договариваются съ предпринимателями путемъ общихъ соглашеній—тарифовъ—относительно заработной платы и условій труда. Благодаря такому положенію вещей для соціальной борьбы громадное значеніе пріобрѣтаетъ научное объективное знаніе и сила устнаго и печатнаго слова. На ряду съ идеологическими аргументами, такимъ образомъ, все болѣе примѣняются аргументы знанія, логики и опыта, а борющіяся

стороны невольно способствуютъ развитію объективной, безпристрастной мысли.

Нельзя не отмѣтить, наконецъ, что хотя бы частичное освобожденіе индивида повлекло за собой неслыханное доселѣ развитіе не только свободной науки, но также независимаго искусства и религіи. Переставъ быть достояніемъ монопольныхъ организацій, духовная дѣятельность человѣка сбросила съ себя свою служебную роль, перестала быть простымъ орудіемъ для созданія тѣхъ или другихъ идеологій. Классовый строй общества, само собой, не можетъ совершенно отрѣшиться отъ идеологическихъ построеній и нуждается въ эксплуатаціи не только научныхъ, но и иныхъ творческихъ силъ для того, чтобы превратить ихъ въ наемниковъ опредѣленнаго класса. И поскольку духовная дѣятельность становится силой въ соціальной борьбѣ, она является предметомъ купли и продажи на потребу борющихся общественныхъ группъ. Отсюда необходимое загрязненіе личнаго творчества, но и въ высшей степени важный хотя и далеко недостаточный коррективъ: поскольку сталкиваются научныя мнѣнія и идетъ духовная борьба въ области идеологіи, постольку все болѣе и болѣе обнаруживается необходимость очищенія высочайшихъ твореній человѣческаго генія отъ идеологическихъ примѣсей. Но и сейчасъ уже по сравненію съ средневѣковой связанностью нельзя не замѣтить чрезвычайнаго прогресса: уже родилась идея о ложной и истинной наукѣ, настоящемъ и фальсифицированномъ искусствѣ, о чистой мистикѣ въ отличіе отъ суевѣрій и изувѣрствъ. Эти отрасли духа хоть и съ трудомъ, но находятъ свои методологическіе критеріи.

Обращаясь теперь къ настоящему моменту, въ связи съ установленнымъ до сихъ поръ единообразіемъ въ сочетаніи историческихъ формъ, мы видимъ, что въ современности уже можно провидѣть нѣкоторые пути дальнѣйшаго общественнаго развитія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ намъ хотя бы предшествующая исторія, до сихъ поръ прогрессивный рядъ общественныхъ формъ создавался различными видами общественнаго раздѣленія труда, которые, въ свою очередь, опредѣлялись тѣми или иными формами производства. На этой основѣ создалось образованіе все болѣе подвижныхъ и широкихъ группъ, опредѣляемыхъ все болѣе позитивной идеологіей, которая стремится къ полному слiянію съ методами чистаго познанія, имѣющаго своимъ предметомъ основной экономическій процессъ. Изъ общественной мотиваціи, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе исчезаютъ групповыя идеологическія вѣрованія и убѣжденія, а ихъ замѣняютъ личные мотивы, основанные, съ одной стороны, на личномъ сознаніи индивида, а съ другой—на данныхъ объективно-научнаго характера. Этихъ соображеній пока достаточно для нѣкотораго научнаго предположенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что

идеологическія понятія собственности будутъ измѣнены въ результатѣ необходимаго усовершенствованія формъ производства. Явится новая группировка общества, согласно новому приближенію къ естественной группировкѣ производительныхъ факторовъ и силъ. Весьма возможно, что въ основу ляжетъ новое дѣленіе на профессіи, какъ оно уже отчасти вылилось въ профессіональныхъ рабочихъ союзахъ. Возможно, что будетъ создана новая идеологія „труда“,— идеологія, которая опять окажется идеологіей, а слѣдовательно, и несовершеннымъ приближеніемъ къ позитивной организаціи общественнаго производства. Но отсюда могутъ произойти новые классы духовнаго или привилегированнаго труда — и труда мускульнаго и неквалифицированнаго, классы высоко интеллигентные и малоинтеллигентные и т. п. Новая борьба можетъ уничтожить и эту идеологію, но несомнѣнно одно: на ряду съ экономическимъ прогрессомъ медленно, но неуклонно приближается не только моментъ дѣйствительно цѣлесообразной и раціональной организаціи общественнаго труда, но и освобожденіе этого процесса отъ тираніи какой-нибудь привилегированной касты, сословія или класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ приближается и освобожденіе личности отъ какихъ-либо обязанностей или долга, не оправдываемыхъ ея моральнымъ сознаніемъ и общественной необходимостью. И если уже сейчасъ индивидъ независимо отъ своего хозяйственнаго положенія имѣетъ возможность участвовать въ цѣломъ рядѣ различнѣйшихъ свободныхъ союзовъ и соединеній культурнаго типа, то несомнѣнно, что въ будущемъ и хозяйственная дѣятельность человѣка будетъ дѣломъ его добровольнаго рѣшенія, призванія и способностей.

Расширеніе объема соціальныхъ союзовъ, усложненіе, разнообразіе и подвижность ихъ составныхъ частей, точность и сила соціальнаго сознанія, богатство и свобода личной жизни — таковъ идеалъ, который несетъ съ собой соціальная борьба на почвѣ усовершенствованія общественнаго производства. Таковы формы общественной группировки въ восходящихъ рядахъ идеологической организаціи. Но жизнь формы еще ничего не говоритъ ни о взаимномъ отношеніи различныхъ идеологій ни о томъ психологическомъ процессѣ, путемъ котораго совершаются массовые идеологическіе перевороты. Точно такъ же не знаемъ мы ничего о типахъ политической организаціи, которая знаменуетъ собой формальное объединеніе противоборствующихъ общественныхъ группъ въ цѣльное идеологическое построеніе. Другими словами, мы должны теперь перейти сначала къ ученію о власти и правѣ, затѣмъ—къ психологіи соціальной борьбы и, наконецъ, къ изученію различныхъ типовъ и видовъ государства.

ГЛАВА III.

Сила, власть и право.

Ihering, Der Zweck im Recht. Dahn, Bausteine. Его же, Rechtsphilosophische Studien. Grüber, Einführung in die Rechtswissenschaft. Lasson, System der Rechtsphilosophie. Bierling, Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Binding, Die Normen und ihre Uebertretung. Gierke, Deutsches Privatrecht. Jellinek, Allgemeine Staatslehre. Kohler, Lehrbuch der Rechtsphilosophie. В. Соловьевъ, Оправданіе добра. Чичеринъ, Философія права. Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Петражицкій, Теорія права и государства. Кн. Е. Н. Трубецкой, Энциклопедія права. Рейснеръ, Теорія Петражицкаго и т. д.

Изучая психологію соціальной борьбы, поскольку она, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ тѣмъ или инымъ идеологическимъ компромиссамъ, мы, однако, не должны игнорировать одного обстоятельства. Дѣло въ томъ, что въ сколько-нибудь развитомъ обществѣ, не говоря уже о такомъ, которое базируетъ на свободной дѣятельности и борьбѣ общественныхъ классовъ, государственная идеологія, или, еще точнѣе говоря, идеологія власти, далеко не находится въ изолированномъ положеніи. И тѣ же самыя историческія, а въ частности хозяйственныя условія, которыя создаютъ спеціально политическую идеологію, создаютъ и всякую иную, а эта послѣдняя, въ свою очередь, не остается безъ вліянія и на идеологію власти. Мы уже раньше видѣли, какъ цѣлый рядъ религіозныхъ, эстетическихъ и иныхъ способовъ воспріятія вліяетъ на самый процессъ образованія политическихъ идей. Но отъ этого вліянія далеко не защищены политическія идеи и тогда, когда онѣ, казалось бы, получили болѣе или менѣе законченную форму. Болѣе того, если мы порою должны отмѣтить причудливыя сплетенія самыхъ различныхъ идеологическихъ формъ при созданіи государственныхъ идеологій, то вторженіе различныхъ, особенно этическихъ и правовыхъ идей въ ихъ болѣе или менѣе сложные комплексы бываетъ безмѣрно велико. Это послѣднее обстоятельство часто приводитъ къ положительному затемненію самой природы политическихъ организацій, къ отождествленію и смѣшенію ихъ съ другими. Особенно часты, конечно, смѣшенія „государства“ и „права“, такъ какъ послѣднее изъ всѣхъ этическихъ идеологій наиболѣе глубоко и часто переплетается съ идеологіей власти.

Безспорно, въ психологическихъ переживаніяхъ, которыя сопровождаютъ собой подчиненіе власти и подчиненіе этическимъ идеямъ, есть нѣчто общее. И здѣсь и тамъ переживается процессъ чего-то надъ человѣкомъ стоящаго, повелѣвающаго, императивнаго. Въ обоихъ случаяхъ одинаково создается и соотвѣтственная фан-

тазма надъ волей человѣка подымающейся нормы, которая проектируется вовнѣ въ видѣ чего-то властнаго, порождающаго обязанность или долгъ. Однако лишь весьма грубый психологическій анализъ приведетъ насъ къ смѣшенію такихъ двухъ существенно различныхъ переживаній, какъ психика власти и психика нравственности или права. Подобный анализъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не можетъ и не долженъ быть нами производимъ тамъ, гдѣ мы имѣемъ вообще минимумъ сознательности и максимумъ безсознательнаго приспособленія. Ибо въ такомъ случаѣ съ правовымъ переживаніемъ намъ придется отождествить всю массу нашихъ приспособленій, въ чемъ бы и какъ бы они ни выражались.

И въ самомъ дѣлѣ. Не трудно отмѣтить прежде всего, что, становясь на почву одной императивности, да еще въ ея безсознательномъ проявленіи, можно легко смѣшать самыя различныя вещи. Вѣдь императивность вообще присуща всему нашему поведенію, какъ таковому. Чрезвычайной императивностью обладаетъ прежде всего мотивъ страха. Ему же вмѣстѣ съ тѣмъ присуща и наибольшая степень безсознательности. Боязнь наткнуться на стулъ въ темной комнатѣ; страхъ передъ неизбѣжнымъ или необходимымъ положеніемъ тѣхъ или иныхъ предметовъ, находящихся въ движеніи и способныхъ насъ задѣть или уронить; опасеніе тѣхъ или иныхъ возможныхъ событій, способныхъ принести намъ чрезвычайныя бѣдствія, — всѣ подобные мотивы порождаютъ великую императивность той фантазмы, которую мы называемъ то фактомъ, то необходимостью, то естественнымъ ходомъ жизни, то, наконецъ, случаемъ, фатумомъ или судьбою, и съ которой въ большинствѣ случаевъ мы гораздо рѣже споримъ, нежели съ велѣніями нашей совѣсти или закона. И если уже древнее человѣчество не только перешло въ этой области отъ безсознательнаго приспособленія къ нѣкоторому пониманію или изученію велѣній судьбы, и организовало сознательное ей подчиненіе, то въ настоящее время императивность факта чрезвычайно возросла, и мы имѣемъ передъ собой рядъ фантазмъ крупной силы и громаднаго значенія. Но уже самое поверхностное сравненіе ихъ съ категоріями морали и права покажетъ намъ, что здѣсь императивность совершенно иного сорта, чѣмъ въ этихъ категоріяхъ.

Въ идеологическомъ процессѣ, который организовалъ нашу волю и подчинилъ ее фактической средѣ, человѣчество пережило нѣсколько періодовъ. Остановимся въ самыхъ общихъ чертахъ на этомъ процессѣ. Прежде всего, конечно, фактъ воспринимался при помощи нѣкоторой олицетворяющей и одухотворяющей фантазмы мистическаго характера и отождествлялся съ волей многихъ или немногихъ боговъ и тому подобныхъ существъ. Въ этомъ видѣ, несомнѣнно, идеологія фактическаго приспособленія, политическаго и юридиче-

скаго подчиненія оказывается не только весьма сходной, но и совершенно тождественной. Въ этомъ пунктѣ, безусловно, правы и Кнаппъ и Петражицкій, когда они говорятъ о правѣ и власти демоновъ и боговъ. И хотя, по мнѣнію фетишистовъ и политеистовъ, боги и демоны оказываются на рѣдкость своенравными, капризными и вѣроломными, но съ ними все же можно поладить при помощи жертвъ, молитвъ, аскетизма, а иногда и заключить небезвыгодный договоръ или сдѣлку. Единобожіе внесло въ эту область значительный прогрессъ. И воля единаго божества, казалось, давала возможность приспособиться настолько къ ея велѣніямъ, чтобы не подвергаться какимъ-нибудь чрезвычайнымъ и неожиданнымъ бѣдствіямъ. Однако и здѣсь результаты оказались далеко не такими, на которые, быть-можетъ, весьма многіе твердо разсчитывали. Правда, область факта была объявлена безусловно подчиненною всемогущему Божеству, которое правитъ міромъ по своей доброй волѣ и желанію. Но, во-первыхъ, оказалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ доброе Божество должно было вступить въ борьбу со злымъ началомъ, при чемъ эта борьба еще далеко не окончилась. Таково ученіе объ Ормуздѣ и Ариманѣ. Въ другихъ религіяхъ признано затѣмъ, что Божество допустило не только существованіе діавола, демоновъ и бѣсовъ, но и дозволяетъ имъ тревожить и мучить человѣка разными неожиданными и случайными бѣдствіями, дабы испытать силу человѣческаго духа, наказывать за грѣхи или же этимъ путемъ очищать человѣка отъ скверны. Наконецъ даже въ такихъ религіяхъ, какъ христіанская, по ученію которой было провозглашено, что волосъ съ головы человѣка не упадетъ безъ воли Божіей, и здѣсь пути Провидѣнія были объявлены неисповѣдимыми.

Нельзя не видѣть изъ приведеннаго абриса, что приспособленіе къ окружающей фактической средѣ при помощи религіозныхъ и этическихъ идеологій далеко не дало сколько-нибудь желательныхъ результатовъ, а самый процессъ ихъ развитія показываетъ намъ, какъ постепенно отъ политической и юридической императивности очищается сначала вся масса отдѣльныхъ мелкихъ фактовъ, а затѣмъ и вся ихъ совокупность, которая объявляется непостижимой для человѣческаго разума и недоступной его вліянію. И на мѣсто такой императивности становится постепенно иная. Конечно, здѣсь нельзя говорить о ясно сознанномъ идеологическомъ переворотѣ. И человѣкъ, который вѣрилъ въ руководство фактами шаловливыхъ и капризныхъ боговъ, на ряду съ этимъ безсознательно, а иногда и сознательно руководствовался указаніями своего опыта, знаніемъ окружающихъ и традиціей предковъ. И хотя послѣдніе тоже часто фигурировали въ качествѣ боговъ и домовыхъ, но безспорно, что ихъ традиція продолжала свое дѣйствіе и помимо ихъ личнаго авто-

ритета въ качествѣ испробованной на опытѣ практической системы тѣхъ или иныхъ дѣйствій и приспособленій.

Однако полный переходъ къ позитивному приспособленію совершился не сразу, и мы находимъ цѣлый рядъ новыхъ категорій, которыя, правда, порываютъ съ мистикой, но прибѣгаютъ къ различнымъ метафизическимъ величинамъ. Таковой прежде всего является идея рока или судьбы. Эта категорія уже лишена какого-либо личнаго характера. Объ аналогіи между сознательной волей и движеніемъ слѣпого и невѣдомаго рока не можетъ быть и рѣчи. Признакъ высшей воли устраняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и понятіе власти, которою эта воля снабжена. Вліяніе или воздѣйствіе судьбы, не имѣя личнаго характера, зачисляется въ разрядъ необходимости, простой фактической превозмогающей силы, съ которою такъ или иначе необходимо считаться. За рокомъ или судьбой не отрицается нѣкоторая закономѣрность; въ этомъ отношеніи судьба оказывается стоящей даже надъ разными отдѣльными богами. Въ эллинской трагедіи мы встрѣчаемся какъ разъ съ такимъ образомъ „мойра“ или судьбы, съ которой безуспѣшно борются и Зевсъ и Аѳина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она совершенно лишена и этическаго характера. Законъ морали къ судьбѣ неприложимъ, она остается внѣ добра и зла. Немезида не имѣетъ надъ нею власти; безстрастно взираетъ мойра на праваго и виноватаго, на доблести и преступленія людей. И на нее уже нѣтъ никакой апелляціи къ высшему существу. Она не только безстрастна, но глуха и нѣма къ человѣческимъ мольбамъ и жертвамъ, неизмѣнна въ своихъ рѣшеніяхъ, не способна ни договариваться съ кѣмъ-нибудь, ни творить чудо.

Въ такомъ представленіи судьбы уже первый шагъ къ созданію своеобразной идеологіи, организующей человѣческую волю независимо отъ какой-либо этики и политики. Организація воли здѣсь можетъ быть разныхъ типовъ. Съ одной стороны возможно себѣ представить судьбу въ видѣ хаотическаго сцѣпленія случайностей, образующихъ собой ничѣмъ не связанный рядъ фактовъ, которыхъ ни предвидѣть ни предугадать нельзя. Отсюда можетъ родиться лишь полная дезорганизація или распущенность воли, которая сдѣлаетъ изъ человѣка сознательную игрушку малѣйшихъ случайностей, при чемъ онъ даже не попробуетъ дать себѣ отчета въ томъ, куда ведутъ и къ чему приводятъ тѣ или иныя явленія. Такую отрицательную идеологію на практикѣ можно встрѣтить до крайности рѣдко. И даже тамъ, гдѣ она провозглашается, она не соблюдается на самомъ дѣлѣ, а поведеніе обнаруживаетъ признаніе извѣстной фактической закономѣрности въ теченіи событій и соотвѣтственное болѣе или менѣе планомѣрное приспособленіе. Гораздо болѣе распространено пониманіе судьбы, какъ болѣе длительныхъ и явныхъ тенденцій, выражающихся въ теченіи вещей, при чемъ вполнѣ возможно и предуга-

дываніе, предвидѣніе отдѣльныхъ поворотовъ судьбы. Особенно часто мы видимъ такое положеніе въ трагедіи, гдѣ одна часть дѣйствующихъ лицъ слѣпо стремится къ собственной своей гибели, тогда какъ другіе герои обладаютъ, подобно Кассандрѣ, особымъ даромъ предвидѣнія грядущихъ событій. Еще болѣе примирительнымъ оказывается то воззрѣніе, которое лишь извѣстную часть событій дѣлаетъ достояніемъ судьбы, другую же всецѣло предоставляетъ природѣ или даже произвольному воздѣйствію людей, какъ массы и какъ отдѣльнаго человѣка.

Такъ въ психологію человѣка входитъ весьма своеобразное переживаніе и свойственная ему императивная фантазма аморальнаго и аполитическаго свойства, но съ весьма сильной санкціей въ видѣ непреложной необходимости. Такая фантазма получаетъ новое развитіе въ понятіяхъ, заимствованныхъ изъ познанія природы. Вначалѣ природа весьма похожа на судьбу, и только угадывается и чувствуется ея закономѣрность. Но понятіе причинной связи здѣсь совершаетъ цѣлый переворотъ. На основаніи познанія причинъ и слѣдствій устанавливается положительный законъ, выясняется необходимая связь между явленіями, и предвидѣніе получаетъ объективное обоснованіе общезначимаго характера. Отсюда и норма поведенія, опирающаяся не на этику или авторитетъ власти, а на необходимость самосохраненія при наличности тѣхъ или иныхъ условій чисто фактической среды. И нужно здѣсь же отмѣтить, что авторитетъ естественнаго закона становится сразу чрезвычайно высоко, такъ какъ нарушеніе его необходимаго теченія сопровождается всегда въ высшей степени тяжелыми послѣдствіями. И всякій, возставшій противъ природы, карается ею такимъ безпощаднымъ и неизбѣжнымъ образомъ, что „велѣнія природы“ получаютъ совершенно исключительное значеніе въ жизни человѣка. Стоитъ припомнить здѣсь такія нарушенія законовъ природы, какъ отказъ отъ питанія и воды, лишеніе воздуха и свѣта, несоблюденіе требованій санитаріи и гигіены, невозможность сна, для того, чтобы представить себѣ всю силу естественной санкціи: болѣзнь и смерть ждутъ всякаго, нарушившаго естественный ходъ удовлетворенія потребностей, пожелавшаго пойти противъ стихійной силы закона причинности.

И если, съ одной стороны, возможно создать цѣлую систему права при помощи идей естественнаго закона и естественныхъ потребностей, то не менѣе возможно и обратное положеніе: а именно отношеніе и къ политическимъ властямъ и къ этическимъ требованіямъ другихъ людей, какъ къ факту, какъ къ необходимости или превозмогающей силѣ. Въ виду этого не только теоретически возможна, но на практикѣ очень часто встрѣчается такая связанность поведенія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ населенія, которая обосновываетъ императивныя фантазмы, порождаетъ организованное

поведеніе, приводитъ къ постоянному подчиненію однихъ людей велѣніямъ и требованіямъ другихъ людей, но никоимъ образомъ не устанавливаетъ правовой взаимности обѣихъ сторонъ. И если, можетъ - быть, командующая сторона и взираетъ на свои повелѣнія, какъ на правовыя, то другая, повинующаяся, сторона можетъ, не признавая ихъ правового характера, отнестись къ нимъ какъ къ непреложной необходимости, съ которой борьба безцѣльна и невозможна, а слѣдовательно, и выполненіе ихъ хоть и не обязательно, но необходимо. Здѣсь мы имѣемъ въ полномъ смыслѣ слова кантовскую необходимость, лишенную какого бы то ни было правового или моральнаго характера, но, тѣмъ не менѣе, порождающую фактически результаты, аналогичные правовому или моральному повиновенію. Смѣшивать ихъ, конечно, отнюдь нельзя.

Спрашивается теперь, имѣетъ ли значеніе такая идеологія фактическаго приспособленія для самой конструкціи и осуществленія государственной идеологіи, какъ таковой? И на этотъ вопросъ мы должны отвѣтить безусловно утвердительно. Въ виду сказаннаго мы должны признать, что не только осуществленіе требованій власти въ своемъ фактическомъ выполненіи останавливается передъ положительно данной фактической невозможностью, но и сама государственная идеологія сплошь и рядомъ сталкивается съ требованіями болѣе сильной и грозной идеологіи естественной непреложности и необходимости, опредѣляющей независимо отъ велѣній государства поведеніе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народныхъ массъ. И если съ одной стороны цѣлыя государственныя формы, какъ это мы увидимъ ниже, держатся не на государственной идеологіи, а на идеологіи необходимости, то съ другой, по мѣрѣ развитія точнаго знанія и особенно положительной соціальной науки, категорія естественной необходимости получаетъ все новыя и новыя формы.

Ясно теперь, что, когда мы находимъ такія переживанія, которыя, съ одной стороны, основываются на сознаніи необходимости, а съ другой — въ силу этого гарантируютъ другимъ лицамъ, заявляющимъ на то права, соблюденіе соотвѣтственныхъ обязанностей, то мы менѣе всего находимъ здѣсь правовую психику. Напротивъ того, я могу считать себя обязаннымъ исполнить чужое правовое требованіе по мотивамъ страха и невозможности сопротивленія. Мною могутъ руководить при этомъ только соображенія выгоды и расчетъ. Во мнѣ, наконецъ, можетъ жить убѣжденіе, что мой протестъ или сопротивленіе не оправдываются историческимъ ходомъ событій, закономъ соціальнаго развитія, данной эпохой хозяйственнаго прогресса и т. д. Такія же соображенія въ обратномъ смыслѣ могутъ, наоборотъ, уполномочивать носителя власти или политическаго дѣятеля къ поступкамъ, совершенно не оправдываемымъ его правовымъ сознаніемъ, но продиктованнымъ ему сознаніемъ слабости против-

ника, выгодности той или иной конъюнктуры, хозяйственной необходимости, исторической неизбѣжности, соціальной закономѣрности и т. п. Нельзя не видѣть, что этимъ путемъ происходитъ не только столкновеніе и переплетеніе идеологіи власти съ идеологіей факта, но и открывается широкая возможность, съ одной стороны, полнаго разстройства установившихся отношеній власти при помощи идеологіи факта, а съ другой—такого ограниченія власти извнѣ, которое, несмотря на отсутствіе этическаго характера, можетъ значительно видоизмѣнить и самую идеологію власти и ея примѣненіе.

Характерной чертой такой идеологіи факта является ея зависимость отъ самаго факта и его пониманія. И въ этомъ смыслѣ можно измѣрить и устойчивость подобной идеологіи въ опредѣленіи отношеній между людьми. Самой неустойчивой является, конечно, та, которая опредѣляется фактомъ въ смыслѣ грубо эмпирическаго, безсознательнаго приспособленія къ мелкимъ текущимъ событіямъ. Отношенія, построенныя на такой почвѣ, будутъ являть образъ крайней измѣнчивости и пестроты. Смотря по обстоятельствамъ, будетъ измѣняться готовность дѣйствовать и повиноваться, соблюдать свои обѣщанія и нарушать ихъ, отказываться отъ своихъ намѣреній или выполнять ихъ и т. п. Гораздо больше устойчивости даетъ идеологія факта, взятаго въ видѣ опредѣленныхъ длительныхъ экономическихъ процессовъ, эмпирическихъ законовъ общественнаго развитія, частныхъ тенденцій общей соціальной эволюціи и т. п. Но, само собой, чѣмъ выше обобщеніе факта и возведеніе его къ единому общему закону соціальной причинности, тѣмъ устойчивѣе и опредѣленнѣе порожденное такой идеологіей поведеніе. Въ высшей степени интересный образчикъ устойчиваго и строго опредѣленнаго подобной идеологіей поведенія даетъ намъ современный соціализмъ, поскольку онъ опредѣляется теоріей марксизма. Здѣсь соціальная философія, построенная на познаніи общаго хода экономическаго развитія человѣчества, замѣнила собой основные мотивы, порождаемые какъ признаніемъ существующей власти, такъ и правовой идеологіей классоваго общества. Соціалисты въ виду этого подчиняются въ современномъ государствѣ лишь исторической необходимости, но не его праву или власти. Принципіально въ основѣ это отношенія силы и слабости, но не больше.

Право имѣетъ свою собственную родину. И меньше всего оно зависитъ отъ силы, обезпечивающей ему примѣненіе. Мы уже видѣли выше, что можно соблюдать правовыя положенія отнюдь не въ силу правовыхъ переживаній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя считать достаточнымъ для правовыхъ переживаній и одного только формальнаго момента, что, дескать, моя обязанность прикрѣплена къ праву другого. Получается опредѣленіе idem per idem; спрашивается: на чемъ же въ такомъ случаѣ основано право другого? И есть ли это

право другого дѣйствительно право, а не простой фактъ, съ которымъ необходимо мириться лишь постольку, поскольку нѣтъ силы и возможности плодотворнаго сопротивленія? Вѣдь очень часто въ такомъ именно видѣ выступаетъ власть, эта превозмогающая воля, которая для своего бытія отнюдь не нуждается въ правовомъ обоснованіи. Не менѣе совпадаетъ при указанномъ опредѣленіи правовое переживаніе и моральное. Ибо и здѣсь возможно такое подчиненіе моего „я" волѣ другого, что мой долгъ окажется неизмѣннымъ и постояннымъ спутникомъ всякаго желанія, всякаго требованія любимаго мною лица. Одно сознаніе двусторонности правового переживанія въ связи съ императивнымъ характеромъ идеологической фантазмы, очевидно, недостаточно. Нуженъ не формальный, а матеріальный признакъ, который бы рѣзко отдѣлилъ право отъ факта, такъ же какъ отъ моральнаго переживанія. И не надо искать особенно долго такого признака, такъ какъ онъ дается, съ одной стороны, всеобщей терминологіей права, а съ другой—наличностью такихъ формъ права, въ которыхъ съ чрезвычайной остротой и яркостью право даетъ намъ свое основное содержаніе.

Свободное и чистое выраженіе права столь же подвергается искаженію и смѣшенію въ историческомъ процессѣ, какъ и всякая другая общественная идеологія. И прежде всего на сущности права отражается та форма, въ которой оно получаетъ свое выраженіе. Право становится жертвой идеи власти. И это вполнѣ понятно: ибо нѣтъ, казалось бы, большаго антагонизма, чѣмъ тотъ, который существуетъ между двумя указанными идеологическими величинами. Власть стремится къ устраненію борьбы и къ миру; право вѣчно порождаетъ новые конфликты, такъ какъ исходитъ изъ идеи справедливаго распредѣленія благъ. Власть своимъ идеаломъ почитаетъ возможно большее единство воль, достигаемое хотя бы цѣной ихъ фактическаго или теоретическаго уничтоженія; наоборотъ, право образуетъ понятіе правъ, находящихъ свое обоснованіе помимо и внѣ государства, а этимъ вмѣсто единства создаетъ разнорѣчіе и разрозненность правомъ защищенныхъ воль. Наконецъ государство желаетъ быть источникомъ общаго блага, какъ его понимаетъ та или иная власть; право и здѣсь встрѣчается съ государствомъ, такъ какъ создаетъ благодаря сочетанію взаимныхъ обязанностей и правъ могущественную формальную преграду въ психикѣ людей, которые стремятся саму власть сдѣлать лишь оружіемъ права, дѣйствующимъ лишь въ правовыхъ границахъ во исполненіе едва ли не однѣхъ правовыхъ нормъ и предписаній. Власть и право—это вѣковые антагонисты, и примиреніе ихъ совершалось далеко не такъ просто въ развитіи государственныхъ формъ.

Однимъ изъ наиболѣе устойчивыхъ и главныхъ способовъ примиренія указаннаго антагонизма является обращеніе государства къ

такъ называемому закону и законодательству. Что такое законъ?— Это есть такая правовая норма, которая источникъ своей обязательной силы имѣетъ въ видѣ государственнаго велѣнія. И отсюда, очевидно, то преобразованіе, которое вносится въ правовое переживаніе. Право, которое опирается въ нашемъ сознаніи прежде всего на понятіе правды, справедливости и равенства въ распредѣленіи и уравненіи между людьми и вещами, вмѣсто того, чтобы прилагаться въ видѣ основного и высшаго критерія къ самому государству, становится въ нашемъ сознаніи его покорнымъ слугой; оно теряетъ самостоятельную регулирующую силу, оно прекращаетъ свою жизнь внѣ государства, оно связываетъ не потому, что оно право, а потому, что такъ повелѣла власть. Отсюда является разлагающее правовую идеологію представленіе, что право лишь потому и постольку обязательно, поскольку за его спиной стоитъ принужденіе и сила. Сила начинаетъ творить право; сила начинаетъ превращаться въ право. Самый фактъ превозмогающей воли и силы становится достаточнымъ для того, чтобы немедленно пріобрѣсти ореолъ правовой и законной власти, ибо законъ создается властью, право же и есть законъ. И достаточно, чтобы любое насиліе провозгласило закономъ свою полную свободу отъ всякихъ правовыхъ сдержекъ, чтобы оно этимъ самымъ было юридически оправдано и прикрыто знаменемъ правового права.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правовому переживанію свойственна нѣкоторая универсальная тенденція. Опираясь на идеи справедливости и правды, всякое право вмѣстѣ съ тѣмъ основывается и на той особой логикѣ права, которая своимъ идеаломъ почитаетъ конечное объединеніе всѣхъ правдъ въ нѣкоторой единой высшей, долженствующей стать послѣднимъ завершеніемъ справедливости на землѣ. Вѣдь если есть вообще возможность примиренія правовыхъ конфликтовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и суда въ области права, то это именно потому, что справедливость предполагается не субъективнымъ, а объективнымъ началомъ, и даже безо всякаго государственнаго закона она есть, какъ предполагается, непреложный и неизмѣнный законъ, притомъ такой, для уразумѣнія котораго вполнѣ достаточно неиспорченнаго человѣческаго сердца и здраво разсуждающей головы. И какъ разъ въ наиболѣе свободной формѣ третейскаго разбирательства мы находимъ воплощеніе такого суда, который воспринимаетъ и устанавливаетъ всеобщее обязательное право, опирающееся на универсальную обязательную силу простой юридической логики. И когда говорятъ о правѣ, невольно и необходимо возникаетъ у всѣхъ представленіе о единой великой властвующей нормѣ, такъ какъ предполагается, что есть лишь одна справедливость, какъ есть одна истина, и что не можетъ быть также примиренія между справедливостью и неправдой, какъ между истиной и ложью.

И вотъ какъ разъ указанная тенденція права стать высшимъ, общимъ и единымъ закономъ и даетъ возможность того тѣснаго союза между властью и правомъ, о которомъ говорили мы выше. И задолго до того, когда дѣйствительно воплотится идеалъ правового, справедливаго закона, создается временная и несовершенная фальсификація его, которая и провозглашается офиціально и формально, какъ его воплощеніе, такъ какъ оно съ внѣшней стороны снабжается указанными признаками истиннаго правового закона: вѣдь государственный законъ хочетъ тоже быть справедливостью и выдаетъ себя за таковую; вѣдь онъ тоже есть единый, какъ едина сама правда; наконецъ и ему присуща та сила всеобщей обязательности, которая такъ отличаетъ правовую норму, эту великую распредѣлительницу и уравнительницу людей и вещей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. А какъ доказательство ad oculos, именно власть беретъ на себя кодефикацію и систематику существующаго права, замѣняетъ свободныхъ третейскихъ судей своими судьями и охраняетъ самодержавіе и верховенство закона при помощи принужденія. И если власть затѣмъ и начинаетъ сама въ своихъ выгодахъ и пользахъ творить законъ, то это является вполнѣ естественнымъ со стороны обладательницы такихъ великихъ правовыхъ полномочій. А отсюда одинъ только шагъ къ той фальсификаціи права и замѣнѣ его простыми велѣніями власти, которыя и приводятъ, въ концѣ-концовъ, къ совершенному отрицанію права, какъ самостоятельной идеологіи. Идеологія власти этимъ путемъ поглощаетъ идеологію права.

Гораздо болѣе силы сопротивленія, а вмѣстѣ и умѣряющаго вліянія на власть оказываетъ та форма права, которая выражается въ обычаѣ. Обычное право есть, подобно государственному закону, не чистое и не свободное проявленіе права. И если въ формѣ закона право поглощается и искажается властью, то въ обычаѣ то же происходитъ съ фактомъ. И подобно тому, какъ не государство судится правомъ, а само начинаетъ властвовать надъ правомъ, такъ и здѣсь мы видимъ не господство правды надъ фактомъ, а факта надъ правомъ. Ибо формула обычая: „такъ было—такъ должно быть“, и чѣмъ старѣе и чаще „было“, тѣмъ могущественнѣе и сильнѣе должно быть. Конечно, и здѣсь рѣчь идетъ не о фактѣ вообще, а лишь о такомъ, который носилъ въ себѣ правовой элементъ, былъ, другими словами, фактомъ, организованнымъ при помощи права, въ видѣ ли судебнаго рѣшенія или правовой сдѣлки или какого-нибудь иного акта, въ которомъ были приложены требованія справедливости и было поступлено по правдѣ. Въ замкнутой, уединенной средѣ при господствѣ родовыхъ отношеній и непреоборимой традиціи съ фактомъ совершалось то же, что выше съ властью. Вмѣсто того, чтобы судить новыя явленія съ точки зрѣнія правды, какъ это дѣлалось относительно прежнихъ явленій, послѣднія сами становились крите-

ріемъ правды, и новыя явленія уже подвергались суду не во имя правды, а во имя своего простого сходства или несходства съ тѣми предыдущими фактами и дѣйствіями, которые были юридически оцѣнены. И если даже новые дѣйствія и факты, новыя отношенія къ вещамъ и людямъ оказывались совершенно иными, то и здѣсь проводились аналогіи, строились фикціи, только бы избѣгнуть новой и самостоятельной квалификаціи новыхъ явленій непосредственно съ точки зрѣнія правды.

Образованію обычнаго права, конечно, весьма содѣйствуетъ и сама психологія права, которая обладаетъ не только тенденціей къ универсализму, что мы сейчасъ видѣли выше, но и такой же тенденціей къ консерватизму. Послѣдняя обусловливается не только единствомъ идеи справедливости, лежащей въ основѣ правового переживанія, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что при правовой оцѣнкѣ критерій правды прилагается къ цѣлому ряду иногда весьма мелкихъ фактовъ, притомъ въ значительной степени однообразныхъ. И при частомъ повтореніи ихъ, естественно, слагается своего рода шаблонированіе судебнаго рѣшенія, которое постепенно теряетъ ту остроту и тонкость юридической оцѣнки, которая была положена въ основу перваго рѣшенія, послужившаго затѣмъ образцомъ и превращеннаго въ шаблонъ. Къ этому присоединяются другія обстоятельства, которыя еще болѣе шаблонируютъ правовое рѣшеніе. Къ нимъ принадлежитъ свойственная примитивному сознанію неспособность видѣть явленія такими, какъ они есть, или, иначе говоря, недостаточность пониманія самаго факта или дѣйствія, подлежащаго оцѣнкѣ, а съ другой стороны необходимость прибѣгать къ различнымъ символамъ, процессуальнымъ формамъ и торжественнымъ обрядамъ, дабы отпраздновать торжество правды, а вмѣстѣ запомнить и закрѣпить въ сознаніи тѣ или иныя положенія найденной и возстановленной правды. А такъ какъ опять-таки правда въ судебномъ рѣшеніи оказывается заключенной въ рамки казуса, то вмѣстѣ съ найденной правдой консервируется и самый казусъ, который и запечатлѣвается не только въ юридическихъ поговоркахъ, но и записанныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ. Послѣднія становятся источникомъ болѣе сложной идеологіи, которая способна, въ концѣ-концовъ, затмить и непосредственное правовое чувство.

Обычное право оказывается, несмотря на свои основные недостатки, весьма пригоднымъ къ тому, чтобы противостоять самостоятельной идеологіи власти. Вкоренившійся въ нравы населенія, ставшій привычной, почти безсознательной нормой дѣятельности, обычай, опираясь на всѣмъ доступные яркіе казусы, получаетъ чрезвычайную силу традиціи, пріобрѣтаетъ характеръ стихійнаго народнаго творенія, сплетается съ бытомъ въ одно цѣлое, и такъ какъ врядъ ли есть что-нибудь болѣе крѣпкое, чѣмъ бытъ, то естественно, что

ставшее обычаемъ право способно весьма успѣшно сопротивляться велѣніямъ власти и ея суверенному закону. Попросту говоря, такія велѣнія, поскольку они противорѣчатъ обычаю, остаются безъ употребленія и примѣненія, теряютъ свою обязательную силу и безъ всякой формальной ихъ отмѣны не исполняются, а въ идеологическомъ смыслѣ умираютъ. Кромѣ такого пассивнаго противодѣйствія, обычай часто вторгается въ сферу самой дѣятельности государства и тамъ производитъ весьма рѣшительное дѣйствіе. Путемъ толкованія и примѣненія государственныхъ велѣній въ своемъ духѣ и направленіи обычай вноситъ въ государственную практику правовые коррективы, приспособляетъ ее къ общему правосознанію народа, а иногда благодаря постепенной и долговременной переработкѣ, совершающейся при помощи продолжительной традиціи, незамѣтно совершенно ее преобразуетъ, видоизмѣняетъ и такимъ путемъ создаетъ новое государственное право. На примѣрѣ Англіи мы можемъ наблюдать съ чрезвычайною яркостью, какъ простой фактъ неосуществленія верховной властью нѣкоторыхъ ея прерогативъ, будучи возведенъ въ норму обычнаго права, совершенно устранилъ эти прерогативы, сдѣлалъ невозможнымъ ихъ юридическое осуществленіе. Судъ, а въ частности двѣнадцать честныхъ гражданъ, были органомъ этого обычая, почерпавшаго въ прецедентѣ юридическій принципъ высокаго значенія.

На послѣднихъ примѣрахъ, гдѣ подъ видомъ стараго обычая проводятся новыя нормы, выясняется вмѣстѣ съ тѣмъ и то лицемѣріе обычая, которое идетъ вровень съ фальсификаціей права при помощи велѣній власти. И нельзя не видѣть, что преобразованіе права путемъ ссылки на прецедентъ содержитъ въ себѣ сѣмя разложенія, которое облегчаетъ работу власти по устраненію и ослабленію обычая. И въ самомъ дѣлѣ, стоя на почвѣ стараго факта, можно подвергнуть юридической оцѣнкѣ лишь такіе новые, которые совершенно или, по крайней мѣрѣ, въ своемъ главномъ содержаніи совпадаютъ съ прецедентами и подходятъ подъ ту норму, которая къ нимъ была примѣнена. Но что дѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость или подвергнуть юридической оцѣнкѣ совершенно новые, прецедентомъ не охваченные, факты, или же къ фактамъ, совершенно аналогичнымъ, уже прежде бывшимъ, примѣнить новую, отличную отъ прежней норму, подсказанную новымъ же правовымъ сознаніемъ? И если еще можетъ довольно благополучно сойти примѣненіе обычной нормы къ новымъ казусамъ по аналогіи, то какимъ способомъ отмѣнить на основаніи старой нормы её самоё, во имя стараго прецедента создать новый прецедентъ, который бы отмѣнилъ или измѣнилъ значеніе стараго? Конечно, гибкость юридическаго толкованія не имѣетъ границъ, и при надлежащей изворотливости черное можетъ превратиться въ бѣлое и обратно. Но правовое чув-

ство не можетъ удовлетвориться подобной логикой, такъ какъ она въ корнѣ отрицаетъ правду, являющуюся основаніемъ права. И обычай долженъ освободить право отъ тисковъ факта и дать праву его свободное теченіе.

Наиболѣе чистой и свободной формой права является, несомнѣнно, договоръ. Заключенію его обыкновенно предшествуетъ борьба. Однако не надо думать, что всякая борьба приводитъ къ договору въ правовомъ смыслѣ. Фактическая борьба приводитъ и къ такимъ же фактическимъ результатамъ. И если сильнѣйшій, въ концѣ-концовъ, торжествуетъ, то это далеко не значитъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ торжествовало право. Чаще бываетъ наоборотъ. Конечно, нѣтъ такого фактическаго положенія или такой власти, которыя бы, въ концѣ-концовъ, не получили правового освященія въ той или иной формѣ. Но непосредственныхъ правовыхъ результатовъ борьба фактическая имѣть не можетъ. Совершенно иное дѣло, когда сама борьба пріобрѣтаетъ юридическій характеръ, принимаетъ правовую идеологическую организацію. Такая борьба не есть обращеніе къ голой силѣ: она становится подъ знамя правды или справедливости, она связываетъ себя напередъ соотвѣтственнымъ принципомъ и ограничиваетъ свой интересъ опредѣленной границей. Это не есть просто желаніе захватить, побѣдить, ограбить; оно ставитъ своей цѣлью не интересъ, который по существу допускаетъ не только безграничное расширеніе, но и постепенное измѣненіе своихъ цѣлей. Это есть домогательство, требованіе своего права, основаннаго на общихъ требованіяхъ справедливости, ею ограниченнаго и ею опредѣленнаго. Этимъ борющаяся сторона какъ бы сама на себя налагаетъ законъ, нарушеніе котораго ею самой почитается противоправнымъ.

Борьба за право отличается еще одной чертой. Пока интересъ или выгода не получили оправданія и освященія со стороны права, они легко допускаютъ измѣненія въ объемѣ и содержаніи требованій, которыя руководствуются прежде и больше всего цѣлесообразностью. Отсюда готовность сдѣлать „пока" тѣ или другія уступки, удовлетвориться возможнымъ, пойти на принципіально недопустимый компромиссъ. Отсутствіемъ правовой оболочки какъ разъ и отличаются различныя примиренческія, ревизіонистскія или постепеновскія попытки, которыя не столько добиваются правды, сколько непосредственнаго и подчасъ близорукаго и мелкаго приспособленія. Идеологія права такимъ уступкамъ и колебаніямъ не только чужда, но и враждебна. Какъ только требованіе получаетъ правовой характеръ, оно немедленно же получаетъ и принципіальную основу. Дѣло идетъ не о проходящемъ интересѣ, а о воплощеніи чего-то столь дорогого, высокаго и великаго, какой является сама справедливость. И если можно порой уступить изъ расчета, то нельзя уступить изъ принципа. Такъ рождается нѣкоторый правовой фанатизмъ, который способенъ

у массъ поднять великую волну идейнаго энтузіазма, а вмѣстѣ съ нимъ и моральной силы, столь необходимой для побѣды, но который у отдѣльныхъ лицъ способенъ вырождаться въ болѣзненную манію сутяжничества, способную принести все въ жертву ради торжества вовсе даже порою неправедной, ошибочной и нелѣпой субъективной правды. Не что иное, какъ именно фанатизмъ права, приводитъ къ непремѣнному стремленію воплотить въ жизнь его требованія хотя бы цѣною насилія или принужденія лицъ, которыя этого права не признаютъ и ему не желаютъ подчиниться.

Еще болѣе содѣйствуетъ бурной и насильственной реакціи права то обстоятельство, что распредѣляющая справедливость отнюдь не удовлетворяется общими принципами, а стремится къ твердому урегулированію правъ и обязанностей, благодаря чему устанавливается тѣсная связь между личнымъ стремленіемъ и общимъ принципомъ, между индивидуальнымъ правомъ и правовой нормой. Вѣдь идеологія права и состоитъ въ томъ, что во имя справедливости она отдаетъ въ личное обладаніе одного обязанности другого, а съ другой стороны налагаетъ обязанности, другой конецъ которыхъ кончается въ правѣ другого. Уступить въ борьбѣ за право, значитъ, поэтому отказаться и отъ своихъ собственныхъ правъ, побѣдить въ этой борьбѣ значитъ во имя правды по праву обогатить свою личность новыми благами. Такъ борьба за право вообще превращается въ борьбу за свое собственное, личное право, столь дорогое и такъ рѣзко противопоставленное праву и обязанностямъ другихъ. Въ борьбу за право вмѣшивается борьба за все то, что подлежитъ правовому распредѣленію, а слѣдовательно, и борьба за власть, за силу, за выгоду, за достоинство, за честь. И разъ подъ идеологіей права скрываются столь крупныя и дорогія блага, борьба за право сама извращается, принимаетъ грубый и насильственный характеръ. Къ фанатизму права присоединяется въ качествѣ добавочнаго мотива жадность и корысть, месть и властолюбіе. Въ результатѣ насиліе, какъ единственная опора права.

Само собою разумѣется, что ничто такъ не компрометируетъ права, какъ именно насиліе или принужденіе, сопровождающее его велѣнія и требованія. Съ правомъ здѣсь повторяется то же, что въ свое время было съ религіей. И какъ религію нельзя внушить кострами инквизиціи, точно такъ же нельзя тюрьмами и висѣлицами пропагандировать право. Напротивъ того, самымъ разрушительнымъ образомъ на правовое сознаніе дѣйствуетъ наличность людей, которые цѣною мученій и самой смерти на каторгѣ или на плахѣ создаютъ себѣ трагическую привилегію полной свободы отъ какой бы то ни было человѣческой справедливости, и къ ней стремящагося права. Цѣлью всякой правовой борьбы можетъ быть только договоръ или соглашеніе. И опять-таки правовая психика его весьма облегчаетъ

Какъ мы видѣли, она напередъ, еще во время самой борьбы, ставитъ надъ собой высшій объективный критерій въ видѣ принципа правды. Вмѣстѣ съ тѣмъ данная сторона представляетъ себѣ опредѣленные выводы изъ даннаго критерія и настаиваетъ на ихъ истинности. Но такое положеніе допускаетъ споръ на принципіальной почвѣ, и противныя стороны, ставъ на почву юридической логики, могутъ не только добиваться своихъ правъ силой, но, что гораздо болѣе соотвѣтствуетъ самой сущности права, могутъ взаимно исправлять ошибки въ юридическомъ толкованіи нормъ, оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ фактовъ, или же, наконецъ, въ примѣненіи самой юридической логики. Въ такомъ спорѣ обѣ стороны получаютъ видъ не враговъ, готовыхъ истребить или унизить другъ друга, а диспутантовъ, которые, вполнѣ принимая общій исходный пунктъ и главнѣйшія предпосылки, въ то же время расходятся въ воззрѣніяхъ на частности, при чемъ послѣднія въ концѣ-концовъ, въ случаѣ успѣха и разрѣшаются, къ общему удовлетворенію. Въ достигнутомъ соглашеніи найденная сторонами правда и устанавливается въ качествѣ общей нормы поведенія.

Устойчивости такого соглашенія опять-таки въ высокой мѣрѣ содѣйствуетъ двухсторонній характеръ юридическихъ нормъ. Устанавливая цѣлый рядъ правъ и обязанностей, которыя охватываютъ самыя разнообразныя и вмѣстѣ близкія индивиду отношенія, договоръ заинтересовываетъ живѣйшимъ образомъ тѣхъ или иныхъ контрагентовъ въ соблюденіи установленныхъ въ немъ положеній. Нарушеніе договора, такимъ образомъ, оказывается не только преступленіемъ противъ объективной правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ умаленіемъ тѣхъ или иныхъ на немъ обоснованныхъ правъ, причиненіемъ незаслуженнаго вреда, несправедливаго ущерба, противозаконнаго вреда. И когда создается цѣлая сѣть договорныхъ правоотношеній, начиная съ установленныхъ личными соглашеніями и кончая коллективными договорами, то передъ нами получается столь крѣпкая взаимная связь личной и групповой заинтересованности въ соблюденіи права, что чрезъ нее не пробьется никакой произволъ или насиліе, ибо каждый держится за свои права, каждый требуетъ исполненія ему принадлежащихъ обязанностей, каждый бережетъ и хранитъ право, охраняя и защищая свои права.

И надо отдать справедливость государству, договорное право въ немъ и для него играло всегда громадную роль. Въ области международной и сейчасъ путемъ договора не только опредѣляются примѣненія права, но и самыя его нормы. И если бы не господство военной силы,—это была бы одна изъ наиболѣе чистыхъ формъ правового творчества. Во всѣхъ свободныхъ государствахъ далѣе договорное право опредѣляетъ отношенія всѣхъ основныхъ государственныхъ органовъ другъ къ другу или само организуется въ законѣ, которое по своему происхожденію есть

ни что иное, какъ договоръ различныхъ правотворящихъ факторовъ, партій, палатъ, монарха и т. п., при чемъ отнюдь не надо себѣ представлять дѣятельности парламента определяемой исключительно мотивами цѣлесообразности. Напротивъ, нигдѣ такъ ожесточенно не ведется борьба за право, какъ въ законодательныхъ палатахъ, гдѣ въ нормальныхъ случаяхъ вопросъ рѣшается по праву, а не въ силу одного лишь преобладанія того или иного большинства. Независимо отъ такихъ формальныхъ договоровъ въ видѣ издаваемыхъ палатами законовъ, можетъ развиться и болѣе тонкая практика молчаливыхъ соглашеній, которыми заканчиваются подчасъ тяжелые политическіе и правовые конфликты. Такое право соглашеній получило особенное признаніе въ Англіи, гдѣ на ряду съ законами, обычаемъ дѣйствуютъ и такія соглашенія конституціоннаго характера. Они даже не вносятся въ писанное право. Такъ власть, становясь одной изъ договаривающихся сторонъ, не только связываетъ себя объективной нормой, но и обосновываетъ на ней свои обязанности и права такъ же, какъ обязанности и права гражданъ.

Принимая въ свою организацію договорное право, государство совершаетъ настоящій актъ подчиненія своей власти идеологіи права. И при наличности общества, раздѣленнаго на враждебныя хозяйственныя группы и классы, такое подчиненіе власти праву можетъ въ значительной степени содѣйствовать торжеству послѣдняго. Но не надо забывать, что какъ условія веденія правовой борьбы, такъ и установленія правовой нормы далеко не всегда содѣйствуютъ торжеству не только общей, но и частной справедливости. И если мы обратимся сначала къ самому главному моменту, къ процессу созданія правовой нормы путемъ борьбы за правду и справедливость, то уже здѣсь найдемъ великія опасности, которыя угрожаютъ нахожденію правды. И первой основной причиной, которая здѣсь способна привести къ вопіющей несправедливости въ самомъ законѣ,—это экономическое, культурное и политическое неравенство борющихся за новое право сторонъ. Благодаря такому неравенству получаютъ преобладаніе мотивы мести и страха, злобы и корысти, а отнюдь не стремленіе къ справедливому порядку правоотношеній. Экономически и культурно-обиженная сторона лишена далѣе тѣхъ органовъ и средствъ, которыя ей нужны для выраженія и юридическаго обоснованія своихъ домогательствъ и претензій. Наконецъ, въ случаѣ побѣды, масса слишкомъ разрозненна и слаба для того, чтобы энергично и послѣдовательно отстаивать свое въ бою добытое право. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ безконечно болѣе вооруженной для великой тяжбы лишь одну экономически сильнѣйшую сторону, а въ силу этого и создаютъ компромиссъ, который для другой стороны теряетъ правовой характеръ. Вѣдь немыслима справедливость тамъ, гдѣ одна воля цѣликомъ задавлена другой, гдѣ сдѣлка совершается не свободно,

гдѣ при распредѣленіи благъ принимается въ соображеніе лишь одинъ интересъ, а другой считается несуществующимъ и ничтожнымъ. Достаточно вглядѣться въ правовую идеологію, которая организуетъ именно поведеніе нѣсколькихъ сторонъ на почвѣ взаимнаго признанія или общей связанности во имя справедливости, чтобы понять всю невозможность права, рожденнаго силой и правовымъ убѣжденіемъ лишь одной какой-нибудь стороны. Для того, чтобы борьба за право привела дѣйствительно къ созданію общаго права, необходимы не только свобода самой борьбы, но и равенство сторонъ, заключающихъ свое окончательное соглашеніе.

Ясно теперь, почему въ исторіи власти и ея отношеніи къ праву мы находимъ столь различные моменты, какъ, съ одной стороны, стремленіе облачиться въ правовую одежду, чтобы этимъ обезпечить себѣ преданность и повиновеніе подданныхъ, а съ другой—обращеніе борющихся за право сторонъ къ помощи государственной власти. Вѣдь послѣдняя, какъ предполагается, достаточно сильна, чтобы, по крайней мѣрѣ, гарантировать хоть нѣсколько свободу и равенство ищущимъ права сторонамъ. И по мѣрѣ того, какъ все болѣе широкіе круги народа принимаютъ участіе въ политической дѣятельности, они пользуются государственной властью для того, чтобы заставить ее служить праву и обезпечивать необходимыя условія для его торжества. Конечно, справедливость и до сихъ поръ еще не внесена въ ту область, гдѣ она особенно нужна. Лишь весьма медленно и постепенно захватываетъ она вмѣстѣ съ правомъ свободной борьбы одну область человѣческой дѣятельности за другой. Уже гарантирована болѣе или менѣе свобода правовой борьбы за справедливое распредѣленіе духовнаго авторитета и моральнаго вліянія. Въ равной степени ограждены честь и достоинство всякаго человѣка безъ различія его имущественнаго и общественнаго положенія. И этимъ самымъ открыта возможность такого распредѣленія здѣсь обязанностей и правъ, которое соотвѣтствуетъ понятію о справедливости въ тѣхъ или иныхъ кругахъ и въ тѣ или иныя времена. Религіозное сообщество, эстетическое общеніе, моральное братство въ свободно сознанномъ правѣ распредѣляютъ духовныя блага между своими сочленами. И это право является автономнымъ.

Значительны успѣхи права и въ области борьбы за политическую власть, берущую на себя воплощеніе цѣлей общежитія. Избирательное право въ парламентѣ и органы самоуправленія стремятся обезпечить каждому возможность свободной и равной борьбы за государственный почетъ, пользованіе и распоряженіе силами государства, за признаніе партійной или классовой воли — волею самой государственной организаціи. И здѣсь, съ одной стороны, мы находимъ огражденіе свободы избирателей, а съ другой — равенства въ пользованіи ея способами и пріемами. И поскольку рѣчь идетъ о

собственности, семейномъ строѣ и физическихъ отношеніяхъ между людьми, тотъ же принципъ болѣе или менѣе выдержанъ и въ организаціи современнаго суда, гдѣ проведено начало равенства сторонъ и состязательнаго процесса, или, другими словами, свободной борьбы за право путемъ судебныхъ доказательствъ и толкованія юридической нормы. Подобный порядокъ введенъ и въ отношеніяхъ между властью и подданными; и здѣсь, хотя бы на время и искусственно, водворяется равенство въ отношеніяхъ между превозмогающей силой и слабымъ подданнымъ, который вступаетъ съ властью въ свободную борьбу на аренѣ обычнаго или административнаго суда. И хотя всѣ эти типы борьбы происходятъ еще въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, однако, они обезпечиваютъ хоть нѣкоторое признаніе справедливости въ указанныхъ областяхъ.

Однако до сихъ поръ имѣется еще одна область, гдѣ нѣтъ пока ни свободной правовой борьбы ни необходимаго для нея равенства. И это въ сферѣ отношеній между бѣдностью и богатствомъ, трудомъ и капиталомъ. Здѣсь нѣтъ равенства потому, что не признано еще право человѣка на существованіе. Здѣсь нѣтъ свободы потому, что на первый планъ выдвигаются интересы не соціальной справедливости, а простой силы. До настоящаго времени еще не оцѣнено и не признано все своеобразіе взаимныхъ отношеній въ сферѣ производства, обмѣна и потребленія, и здѣсь въ громадной степени царствуетъ фактъ, а не право. Лишь очень постепенно съ ходомъ соціальной реформы рождается норма особаго соціальнаго права, вносящаго справедливость въ отношенія между капиталомъ и трудомъ, и только въ послѣднее время стало расти договорное право рабочихъ и образовываться особые пока третейскіе суды. Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ правомъ и въ эту область придетъ, наконецъ, торжество соціальной справедливости. Право и здѣсь побѣдитъ власть и подчинитъ себѣ государство.

ГЛАВА IV.

Идеологическіе перевороты.

Въ соціологическихъ теоріяхъ, приведенныхъ нами выше, мы уже видѣли особое различеніе органическихъ періодовъ и эпохъ катастрофы, революціи или переворота. Поскольку первые характеризуются умиротвореніемъ, организаціонной работой и замедленіемъ темпа развитія, постольку вторыя отличаются разрушительнымъ стремленіемъ впередъ и отрицательнымъ отношеніемъ къ исторически сложившимся формамъ. На самомъ дѣлѣ, если мы хотимъ изслѣдо-

вать самый процессъ соціальнаго перелома, мы неминуемо должны различить не два періода, а, по крайней мѣрѣ, три, такъ какъ ничто новое не родится сразу, а готовится постепенно, и всякому взрыву предшествуетъ процессъ разложенія существующаго порядка, скрытой борьбы, отживающихъ формъ и молодой нарождающейся жизни. Справедливѣе поэтому будетъ различать три стадіи въ развитіи идеологическаго перелома: періодъ революціонный, когда происходитъ открытый разрывъ новыхъ силъ со старымъ порядкомъ,—такое переходное время можетъ длиться очень долго, смѣняясь временнымъ торжествомъ реакціи. Второй періодъ—время органическаго компромисса новыхъ и старыхъ формъ при помощи того или иного типа ихъ сочетанія. И, наконецъ, третій, когда въ такомъ, казалось бы, гармоничномъ организмѣ общественныхъ отношеній появляется процессъ, съ одной стороны, упадка и вырожденія среди господствующаго класса, а съ другой — нарастающей силы, протеста и недовольства въ народныхъ низахъ.

Начнемъ наше изложеніе съ перваго періода, который можетъ быть названъ революціоннымъ. Онъ всегда развивается подъ кровомъ того или другого существующаго строя, назрѣваетъ медленно и неуклонно подъ вліяніемъ экономическихъ условій и вызваннаго ими перемѣщенія центровъ соціальнаго значенія и вѣса. И представители того новаго класса, которому суждено встать въ среду господствующихъ группъ и доставить торжество своему методу міровоззрѣнія, обыкновенно умѣютъ найти и выдающееся мѣсто уже до своего окончательнаго выступленія. Третье сословіе задолго до революціи во Франціи не только стало экономически сильнымъ, но и захватило въ свои руки массу должностей, превратившись, съ одной стороны, въ дворянство тоги, а съ другой—занявъ мѣста путемъ покупки въ рядахъ судебнаго сословія и новой худородной бюрократіи. Подобные примѣры предъ нами вездѣ и всюду. И задолго до полнаго уравненія патриція и плебеевъ плебеи-оптиматы сумѣли добиться въ Римѣ крупнаго фактическаго значенія. Такихъ примѣровъ мы имѣемъ массу. Не слабый классъ униженной и нищенской массы, какъ бы обширна она ни была, побѣждаетъ въ политической борьбѣ, но классъ уже могущественный и сильный, наравнѣ со средствами обладающій знаніями и опытомъ, а вмѣстѣ и политической школой. И если сейчасъ можно говорить о грядущемъ значеніи европейскаго пролетаріата, то только потому, что этотъ коллективный пролетарій уже владѣетъ милліонами денежныхъ средствъ, желѣзная дисциплина объединяетъ въ его рядахъ интеллигентныхъ и сильныхъ людей, а вожди социалистовъ не уступятъ никому въ политическомъ опытѣ и дарованіи. Въ современномъ производствѣ роль пролетаріата уже такъ велика, что съ ней

задолго до государства будущаго приходится серьезно считаться нынѣ царствующему капиталу.

Врагомъ всякой новой группы, восходящей на арену исторіи, является прежде всего сила косности и обычая, привычки и рутины. Какъ аксіома, въ государственной наукѣ установлено то положеніе, что лишь въ послѣдней крайности человѣкъ рискуетъ отказаться отъ привычнаго, извѣстнаго и обезпеченнаго, хотя бы въ пользу лучшаго, но, тѣмъ не менѣе, новаго положенія. Само собой, что идеологическому перелому предшествуетъ цѣлый рядъ потрясеній хозяйственныхъ, въ различнѣйшихъ сферахъ производства, обмѣна и потребленія.

Это прежде всего отражается на разстройствѣ обычныхъ формъ потребленія и часто на лишеніи питательныхъ средствъ цѣлыхъ группъ и слоевъ населенія. Какъ это сейчасъ прекрасно изучено относительно новѣйшихъ революцій, обнищаніе народныхъ массъ и голодовки въ опредѣленной части страны, всевозможные кризисы и разоренія являются неизбѣжнымъ симптомомъ грядущей перемѣны. Но пассивное страданіе, хотя бы увѣнчанное полицейской и военной репрессіей, такъ же, какъ цѣлые ряды висѣлицъ по дорогамъ, не могутъ еще сами по себѣ произвести идейно организованнаго переворота. Крестьяне будутъ устраивать голодные бунты, сжигать ипотечныя книги, громить евреевъ, а въ лучшемъ случаѣ устраивать на вырубленныхъ господскихъ лѣсахъ и захваченныхъ земляхъ свои самостоятельныя мужицкія республики. Городскіе нищіе и бродяги создадутъ шайки экспропріаторовъ, ремесленники и рабочіе прибѣгнутъ къ стачкамъ, но пока это только процессъ дезорганизаціи, которому не противопоставлена никакая соціально творческая сила. Этотъ процессъ, однако, замѣчателенъ тѣмъ, что онъ расшатываетъ идею святости и незыблемости существующаго строя, убиваетъ вѣру въ безмѣрную и сверхчеловѣческую силу государственной власти, возвращаетъ государство, хоть и въ уродливой формѣ, къ его первоначальному источнику, а именно къ людямъ, ихъ потребностямъ, разуму и интересамъ.

Дезорганизація общества, которая является какъ бы нѣкоторымъ періодическимъ возвратомъ къ варварскому, докультурному состоянію, на самомъ дѣлѣ, однако, не можетъ быть вполнѣ приравнена къ такой первобытной враждебности. Какими бы актами свирѣпаго террора, безсмысленнаго разрушенія не сопровождалась революція, выводящая на свѣтъ Божій не только лучшіе, но и худшіе элементы общества,—все же такое состояніе не есть первоначальная дикость и враждебность, на которую указываетъ Ратценгоферъ. И если анархія полуголыхъ дикарей, ведущихъ непрестанную войну другъ съ другомъ, имѣетъ въ своей основѣ строгій порядокъ, регламентирующій даже убійство и грабежъ, то тѣмъ болѣе должны мы это

замѣтить относительно революціоннаго распада, гдѣ не только сохраняются незыблемо массы матеріальныхъ и моральныхъ богатствъ, но они подвергаются, сверхъ того, какъ на огнѣ металлъ, нѣкоторому испытанію въ бурѣ революціоннаго вулкана. И если цѣною гибели многихъ истинныхъ сокровищъ приходится платить за уничтоженіе цѣлой груды плевелъ и за вскрытіе вѣковыхъ гнойниковъ народа, то для экономіи народной жизни понесенная потеря обыкновенно все же окупается сильнымъ развитіемъ и дѣятельностью освобожденныхъ народныхъ силъ.

Важнѣйшимъ моментомъ революціонной борьбы является, безспорно, захватъ движенія въ опредѣленныя идеологическія рамки. Безъ этого предъ нами въ идеологическомъ смыслѣ мятежъ, а не революція. Идеологія вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть по содержанію такой, которая отвѣтила бы наиболѣе насущнымъ и широкимъ потребностямъ недовольныхъ массъ. И если недостатокъ хлѣба и горькая нужда лучше всего расшатываютъ авторитетъ стараго порядка, то именно о хлѣбѣ, о матеріальныхъ потребностяхъ долженъ прежде всего говорить идеологъ, желающій найти доступъ къ сердцу народа. Отмѣна барщины, повинностей и оброковъ, облегченіе податей, уничтоженія долговъ, экспропріація крупныхъ вотчинъ и снабженіе крестьянъ землею, національзація или соціализація не только земли, но и наиболѣе крупныхъ капиталовъ, полная соціализація земли и всѣхъ средствъ производства вплоть до коммунизма на основѣ полной личной свободы—вотъ арсеналъ, изъ котораго черпаютъ въ изобиліи всѣ, кто хотятъ не только привлечь на свою сторону массы, но организовать подъемъ, сдѣлать ихъ способными къ длительному движенію и къ собственному своему руководству. Отсюда неизбѣжно матеріальный характеръ всѣхъ революціонныхъ программъ, и этотъ матеріализмъ, обращеніе къ аргументамъ желудка, экономическая демогогія, соціалистическое и коммунистическое ниспровергательство, несмотря на всѣ презрительныя клички со стороны приверженцевъ порядка, являются лишнимъ подтвержденіемъ того, что какъ разъ во время революціонныхъ катастрофъ происходитъ не только идеологическій переворотъ, но и нѣкоторое возвращеніе идеологическихъ цѣнностей къ ихъ основному источнику, а именно хозяйственной средѣ и ея преобразованію.

Не менѣе постояннымъ фактомъ революціонной пропаганды является тотъ особый разрушительный цинизмъ и злостная критика, которой подвергаются идеологическія фикціи и фантазмы существующаго строя общественной организаціи. Такая критика въ виду эмоціональной основы, на которой она строится, менѣе всего можетъ оказаться справедливой, но она есть фактическое противодѣйствіе тому преувеличенію цѣнности и святости существующихъ нормъ, законовъ и установленій, которыя противополагаются реакціей всякому возни-

кающему стремленію и реформѣ или улучшенію. Отсюда упреки въ цинизмѣ, грубости и вульгарномъ издѣвательствѣ надъ всяческой святыней, которые такъ часто раздаются по адресу дѣятелей переворота. Но само собой разумѣется, что такая грубая критика, впадающая, съ одной стороны, въ издѣвательство, а съ другой—въ нигилизмъ, ничего не говоритъ противъ культурной цѣнности новой идеологіи, идущей на смѣну старымъ богамъ. И поскольку здѣсь отрицаніе существующаго облекается въ грубо циническую форму, постольку же новыя идеи окружаются благоговѣйнымъ почитаніемъ, рождаютъ подвиги великодушія и героизма, благородства и самопожертвованія. Съ другой стороны такая критика даже въ грубѣйшей формѣ является исторической реакціей по адресу тѣхъ идеологическихъ формъ, которыя, несмотря на все отсутствіе соціальнаго содержанія, не только стремятся искусственно продолжить свою жизнь, но и насильственно остановить новое теченіе, которое должно принести имъ новое содержаніе и радикально реформировать ихъ внѣшній видъ. Такъ что не только о критикѣ здѣсь идетъ рѣчь, но о нѣкоторой исторической казни, которую производитъ жизнь надъ всѣмъ больнымъ, уродливымъ и слабымъ. Ибо мертвецы по справедливости принадлежатъ ожидающимъ ихъ могиламъ.

Какъ мы уже видѣли раньше, революція никогда не представляется только процессомъ уничтоженія, она всегда творитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя формы. Требуя активнаго, сознательнаго вмѣшательства въ общественную жизнь во имя точно формулированныхъ цѣлей, революція есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ новый опытъ въ дѣлѣ сознательнаго приспособленія идеологіи къ дѣйствительно существующей средѣ. Не удивительно поэтому, что именно эпохи переворота сопровождаются всегда подъемомъ научной и философской мысли, особенно же политической, экономической и соціальной идеологіи. Идеологическое творчество въ видѣ различныхъ плановъ, программъ, лозунговъ и девизовъ въ эпоху революціи достигаетъ исключительнаго обилія и широты. Старое законное или обычное право подвергается неустанной критикѣ съ точки зрѣнія новыхъ идеаловъ. На мѣсто стараго ставится новое, почерпнутое изъ самой „природы" отношеній, лишенное защиты со стороны грубаго принужденія, но зато сильное своимъ значеніемъ въ душѣ создавшей это право среды. Такъ является революціонное естественное или интуитивное право, право свободной совѣсти и народнаго убѣжденія, право, „захватное" по своему происхожденію и моральное по своему авторитету. Нечего говорить, что борьба, требующая всѣхъ силъ, борьба на неравныхъ условіяхъ,—ибо возставшіе, несмотря на свою массу, все же хуже организованы и слабѣе вооружены, чѣмъ сильное дисциплиной постоянное войско,—такая борьба требуетъ напряженія сильной, часто фанатичной вѣры, дѣйственнаго обнаруженія героической

морали, смѣлости, силы и искренности сознательныхъ побужденій. И если развитіе революціи часто отдавало ея дальнѣйшее теченіе въ недостойныя руки демагоговъ, авантюристовъ и партійной бюрократіи, то первые шаги ея обыкновенно были связаны съ великимъ моральнымъ творчествомъ и подъемомъ. Припомнимъ первыхъ преслѣдуемыхъ христіанъ и первыхъ мучениковъ соціальнаго равенства, припомнимъ первый составъ французскаго національнаго собранія и побѣдоносные полки Кромвелевской арміи. Развѣ уступаютъ имъ энтузіасты 1789 г. или германскаго объединенія, японской междуусобной войны или итальянскаго освобожденія? Такъ получается на первый взглядъ странное, даже непонятное сочетаніе. Матеріализмъ цѣлей и высокій идеализмъ активной борьбы, цинизмъ безпощадной критики и вмѣстѣ съ нимъ религіозное одушевленіе во имя новыхъ знаменъ интуитивнаго права, моральнаго долга и политическаго переворота. Какъ примирить подобное противорѣчіе?

Самая сущность революціонной борьбы, разрушающей для созиданія, уже отвѣчаетъ на поставленный вопросъ. Но есть и другая причина, которая требуетъ исключительнаго напряженія психическихъ средствъ и силъ. Громадная сила косности можетъ быть преодолѣна силой одновременнаго удара лишь тогда, когда послѣдній достаточно великъ. Но, съ другой стороны, этотъ ударъ не можетъ опираться на какую-нибудь устойчивую и сильную организацію. Подготовка революціи идетъ всегда подпольнымъ скрытымъ путемъ и лишь въ послѣдній моментъ приводитъ къ общему взрыву. Но тайныя организаціи слишкомъ слабы, благодаря безконтрольности своего состава, неразборчивости средствъ и отсутствію единства въ своихъ дѣйствіяхъ. Даже отдѣльныя ихъ выступленія организовываются ими съ большимъ трудомъ и громадной потерей людей и средствъ. Такимъ образомъ вся сила движенія зависитъ лишь отъ того, насколько силенъ гипнозъ новой мысли, революціоннаго лозунга и сконцентрированныхъ на немъ духовныхъ силъ. Отсюда крайняя необходимость непосредственнаго вліянія на психику недовольныхъ массъ; психика эта должна быть въ самый короткій срокъ захвачена, увлечена, поднята до высочайшей степени своего размаха. Нѣтъ времени подробно доказывать, невозможно оправдывать себя на дѣлѣ, ибо все дѣло еще впереди; можно дѣйствовать исключительно на эмоціональную сторону путемъ яркихъ увлекательныхъ обѣщаній, грозныхъ предсказаній, властнаго внушенія, заразительнаго примѣра и другихъ средствъ массоваго гипноза. И, само собой, необходимость односторонняго психическаго вліянія, направленнаго въ цѣляхъ совершенія немедленнаго революціоннаго акта, отличается тѣмъ идеализмомъ, который присущъ вообще высшему напряженію нашей психики.

Очень часто и много говорятъ объ особомъ революціонномъ гипнозѣ. Въ значительной степени революціонное внушеніе имѣетъ

мѣсто, оно спаиваетъ народную массу въ одно цѣлое, подчиняетъ ее навязчивымъ идеямъ, приводитъ къ духовному зараженію, подобно психическимъ эпидеміямъ средневѣковья. И поскольку гипнотизеръ внушаетъ высокій идеализмъ загипнотизированному, такъ какъ послѣдній повинуется лишь словесному приказу гипнотизера, постольку же можно говорить и о внушеніи въ области революціоннаго идеализма. Однако внушеніе будетъ воспринято лишь тогда, когда будутъ осуществлены всѣ предварительныя условія, указанныя нами выше. И какъ мы знаемъ уже, основой идеальнаго внушенія является прежде всего перемѣна хозяйственной жизни и матеріальныя требованія недовольныхъ возставшихъ массъ. Принявъ эту предпосылку, можно свободно допустить, что иногда революціонное одушевленіе даетъ излишекъ энергіи, растраченной даромъ. Часто, наоборотъ, массовая психика оказывается мало поднятой и дурно организованной. Особенно вредной для такого общаго подъема оказывается наличность другъ друга отрицающихъ революціонныхъ лозунговъ и знаменъ, которыя, съ одной стороны, раздробляютъ народныя силы, а съ другой—отвлекаютъ ихъ отъ общаго врага. Недосягаемымъ образцомъ идейной организаціи революціоннаго подъема останется навсегда первая эпоха французской революціи, завершенной послѣ долгой борьбы и реакціонныхъ перерывовъ третьей республикой современной буржуазной Франціи. Образцомъ плохо организованной революціи является не только прусская 1848 г., но и австрійская той же эпохи.

Завершеніемъ признаковъ революціонной идеологіи, наконецъ, должно считать ея общеизвѣстный радикализмъ и утопизмъ, который представляетъ легко и сразу выполнимымъ то, что на самомъ дѣлѣ требуетъ для своего осуществленія долгаго, иногда слишкомъ долгаго времени. Но уроки исторіи такъ же, какъ вообще всякая научно-обоснованная аргументація, не могутъ быть приняты во вниманіе въ средѣ, которая должна быть подвинута на рѣшительный послѣдній актъ. У массъ, проникнутыхъ эмоціональной основой, исчезнетъ половина революціоннаго энтузіазма, если она будетъ знать, что требуемыя отъ нея всѣ громадныя жертвы нужны лишь для перваго, быть-можетъ, самаго незначительнаго шага впередъ. Если бы народъ всегда въ точности напередъ зналъ, какою страшной цѣной окупаются малѣйшія пріобрѣтенія въ области соціальнаго прогресса, возможно, что его способность къ революціоннымъ выступленіямъ была бы значительно ниже, чѣмъ она теперь. Историзмъ въ этомъ смыслѣ есть врагъ революціоннаго настроенія. И только возведя самое революцію въ историческій законъ, какъ это сдѣлали Гегель и Марксъ, можно было примирить до нѣкоторой степени науку и революціонную романтику. Какъ извѣстно, научная подготовка русскихъ соціалистовъ, воспитанныхъ на марксизмѣ, нисколько не помѣшала имъ стать ярыми утопистами, когда этого потребовала психика борьбы.

Меньше всего можетъ холодная логика подымать движенie и рождать энтузiазмъ. Одна лишь непререкаемая вѣра въ немедленное наступленie царства Божiя на землѣ или во всеобщее, неминуемое крушенie капиталистическаго строя—въ силу раздирающихъ его кризисовъ, — ожиданie чуть не назавтра всеобщаго кляддерадача, или перерожденiя земли, какъ вѣрили С.-Жюстъ и Робеспьеръ — вотъ силы, способныя на самомъ дѣлѣ поднять громадную волну и обрушить ее на скалы стараго порядка.

На самомъ дѣлѣ, конечно, результаты движенiя зависятъ въ подавляющей степени отъ общихъ историческихъ причинъ, а не отъ одной только силы взрыва. И даже Францiи, въ которой побѣда массъ, казалось, была особенно велика, пришлось пережить рядъ мучительныхъ поворотовъ вспять, прежде чѣмъ установилась линiя равнодѣйствующихъ силъ. Только третьей республикѣ, послѣ всевозможныхъ Наполеоновъ, Людовиковъ и Люи-Филипповъ удалось удержаться въ странѣ, гдѣ наиболѣе сильно было воодушевленie и радикаленъ переворотъ. Такая реакцiя есть необходимый результатъ революцiоннаго движенiя, ее знаютъ всѣ страны, пережившiя кровавое время баррикадъ. Эта реакцiя обусловлена цѣлымъ рядомъ исторически необходимыхъ причинъ. Во-первыхъ, составъ революцiонной массы всегда слишкомъ разнороденъ, она состоитъ изъ разныхъ общественныхъ группъ, стремящихся къ весьма различнымъ цѣлямъ. Крестьянина бросаетъ въ революцiю одна только сила, живущая въ немъ испоконъ вѣковъ — это жажда земли и свобода отъ процента. Рабочiй стремится къ экспропрiацiи промышленнаго капитала на началахъ соцiализма; босякъ и нищiй мечтаютъ объ анархiи и экспропрiацiи всего съѣдобнаго. Собственникъ-буржуа домогается политической власти на ряду съ бариномъ; баринъ присоединяется къ революцiи лишь съ тѣмъ, чтобъ добиться гибели абсолютизма и установленiя дворянской республики. И въ день побѣды революцiоннаго возстанiя, когда возникаетъ вопросъ о дѣлежѣ, сразу же меркнетъ лучезарный свѣтъ грядущаго счастья и начинается споръ о медвѣжьемъ ухѣ. Объединенныя еще вчера общественныя силы разсыпаются на враждующiя общественныя группы, и въ борьбѣ побѣждаетъ тотъ, чей сознательнѣе интересъ, организованнѣе сила, а претензiя достаточно обоснована руководящей ролью въ народномъ хозяйствѣ страны.

Конечно, тутъ дѣйствуютъ и частныя причины. Крестьянство, которое становится непобѣдимой армiей въ составѣ постояннаго дисциплинированнаго войска, въ высшей степени неспособно къ длительной революцiонной борьбѣ. Оно не только духовно привязано къ землѣ, и его тянетъ назадъ къ полевымъ работамъ, но оно связано съ ними и какъ съ источникомъ своего пропитанiя. Съ другой же стороны, какъ только падаетъ надежда на полученie земли, и

проходитъ гипнозъ революціонной проповѣди, крестьянинъ падаетъ снова назадъ въ свое старое гнѣздо косности, изолированности и темноты, и только развѣ чудовищнымъ паденіемъ нравовъ и увеличеніемъ преступленій противъ жизни, чести и имущества онъ мститъ еще долгое время за свое новое и тяжкое разочарованіе. Несравненно устойчивѣе революціонная психика городского фабричнаго пролетаріата. Онъ болѣе независимъ въ средствахъ продовольствія, несравненно интеллигентнѣе крестьянина и по самымъ условіямъ своего труда способенъ къ дружной массовой дисциплинѣ. Не говоримъ уже о томъ, что классовое сознаніе въ немъ безмѣрно выше, чѣмъ въ раздробленной и темной крестьянской массѣ. И исторія показываетъ намъ, что пролетаріатъ былъ какъ разъ наиболѣе безпокойнымъ союзникомъ новѣйшихъ революцій и наиболѣе упорно требовалъ осуществленія обѣщанныхъ благъ. И если на крестьянъ довольно было карательныхъ экспедицій и военныхъ судовъ, то съ рабочими приходилось вести настоящую междоусобную войну и, въ концѣ-концовъ, тысячами разстрѣливать ихъ, какъ это было не разъ въ центрѣ буржуазныхъ революцій въ республиканскомъ Парижѣ...

Эра успокоенія сопровождается всегда вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторой реабилитаціей стараго режима. Тотъ классъ, который стремился къ власти, достигнувъ ея, естественно, заинтересованъ въ сохраненіи ея существа, такъ какъ нуждается въ ея аппаратѣ для организаціи своего господства. И если еще вчера государству, какъ воплощенной несправедливости, противополагалось общество въ качествѣ идеальнаго порядка свободы и счастья, то сегодня, въ день побѣды, государство, какъ таковое, теряетъ свои одіозныя черты. Оказывается, что оно вовсе не подлежитъ совершенному уничтоженію, но лишь преобразованію, и этимъ путемъ побѣдившій классъ самъ принимаетъ обликъ государственнаго и законопослушнаго. Въ виду такого перерожденія революціонной окраски побѣдившаго класса открывается поле сближенія со вчерашними господами стараго режима. И это тѣмъ болѣе необходимо, что побѣдившій классъ нуждается въ „реакціи" противъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ, но самъ не желаетъ непосредственно компрометировать себя политикой жестокихъ кровавыхъ репрессій и военно-уголовнаго усмиренія. Отсюда развитіе движенія вспять и почтенная роль вчерашнихъ враговъ въ качествѣ успокоителей, столповъ государственности, мира и порядка. Такой компромиссъ между вчерашними господами и сегодняшними побѣдителями устраивается тѣмъ болѣе легко, что первые обладаютъ политическимъ опытомъ и знаніемъ, значительной сплоченностью, возросшей въ борьбѣ и солидарной съ новымъ классомъ въ дѣлѣ общихъ интересовъ хозяйственной эксплуатаціи, культурнаго творчества и политическаго вліянія.

Каждая революція приводитъ, такимъ образомъ, къ необходимости новаго копромисса. Компромиссъ этотъ нуженъ и по отношенію къ старому режиму и по отношенію къ требованіямъ народныхъ массъ. На штыкахъ усмиренія вѣчно сидѣть нельзя; задача каждой новой государственной идеологіи состоитъ вѣдь какъ разъ въ томъ, чтобы водворить нѣкоторое сотрудничество, миръ и гармонію въ средѣ враждующихъ другъ противъ друга классовъ. Эта цѣль достигается при помощи весьма разнородной дѣятельности; прежде всего на языкъ побѣдившаго класса переводятся идеологіи всѣхъ остальныхъ общественныхъ группъ, съ которыми приходится установить отношенія сотрудничества. Ихъ интересы, такимъ образомъ, воспринимаются въ общую легальную идеологію и получаютъ офиціальное признаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ производится рѣзкое разграниченіе между законнымъ и незаконнымъ, между признаннымъ и непризнаннымъ. Поскольку первое одно имѣетъ право на существованіе, охрану и свободное развитіе, постольку второе ставится подъ знакъ запрещеннаго и недопустимаго, подлежащаго пресѣченію и предупрежденію. Нечего и говорить, что съ замѣной стараго права новымъ закономъ теряетъ всякое значеніе такъ называемое естественное или интуитивное право, которому отводится весьма подчиненная область индиферентныхъ для государства отношеній. Но, съ другой стороны, происходитъ вторженіе въ область обычая и здѣсь логализуется лишь то, что согласно съ господствующей идеологій или, по крайней мѣрѣ, для нея безразлично.

Общая идеологія, охватывающая собой междуклассовый компромиссъ, по самому своему происхожденію представляется весьма разнородной. И, несмотря на стремленіе перевести всѣ идеологическіе фрагменты на одинъ общій языкъ, это удается очень мало, такъ какъ все же требуется, чтобъ каждая группа узнала и признала „свое“ въ общемъ идеологическомъ комплексѣ. Отсюда весьма пестрый составъ того мирнаго договора, который на идеологическомъ языкѣ заключается между отдѣльными классами. Но единство общей работы требуетъ и единства идейнаго плана. На этомъ основана та черта органическихъ періодовъ въ жизни народовъ, которая выражается въ усиленномъ стремленіи раціонализаціи, кодификаціи и всякой подобной работы, стремящейся оправдать и закрѣпить логически то, что исторически сложилось очень часто наперекоръ всякой логикѣ. Этимъ путемъ подъ фактъ подводится фундаментъ мистическаго, эстетическаго или раціональнаго мышленія, онъ получаетъ характеръ внутренняго единства и получаетъ нѣкоторую самостоятельную цѣльность, такъ какъ изъ системы не можетъ быть выброшено ни одного звена безъ противорѣчія со стороны нашего организованнаго сознанія. И если въ древности слагались преимущественно системы религіознаго законодательства, а въ новое время революціи

увѣнчаваются гражданскими или политическими кодексами, то по существу для факта кодификаціи различіе здѣсь невелико. И тамъ и здѣсь какъ бы единая воля, проникнутая единой мыслію, охватываетъ свыше и напередъ всю дѣятельность подлежащихъ объединенію народовъ. Сотрудничество классовъ завершается идеологическимъ объединеніемъ.

Законъ является столь же типичной формой для эпохи органическаго объединенія и умиротворенія, какъ естественное или интуитивное право для революціоннаго перелома. И будетъ ли это законъ Божій или человѣческій, законъ XII таблицъ или законъ Дракона, его роль и значеніе всегда одно: и это установленіе яснаго и точнаго разграниченія интересовъ при помощи фикціи нѣкоторой единой надъ людьми стоящей воли. Такая фикція должна прикрыть захватный революціонный источникъ данной нормы. И эта фикція съ успѣхомъ затемняетъ характеръ происхожденія закона, такъ какъ приводитъ его къ понятію воли проникнутой не частнымъ, а общимъ интересомъ,—воли, которая имѣетъ въ своей основѣ нѣчто высшее, чѣмъ классовая борьба и сила превозмогающаго класса. И если во время революціи идеологія одного класса, хотя бы въ своихъ наиболѣе боевыхъ частяхъ, способна стать идеологіей всѣхъ недовольныхъ, то въ установившемся строѣ успокоеннаго государства послѣдняя должна явиться силой, стоящей надъ всѣми классами и стремящейся къ особой, независимой отъ общества цѣли. Безличный законъ со своей отвлеченностью и общеобязательностью, со своимъ безстрастнымъ языкомъ и верховнымъ характеромъ волеизъявленія, становится великолѣпнымъ средствомъ къ тому, чтобы за этимъ закономъ предположить и столь же отвлеченнаго объективнаго законодателя, который творитъ право, невзирая на лица, во имя истинныхъ нуждъ общей свободы и благосостоянія.

И съ появленіемъ закона уже въ его рамкахъ и отъ его имени производится дальнѣйшее развитіе идеологическихъ цѣнностей. Законъ можетъ пополняться божествомъ или оракуломъ, преданіемъ или откровеніемъ, но форма законодательства становится необходимой для того, чтобы дать мѣсто нѣкоторымъ измѣненіямъ и передвиженіямъ въ установленномъ, основномъ компромиссѣ. Чѣмъ болѣе гибокъ аппаратъ законодательства, чѣмъ болѣе чутокъ господствующій классъ къ постепенному приспособленію закона къ потребностямъ жизни, тѣмъ въ болѣе широкой степени можетъ развиться такъ называемый реформизмъ, который въ рамкахъ господствующаго строя даетъ признаніе совершающейся въ обществѣ эволюціи. Такому реформизму со стороны господствующихъ классовъ часто соотвѣтствуетъ „ревизіонизмъ“ со стороны народныхъ группъ, и послѣднія путемъ „ревизіонизма“ смягчаютъ свои былыя революціонныя требованія, лишаютъ ихъ характера непримиримости и принципіаль-

наго радикализма, а тѣмъ самымъ дѣлаютъ ихъ возможными для господъ положенія. Такъ соціальная реформа, не отрицающая эволюціи, но идущая ей навстрѣчу, можетъ придать значительную устойчивость тому или иному легальному строю. Въ новыхъ обществахъ этой цѣли особенно способствуетъ законное признаніе соціальной борьбы и установленіе легальныхъ рамокъ для ея веденія. На значительное время этимъ парализуется самый сильный врагъ существующаго порядка.

Окончательная побѣда господствующаго класса достигаетъ своего зенита въ тотъ моментъ, когда, съ одной стороны, политика побѣдителей увѣнчавается укрѣпленіемъ ихъ экономическаго положенія и ростомъ культуры и, съ другой, наибольшимъ распространеніемъ не только легальнаго принципа, но и моральнаго настроенія въ соотвѣтственномъ духѣ. Когда народъ начинаетъ считать себя самымъ богатымъ и сильнымъ, самымъ культурнымъ и свободнымъ, когда путемъ цѣлаго ряда крупныхъ импонирующихъ фактовъ въ общее сознаніе внѣдряется мысль, что руководители общества болѣе или менѣе правильно исполнили свою задачу и даже самыя непримиримыя общественныя группы должны склониться предъ господствующимъ убѣжденіемъ и обнаружить нѣкоторую терпимость,—тогда возможно наблюдать развитіе того патріотизма, который является наилучшей почвой для распространенія идей господствующаго класса даже внутри другихъ классовъ и ихъ идеологій. Союзникомъ такого внушенія является не только сознаніе нѣкоторой удовлетворенности, но и особый романтизмъ, которымъ облекается роль и дѣятельность патріотовъ, стоящихъ во главѣ страны. Такъ подготовляется почва для массовой подражательности, которая тѣмъ болѣе сильна, что прежнія рѣзкія перегородки между классами пали, и произошло нѣкоторое новое смѣшеніе, при чемъ общеніе между лицами разныхъ соціальныхъ группъ стало несравненно болѣе тѣснымъ. И если гдѣ можно искать развитія подражанія, дающаго массовые эффекты общественнаго поведенія, то именно въ такой успокоенной и болѣе сближенной средѣ.

Подражаніе, какъ извѣстно, предполагаетъ непремѣнно двѣ стороны: одну, которая является предметомъ для подражанія, а другую, которая этому предмету подражаетъ. Въ замкнутой средѣ подражаніе ограничивается ея узкими предѣлами, но съ каждымъ расширеніемъ ея рамокъ и усиленіемъ тѣснаго сожительства разнородныхъ элементовъ процессъ подражанія получаетъ новый толчокъ, такъ какъ—и это мы уже видѣли выше—синойкизмъ или новыя формы сожительства ставятъ членовъ высшаго разряда въ непосредственное соприкосновеніе съ низшимъ. И въ замиренной средѣ общественной жизни, которая развивается послѣ революціи, не только расширяются рамки соціальныхъ организацій, но и находитъ себѣ

мѣсто нѣкоторая общая дѣятельность, а въ частности политическая. Примиреніе съ государствомъ влечетъ за собой увеличеніе престижа государственнаго почета и политическихъ заслугъ, а вмѣстѣ содѣйствуетъ и расцвѣту соотвѣтственнаго тщеславія и карьеризма. Такъ образуются новые образцы общественно-признанной доблести, подражаніе коимъ захватываетъ значительные круги. Путемъ подражанія приспособляются къ данному порядку наиболѣе активные, энергичные и честолюбивые элементы, а въ нихъ, въ свою очередь, создаются центры для подражанія остальнымъ. И если въ революціонную эпоху карьеризмъ значительно усложняется необходимостью крупнаго риска, если, съ другой стороны, въ эпохи реакціи значительно падаетъ притягательная сила офиціальнаго почета, то какъ разъ въ эпохи гармоничнаго сочетанія интересовъ политическій карьеризмъ достигаетъ своего высшаго напряженія. Совершается какъ бы новый подборъ способности и силъ, новая шлифовка разнородныхъ элементовъ, которые силой подражанія, въ концѣ-концовъ, спаиваются въ весьма однородный и цѣлостный составъ.

И на ряду съ этимъ подражаніе начинаетъ просачиваться даже чрезъ стѣнки новыхъ соціальныхъ группъ, которыя условіями хозяйственной жизни поставлены въ непосредственную близость другъ другу. Нравы, обычаи, внѣшняя манера, приличія, даже костюмъ, все это слѣдуетъ отъ высшаго класса въ низшіе, отъ отдѣльной группы къ другой, въ порядкѣ нисхожденія, по мѣрѣ того, какъ смягчаются и падаютъ кастовыя и сословныя перегородки, смѣняясь свободными классами. И если прежде всѣ хотѣли подражать дворянамъ, но это было строго воспрещено, то теперь, наоборотъ, каждый хочетъ принять самый изысканный и благородный оттѣнокъ по высшему образцу. И если теперь самъ дворянинъ подчинился формамъ демократическаго костюма и ведетъ жизнь при помощи тѣхъ же средствъ потребленія, которыя доступны и любому милліонеру, то, съ другой стороны, богатый буржуа стремится перенять утонченность жизни и воззрѣній высшаго богатаго дворянства. И если на Западѣ сейчасъ въ воскресный день, среди массы одинаково одѣтыхъ людей трудно различить рабочаго отъ крупнаго буржуа, то подобный же процессъ подражанія заставляетъ даже близкаго къ городу крестьянина измѣнять старымъ традиціямъ и принимать новые нравы. Въ эпохи наиболѣе устойчиваго компромисса отдѣльныхъ классовъ, при допущеніи въ широкихъ формахъ легальной общественной борьбы и соціальной реформы, процессъ подражанія можетъ иногда захватывать очень широкую область и производить нивеллировку общества. Это свойственно въ особенности демократическимъ формамъ не только новаго и древняго міра. Такъ было въ городскихъ республикахъ Эллады, въ концѣ республиканскаго Рима, въ итальянскихъ городахъ возрожденія и т. п. Этотъ же

процессъ широко наблюдается сейчасъ въ капиталистически организованномъ обществѣ.

Здѣсь надо, однако, сдѣлать существенную оговорку. Процессъ подражанія въ классовомъ обществѣ при громадной разнородности его отдѣльныхъ частей не можетъ быть окончательнымъ и всеобщимъ, такъ какъ даже современное общество раздѣлено на экономически неравныя и психически обособленныя группы. Но процессъ подражанія имѣетъ другую сторону; основанный на желаніи сходства съ лучшими, высшими или богатѣйшими, онъ развиваетъ въ наиболѣе сильномъ классѣ среди народа желаніе равенства съ тѣми, на кого онъ и такъ даже внѣшне сталъ похожъ. Подражаніе разбиваетъ стѣну внѣшняго различія высшаго и низшаго, и рабочій, надѣвшій тотъ же цилиндръ, какъ и буржуа, чувствуетъ себя въ правѣ сравняться съ нимъ и въ другихъ благахъ хозяйственнаго и политическаго порядка. Буржуа, принявшій внѣшній обликъ рыцаря, не видитъ больше причинъ для неравенства въ другихъ отношеніяхъ; и если, съ одной стороны, подражательность и подражаніе даютъ обществу признакъ внѣшняго единства, то, съ другой стороны, готовятъ настроеніе, которое при первой реальной неудачѣ господъ можетъ привести къ новому соціальному перелому.

Какъ показываетъ исторія классовой борьбы, даже въ самомъ богатомъ и культурномъ обществѣ господствующіе классы никогда добровольно не дѣлятся съ тѣми, кто претендуетъ на свою часть въ общемъ хозяйственномъ процессѣ. Реформизмъ и эволюція такъ же, какъ легальная борьба, идутъ лишь до извѣстнаго предѣла. И тамъ, гдѣ начинается сфера монопольнаго вліянія властвующей группы, тамъ кончается легальный порядокъ и начинается революція. Господствующій классъ чувствуетъ себя не только задѣтымъ экономически, но и оскорбленнымъ идеологически. Готовый на всѣ уступки въ рамкахъ существующаго строя, онъ не можетъ допустить малѣйшаго его потрясенія. Вотъ почему мѣсто реформы постепенно занимаютъ упорный консерватизмъ, пріостановка дальнѣйшаго развитія и даже движенія вспять. Необходимость такой реакціи для господствующаго класса становится особенно необходимой тогда, когда новый соперникъ стоитъ на рубежѣ новаго преобразованія междугрупповыхъ рамокъ и во имя новыхъ условій хозяйства требуетъ смягченія или устраненія этихъ рамокъ совсѣмъ. И если сословія смѣнили касты, а классы — сословія, то какъ разъ теперь подымаетъ свой голосъ тотъ классъ, который съ устраненіемъ собственности требуетъ паденія классоваго порядка вообще и водворенія на его мѣсто дѣленія свободныхъ, открытыхъ профессій.

Въ своей борьбѣ противъ нарождающагося врага каждый господствующій классъ можетъ воспользоваться цѣлымъ рядомъ выдающихся средствъ. По необходимости всѣ они будутъ носить искусственный

или въ крайнемъ случаѣ психологическій характеръ, такъ какъ хозяйственная жизнь уже поворачиваетъ въ другое русло, идетъ навстрѣчу новому господину. Но это отнюдь не значитъ, что осужденный на пораженіе классъ данныхъ господъ такъ-таки и лишенъ всякихъ средствъ для своей защиты. Наоборотъ, ихъ можетъ быть слишкомъ много...

Не надо забывать, что періоды покоя и относительной тишины пробуждаютъ въ массахъ господство по преимуществу безсознательныхъ силъ. И тотъ процессъ, который съ такою яркостью отмѣтилъ въ свое время Фрименъ, а за нимъ Гумпловичъ, процессъ перерожденія сознательной организаціи жизни въ безсознательныя формы поведенія получаетъ особое распространеніе въ такой замиренной средѣ. То, что еще вчера казалось выдающимся, производящимъ впечатлѣніе или вносящимъ дисгармонію въ сознаніе, силой простой повторяемости и привычки уже не дѣйствуетъ на притупившіеся нервы и вызываетъ индиферентное къ себѣ отношеніе. Но этотъ процессъ психическаго примиренія идетъ дальше; повторяемость, не вызывающая протеста, весьма легко пріобрѣтаетъ характеръ традиціи, чего-то обычнаго и естественнаго. Еще шагъ впередъ, и привычка даетъ ореолъ должнаго и приличнаго тому факту, который при своемъ рожденіи вызвалъ, быть-можетъ, величайшій протестъ. Торжествомъ привычки, рутины и традиціи является тотъ моментъ, когда ею освященныя нормы вкореняются въ массовое сознаніе, какъ неизмѣнный законъ предковъ, который обладаетъ своею собственной силой, недоступенъ никакому воздѣйствію и представляетъ собой высшую человѣческую, а то и божественную мудрость.

Консервативная сила привычки чрезвычайно велика. Человѣкъ, который окруженъ ею со всѣхъ сторонъ, въ концѣ-концовъ, пріобрѣтаетъ совершенно особый душевный складъ. Онъ становится безсознательнымъ и тѣмъ болѣе упорнымъ врагомъ всего новаго и необычнаго; не подвергаясь никакой оцѣнкѣ по существу, всякая новая идея, норма, поступокъ или фактъ здѣсь прямо отвергаются, какъ нѣчто неслыханное и невозможное, нарушающее божескій и человѣческій порядокъ. Отсюда возникаетъ положительная ненависть ко всему, что вноситъ разладъ въ уже установившійся, хотя бы и самый сумбурный порядокъ отношеній. Рождается фанатизмъ преслѣдованія непонятнаго и чужого, ненависть къ инородцу, къ иностранцу и непонятному языку или странному костюму, къ проповѣднику новыхъ ученій, къ просвѣтителю, къ культуртрегеру-интеллигенту. Для массы, порабощенной косностью привычки, превосходство, выраженное въ непонятной для нея формѣ, но, тѣмъ не менѣе, инстинктивно ею постигаемое, не только не внушаетъ почтенія, но, наоборотъ, презрѣніе и злобу, которая можетъ выразиться въ насильствѣ и преступленіи. Понятно теперь, почему неподвижность существующаго сама

по себѣ становится оружіемъ политическимъ. Выросшая на почвѣ неподвижности, привычка есть великолѣпный аппаратъ для концентраціи силы пассивнаго сопротивленія, пониженія умственнаго уровня и ослабленія отдѣльной личности, которая, будучи вынута изъ непривычной среды, до такой степени теряетъ свою самостоятельность и сознательную волю, что становится игрушкой или автоматомъ въ чужихъ рукахъ.

Для завершенія картины отмѣтимъ еще тотъ результатъ, который влечетъ за собой внезапное разрушеніе привычной среды; онъ оправдывается вполнѣ той силой сцѣпленія, которая, помимо воли, сама держитъ и направляетъ человѣка. Съ привычкой здѣсь происходитъ то же, что съ силой инерціи въ катящемся колесѣ: колесо можетъ катиться безъ конца, покуда двигаетъ его внѣшняя посторонняя сила, но лишь сила эта прекращается, колесо падаетъ и часто разбивается. То же самое находимъ мы и здѣсь: индивидъ, живущій безсознательной жизнью въ привычной средѣ, которая автоматически его направляетъ и двигаетъ, лишенный ея—становится жертвой первой случайности. Съ внѣшней средой падаетъ и средою обусловленная мораль, религія, умѣнье и опытъ, и когда нужно индивиду начать жить и думать самому, онъ почти всегда отказывается отъ непосильнаго подвига и становится рабомъ въ рукахъ первой попавшейся ему сильной и самостоятельной воли. Не даромъ крестьяне, выхваченные изъ села, такъ легко становятся образцовыми автоматами въ солдатской казармѣ. Неудивительно также, что, выбитые изъ своей среды, они опускаются до состоянія жалкаго скотства и звѣриной беззащитности. Случаи массоваго обогащенія пригородныхъ крестьянъ, ставшихъ тысячниками благодаря подъему цѣнъ на ихъ земли, общеизвѣстны; эти люди въ массѣ совершенно спились или стали жертвой всевозможныхъ проходимцевъ. Такой же характеръ безсмысленной случайности часто присущъ аграрнымъ крестьянскимъ бунтамъ. Выжиганіе лѣсовъ, вырѣзываніе барскихъ стадъ, разрушеніе музыкальныхъ инструментовъ и подобные акты вандализма здѣсь сочетаются съ совершеннымъ неумѣніемъ провести свои требованія и обезпечить желательный порядокъ аграрныхъ отношеній.

Вторымъ, чрезвычайно важнымъ моментомъ въ дѣлѣ поддержанія реакціонной политики является безспорно господство фикцій. И это понятно, привычка одна не можетъ удержать людей отъ способности замѣтить недостатки и слабость вырождающейся власти. Внѣ сферъ, охваченныхъ привычкой, есть всегда достаточно элементовъ, способныхъ разрушить ея обаяніе. Тѣмъ болѣе успѣха могутъ имѣть противники существующаго строя, чѣмъ больше изъ его организаціонныхъ формъ ускользаетъ гармонія интересовъ и соотвѣтствіе ихъ хозяйственной жизни и ея развитію. Недостатокъ естественной опоры въ сочувствіи общества и поддержкѣ со стороны ея созна-

тельныхъ и активныхъ элементовъ долженъ быть восполненъ извѣстнымъ противодѣйствіемъ, которое имѣло бы источникъ внѣ ближайшихъ условій среды. Такимъ источникомъ является установившійся уже въ сознаніи общества идеологическій компромиссъ, за которымъ признается самостоятельная цѣнность, въ качествѣ извѣстнаго или даже великаго духовнаго блага. Конечно, идеологія эта въ свое время родилась изъ насущныхъ потребностей опредѣленнаго класса и на своемъ языкѣ выразила, какъ могла, такіе же матеріальные интересы другихъ классовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего общества, стоящаго на плечахъ народнаго труда. Но эпоха разложенія какъ разъ характеризуется тѣмъ, что хозяйственная гармонія нарушена, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и новая противоположность классовъ. Старыя формы, если бы онѣ органически росли изъ самаго общества, давно бы дали трещины и въ идеологической ихъ формулировкѣ. Но реакція именно отличается тѣмъ, что она стремится во что бы то ни стало механически обезпечить торжество старому надъ новымъ, и если даже условія жизни измѣнились, надо показать, что идеологія этимъ нисколько не задѣта, что ея существованіе ничуть не связано съ матеріальными условіями жизни, что идеѣ присущъ, наконецъ, самостоятельный характеръ вѣчнаго неизмѣннаго бытія, что духъ и правда его существуетъ независимо отъ низменной плоти, ея жалкихъ потребностей и грязныхъ запросовъ.

Такъ происходитъ созданіе изъ идеологіи самоцѣльной ипостаси, которой во имя ея самой надлежитъ не только честь и поклоненіе, но и принесеніе въ жертву самой жизни. Процессъ этотъ прекрасно былъ подмѣченъ Марксомъ, который самъ былъ свидѣтелемъ крупныхъ реакціонныхъ движеній. И нельзя не отмѣтить на самомъ дѣлѣ особаго стремленія реакціи ко всякому спиритуализму или идеализму, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ отверженію плоти и преувеличенному поклоненію предъ духомъ или душой. Такъ на помощь косной привычкѣ выдвигается слѣпое поклоненіе иллюзіямъ и фикціямъ, фантастическимъ чудовищамъ религіознаго или моральнаго міра. До крайности доводится обожаніе власти и государства, идеализація правящихъ классовъ, ихъ мудрости и добродѣтели. Право отрывается отъ жизненной почвы и возносится въ законъ абсолютной справедливости; сама дѣятельность управленія получаетъ характеръ миѳотворчества, при чемъ подъ офиціальной легендой скрывается все большее разстройство административнаго механизма. По мѣрѣ потери дѣйствительнаго авторитета все вниманіе сосредоточивается постепенно на одной только цѣли—поддержаніи во что бы то ни стало престижа и престижа власти. Само собой, что чѣмъ больше разстояніе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, чѣмъ желаютъ казаться, растетъ желаніе скрыть отъ внѣшняго взгляда внутренній распадъ господствующаго класса и его правящихъ круговъ. Цѣною напряженной, послѣдова-

тельной и все растущей лжи внушается массамъ, что все хорошо, что крѣпокъ привычный порядокъ, что подъ кровомъ премудраго государства во имя его идеальнѣйшихъ цѣлей одни могутъ спокойно спать, а другіе должны искренно вѣрить въ духовный престижъ власти и ея моральное одушевленіе.

Такой же идеализаціи, если не большей, подвергается и та косная масса населенія, въ которой данный классъ видитъ своихъ главныхъ союзниковъ и опору. Такъ было въ свое время съ „мужичками“, такъ сейчасъ уже происходитъ съ милліоннымъ европейскимъ пролетаріемъ. Не нужно думать, что предъ паденіемъ крѣпостного права крѣпостной мужикъ изображался именно такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, т.-е. недовольнымъ своимъ состояніемъ, способнымъ на частые и свирѣпые бунты, вышибленнымъ изъ старыхъ рамокъ дворянской жадностью и городскимъ капиталомъ. Нападки на крестьянина, изображеніе его въ видѣ грубаго и грязнаго животнаго находимъ мы лишь въ разговорахъ баръ между собою, такъ же какъ въ основѣ полицейской репрессіи до военныхъ усмиреній. Для гласности и общественнаго обихода предназначался совсѣмъ иной матеріалъ. Невѣжественный, униженный и разоренный крестьянинъ, озлобленный на весь міръ, выступалъ въ офиціально одобренной литературѣ какъ добродѣтельный слуга и рабъ, находящій счастье не только въ служеніи своему господину, но и блаженство въ отреченіи отъ всѣхъ культурныхъ благъ на пользу своихъ доблестныхъ начальниковъ и проникнутаго святостью государства. Такъ односторонняя, лживая въ своихъ основахъ идеализація народа должна была искусственно задержать начавшееся колыханіе царства косности и привычки, и путемъ внушенія внѣдрить несчастному, что онъ счастливъ, недовольному,—что онъ доволенъ, обезображенному,—что онъ прекрасенъ и высокъ. Подобной же идеализаціи въ наше время подвергается и рабочій, которому всѣми силами внушается, что онъ не только мирно настроенъ, но въ существѣ своемъ глубоко приверженъ къ существующему строю. Изъ того же источника рождается пресловутая легенда объ агитаторахъ, которые де одни смущаютъ добрый, но довѣрчивый народъ и тѣмъ искусственно вносятъ смуту въ среду, исполненную благоденствія и довольства.

По мѣрѣ того, какъ броженіе охватываетъ наиболѣе косные круги, а идеальная цѣнность даннаго строя подвергается все большимъ нападкамъ и поношенію, является необходимость прибѣгнуть къ средствамъ исключительной силы и значенія. И если матеріализмъ революціонныхъ массъ сопровождается моральнымъ энтузіазмомъ и взрывомъ естественнаго идеализма со стороны охваченныхъ вѣрою въ соціальную правду людей, то реакція представляетъ намъ зрѣлище обратнаго порядка. Здѣсь преувеличенный идеализмъ цѣлей сопровождается крайнимъ матеріализмомъ средствъ, холодной расчет-

ливостью и свирѣпой грубостью репрессій. Гдѣ не дѣйствуетъ обманъ, прибѣгаютъ къ подкупу; гдѣ не удается послѣдній и связанное съ нимъ предательство, тамъ выступаетъ на сцену послѣдній аргументъ реакціоннаго идеализма, или, попросту говоря, вооруженная сила.

Вопросъ о принужденіи и силѣ, и роль этого фактора для общественной нормировки былъ уже не разъ предметомъ научнаго разсмотрѣнія. Мало различались, однако, разные виды силы, подводимые подъ одно понятіе. Сила хозяйственной среды и ея давленія на психику, сила психическихъ процессовъ и воздѣйствіе ихъ на ускореніе или задержку хозяйственнаго развитія, сила въ качествѣ одного изъ факторовъ психическаго воздѣйствія при помощи мотиваціи страха,—всѣ эти весьма различныя силы неоднократно смѣшивались и порождали не всегда удачныя теоріи. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ лишь сила какъ принужденіе и роль ея въ правовомъ консерватизмѣ. Въ настоящее время въ юриспруденціи уже мало теорій, которыя бы отожествляли право и силу. Напротивъ, праву, какъ таковому, приписывается чисто психическая природа, а вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ и принужденіе въ качествѣ его существеннаго признака. Но такое пониманіе права нисколько не освобождаетъ насъ отъ разсмотрѣнія силы или принужденія въ качествѣ одного изъ сопровождающихъ правовую норму психическихъ процессовъ. Вѣдь на самомъ дѣлѣ, когда внушается признаніе силы, какъ опоры и защитницы права, этимъ достигается только та цѣль, что страхъ предъ принужденіемъ становится однимъ лишнимъ мотивомъ въ пользу соблюденія той или иной нормы. Двусторонній характеръ правовой нормы, возлагающей на одну сторону исполненіе того, что требуетъ другая, въ значительной степени обусловливаетъ возможность принужденія. Правовой психикѣ, какъ таковой, свойственъ нѣкоторый активный характеръ, какъ это было впервые вскрыто еще Людвигомъ Кноппомъ въ его философіи права. Какъ справедливо замѣтилъ этотъ мыслитель, право „всегда содержитъ вмѣстѣ со своимъ бытіемъ призывъ къ объективной силѣ, которая должна обезпечить носителю права внѣшнее... признаніе". И это даже независимо отъ того, „будетъ ли оно кѣмъ-нибудь оспариваемо, или не подвергается спору... разрѣшается ли вопросъ о немъ ножами при потопленіи корабля, идетъ ли о немъ дѣло среди уличныхъ боевъ революціи или въ перипетіяхъ всемірной войны, разрѣшается ли споръ, наконецъ, въ сосѣдской бесѣдѣ, третейскомъ разбирательствѣ или судейскомъ залѣ". Право съ этой точки зрѣнія, какъ выразился продолжатель Кноппа, снабжено нѣкоторой грозной тенденціей къ „насильственному добыванію" должнаго.

Когда установившійся общественный компромиссъ принимаетъ характеръ легальнаго права, онъ создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ для себя

опору и въ принужденіи, основанномъ на правовой психикѣ. Чѣмъ болѣе растетъ въ исторіи идея государства, и послѣднее концентрируетъ въ своихъ рукахъ правовое творчество, тѣмъ болѣе стягиваетъ въ свое распоряженіе господствующій классъ и привилегію правовой защиты и законнаго примѣненія силы. При нормальныхъ условіяхъ, несмотря на такую привилегію, мотивъ страха отнюдь не получаетъ выдающагося значенія, такъ какъ законъ соблюдается въ подавляющемъ числѣ случаевъ по мотивамъ иного порядка. Но когда законъ становится въ противорѣчіе съ интуитивнымъ или естественнымъ правомъ народныхъ массъ, готовыхъ поддержать свои правопритязанія при помощи силы революціоннаго акта, задачей реакціи является ослабленіе мятежнаго движенія при помощи особаго усиленія мотива страха.

Не надо забывать, что по существу понятіе силы весьма относительно. Еще съ приблизительной точностью можно взвѣшивать силы двухъ вооруженныхъ армій, стоящихъ другъ противъ друга. Но когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ силы правительства, почерпающаго свою силу изъ народа, и когда этому правительству противопоставляютъ силу народа, то получаются весьма неустойчивыя и трудно уловимыя величины. Дѣло въ томъ, что сила правительства держится отнюдь не численностью его войскъ и не измѣряется возможностью фактическаго принужденія. Его сила прежде всего въ добровольномъ повиновеніи гражданъ, въ духѣ преданности со стороны арміи, которая рѣдко выдерживаетъ междоусобную войну безъ перехода на сторону возставшихъ, но въ гораздо большей степени въ томъ представленіи о силѣ правительства, которое можетъ принять характеръ чрезвычайно устрашающей фикціи. Здѣсь, такимъ образомъ, не такъ нужна сила, сколь поддержаніе этой фикціи и внушеніе населенію вѣры, что правительство дѣйствительно можетъ и не оставитъ безъ послѣдствія ни одного нарушенія закона. Страхъ предъ силой правительства, которое можетъ быть на самомъ дѣлѣ очень слабо,—вотъ главное основаніе престижа и власти господствующей организаціи. Такимъ образомъ здѣсь вѣра въ правительственную силу сама ее создаетъ, и рожденный этою вѣрою страхъ способенъ хоть на время обезсилить народное движеніе. Но для внушенія этой вѣры нужна не сама сила, но лишь быстрота, неукоснительность и рѣзкость ея проявленій. Такъ дѣйствительная сила правительства можетъ быть замѣнена терроромъ со стороны его агентовъ, и этотъ терроръ создаетъ престижъ сильной власти даже призрачному величію фактическаго безсилія. Какъ замѣчено было не разъ, къ мѣрамъ устрашенія прибѣгаютъ отнюдь не сильныя, но слабыя правительства.

Необходимость замѣнить моральный авторитетъ и спокойное отправленіе законныхъ функцій терроризмомъ усмиренія необходимо

разрушаетъ и ту идеологію, которая покоится на принципѣ законности. Чѣмъ слабѣе правительство, чѣмъ опаснѣе его положеніе, тѣмъ больше оно выдвигаетъ на первый планъ борьбу за самосохраненіе во что бы то ни стало. Въ растерянности и отчаяніи оно уже не можетъ соблюдать своего собственнаго закона, нарушаетъ его, прибѣгаетъ къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, спасается при помощи произвола. Нельзя не видѣть здѣсь благопріятной почвы для появленія новыхъ идеологій, которыя кладутъ начало новому же идеологическому круговороту. Такъ заканчивается въ отвлеченной схемѣ типичный процессъ развитія внутри групповой идеологіи, которая начинаетъ свое бытіе въ огнѣ революціоннаго энтузіазма, подъ знаменемъ естественнаго или свободнаго права, а кончаетъ свой путь реакціоннымъ стремленіемъ задавить при помощи силы новыя соціальныя идеи на знамени подымающагося вверхъ общественнаго класса.

Сводя воедино результаты внутри группового развитія идеологій, мы можемъ уже здѣсь установить нѣкоторую гипотезу. Она коренится въ томъ, что всякая классовая идеологія, принесенная въ общественную жизнь новымъ классомъ, отличается извѣстнымъ матеріализмомъ и сравнительной близостью къ экономической средѣ, радикализмомъ требованій и опирается, главнымъ образомъ, на силу психическаго подъема, моральнаго внушенія и героическаго зараженія массъ. Въ періодъ своего торжества идеологія пріобрѣтаетъ свою самостоятельную оболочку въ видѣ легальности или законности, принимаетъ характеръ компромисса побѣдителей и побѣжденныхъ и распространяется при помощи силы подражанія въ средѣ организованнаго при помощи общихъ идей государства. Въ эпоху идеологическаго заката, наконецъ, мы видимъ преувеличенную идеализацію духовно-идеальныхъ сторонъ государственности, возрастаніе косности среди властвующихъ группъ такъ же, какъ преданныхъ имъ массъ, распаденіе прежней гармоніи или сотрудничества отдѣльныхъ классовъ и усиленіе момента силы и репрессіи по адресу недовольныхъ.

На ряду съ этимъ процессомъ можно замѣтить и нѣкоторый побочный процессъ, который выражается въ томъ, что чѣмъ болѣе движеніе нуждается въ подъемѣ моральныхъ силъ и героизма, тѣмъ болѣе и самыя идеологіи обращаются къ личному убѣжденію, мужеству и доблести людей. Въ періоды гармоничнаго развитія и компромисса идеологій онѣ главнымъ содержаніемъ своимъ имѣютъ образованіе соціальныхъ понятій коллективнаго типа. Въ періодъ упадка, наконецъ, каждая идеологія стремится пріобрѣсти абсолютный непререкаемый характеръ, который становится тѣмъ болѣе метафизическимъ, чѣмъ шире пропасть между идеологіей и созданной ею жизнью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Государственныя формы.

ОТДѢЛЪ I.

Ученіе объ абсолютизмѣ.

ГЛАВА I.

Обоснованіе абсолютной власти.

Koser. Die Epochen der absoluten Monarchie in der neueren Geschichte. (Hist. Ztschr. 1889). Roscher. Politik. R. Schmidt. Allgemeine Staatslehre. Rehm. Modernes Fürstenrecht. J. J. Moser. Teutsches Staatsrecht. H. Schulze. Die Hausgesetze der regierenden deutschen Fürstenhäuser. Митрофановъ. Іосифъ II. Карѣевъ. Западно-европейская абсолютная монархія. Токвиль. Старый порядокъ и революція. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Тарле. Паденіе абсолютизма въ Западной Европѣ. Андреевскій. Русское государственное право. В. В. Ивановскій. Русское государственное право. Градовскій. Начала русскаго государственнаго права. Паліенко. Суверенитетъ. Рейснеръ. Самодержавіе и общее благо (сб. Государство и вѣр. личность).

Переходя теперь къ примѣненію добытыхъ ранѣе положеній и къ непосредственному изученію государства, мы видимъ прежде всего, что, будучи основано на томъ или иномъ общественномъ фундаментѣ, оно необходимо обусловлено и той системой хозяйства, на которой выросло то или иное раздѣленіе общественнаго труда. Государство, основанное на кастахъ, естественно, будетъ отличаться отъ организаціи, построенной на гармоніи свободныхъ общественныхъ классовъ. Инымъ будетъ и обоснованіе власти, и правовая связь, и дѣятельность правительства въ ея основныхъ цѣляхъ и средствахъ. И если мы пожелаемъ изучить государственныя формы въ ихъ историческомъ развитіи, то мы должны точно разграничить исторически данные типы государства. Если же мы желаемъ остановиться на какомъ-нибудь одномъ типѣ, то должны прослѣдить всѣ его формы, которыя даютъ основной циклъ его развитія. Въ послѣдующемъ изложеніи мы такъ и дѣлаемъ. Не имѣя возможности дать одинаково исчерпывающей

характеристики древне-восточнаго государства, античнаго и средневѣковаго, мы останавливаемся лишь на государствѣ новаго времени, которое тѣсно связано съ образованіемъ общественныхъ классовъ, а черезъ нихъ и съ экономическимъ строемъ такъ называемаго капиталистическаго хозяйства.

Но, съ другой стороны, мы, благодаря предшествующему изложенію, знаемъ, что идеологическая конструкція каждаго послѣдующаго періода въ значительной степени отражаетъ идеологію болѣе ранней эпохи. Классовая борьба, сопровождающая переходъ отъ одной формы народнаго хозяйства къ другой, не уничтожаетъ цѣликомъ идей и конструкцій побѣжденныхъ классовъ, но отводитъ имъ послѣ побѣды лишь подчиненное мѣсто и, какъ съ таковымъ, идетъ на извѣстный компромиссъ. Отсюда особенная пестрота идеологическихъ формъ переходныхъ стадій и начальныхъ образованій въ составѣ каждой государственности, связанной съ новыми формами хозяйства. Останавливаясь на новыхъ государственныхъ формахъ, мы должны на ихъ первомъ же представителѣ, абсолютизмѣ, отмѣтить такую чрезвычайную сложность и пестроту идеологическихъ наслоеній, обусловленную переходомъ отъ системы вотчиннаго и замкнутаго городского хозяйства къ денежному, а затѣмъ и къ капиталистическому строю.

Для правильной постановки вопроса о государствѣ необходимо, далѣе, помнить, что спеціально государственная идеологія отличается нѣкоторыми лишь ей присущими чертами отъ политической идеологіи вообще, и потому отнюдь не можетъ быть смѣшана ни съ какимъ-нибудь однимъ методомъ соціальнаго сознанія, ни съ какой-нибудь одной классовой идеологіей. Только во времена революціи классъ хочетъ стать государствомъ, только во времена реакціи государство становится партіей или классомъ. Поскольку же государство есть государство, оно представляется организаціей специфическаго типа, которая не только построена на мирномъ сотрудничествѣ и компромиссѣ нѣсколькихъ классовъ подъ гегемоніей одного, но и на особой переработкѣ различныхъ классовыхъ идеологій въ одну общую, на которую и накладываетъ свою печать идеологія господствующаго класса. Какъ мы уже видѣли выше, противорѣчивость этихъ идеологій требуетъ необходимо примиренія, и оно достигается разнымъ способомъ. Но самымъ удачнымъ и постояннымъ способомъ является обращеніе къ государственной формѣ, какъ къ особой категоріи, и она-то даетъ возможность построенія нѣкоторой вторичной идеологіи, которая при помощи своихъ формальныхъ предпосылокъ, идей и понятій даетъ требуемый синтезъ и примиреніе. И тѣмъ-то дорога государственная форма, эта идеологическая надстройка второго яруса, что она какъ разъ лишаетъ грубыхъ классовыхъ примѣтъ тѣ формулы, которыя рождаются въ классовой борьбѣ, но затѣмъ какъ бы возносятся надъ нею.

Главнѣйшія категоріи государственныхъ формъ представляются въ теченіе вѣковъ чрезвычайно устойчивыми и находятся въ періодѣ постепеннаго развитія. Вотъ почему, говоря о государствѣ вообще, необходимо выдѣлить жизнь и значеніе этихъ категорій въ предметъ особыхъ, посвященныхъ имъ изслѣдованій. Съ другой стороны, этихъ категорій сравнительно немного, и онѣ сводятся къ основнымъ тремъ; таковыми должно считать: понятіе государственной верховной власти или суверенитета, понятіе правового отношенія власти и подданныхъ и, наконецъ, понятіе учрежденій въ ихъ цѣляхъ, дѣятельности и составѣ. Въ такомъ порядкѣ мы и начнемъ наше изложеніе. Сначала мы изслѣдуемъ формальный принципъ власти, затѣмъ мы остановимся на вопросѣ о правовомъ ограниченіи власти и ея учрежденіяхъ, причемъ у насъ естественно получится сначала отдѣлъ, посвященный преимущественно формальнымъ основаніямъ власти, затѣмъ ея правовой системѣ и, наконецъ, ея политическому бытію. Въ такомъ порядкѣ мы приступаемъ и къ изслѣдованію абсолютизма.

Первый вопросъ, который подлежитъ нашему разрѣшенію съ данной точки зрѣнія, это вопросъ объ организаціи такъ называемой высшей или верховной власти, представляющей собой какъ бы единый пунктъ, въ которомъ сосредоточивается весь государственный авторитетъ, верховное право повелѣнія и высшая функція по разрѣшенію любого государственнаго конфликта. Въ такомъ центральномъ пунктѣ мы какъ разъ находимъ таинственный фокусъ, идеологически организующій единую волю, которая выдаетъ себя и признается людьми за волю всей организаціи, носящей наименованіе государства. Обоснованіе такого представленія является главнѣйшимъ содержаніемъ различнѣйшихъ идеологій, и въ наиболѣе совершенномъ видѣ эта идея обосновывается религіознымъ ученіемъ. Съ другой стороны, конечно, наиболѣе простымъ и легкимъ способомъ фактическаго осуществленія такой воли является непосредственное перенесеніе ея атрибутовъ на какую-нибудь конкретную живую волю отдѣльнаго лица, которое бы было проникнуто соотвѣтственнымъ убѣжденіемъ и согласилось бы въ указанныхъ цѣляхъ организовать свое поведеніе.

Взятый въ своемъ высшемъ идеологическомъ завершеніи такой объединяющій центръ государственной жизни весьма ярко обнаруживаетъ свой искусственный характеръ. Ибо въ понятіе его входятъ три основные момента. Понятіе воли, принадлежащей ей власти и находящейся въ ея распоряженіи силы. Но уже идея государственной воли совершенно отлична отъ той живой реальной воли, или общаго рѣшенія воль, которыя служатъ воплощеніемъ государственнаго хотѣнія. Въ отличіе отъ воли человѣка, которая смертна такъ же, какъ онъ, и въ лучшемъ случаѣ живетъ послѣ его смерти въ различныхъ его твореніяхъ, воля государства почитается безсмертной постольку, поскольку каждое государство претендуетъ на

вѣчное существованіе и насчитываетъ за собой столѣтія человѣческой эры. Воля человѣка является вмѣстѣ съ тѣмъ весьма измѣнчивой и раздвоенной, раздираемой порою трагическимъ противорѣчіемъ. Воля государства предполагается всегда не только сознательной, лишенной индивидуально-эмоціональнаго характера, но и постоянной въ пространствѣ и времени, неизмѣнной по существу, единой во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ и различныхъ проявленіяхъ. Ей вѣчно присуще только одно содержаніе, и оно заключается въ преслѣдованіи чисто государственныхъ цѣлей, самосохраненія, самозащиты, роста и благосостоянія государства. Такъ воля государства, несмотря на ея конкретное совпаденіе съ волей отдѣльныхъ частныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе пріобрѣтаетъ нѣкоторый нечеловѣческій, сверхъестественный характеръ. Даже въ монархіи вопросъ о единой государственной волѣ оказывается далеко не столь простымъ, какъ это могло казаться сначала.

Разсмотримъ теперь вопросъ относительно такъ называемой верховной власти. Власть есть только свойство изображенной выше воли, власть эта характеризуется тѣмъ, что государственная воля владѣетъ ею сама, по собственному своему праву, и въ этомъ смыслѣ является самодержавной. Точно такъ же эта власть никѣмъ не можетъ быть по праву отнята безъ согласія самой государственной воли, эта власть вмѣстѣ съ тѣмъ юридически безотвѣтственна, такъ какъ не имѣетъ и не можетъ имѣть надъ собой никого высшаго: она — суверенна! Но чудесной государственной волѣ приписывается и еще одинъ атрибутъ власти, и онъ заключается въ ея неограниченности или абсолютизмѣ. Это значитъ, что только тѣ рамки въ своей дѣятельности и жизни признаетъ абсолютная власть, которыя она наложитъ на себя путемъ самоограниченія и впредь до ея свободнаго, ничѣмъ юридически не стѣсненнаго рѣшенія. Въ этомъ смыслѣ надъ нею нѣтъ закона человѣческаго, кѣмъ бы то ни было надъ ней поставленнаго. Въ этомъ смыслѣ государственная воля не только независима въ высочайшей степени, но и свободна въ такой мѣрѣ, какъ это не можетъ представить себѣ ни одинъ человѣкъ. Эти атрибуты власти, однако, присвояются не изолированному существу, находящемуся въ межпланетномъ пространствѣ, нѣтъ, она помѣщается въ центрѣ организованнаго общежитія, и вся ея власть есть вмѣстѣ съ тѣмъ право по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые считаются ея подданными. Правамъ власти, число коихъ не ограничено ничѣмъ, соотвѣтствуютъ столь же абсолютныя обязанности подданныхъ, которые по принципу не имѣютъ ни права возстанія, ни права суда или наказанія по отношенію къ государственной волѣ, какъ таковой. Этимъ обрисовывается и завершается такъ называемый внутренній суверенитетъ, который юридически формулируется какъ

право свободнаго опредѣленія своей собственной компетенціи. Подданные этой компетенціи подчинены безусловно.

Какъ мы видѣли выше, третьимъ атрибутомъ государственной воли является принадлежащая ей сила. Этой силѣ приписываются такія особыя свойства, которыя ставятъ ее далеко за предѣлы обычной человѣческой, даже коллективной силы. Въ этомъ отношеніи государственная сила идетъ вполнѣ въ одинъ уровень съ государственной волей и властью. Предполагается прежде всего, что сила государства обладаетъ напряженіемъ, способнымъ превозмочь не только какіе-нибудь удары и противодѣйствія со стороны подданныхъ или ихъ соединеній, но даже со стороны какихъ бы то ни было внѣшнихъ, вражескихъ силъ. И самое крохотное государство никогда не преминетъ развить свою армію въ ожиданіи войны съ безмѣрно болѣе сильнымъ, чѣмъ она, сосѣдомъ. Эта сила представляется затѣмъ вездѣсущей, такъ какъ ей подлежитъ вся территорія страны безъ исключенія, и общество твердо убѣждено, что эта сила будетъ проявлена вездѣ, гдѣ она нужна, хотя бы въ отдаленнѣйшихъ углахъ широко разбросанной колоніальной имперіи. Эта сила не ограничивается въ своемъ примѣненіи однимъ воздѣйствіемъ на внѣшнее поведеніе и физическую природу человѣка, она хочетъ воздѣйствовать при помощи наградъ и наказаній на сокровенную жизнь души, на внутренніе мотивы человѣческихъ поступковъ, она желаетъ не только знать, но и видоизмѣнять согласно рѣшенію верховной воли человѣческія мысли, чувства и желанія. Воистину можно сказать, что сила государства представляется чуть ли не въ Божескомъ ореолѣ всемогущества, всевѣдѣнія и вездѣсущности. Этимъ заканчивается идеологическая форма основной государственной фантазмы.

Уже Людвигъ Кнаппъ, провозвѣстникъ психологическаго метода въ правѣ, указалъ на широкое развитіе подобныхъ чудовищныхъ фантазмъ, снабженныхъ тѣмъ болѣе абсолютнымъ характеромъ и устрашающей формулировкой, чѣмъ грубѣе и неподвижнѣе тотъ матеріалъ, который нужно охватить въ организованное единство. И тотъ же Кнаппъ отмѣтилъ значеніе здѣсь представленій о сверхчеловѣческомъ правовомъ велѣніи, вытекающемъ то изъ художественной, то изъ спекулятивной фантазіи. И если мы теперь попробуемъ заглянуть въ историческое обоснованіе суверенитета, мы увидимъ, что, дѣйствительно, подъ него подводился самый разнообразный фундаментъ, по своей фантастичности и пестротѣ вполнѣ отвѣчающій грандіозности задачи. И чѣмъ была непроходимѣе пропасть между отдѣльными группами населенія, тѣмъ болѣе чудовищнымъ становился символъ, который долженъ былъ привести изолированныя группы къ общему и высшему единству.

Первая заслуга здѣсь принадлежитъ теократіи, и не было боговъ въ мірѣ, самыхъ великихъ и страшныхъ, которые бы не обос-

новывали подавляющей силы государственной, а часто и монархической власти. И можно сказать, что процессъ обоснованія власти въ значительной степени зависѣлъ отъ того, которымъ шло нарастаніе силы и значенія одного Бога. Какъ извѣстно, древній политеизмъ отличался тѣмъ, что тамъ хоть и были главные боги, но не было всепоглощающихъ боговъ. Можно даже сказать, что каждая отдѣльная ячейка жизни, каждый процессъ ея имѣлъ свое отдѣльное божество. Надъ земною семьей, хозяйствомъ, общиною, племенемъ, надъ каждымъ промысломъ и соціальнымъ дѣленіемъ, надъ каждой площадью и улицей, на каждой границѣ было свое особое божество. Это цѣлый міръ боговъ, и они продѣлывали наверху все то же самое, что внизу продѣлывали люди, и если внизу шла война, то небесные мечи стучали и на облакахъ, а завоеванія области, племени, города, народа было вмѣстѣ съ тѣмъ взятіемъ въ плѣнъ и соотвѣтственныхъ къ нимъ приставленныхъ боговъ.

И древніе люди были во многомъ скромнѣе настоящихъ, и когда они обосновывали на воинскихъ успѣхахъ власть какого-нибудь царя или князя, они эту власть приписывали не его свѣтской мощи и силѣ, а божественному дыханію того бога, который даровалъ князю побѣду. И политика укрѣпленія власти была въ значительной степени небесной или божественной политикой или дипломатіей. Приходилось ублажать и договариваться съ господами духами, геніями, небожителями разныхъ образовъ, странъ и народовъ. Какъ извѣстно, наиболѣе грандіознаго размаха политика эта достигла въ Римѣ, гдѣ совершилось объединеніе весьма обширныхъ территорій подъ главенствомъ одного центра. Политика, которая примѣнялась неоднократно уже въ Элладѣ, здѣсь достигла своего апогея. Съ одной стороны, выработаны были подробные пріемы для подкупа чужихъ боговъ, которыхъ римляне умѣли переманивать на свою сторону даже во время войны при помощи щедрыхъ обѣщаній и даровъ, а съ другой, созданъ такъ называемый Пантеонъ, который завершилъ собою процессъ перевоза чужихъ боговъ въ Римъ и привелъ ихъ всѣхъ, такъ сказать, къ зачисленію на римскую государственную службу подъ главенствомъ Юпитера Капитолійскаго. Каждый такой богъ получалъ свой рангъ и мѣсто въ средѣ небожителей, ему создавался официальный культъ, и для него приглашались туземные жрецы, одаренные не только терпимостью, но часто и привилегіей. Даже іудейскому Іеговѣ было предложено соотвѣтственное мѣсто въ Пантеонѣ, но національный Богъ маленькаго народа претендовалъ на болѣе широкое значеніе. Такъ, путемъ механическаго нагроможденія божественныхъ силъ, пытались въ древности сосредоточить въ государствѣ таинственную мощь, которая должна была послужить центромъ единой власти.

Въ варварскія эпохи пониманія христіанства мы находимъ совершенно аналогичный процессъ собиранія земли на западѣ Европы

и въ Россіи. Только языческихъ небожителей здѣсь замѣняютъ съ успѣхомъ отдѣльныя реликвіи, мощи, святые, а въ частности знаменитыя чудотворныя иконы и подобныя имъ святыни. Людовикъ XI особенно старался сосредоточить чудотворныхъ провинціальныхъ Мадоннъ въ своей резиденціи, этомъ городѣ святой Женевьевы. Русскіе собиратели земли придавали не меньшее значеніе тому, чтобы удѣльныя святыни и окраинныя Богородицы и Спасы были сосредоточены въ Москвѣ, этомъ центрѣ русскаго единодержавія. Все это какъ разъ политика, которую прекрасно характеризовалъ Людовикъ XIV, когда онъ говорилъ, что угожденіе Богу это лучшее средство для того, чтобъ обезпечить королевской власти неизмѣримыя силы Божественнаго всемогущества.

Мы уже видѣли въ первой части, какъ въ языческомъ Римѣ была сдѣлана попытка опереть императорскую власть на нѣкотораго новаго, единаго бога, который бы не только былъ выше и больше всѣхъ, но и неразрывно связанъ съ личностью царствующаго императора. Такъ былъ обожествленъ сначала геній умершаго императора, а затѣмъ живого, пока, наконецъ, самъ кесарь не былъ превращенъ изъ смертнаго человѣка въ безсмертнаго человѣка-бога, возсѣвшаго выше всѣхъ остальныхъ божествъ. Политика эта была подсказана весьма здоровымъ инстинктомъ, такъ какъ конгломератъ разнообразныхъ боговъ, собранныхъ въ Пантеонѣ, не могъ даже на совѣсть язычника не производить ошеломляющаго впечатлѣнія. Несмотря на всю бѣдность религіозно-мистическаго содержанія, эти боги Пантеона все же совершенно невольно становились источникомъ пропаганды и прозелитизма. У себя дома они были среди своихъ, но здѣсь, въ Римѣ, они уже теряли узко національное значеніе, становились религіозной цѣнностью и влекли къ себѣ сердца даже сыновъ державнаго народа. Отсюда рядъ преслѣдованій еще до появленія христіанства цѣлаго ряда недозволенныхъ культовъ, отсюда раздоры на религіозной почвѣ, которые не усиливали, но ослабляли государственную власть. Попытка ея укрѣпленія при помощи культа императоровъ менѣе всего могла помочь дѣлу, потому что здѣсь религіозный элементъ сводился совершенно къ нулю. Кромѣ обряда и формальности такой культъ обожествленной государственной силы ничего не могъ дать; съ другой же стороны въ немъ живая личность даннаго монарха слишкомъ затемняла и самую государственную идею. Характерно, однако, что, ставъ богами, императоры нисколько не отказались отъ званія верховнаго первосвященника Юпитера Капитолійскаго; удивительнымъ образомъ все это совмѣщалось въ одномъ лицѣ.

Когда христіанство путемъ долгой эволюціи пріобрѣло характеръ, вполнѣ пріемлемый для языческаго государства, оно не только было принято этимъ послѣднимъ, но и одухотворило его той силой,

которой ему такъ недоставало. Отнынѣ власть и ея носитель получаютъ свою таинственную силу отъ вѣчной и единой воли, обладающей неограниченною властью во вселенной, воли, которой присуща всемогущая, вездѣсущая и всевѣдущая сила. Эта воля единаго Бога должна была при помощи церкви внѣдриться и въ тѣло римскаго языческаго государства. Не даромъ Константинъ, оставаясь самъ божествомъ и великимъ первосвященникомъ язычества, въ то же самое время сталъ равноапостольнымъ сыномъ тогдашней церкви. И по мѣрѣ того, какъ укрѣплялось христіанство въ качествѣ государственной религіи, объединившей сердца подданныхъ предъ божественнымъ могуществомъ кесарей, росли и заботы ихъ о поддержаніи единства въ рамкахъ этой спасительной вѣры. Ибо каждая ересь, каждая схизма, каждое лжеученіе на догматической почвѣ разбивало великую силу христіанской имперіи. И поклонники единосущнаго Сына не желали знать императора, признающаго только единоподобіе Іисуса, а люди, которые вовсе отрицали Аѳанасія и шли за аріанскими ученіями, естественно проклинали кесаря, приверженца аѳанасіанскаго ученія. Первая же попытка обоснованія власти въ понятіяхъ божественнаго самодержавія сопровождалась и великимъ ея потрясеніемъ во имя свойствъ божества и догмы истиннаго правовѣрія.

Гораздо счастливѣе были тѣ центры власти, гдѣ во главѣ самой страны оказался первосвященникъ, намѣстникъ всемогущаго и единаго Бога; такъ было въ Іудеѣ до эпохи царей, гдѣ самъ Іегова былъ царемъ своего народа. Здѣсь государственный суверенитетъ цѣликомъ совпадалъ съ суверенитетомъ небеснымъ. Такъ было въ папскомъ Римѣ, этой столицѣ церковной области; здѣсь въ лицѣ намѣстника былъ государемъ Самъ Іисусъ, и Его полнота власти не могла не быть совершенной. Не даромъ она именуется potestas plena suprema ordinaria immediata, т.-е. полной, верховной, правильной, непосредственной и только на послѣднемъ мѣстѣ episkopalis, или епископской. Въ силу этого святой отецъ сталъ не только епископомъ епископовъ, но и отцомъ отцовъ, главою всѣхъ главъ. Правъ былъ Бонифацій VIII, когда онъ провозгласилъ: „я есмь Кесарь, я есмь императоръ!“ Въ его рукахъ была воистину власть безъ мѣры, числа и вѣса; намѣстникъ Божій въ силу этого самъ сталъ источникомъ всякаго права и закона. И замѣчательная вещь, несмотря на всю гибель церковной области и включенія Рима въ составъ итальянскаго королевства, тѣмъ не менѣе пользуется и сейчасъ представитель небеснаго суверенитета на землѣ правомъ отдѣльнаго государя въ области международныхъ сношеній, а при божественномъ святѣйшествѣ аккредитовываются сейчасъ послы и подобные имъ дипломаты, которые ведутъ переговоры съ государствомъ, занимающимъ пару ватиканскихъ дворцовъ. Восточной аналогіей подобной непосредственной теократіи является тибетскій Далай-Лама и старый японскій Ми-

кадо, бывшій духовнымъ главой свѣтскаго государства. На той же идеѣ былъ построенъ мусульманскій халифатъ, верховная власть котораго была непосредственнымъ дѣйствіемъ Аллаха, постояннымъ сосудомъ коего была наслѣдственная династія потомковъ Магомета.

Логически въ худшемъ положеніи оказались тѣ новые христіанскіе государи, которые обосновали свой самостоятельный національный суверенитетъ при помощи христіанской религіи. И въ самомъ дѣлѣ, католическое вѣроученіе требовало у нихъ преклоненія предъ единымъ суверенитетомъ единаго Бога, который въ лицѣ папы имѣлъ своего единственнаго представителя. Но подчиненіе папѣ совершенно не входило въ государственные расчеты новыхъ державцевъ. Каждому изъ нихъ былъ нуженъ суверенитетъ лишь для себя и противъ сосѣдей, къ которымъ принадлежалъ иногда и самъ папа. Такъ единый Богъ долженъ былъ обосновать цѣлый рядъ отдѣльныхъ властей Божьей милостью, при чемъ каждая изъ нихъ хотѣла быть обладающей всею полнотой Божьяго величія на землѣ. Дѣло осложнялось особенно во время международныхъ столкновеній. Каждое королевство Божьей милостью не только объявляло войну другому королевству, получившему власть отъ того же единаго Бога, но и старалось истребить ее при помощи своихъ правъ на такую же Божью милость. И отъ имени одного и того же Бога, при помощи его божественныхъ силъ, въ защиту его земного величія истребляли другъ друга люди и нисколько не интересовались тѣмъ, что они въ своемъ фантастическомъ мышленіи совершали величайшее кощунство, разрывали Бога на части и заставляли одну часть божественной мощи и силы стремиться къ истребленію другой, столь же великой и священной сущности. Подобные примѣры извѣстны и русской исторіи, и не разъ въ междоусобной борьбѣ русскихъ удѣльныхъ княжествъ въ нелѣпомъ воображеніи полуязычниковъ одинъ Спасъ шелъ битвой на другого, и одна Богородица брала въ плѣнъ или разбивала другую. На этихъ примѣрахъ лучше всего можно наблюдать, въ какой степени понятіе божественнаго величія было необходимо для обоснованія единой государственной воли, ея верховной власти и всемогущества.

Религіозное обоснованіе государственной власти претерпѣло новый кризисъ въ тотъ моментъ, когда во имя вѣроисповѣдной терпимости стало возможнымъ сожительство въ одномъ государствѣ людей самой разной вѣры. Ссылка на божескій авторитетъ въ глазахъ такихъ людей принимала весьма сомнительный характеръ. И когда власть призывала на себя благословеніе Бога по католическому обряду, такое освященіе власти менѣе всего могло импонировать протестантамъ, считающимъ папу антихристомъ и католическіе обряды не только не дѣйствительными, но и грѣховными, и, наоборотъ, протестантскій государь, являющійся въ то же время епископомъ лютеранъ

или реформаторовъ, менѣе всего могъ убѣдить своихъ католическихъ подданныхъ въ своемъ высокомъ достоинствѣ при помощи ссылки на толкованіе библіи Меланхтона, Кальвина или Лютера. Католики справедливо видѣли въ протестантскомъ государѣ злого еретика и узурпатора, попущеніемъ Божіимъ получившаго власть, протестанты же имѣли всѣ основанія проклинать и возмущаться идолопоклонствомъ нечестиваго паписта, претендующаго на право и авторитетъ истинно христіанскаго монарха. Съ религіозной точки зрѣнія указанный конфликтъ былъ и на дѣлѣ неразрѣшимъ, что нисколько не мѣшало протестантскимъ, католическимъ и реформированнымъ монархамъ ссылаться на находящуюся въ ихъ полномъ обладаніи свыше дарованную Божью милость. На нее ссылался съ непререкаемой увѣренностью католическій Фердинандъ въ Кастиліи, ее ощущалъ въ себѣ Людовикъ XIV, этотъ „представитель божественнаго величества“, занимающій „престолъ самого Бога“. На божеское право ссылается Яковъ I англійскій, считающій себя не только намѣстникомъ Божіимъ, но и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже Богомъ. И за католиками слѣдуютъ протестанты, въ родѣ Генриха VIII, объявившаго себя англійскимъ папой, и нѣмецкіе князья, безусловнаго повиновенія которымъ потребовалъ и Лютеръ и Меланхтонъ.

Безмѣрное раздробленіе мистическаго источника власти повлекло за собой необходимость какого-нибудь идейнаго объединенія входящихъ въ него элементовъ. Такимъ опытомъ въ свое время была попытка установленія христіанскаго государства, которая и легла въ основу знаменитаго священнаго союза въ началѣ XIX вѣка. Въ этомъ актѣ три величайшихъ монарха христіанской Европы, православной, католической и протестантской вѣры провозгласили единственной основой своей дѣятельности „высокія истины, внушенныя вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя“. Они обязались въ силу этого „руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями ея святой вѣры, заповѣдями любви, правды и мира, которыя... долженствуютъ... непосредственно управлять волею царей и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее человѣческія несовершенства“. Благодаря этому изъ подданныхъ всевозможныхъ исповѣданій долженъ былъ возникнуть „единый народъ христіанскій“, „единое семейство“, въ которомъ безъ различія вѣроисповѣданій живетъ „Іисусъ Христосъ, Глаголъ Всевышняго, Слово Жизни...“

Такъ понимаемое христіанство по существу теряетъ чисто религіозный характеръ и превращается въ нѣкоторый христіанскій романтизмъ, основанный на идеяхъ „дѣйствительнаго и неразрывнаго братства“, въ которомъ связаны между собой не только „три союзные государя“, но и ихъ подданные. Въ такомъ представленіи „божественный Спаситель“ основывается на доброй совѣсти, содѣй-

ствуетъ „счастью колеблемыхъ долгое время царствъ“, способствуетъ „благу судебъ человѣческихъ“ и находитъ свое главное орудіе въ лицѣ монарховъ какъ „отцовъ семействъ“, при чемъ единственнымъ правиломъ для отношеній между подданными и властями является: „приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь“, „подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь“ и т. п. Какъ очевидно, мистическія основы здѣсь въ значительной степени замѣнены началомъ морали, а мірской, гуманитарный элементъ или филантропія преобразуетъ церковный образъ Спасителя. Такое христіанство есть уже не религія, а сентиментальная мораль, чувствительное воспріятіе истинъ, въ которыхъ „ихъ Величества съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ убѣждаютъ своихъ подданныхъ“.

Теорія христіанскаго государства въ свое время сыграла извѣстную роль и на ней покоились въ значительной степени принципы такъ называемаго легитимизма. Въ этомъ смыслѣ ссылалась хартія Людовика XVIII на „божественное Провидѣніе“, которое устанавливаетъ „свободное согласіе мудрости королей съ желаніемъ народовъ“ и преобразуетъ государство „въ великую семью“, гдѣ „всѣ французы живутъ какъ братья“. Къ той же христіанской морали прибѣгъ въ Пруссіи Фридрихъ Вильгельмъ IV, когда онъ утверждалъ свой абсолютизмъ противъ революціи. Къ тому же началу „божескаго права“ обратился и „христіанскій“ самодержецъ Францъ-Іосифъ послѣ революціи 1848 г., когда были раскрыты „истинныя основы монархіи“. Какъ извѣстно, пресловутый Фридрихъ Юлій Штааль создалъ полную систему христіанскаго государства, гдѣ христіанскій принципъ былъ противоставленъ принципу революціи „со всемірно-исторической точки зрѣнія“. И эта система стала однимъ изъ камней реакціоннаго зданія, которое съ великимъ успѣхомъ строили такіе романтики христіанства, какъ Генцъ и Деместръ, Бональдъ и Миллеръ. Князь Меттернихъ въ ученіи этихъ людей имѣлъ прекрасное орудіе для того, чтобы зажать всколыхнувшуюся Европу въ желѣзныя руки христіанской реакціи. И не далекъ отъ истины былъ Наполеонъ, когда онъ называлъ священный союзъ союзомъ королей противъ ихъ народовъ.

Реакціонный характеръ христіанскаго государства придаетъ особенную остроту его идеологіи. Однако на самомъ дѣлѣ отвлеченно взятый христіанскій романтизмъ уже потому не могъ связать тогдашнихъ государствъ даже внутри ихъ границъ, что на самомъ дѣлѣ въ ихъ предѣлахъ было много и нехристіанскихъ элементовъ, стоящихъ внѣ трехъ выше упомянутыхъ религій. Таковыми были не только всевозможные безбожники, атеисты и революціонеры, на которыхъ обрушивалась вся тяжесть меттерниховской государственности, но и милліоны еврейскаго населенія, которому принципіально

не было мѣста въ христіанской странѣ. Принципъ христіанскаго государства еще болѣе ослабляющимъ образомъ дѣйствовалъ на верховную власть русскаго императора. Какъ разъ въ Россіи къ наиболѣе консервативнымъ элементамъ всегда относилось населеніе восточныхъ окраинъ, въ частности мусульмане и буддисты. И при строгомъ проведеніи христіанскаго принципа, само собой, государственная власть не только должна была бы потерять въ нихъ свою опору, но и выступить противъ нихъ, какъ противъ нехристей и бусурманъ, ненавистниковъ христіанскаго Бога. И если относительно евреевъ политика наша выступила съ цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ преслѣдованій, и здѣсь, дѣйствительно, былъ оправданъ „христіанскій" характеръ власти, то за эти предѣлы христіанская власть не могла выйти безъ опасенія разрушить свои государственныя основы. Логически и здѣсь объединяющій принципъ на религіозной основѣ приводилъ не къ единству, а къ раздору и разрушенію. И даже тамъ, гдѣ сохраненъ хотя бы остатокъ религіознаго обоснованія власти, приходится нарушать этотъ принципъ путемъ весьма далеко идущаго впередъ и логически невозможнаго компромисса.

Характернымъ примѣромъ здѣсь является какъ разъ современная Россія. До настоящаго времени здѣсь удержано, между прочимъ, обоснованіе власти на особомъ божественномъ велѣніи, такъ какъ здѣсь повиноваться власти монарха законъ „не только за страхъ, но и за совѣсть повелѣваетъ". Въ согласіи съ этимъ даже евреи, магометане и язычники молятъ „Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы имперіи". Всѣ эти иновѣрцы сходятся, такимъ образомъ, въ молитвѣ за государство, хотя они и „славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ". Такое положеніе вещей логически приводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Во 1-хъ, здѣсь нужно признать нѣкоторый деизмъ, который настолько широкъ, что въ понятіи единаго божества онъ сливаетъ безъ всякихъ колебаній столь различныя существа, какъ Будду, Аллаха, Іегову и христіанскаго Іисуса. Такъ получается нѣкоторый государственный пандеизмъ, который, однако, менѣе всего можетъ быть признанъ сторонниками перечисленныхъ исповѣданій. Другой возможностью остается признать, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то особымъ пониманіемъ религіи, которая перестаетъ быть религіей, но по древне-римскому образцу является лишь одной изъ бытовыхъ особенностей того или другого племени и народа. Не думаемъ, однако, чтобъ даже римскому пантеону удалось совмѣстить столь взаимно другъ друга отрицающія божества, какими являются Будда, Аллахъ и Христосъ, такъ какъ по принципу эти религіи исполнены миссіи прозелитизма и всеміриаго владычества. И уже полнымъ отрицаніемъ христіанскаго характера власти, снабженной, вдобавокъ, спеціально православнымъ освященіемъ, является тотъ

фактъ, что православный государь, будучи главою господствующей церкви, въ то же самое время оказывается не только покровителемъ, но и центромъ управленія для другихъ христіанскихъ и нехристіанскихъ религіозныхъ обществъ. При такомъ положеніи вещей, первый министръ православнаго государя является чѣмъ-то въ родѣ еврейскаго папы, мусульманскаго шейх-уль-ислама и т. п. Очевидно, при такихъ условіяхъ нельзя говорить ни о чистотѣ той или иной религіи, ни о религіозномъ единствѣ, которое давало бы въ результатѣ столь же единую власть. И для того, чтобы спасти государственное единство, не отказываясь отъ религіозной идеи, пришлось раздробить, исказить и сочетать въ безсмысленный конгломератъ живыя вѣрованія народа.

Чистый деизмъ, который въ видѣ естественной религіи долженъ былъ стать своего рода сверхъ-религіей для отдѣльныхъ исповѣданій, былъ по существу лишенъ всякой живой эмоціональной основы. Чисто абстрактное представленіе о божествѣ, завѣты котораго цѣликомъ совпадали съ требованіями раціональной морали и ничѣмъ не прикрытаго государственнаго интереса, не могло замѣнить для широкихъ народныхъ массъ ихъ историческаго Бога. Религія Вольтера, Монтескье и Руссо, формулированная съ особенной силой послѣднимъ, могла быть достояніемъ небольшой группы высоко просвѣщенныхъ умовъ, проникнутыхъ идеей государства. Но придать ей жизнь и значеніе среди народа не смогла даже вся диктаторская власть французской революціи. Религія Руссо была немногосложна: „существованіе могущественнаго, разумнаго, благодѣтельнаго божества, обладающаго предвидѣніемъ и провидѣніемъ, жизнь будущаго вѣка, блаженство праведныхъ и наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ, вотъ и всѣ положительныя догмы“. Такая религія является единственнымъ спасеніемъ для государства, въ особенности тамъ, гдѣ „господствуетъ варварская и нетерпимая религія, которая тираннически относится къ законамъ и принуждаетъ людей къ дѣйствіямъ, противнымъ ихъ долгу гражданина“.

Идеи Руссо и его единомышленниковъ были съ великой готовностью восприняты не только французской революціонной диктатурой, но и просвѣщенной деспотіей монархическихъ государствъ. Особый политическій или государственный деизмъ сталъ руководящей нитью для политики церковныхъ реформаторовъ въ духѣ Іосифа II или Фридриха Великаго. И здѣсь религія была провозглашена кодексомъ полезныхъ для государства дѣяній, рай и адъ были поставлены на стражѣ государственныхъ предписаній, священники превращены въ чиновниковъ духовной полиціи, а существующія религіи реформированы въ стилѣ естественнаго отвлеченнаго деизма. Нечего говорить, что Богъ этой новой религіи цѣликомъ воплощался въ государственной власти, а монархъ становился его первымъ жре-

цомъ. Но и такая религія не выполнила своего государственнаго назначенія; вмѣсто единства она принесла съ собою новые раздоры и рознь. Она стала въ явное противорѣчіе съ историческими вѣрованіями массъ, встрѣтила съ ихъ стороны живое сопротивленіе и превратилась изъ сверхъ-религіи въ ученіе какой-то свѣтской секты, которая вступила съ существующими организаціями въ борьбу. Государственное принужденіе такъ же мало помогло просвѣщенному деизму, какъ насиліе—католичеству. Французская попытка дать новой религіи символы и культъ въ видѣ культа разума потерпѣла полное крушеніе.

Чрезвычайныя неудобства религіознаго обоснованія власти сказались еще больше тогда, когда государству пришлось мириться не только съ еретиками, схизматиками или иновѣрцами, но и съ рѣзко выраженнымъ атеизмомъ. Свобода не вѣровать ни въ какого признаннаго Бога, являющаяся вѣнцомъ религіозной свободы вообще, ставитъ государство въ совершенно новое положеніе. Государственная власть желаетъ быть признана всѣми подданными—и атеистами въ томъ числѣ. Въ послушаніи, вѣрности и силѣ атеиста власть нуждается не меньше, нежели въ признаніи и дѣятельности любого христіанина. Но ясно безъ дальнѣйшаго, что для лица непризнающаго Бога, никакого значенія не имѣютъ и всѣ ссылки на божество. Государство должно найти свою опору внѣ религіи и, какъ показываетъ опытъ, уже очень рано ищетъ и въ дѣйствительности находитъ ее.

Не надо думать, что мірское обоснованіе суверенитета явилось на сцену лишь тогда, когда религіозное совершенно потеряло свое значеніе. Наоборотъ, какъ мы увидимъ ниже, обоснованіе государственной власти, полагая особый вѣсъ въ какомъ-нибудь одномъ принципѣ, въ то же самое время всегда стремилось дополнить его другимъ или другими. Пестрота и алогичность такого нагроможденія понятій, конечно, никого не смущали до тѣхъ поръ, пока цѣликомъ и принципіально не былъ поставленъ вопросъ объ умѣстности государственнаго суверенитета и спеціально въ его абсолютно-монархической формѣ. И если, съ одной стороны, государственная власть представлялась основанной на божественномъ источникѣ, это нисколько не мѣшало ей, съ другой, принимать характеръ власти собственника надъ его несвободнымъ хозяйствомъ.

Уже на Востокѣ не разъ встрѣчаемъ мы представленіе монарха какъ высшаго собственника всей государственной территоріи. Эта идея вмѣстѣ съ татарщиной и монгольскимъ правомъ была, между прочимъ, занесена и въ Россію. Особеннаго развитія достигла она въ Западной Европѣ въ тотъ моментъ, когда тамъ совершился переходъ отъ феодальнаго строя къ вотчинному порядку и начало территоріи стало основой государственнаго суверенитета. Въ Германіи

можно особенно точно прослѣдить этотъ процессъ, при чемъ здѣсь характернымъ симптомомъ его должно считать смѣшеніе феода съ аллодомъ и появленіе твердыхъ наслѣдственныхъ правъ тамъ, гдѣ раньше было лишь условное феодальное держаніе на правахъ помѣстной службы. Когда феодъ или помѣстье было окончательно поглощено вотчиной, передаваемой по наслѣдству не только мужской, но и женской линіи, то начался новый процессъ накопленія массы земель въ однѣхъ рукахъ, а вмѣстѣ и ограниченія права наслѣдованія въ женскихъ линіяхъ. Остановимся нѣсколько на этомъ развитіи территоріальнаго начала.

Какъ извѣстно, собираніе земли происходило почти во всѣхъ странахъ Европы одинаковымъ образомъ. Къ территоріи опредѣленнаго дома, которая часто состояла изъ различныхъ частей, принадлежавшихъ государю на самыхъ разныхъ основаніяхъ, всѣми возможными способами присоединялись новые участки земельныхъ владѣній. Такими способами по ученію юристовъ XVII вѣка были кромѣ выбора для духовныхъ и свѣтскихъ государей, которыхъ избирали капитулы и сословія, слѣдующіе: полученіе новаго лена отъ имперіи, бракъ и пріобрѣтеніе земель въ приданое, война и захватъ новыхъ участковъ силой, покупка за наличныя деньги или путемъ иного вознагражденія, залогъ и завладѣніе заложенной землей, договоры и соглашенія вещнаго характера, завѣщанія въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщатель обладаетъ этимъ правомъ, возвращеніе себѣ вымороченныхъ леновъ, выкупъ залоговъ, обмѣнъ территорій и т. п. И нужно сказать, что съ этими территоріями передавались не только различныя права по отношенію къ живущимъ на территоріи людямъ, но и самые эти люди въ качествѣ принадлежности къ территоріямъ. Особенно ярко такое смѣшеніе правъ собственности и владѣнія съ правами верховенства выступаетъ въ различныхъ договорахъ и завѣщаніяхъ, гдѣ перечисляются рядомъ съ замками, высшими и низшими ленами, деревнями, рыбной ловлей, охотой, лѣсорубкой также и повинности, оброки, суды полицейскіе, военные, камеральные, духовные и свѣтскіе, управы, учрежденія, заведенія и т. п. Все это лишь является принадлежностью территоріи какъ таковой, и собственникъ территоріи eo ipso считается владѣльцемъ и всѣхъ указанныхъ правъ.

Династическія соображенія, главнымъ образомъ забота о блескѣ и процвѣтаніи—„о люстрѣ и флорѣ фамиліи“, заставили очень скоро предпринять нѣкоторыя преобразованія вотчиннаго права. Право неограниченнаго распоряженія собственностью, воспринятое нѣмецкимъ дворянствомъ подъ вліяніемъ римской рецепціи, очень скоро принесло свои горькіе плоды. И такъ же легко, какъ въ однѣхъ рукахъ скапливались громадныя владѣнія, они разсыпались подъ вліяніемъ наслѣдственныхъ выдѣловъ и дѣлежей. Какъ констатируютъ современные

событіямъ источники, благодаря увеличенію рода — происходитъ постоянное дробленіе имуществъ между наслѣдниками, а въ силу этого нѣкогда богатыя, пышныя и мощныя фамиліи приходятъ въ неизбѣжный упадокъ и теряютъ свой „люстръ и флоръ". Единственнымъ выходомъ отсюда было установленіе единонаслѣдія въ порядкѣ первородства и притомъ въ мужскихъ линіяхъ съ исключеніемъ женскихъ поколѣній. Такъ было постановлено въ золотой буллѣ относительно курфюстовъ, а впослѣдствіи было воспринято владѣтельнымъ дворянствомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Процессъ этотъ особенно получилъ развитіе благодаря изобрѣтенію такъ называемаго нѣмецкаго фидеикомисса, который состоялъ въ томъ, что завѣщатель лишалъ своего наслѣдника права отчуждать, раздроблять или закладывать оставленный ему земельный фондъ. Такъ родилось представленіе о недѣлимости и цѣльности территоріи, которое вѣками подтверждалось въ духовныхъ завѣщаніяхъ и обезпечивалось на практикѣ путемъ отдѣльной клятвы, поручительства и присяги сословій, содѣйствія со стороны имперскихъ властей и т. п. Такъ родилась государственная территорія, монархъ которой получилъ на нее права государя только потому, что онъ былъ ея собственникомъ и господиномъ.

Неудивительно теперь, что собственность не разъ пропагандировалась тамъ, гдѣ шла рѣчь объ установленіи верховенства. Такъ учили нѣкоторые монахи, требовавшіе папскаго верховенства надъ свѣтской властью. Они выводили право собственности папы на всѣ территоріи міра изъ первоначальной собственности Бога, творца всей вселенной. Какъ извѣстно, папѣ было предложено раздѣлить новый свѣтъ между соперничающими державами, что онъ и произвелъ, къ общему удовольствію. И даже Людовикъ XIV пробовалъ не разъ установить право собственности на своихъ подданныхъ и ихъ имущества. Войны новаго времени, завоеванія Наполеона, а затѣмъ пресловутый Вѣнскій конгрессъ дали блестящія доказательства того, что государи могутъ распоряжаться своими землями какъ вотчинникъ своимъ имѣніемъ. Карта Европы столько разъ изрѣзывалась на клочки, которые затѣмъ опять распредѣлялись причудливымъ образомъ, что не могло быть сомнѣнія ни у кого во власти государей распоряжаться своими населенными землями по усмотрѣнію. Неудивительно поэтому, что когда вюртембергскому королю понадобилось обоснованіе своего новаго королевскаго абсолютизма въ 1808 г., то онъ оперся на свои права какъ „учредителя монархіи" и слѣдующимъ образомъ формулировалъ ихъ: „при тѣхъ весьма значительныхъ приращеніяхъ, которыя мы присовокупили къ унаслѣдованнымъ нами государствамъ и которыя могли бы еще состояться въ теченіе нашего царствованія, мы пользуемся правомъ, принадлежащимъ каждому первому пріобрѣтателю, и въ силу этого образуемъ изъ со-

вокупности нашихъ королевскихъ государствъ единый вѣчный и неотчуждаемый фидеикомиссъ (заповѣдное имѣніе) нашего королевскаго дома, при чемъ этотъ фидеикомиссъ въ своей сущности переходитъ отъ одного короля къ другому... Посему ни одинъ будущій король не можетъ сдѣлать никоимъ образомъ постановленія, въ силу коего королевство могло бы быть уменьшено какъ въ своихъ существенныхъ частяхъ, такъ равно и въ томъ, что составляетъ принадлежности государства" (Staats-Inventarien). Такъ обосновывается высшая „суверенная" власть короля, пріобрѣвшаго благодаря своей политикѣ новыя земли для общей территоріи. Общеупотребительность подобной формулы доказываетъ и другой аналогичный случай употребленія ея въ баварскомъ государственномъ правѣ. И здѣсь связывается понятіе сувереннаго государя не только съ превращеніемъ имперскаго лена въ аллодіальное владѣніе, но и значительными новыми пріобрѣтеніями территоріальнаго характера.

Вотчинный принципъ, конечно, страдалъ недостатками подобными религіозному обоснованію власти. И здѣсь были свои вопіющія противорѣчія. Вотчинная власть надъ несвободными людьми понятна и логически объяснима, но территоріальная власть надъ свободными пріобрѣтаетъ нѣсколько странный характеръ. И когда подданные сами становятся вотчинниками на своихъ собственныхъ земляхъ и претендуютъ на этотъ особый видъ почетной собственности, то получается не совсѣмъ понятная комбинація. Верховному собственнику противополагаются низшіе собственники, и право собственности тѣхъ и другихъ покоится на одномъ и томъ же базисѣ. Отсюда возможность закономѣрныхъ сдѣлокъ между собственниками и равенство ихъ какъ субъектовъ вотчиннаго права. Но въ то же время эти субъекты превращаются въ объектовъ и притомъ на почвѣ того же самаго принципа. Такимъ образомъ государь, какъ собственникъ, вступаетъ въ сдѣлки со своими подданными, которые оказываются его одушевленными вещами. И такой юридическій абсурдъ получаетъ свое политическое выраженіе. Вотчинники долго борятся за неприкосновенность своихъ крѣпостническихъ правъ и меньше всего способны подчиниться территоріальному суверенитету, напротивъ, будучи такими же суверенами, какъ государь въ своихъ земляхъ, они разбиваютъ государство на двѣ противоположныя части, приводятъ весь его строй къ земско-сословному дуализму. Не единство, а распаденіе и непримиримый раздоръ несетъ съ собой чистая вотчинная идея. Вотъ почему территоріальная власть государей скоро была реформирована и получила характеръ особой власти территоріальнаго верховенства, которое уже не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ вотчиннаго господства, но вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ всякое опредѣленное содержаніе.

Но, конечно, остатки вотчиннаго права живы и до сихъ поръ. Ихъ существованію не помѣшало въ свое время религіозное освященіе власти, имъ не мѣшаютъ теперь понятія и идеи XX вѣка. До настоящаго времени въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ находимъ мы значительную часть территоріи, сосредоточенной въ рукахъ владѣтельнаго князя. Въ Пруссіи до сихъ поръ содержаніе династіи обезпечивается государственными имуществами. Въ Мекленбургъ-Шверинѣ государственный бюджетъ прямо замѣненъ княжескимъ доходомъ. Великіе герцоги Мекленбургъ-Стрелицъ владѣютъ $^2/_5$ всей государственной территоріи. Въ Саксенъ-Альтенбургѣ $^2/_3$ государственныхъ имуществъ прямо отданы въ собственность династіи и т. д. Только наличность такихъ фидеикомиссовъ даетъ возможность обезпечить царственнымъ доходомъ мелкихъ государей, у которыхъ по 30, 60, 70, 80 и т. д. тысячъ подданныхъ. И не удивительно поэтому, что во время революціи 1848 г. весьма рѣзко былъ поставленъ вопросъ о превращеніи княжескихъ фидеикомиссовъ въ государственныя имущества и объ устраненіи вотчинной власти государей надъ территоріей. Подъ вліяніемъ революціи многіе государи отказались было отъ всѣхъ этихъ фидеикомиссовъ, удѣльныхъ, родовыхъ, шкатулочныхъ, придворныхъ и т. п. владѣній, но реакція принесла съ собою поворотъ. Уступки, сдѣланныя подданнымъ, были взяты въ значительной степени назадъ, и до сихъ поръ въ виду этого въ мелкихъ германскихъ княжествахъ государь есть вмѣстѣ и вотчинный господинъ значительной доли своего государства.

И врядъ ли можно иначе какъ торжествомъ вотчиннаго принципа, объяснить тѣ международные захваты и присвоенія, которые и сейчасъ, при конституціонномъ строѣ, облекаются въ форму частноправовыхъ отношеній. Мы не говоримъ уже о томъ, что удачная война и сейчасъ, какъ въ старину, влечетъ за собой захватъ чужихъ территорій по одному лишь договору съ правительствомъ, безъ малѣйшаго спроса населяющихъ завоеванную землю людей. И здѣсь населеніе слѣдуетъ за землей, а не наоборотъ. Но не меньше въ ходу сейчасъ и такіе институты, какъ пресловутая территоріальная аренда чужестранныхъ земель. У всѣхъ въ памяти австрійская аренда Босніи и Герцоговины, захватъ подъ видомъ аренды цѣлаго ряда китайскихъ территорій и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, однако, арендованной оказалась не только территорія, но населеніе и вся государственная власть съ ея законодательнымъ, исполнительнымъ и судебнымъ аппаратомъ, такъ же какъ съ военнымъ верховенствомъ и финансовой исключительностью. Турецкія и китайскія учрежденія были прямо замѣнены по договору организаціей государства-арендатора. Любопытны съ этой точки зрѣнія отношенія между королевствомъ Пруссіи и княжествомъ Вальдекъ; здѣсь князь, не отказываясь по су-

ществу отъ своего верховенства, сдалъ прусскому королю все свое государство въ аренду съ тѣмъ, чтобы прусскіе чиновники управляли его подданными и собирали съ нихъ подати и налоги.

Понятнымъ отсюда становится, что въ германской научной литературѣ такъ упорно держится до сихъ поръ теорія вотчиннаго порядка. Таковы ученія, провозгласившія монарха „собственникомъ суверенитета", при чемъ „въ наслѣдственной монархіи суверенитетъ долженъ быть исключительно частнымъ правомъ князя" (Мауренбрехеръ). Таковы же теоріи, гдѣ государь получаетъ свою власть лишь по праву происхожденія отъ „перваго ея пріобрѣтателя и, поскольку сохраняется этотъ принципъ, и само „современное государство" оказывается „еще наполовину патримоніальнымъ государствомъ" (Рэмъ). Подобныя же воззрѣнія отразились и на противоположеніи субъекта власти въ видѣ государя ея объектамъ, каковыми оказываются территорія и граждане (Зейдель) и на сліяніи всего государства въ особѣ одного лишь монарха (Борнгакъ). Эти теоріи далеко не отличаются столь безобразно абсурднымъ характеромъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые приверженцы юридической школы. Будучи весьма алогичны, онѣ очень и очень соотвѣтствуютъ фактамъ исторической дѣйствительности, не потерявшей значенія современности.

Все значеніе патримоніальныхъ теорій, однако, выяснится передъ нами во всей своей полнотѣ, если мы припомнимъ основы дѣйствующаго въ настоящее время права престолонаслѣдія. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть, что обладаніе престоломъ связано прежде всего съ законнымъ происхожденіемъ въ опредѣленномъ порядкѣ отъ того или иного царствующаго дома, который обладаетъ ею по преемству отъ перваго пріобрѣтателя. Династія опять-таки ничѣмъ не связана съ даннымъ государствомъ, кромѣ права наслѣдованія. Значительная часть членовъ династіи можетъ пребывать за границей и обладать, кромѣ даннаго престола, еще другими тронами въ иныхъ государствахъ. Мы видимъ въ Европѣ династіи, которыя обладаютъ цѣлымъ рядомъ такихъ престоловъ въ различныхъ государствахъ и тѣмъ не менѣе составляютъ изъ себя нѣчто цѣльное, связанное родовымъ правомъ, при чемъ для занятія того или другого престола имъ точно такъ же не надо принимать чужого подданства, какъ это не требуется для полученія наслѣдства въ предѣлахъ какой-нибудь чужой страны. Назовемъ династіи, обладающія наибольшимъ количествомъ престоловъ. Такова прежде всего династія Голштинская, которая въ лицѣ Петра III воцарилась въ Россійской имперіи, и владѣетъ тронами въ настоящее время въ королевствахъ Датскомъ, Норвежскомъ, Греческомъ и великомъ герцогствѣ Ольденбургскомъ. Въ подобномъ же положеніи находится династія Саксонская, которая владѣетъ престолами Великобританіи, Саксоніи, Болгаріи, Бельгіи, до послѣдняго времени царствовала въ Португаліи

и сейчасъ еще царствуетъ въ герцогствахъ Саксенъ-Кобургъ-Гота, Саксенъ-Альтенбургъ и Саксенъ-Мейнингенъ. Между членами каждой такой фамиліи соблюдается особый порядокъ престолонаслѣдія и всегда возможенъ случай, что герцогъ Ольденбургскій получитъ права на Россійскій престолъ или король Болгарскій на престолъ Кобургъ-Готы.

Существующій въ предѣлахъ каждой династіи семейный обычай и законъ въ значительной степени и донынѣ регулируется семейными соглашеніями, завѣщаніями, дарственными актами и т. п. сдѣлками, которыя совершаются внѣ государства и безъ его вѣдома и только впослѣдствіи сообщаются заинтересованнымъ государствамъ или даже проходятъ чрезъ ихъ законодательный аппаратъ. Аналогія между частной собственностью и формами ея передачи, съ одной стороны, и наслѣдованіемъ престоловъ—съ другой положительно бросается въ глаза. И подобно тому, какъ частный человѣкъ можетъ отказаться отъ наслѣдства въ пользу другихъ лицъ, точно такъ же можетъ отказаться и членъ династіи отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу ближайшихъ родственниковъ. И подобно тому, какъ для наслѣдованія имущества не нужно никакихъ особыхъ личныхъ свойствъ, образовательнаго ценза, возрастной зрѣлости, служебнаго стажа и т. п., не требуется для занятія престола ничего, кромѣ происхожденія отъ опредѣленныхъ родителей, дающихъ право на полученіе престола. И если въ гражданскомъ правѣ устанавливается надъ несовершеннолѣтними опека и попечительство, то то же самое находимъ мы здѣсь, при чемъ опека принимаетъ особыя черты регентства въ виду самыхъ особенностей наслѣдственной массы. Для подданныхъ монархъ является монархомъ, однако, только потому, что онъ получилъ данный престолъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ отъ своей семьи, при чемъ династическое право на престолъ производится отнюдь не изъ воли народа, а по наслѣдству отъ перваго собственника или пріобрѣтателя.

Характерную черту династическаго наслѣдственнаго права составляетъ существованіе до сихъ поръ нѣкоторыхъ удѣльныхъ престоловъ или „Etablissement“ для младшихъ линій болѣе крупныхъ династій. Такимъ „Etablissement“ для династіи, царствующей въ Россіи, является великое герцогство Ольденбургъ, при чемъ для дѣйствительности ольденбургскаго семейнаго порядка и престолонаслѣдія требуется утвержденіе семейнаго закона со стороны главы рода, царствующаго въ Россіи. Подобнымъ же „Etablissement“ для гогенцоллерновъ, царствующихъ въ Германіи, является королевство Румынія, такъ что нужно было согласіе германскаго императора для приглашенія туда гогенцоллернскаго принца на правахъ наслѣдника престола. До послѣдняго времени подобныя же отношенія существовали между Баваріей и Греціей и между Ганноверомъ и Англіей,

которыя прекратились лишь вслѣдствіе изгнанія брауншвейгскаго дома изъ королевства Ганновера, а баварскихъ принцевъ изъ Греціи.

Сравнивая идею божескаго обоснованія власти съ началомъ территоріальнаго суверенитета, мы не можемъ не видѣть, что въ одномъ отношеніи эти принципы приходятъ къ аналогичнымъ результатамъ. Государственный абсолютизмъ и здѣсь и тамъ достигаетъ своего величайшаго завершенія; въ то же самое время мы могли убѣдиться, что государственное единство, установленное религіознымъ и вотчиннымъ суверенитетомъ, какъ разъ порождаетъ наиболѣе непримиримое противорѣчіе. Какъ только является нѣсколько религій и возникаетъ между ними споръ, тотчасъ колеблются и самыя основы божественной полноты власти. И то же самое видимъ мы относительно вотчиннаго суверенитета. Ибо каждое расширеніе собственности гражданъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ умаленіе патримоніальныхъ правъ самого суверена. Нечего говорить, что особенно чувствуется невозможность территоріальныхъ идей въ настоящее время, когда вотчина въ своей неподвижной заповѣдной формѣ родового имущества потеряло преобладающее значеніе, и, наоборотъ, ея мѣсто заняла собственность по римскому образцу съ неограниченнымъ правомъ распоряженія даже недвижимымъ имуществомъ. И если собственность должна быть основаніемъ суверенитета, то воистину теперь стала она достояніемъ широкихъ общественныхъ слоевъ, а слѣдовательно, и снабдила ихъ своимъ суверennымъ правомъ. Нельзя не видѣть, что торриторіальный суверенитетъ съ каждымъ днемъ теряетъ свое существенное содержаніе, происходитъ процессъ чрезвычайнаго раздробленія вотчиннаго права, и послѣдній крестьянинъ-собственникъ, сидящій на своемъ крохотномъ участкѣ, чувствуетъ себя сувереномъ на своей землѣ не меньше владѣтельнаго князя.

Деспотическая власть территоріальнаго государя, конечно, очень хорошо обосновывалась правомъ собственности, но, какъ мы видѣли выше, въ понятіе суверенитета входитъ не только элементъ власти, но и моменты верховной воли, а также соотвѣтственнаго всемогущества. Право собственности само по себѣ не можетъ намъ дать ничего для формулировки государственной воли и силы. А это здѣсь тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ мы видѣли сейчасъ, подъ властью государя вотчинника оказываются свободные люди. Нѣтъ сомнѣнія, что рабы могутъ вполнѣ удовлетвориться властью собственника, какъ таковой. По отношенію же къ свободнымъ людямъ и понятіе собственности должно быть преобразовано, и воля государя должна получить отличный отъ воли рабовладѣльца характеръ. Это достигается тѣмъ, что къ понятію территоріальнаго суверенитета присоединяется представленіе патріархальной опеки и попеченія, которыя осуществляются вотчиннымъ государемъ не во имя своего личнаго интереса, а въ силу нѣкоторой нравственной обязанности и любов-

наго отношенія къ подданнымъ. Идеальнымъ образомъ является здѣсь обликъ добраго пастыря, отца или батюшки, даже благоразумнаго и попечительнаго хозяина.

Мы ознакомились уже раньше съ развитіемъ патріархальной идеи. Теперь намъ достаточно очертить отношенія власти къ подданнымъ, которыя вытекаютъ изъ патріархальнаго принципа. И поскольку престолонаслѣдіе даетъ характеристику территоріальному суверенитету, постольку же отношенія династіи и въ частности монарха къ подданнымъ являются показателемъ патріархальныхъ отношеній. Здѣсь на первый планъ выдвигается начало любви и почитанія государя и членовъ его семьи. Это выражается въ особыхъ знакахъ піетэта, поклонахъ, церемоніяхъ и привѣтствіяхъ, которыя воздаются патріарху какъ любимому отцу. На этой основѣ развивается цѣлый рядъ особыхъ почетныхъ правъ и привилегій. Особа отца священна не только въ религіозномъ смыслѣ, она неприкосновенна для его подданныхъ; и если отцеубійство такъ же какъ преступленіе противъ чести и имущества отца несутъ усиленныя наказанія для сына, возставшаго противъ своихъ родителей и нанесшаго имъ тяжкій ущербъ, то точно такъ же подлежитъ исключительному наказанію тотъ, кто поднялъ бы руку противъ священнаго отца и нарушилъ бы его высокое положеніе. И не столько изъ государственныхъ потребностей, сколько именно изъ патріархальнаго характера монархической власти вытекаетъ та усиленная уголовная защита его личности, имущества и рода, которая такъ отличаетъ его положеніе отъ правъ выборнаго президента. Вотъ почему о монархѣ и его семьѣ нельзя сказать даже того, что можно сказать о всякомъ президентѣ. Всякій дурной отзывъ объ отцѣ отечества представляется оскорбленіемъ его особы, хотя бы отзывъ этотъ былъ обоснованъ на самой правдѣ. Неподсудность монарха и членовъ его семьи за уголовные проступки обычнымъ судомъ носитъ также патріархальный оттѣнокъ... Не надо забывать, что въ патріархальномъ родѣ право суда принадлежало старшимъ надъ младшими, но не наоборотъ. Отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми, наоборотъ, отцеубійство почиталось величайшимъ преступленіемъ. Вотъ почему и сейчасъ, если совершилось бы такое несчастіе, и кто-либо изъ европейскихъ государей совершилъ бы противъ своихъ подданныхъ такое дѣяніе, которое для нихъ классифицируется какъ преступленіе, то онъ остался бы безнаказаннымъ, ибо дѣти не могутъ судить своего отца.

Мы указывали уже выше на особый языкъ, который употребляется монархами по отношенію къ своимъ подданнымъ. Съ одной стороны это языкъ собственника и обладателя, который говоритъ сверху внизъ отъ имени своего собственнаго права, съ другой это слова милости и снисхожденія, отеческой любви и благоволенія, испол-

ненныя высокихъ и благородныхъ чувствъ, которыя приличествуютъ отцу по отношенію къ дѣтямъ. Монархъ говоритъ о своей неизреченной любви, о своей великой заботѣ по отношенію къ подданнымъ, его сердце открыто всѣмъ ихъ горестямъ, полно заботы о самомъ ничтожномъ послѣднемъ человѣкѣ въ его царствѣ. Всѣ его акты издаются имъ лишь по собственному его побужденію, всѣ они являются свободнымъ даромъ его милостивой заботы и снисхожденія. И понятно теперь, что когда съ патримоніальной точки зрѣнія хотѣли объяснить существованіе вольностей въ средніе вѣка и даже конституціи въ новое время, то называли ее не иначе, какъ королевскимъ даромъ, октроированной, пожалованной свыше конституціей, а для прусской конституціи одно время даже установился терминъ: „Королевско-привилегированная свобода!..“ Понятно теперь, что такіе акты милости, какъ амнистія или даже право судебнаго помилованія, принадлежатъ первоначально именно монархамъ, которые одни могутъ прощать погрѣшившихъ дѣтей своихъ.

Патріархальная идея какъ будто дѣйствительно восполняетъ тотъ пробѣлъ, который мы находимъ въ конструкціи одного лишь территоріальнаго суверенитета. При ея помощи устанавливается то единство воли верховной воли, которое даетъ внутреннюю опору голому праву вотчинной власти. Государь является носителемъ такой воли. Подданные слѣдуютъ ея велѣніямъ какъ абсолютнымъ и высшимъ. Они даже переносятъ чувство обожанія и на самую династію, которая въ родовомъ преемствѣ и осуществляетъ свое право на обладаніе властью. Казалось бы, передъ нами такое постоянное и глубокое единство воль, которое вполнѣ обезпечиваетъ наличность вѣчной и единой воли, необходимой для государства.

Однако на дѣлѣ это не такъ, отеческія отношенія государя къ подданнымъ испытываютъ потрясеніе каждый разъ, когда престолъ переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, при чемъ часто преемникомъ престола оказывается дитя или несовершеннолѣтній, и чувства къ такому „отцу отечества“ естественно не могутъ быть особенно сильны. Еще хуже, когда такимъ отцомъ становится лицо слабоумное или умопомѣшанное, отъ имени котораго управляетъ опекунъ или регентъ. Физическая воля патріархальнаго монарха слишкомъ связана съ волей государственной, чтобы не отразиться тѣмъ или другимъ способомъ на ней. Но здѣсь вліяютъ еще другія обстоятельства: взрослые и свободные люди не могутъ отнестись съ тѣмъ слѣпымъ довѣріемъ къ отеческой власти, которую представляетъ въ своей особѣ патріархальный государь. Наружная почтительность и благоговѣніе можетъ прекрасно совмѣщаться съ внутренней ненавистью и недоброжелательствомъ. Интересы подданныхъ могутъ подчасъ слишкомъ расходиться съ интересами патріархальнаго деспота, чтобы не произошло раскола между нимъ и его государственными дѣтьми.

И такой расколъ именно здѣсь отражается особенно пагубно: единство, основанное на чувствѣ, не выноситъ никакой критики, малѣйшее нарушеніе почтенія со стороны одного можетъ повлечь широкое потрясеніе всего строя, цѣликомъ основаннаго на указанномъ чувствѣ. Вотъ почему патріархальный строй всегда требуетъ особеннаго надзора надъ чувствами, вноситъ въ эту сферу мелочной надзоръ и принужденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и губитъ чувства свободной любви къ державному отцу и его роду.

Чувства любви и уваженія, преданности и послушанія, ставъ опорой политическаго строя, становятся вмѣстѣ съ тѣмъ предметомъ управленія, надзора и взысканія. Перенесенное въ область политики, чувство семейной привязанности теряетъ свою живую силу и содержаніе, становится пустымъ обрядомъ, привычнымъ лицемѣріемъ. Не имѣя возможности вскрыть душу, власть довольствуется одной внѣшностью, ставитъ формальныя требованія, дѣлаетъ мертвой свою психологическую основу. И въ настоящее время слишкомъ хорошо знаютъ цѣну привычному „ура", которое возглашается въ честь высокихъ особъ, такъ же, какъ значеніе офиціальнаго траура, носимаго не въ сердцѣ, а на шляпахъ и рукавахъ. До сихъ поръ манифесты предлагаютъ населенію радоваться при бракосочетаніи, рожденіи и крестинахъ членовъ династіи. До сихъ поръ весь народъ призывается къ скорби въ случаѣ смерти августѣйшихъ родственниковъ, но нельзя не видѣть, что далеко не всегда можно дѣйствительно прослѣдить связь между монархомъ и государствомъ въ качествѣ его большой семьи. Безотвѣтственность монарха до сихъ поръ устраняетъ его отъ возможности ущерба его высокаго престижа. Однако того же монарха лишаютъ возможности дѣйствовать безъ отвѣтственнаго министерства, а послѣднее подвергаютъ жестокой критикѣ, дѣлая видъ, что это нисколько не относится къ монарху и престижу его отеческой непогрѣшимости! Само собой такія пустыя формы никого не могутъ обмануть, и отъ патріархальной власти суверена уцѣлѣли въ настоящее время лишь отдѣльные институты, которые одни меньше всего способны объединить всѣхъ гражданъ вокругъ одного державнаго отца.

Особенно сильно на крушеніи патріархальной идеи сказались тѣ неоднократные споры о правѣ наслѣдованія, которые вскрывали предъ лицомъ всѣхъ подданныхъ закулисную основу династической политики. Большинство этихъ споровъ велись въ такой формѣ, которая обнаруживала не любовь и не моральное достоинство спорящихъ, а ихъ безмѣрную алчность и властолюбіе, при чемъ, какъ это было даже въ XVIII вѣкѣ, династическіе раздоры не разъ пятнались преступленіемъ. Трудно было требовать отъ подданныхъ чувствъ благоговѣнія и уваженія къ тому, кто лишенъ былъ совершенно не только родственныхъ, семейныхъ добродѣтелей, но и элементарнаго

уваженія къ человѣческой личности. Съ другой стороны, споры эти, которые велись при помощи аргументовъ, опорочивающихъ чистоту крови и законность рожденія членовъ династіи, не могли содѣйствовать подъему патріархальнаго престижа. Въ этихъ случаяхъ неизбѣжны были ссылки на нарушенія семейной вѣрности и добродѣтели, а послѣ такихъ разоблаченій нельзя было требовать отъ подданныхъ дѣтской преданности по отношенію къ членамъ царствующаго рода. Не меньше губили отеческое обаяніе монарховъ и внѣшнія войны, которыя не разъ кончались тѣмъ, что побѣдившій родственникъ изгонялъ изъ побѣжденной земли своего же родича, лишалъ его часто не только короны, но и имущества. Родственная форма, въ которой обращаются другъ къ другу монархи, когда взаимно называютъ сосѣда „братомъ", нисколько не спасаетъ отъ того, что одинъ братъ насильственно отнимаетъ у народа его „отца", своего названнаго „брата"! Еще болѣе тяжело отражается на любви подданныхъ къ своимъ монархамъ перемѣна династій, которая происходитъ путемъ придворнаго переворота. Еще сегодня у народа былъ одинъ отецъ, котораго онъ долженъ былъ любить и почитать, съ нимъ радоваться и скорбѣть, но вотъ назавтра счастливый родственникъ при помощи арміи совершаетъ переворотъ, и у государства внезапно оказывается новый отецъ, котораго они должны такъ же любить, какъ свергнутаго имъ вчерашняго отца. Искусственность перенесенія семейныхъ чувствъ въ область государства сказывается здѣсь со всею яркостью. Припомнимъ то замѣшательство, которое произошло въ Россіи при простомъ отреченіи Константина Павловича отъ престола, и намъ станетъ ясно, что перечувствовалъ сербскій народъ, когда послѣ убійства отца отечества, Александра Обреновича, со словами милости и любви обратился къ нимъ новый отецъ, Петръ Карагеоргіевичъ!

Слабость патріархальнаго обоснованія власти, несмотря на традиціонную терминологію ея актовъ, очень рано потребовала дополненія и подкрѣпленія съ другой стороны. Къ отеческому ореолу была присоединена идея прирожденной должности, феодальнаго призванія. Монархъ вотчинникъ, царь-отецъ соединилъ еще въ своемъ лицѣ достоинство высшаго главы всякой должности и службы. Самъ онъ отнынѣ смотритъ на свое положеніе, какъ на великое служеніе. Это—особая царская должность, и снять ее съ себя онъ не можетъ безъ нарушенія великихъ традицій; задачей этой должности, степень власти, предѣлы своихъ полномочій опредѣляетъ лишь онъ самъ, и попрежнему никто не можетъ требовать у него отчета. Но все, что совершается имъ въ качествѣ царя, становится велѣніемъ его внутренняго долга, его свободной, державной совѣсти. Иногда онъ былъ бы радъ ослабить ея велѣнія, отказаться отъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій, но, чувствуя себя высшимъ судьей и правителемъ, онъ не

можетъ преступить заповѣди своего призванія, не можетъ стать лицепріятнымъ или даже пожалѣть несчастнаго. И если нѣтъ отвѣтственности передъ другими людьми, то есть отвѣтственность предъ своей собственной совѣстью, и отъ ея суда монархъ уйти не можетъ.

На западѣ должностной характеръ власти имѣлъ нѣсколько источниковъ: съ одной стороны здѣсь была традиція родового царя и жреца вмѣстѣ. Христіанство дополнило и развило эту идею, создало образъ добраго царя, опредѣлило его обязанности, а доброму царю противоставило злого тирана. Особенно, однако, содѣйствовала понятію должности царской власти феодальная система, гдѣ первоначально мы встрѣчаемъ цѣлую іерархію отношеній вѣрности и службы снизу до самаго верха. Отдѣльные князья, которые впослѣдствіи добились самостоятельности, были первоначально высшими служилыми вассалами по отношенію хотя бы номинальныхъ сюзереновъ. И если не практически, то во всякомъ случаѣ принципіально каждый князь подлежалъ отвѣту передъ старшимъ за правильное исполненіе своихъ обязанностей. Въ священной имперіи нѣмецкой націи такія отношенія достигли особаго развитія, и если къ императору съ жалобами на своихъ государей обращались изъ предѣловъ современной Италіи и Франціи, то тѣмъ болѣе подлежала высшему контролю должность имперскаго вассала, отдѣльнаго нѣмецкаго князя. Исторія сохранила намъ цѣлый рядъ такихъ жалобъ или „gravamina“, которыя исходятъ всѣ изъ того, что государь есть лицо, обязанное правильно осуществлять свою царскую должность. Вполнѣ естественно, что ставъ суверенами въ своихъ земляхъ, всѣ эти князья сохранили должностной характеръ, при чемъ сами себя поставили судьей своей собственной дѣятельности. Что же касается подданныхъ, то суверенный князь еще больше прежняго вассала потребовалъ отъ нихъ вѣрности, повинности и службы.

Понятно теперь, что присяга, крестное цѣлованіе и другія формы клятвы въ вѣрности вошли вмѣстѣ съ феодальной должностью въ составъ современнаго государства. И стоитъ сравнить основные пункты феодальной присяги на вѣрность и современной присяги подданства или служебной, чтобы немедленно увидѣть, что все это виды одного и того же типа. Личный характеръ вѣрности во всѣхъ этихъ клятвенныхъ обѣщаніяхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, только формула его, которой присягаютъ подданные или чиновники абсолютнаго государства, во-первыхъ, безмѣрно шире по своему содержанію, а во-вторыхъ, болѣе приспособлена къ однообразнымъ массовымъ отношеніямъ. Въ Россіи до сихъ поръ одна и та же присяга произносится и служащими и солдатами и всѣми взрослыми подданными при вступленіи монарха на престолъ. Русская форма весьма характерна, здѣсь говорится о вѣрной и нелицемѣрной службѣ монарху, „не щадя живота своего до послѣдней капли крови“, и объ обязанности „предосте-

регать и оборонять“ права и преимущества государя и объ „отвращеніи вреда, убытка или ущерба интересамъ его величества“ и т. д. Другими словами, вездѣ здѣсь мы находимъ непосредственную личную связь вѣрности съ монархомъ, и та же связь настолько ясно выражена въ западномъ, въ частности германскомъ правѣ, что обязанность вѣрности упоминается въ числѣ общихъ обязанностей подданныхъ даже у такихъ современныхъ авторитетовъ, какимъ является нѣмецкій ученый Лабандъ. Въ старой нѣмецкой наукѣ такая личная связь государя и подданныхъ почиталась признакомъ наличности такъ называемаго патримоніальнаго строя.

Впрочемъ, институтъ феодальной присяги уцѣлѣлъ въ значительной степени и въ своей другой формѣ, въ видѣ гарантіи обѣщаній и вѣрности конституціи со стороны самого монарха. Но въ этой части старыя отношенія служатъ ограниченію власти, а не ея утвержденію, объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Теперь отмѣтимъ только, что должностной характеръ власти самого государя имѣлъ дѣйствительный смыслъ лишь тогда, когда сама царская должность строго опредѣлялась закономъ или обычаемъ, а за нарушеніе этой должности монархъ могъ отвѣчать передъ какимъ-нибудь высшимъ судомъ. Но какъ мы видѣли раньше, царская должность представлялась именно формулой, оправдывающей абсолютизмъ, а вслѣдствіе того, содержаніе этой должности опредѣлялось самимъ носителемъ власти, а смыслъ ея состоялъ въ томъ, чтобы не только связать, но и безусловно подчинить монарху его подданныхъ въ ихъ вѣрности „до послѣдней капли крови“. Двусторонній договоръ феодализма сталъ одностороннимъ актомъ монарха, всѣ права должности сосредоточились на безотвѣтственномъ лицѣ, всѣ обязанности—на абсолютно подчиненныхъ подданныхъ. Такъ незамѣтно феодальная вѣрность свободныхъ людей подмѣнилась повинностью крѣпостныхъ, а царская должность стала фикціей, которая должна была возбудить недоумѣнія и протесты. Если царь несетъ великое служеніе, то почему же онъ не отвѣчаетъ передъ народомъ за свою службу? Если великая власть его лишь результатъ его особой должности, то почему же скрытъ отъ подданныхъ тотъ законъ, по которому эта должность отправляется? Отсюда необходимость придать законный характеръ абсолютному господству и необходимость самоограниченія абсолютизма и созданія отвѣтственныхъ и закономѣрныхъ учрежденій. Этимъ подрывается всемогущество власти, а понятіе должности служитъ абсолютизму плохую службу, ибо понятія произвола и должности, абсолютизма и ограниченности, всемогущества и законности, не только противорѣчивы, но въ своемъ сопоставленіи способны породить величайшую смуту.

И въ самомъ дѣлѣ, совершенно естественнымъ является противопоставленіе правильному царству деспотіи или тираніи, которая со-

стоитъ въ нарушенiи царской должности. При полной неопредѣленности границъ и полномочiй абсолютнаго государя открывается широкое поле для установленiя признаковъ законнаго царства въ отличiе отъ незаконнаго. Создается цѣлое ученiе о тиранiи, которое легко дополняется по мѣрѣ надобности въ виду тѣхъ или иныхъ политическихъ соображенiй. Это ученiе прилагается какъ критерiй при оцѣнкѣ существующей власти и подвергаетъ ее жестокой критикѣ. За отсутствiемъ твердаго основного закона и опредѣленiя „должности" ихъ роль въ опредѣленiи царской должности исполняютъ субъективные идеалы различныхъ группъ и партiй. Такъ, вмѣсто единства въ признанiи суверенитета рождается величайшее разнорѣчiе, а въ понятiи „должности" правительство даетъ своимъ врагамъ оружiе, которое они и направляютъ противъ „тирана". Ясно отсюда, что абсолютизму приходится искать новыхъ обоснованiй.

Противорѣчiя божескаго и вотчиннаго абсолютизма вызвали очень рано желанiе обойтись безъ описательныхъ объясненiй и оправданiй власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничиться теорiей, гдѣ прямо намѣчалась бы цѣль государственнаго суверенитета. Таковой является государственное единство, какъ источникъ нужныхъ для осуществленiя государственной цѣли средствъ. Здѣсь, такимъ образомъ, выдвигается на первый планъ, съ одной стороны, понятiе цѣлаго, которое противополагается его частямъ или индивиду. Затѣмъ общiя цѣли или интересъ цѣлаго поставляются на первый планъ, и всѣ остальныя задачи и цѣли приводятся въ безусловное подчиненiе общему интересу. Наконецъ единственнымъ органомъ, носителемъ или представителемъ общаго интереса провозглашается правитель или правительство, и на него переносится соотвѣтствующая необъятности цѣлей полнота неограниченной власти.

Подобное обоснованiе власти можетъ получить весьма различныя формы; всѣ онѣ объединяются въ понятiи общаго блага, это же послѣднее въ своихъ рамкахъ можетъ развивать любое и чрезвычайно разнообразное содержанiе. Первымъ его моментомъ является понятiе безопасности, которую на первый планъ выдвигаютъ международныя столкновенiя и борьба. Въ такой борьбѣ легко создается представленiе нѣкотораго цѣлаго или отечества, величайшимъ благомъ котораго грозитъ гибель или по крайней мѣрѣ серьезная опасность. Происходитъ нѣкоторое объединенiе воль, при чемъ частные интересы приносятся безъ возраженiй благу цѣлаго или родинѣ. Власть, выступающая въ защиту этой родины, прiобрѣтаетъ высокiй ореолъ и получаетъ величайшее оправданiе своего бытiя именно въ томъ, что она придаетъ внѣшнее боевое единство внутренней цѣлости страны. И по мѣрѣ того, какъ растутъ опасности, грозящiя цѣлому, необходимо растетъ и полнота власти, такъ какъ только такимъ объединенiемъ всѣхъ силъ въ однѣхъ рукахъ и концентра-

ціей всей общей воли можетъ быть созданъ нужный отпоръ для спасенія цѣлаго. Таково происхожденіе всѣхъ военныхъ диктатуръ, таковъ источникъ національнаго обаянія власти, рожденной на окраинахъ, гдѣ особенно сильна потребность въ военной защитѣ границъ.

Только такимъ патріотическимъ значеніемъ окраинъ объясняется сравнительно легкое восхожденіе пограничныхъ герцоговъ и вождей въ рангъ абсолютныхъ государей. Наиболѣе блестящій примѣръ такого рода находимъ мы еще въ древнемъ Римѣ, гдѣ напряженіе всѣхъ силъ въ борьбѣ съ галлами и германцами дало высокій ореолъ пограничнымъ вождямъ — императорамъ. Римскій примѣръ можно считать положительно типичнымъ. Военная власть полководца здѣсь крѣпнетъ какъ разъ на окраинѣ, гдѣ идетъ постоянная борьба съ сосѣдними племенами. На окраинѣ же образуется преданная императору армія и накопляются средства для войны, полученныя путемъ грабежа и добычи. И когда слабѣетъ центральная власть, раздираемая на части, именно окраинный вождь или императоръ ведетъ свои войска на своихъ соперниковъ, другихъ такихъ же императоровъ, и въ концѣ-концовъ захватываетъ Римъ. Подобный же процессъ находимъ мы въ цѣломъ рядѣ европейскихъ государствъ, при чемъ вездѣ колыбелью власти становится пограничное княжество или марка, расположенная преимущественно на сѣверѣ или востокѣ. Такъ бранденбургская марка объединяетъ въ концѣ-концовъ всю Германію. То же произошло и у насъ, въ Россіи, гдѣ сначала суздальскій и ростовскій, а затѣмъ и московскій князь сталъ представителемъ обще-русской патріотической идеи.

Исторія показываетъ намъ, что война и возбужденный ею патріотизмъ являлись излюбленнымъ средствомъ для укрѣпленія пошатнувшагося значенія власти. Такъ поступали монархи всѣхъ странъ и народовъ, при чемъ успѣшныя войны неизмѣнно приводили къ усиленію престижа власти и готовности гражданъ служить и подчиняться ей. Достаточно сослаться здѣсь на нѣкоторые примѣры изъ новой исторіи. Припомнимъ изумительную карьеру Наполеона, сдѣланную цѣликомъ на патріотическихъ войнахъ французской республики. Разбуженный послѣ гибели Наполеона нѣмецкій патріотизмъ, безъ сомнѣнія, не только былъ вскормленъ освободительной войной, но и самъ послужилъ на пользу реакціонному движенію и росту монархической власти. Побѣды Наполеона III надъ австрійцами въ такой же степени создали ему репутацію національнаго героя, въ какой Вильгельмъ I воспользовался лаврами своихъ побѣдъ надъ австрійцами и французами. И когда Бисмаркъ говорилъ, что единство создается кровью и желѣзомъ, онъ постольку же былъ правъ, поскольку не прибавилъ: кровью побѣжденныхъ и желѣзомъ патріотически настроенныхъ побѣдителей, видящихъ въ своемъ вождѣ величайшаго представителя общаго блага.

Пока населеніе страны, охваченной патріотическимъ одушевленіемъ во имя защиты своихъ высокихъ благъ, представляетъ однородную массу, и власть ограничивается лишь защитой внѣшней безопасности, этой величайшей святыни той или другой націи, мы видимъ предъ собой дѣйствительно единое цѣлое съ коллективнымъ сердцемъ и душой. Но, само собою, это длится лишь до тѣхъ поръ, пока не обезпечена эта самая безопасность. Послѣ перваго чада военныхъ побѣдъ, однако, всегда наступаетъ необходимая реакція; долгій миръ дѣлаетъ ненужнымъ чрезвычайное напряженіе государственнаго единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно ослабляетъ и самую власть. Не лучше дѣйствуютъ на нее и тѣ результаты, которые влечетъ за собой присоединеніе обширныхъ странъ съ чужеземнымъ населеніемъ. Тогда внутри самого государства начинается національная борьба, которая, правда, вызываетъ власть на путь внутренней политики національзаціи чуждыхъ элементовъ, но, съ другой стороны, лишаетъ ее опоры во всемъ населеніи государства въ его цѣломъ. Общее благо, общая безопасность, общій интересъ перестаютъ быть общими и становятся частнымъ благомъ или интересомъ одной господствующей національности. Правительство становится партійнымъ и начинаетъ измѣнять своему собственному лозунгу. И, конечно, этотъ процессъ растетъ по мѣрѣ того, какъ совершаются все новыя и новыя завоеванія. Въ концѣ-концовъ теряется всякое внутреннее единство насильственно соединенныхъ вмѣстѣ народовъ и племенъ, и громадное царство разваливается какъ карточный домикъ.

Пока народъ защищаетъ свое національное благо, онъ не только крѣпокъ самъ, но и создаетъ крѣпкую власть. Какъ только патріотизмъ становится шовинизмомъ и стремится къ основанію всенароднаго единства подъ властью одного народа—господина, онъ теряетъ свое собственное единство и убиваетъ самъ себя. Императорскій Римъ сдѣлалъ попытку не только завоевать вселенную, но и объединить всѣхъ побѣжденныхъ въ званіи римскаго гражданина. Но римскіе граждане изъ галловъ, мавровъ, иберійцевъ, сирійцевъ и славянъ не могли считать своими интересы чуждой и далекой имъ имперіи, языкъ и культура которой оставались греческой или латинской. Имперія Карла Великаго искала общей основы для побѣжденныхъ народовъ въ христіанствѣ, но космополитическая религія была „общимъ благомъ", независимо отъ какой-либо имперіи. И лишь на время можно было объединить подвластные Наполеону народы либеральными принципами французской революціи. И если шла рѣчь о правахъ человѣка вообще, то меньше всего можно было думать, что внѣ французской націи и культуры кончается и человѣчество. Французскій патріотизмъ лишь разбудилъ патріотизмъ нѣмецкій, испанскій или русскій, но не могъ замѣнить ихъ собой. Нечего и говорить, что всемогущество власти, построенной на защитѣ національныхъ благъ, дѣлитъ участь

тѣхъ эфемерныхъ монархій, которыя не разъ покрывали своими руинами области европейскаго континента.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что охрана существующаго порядка и правъ, мира и тишины внутри государства представляется однимъ изъ требованій общаго интереса или однимъ изъ моментовъ общаго блага. И если даже для осуществленія этой цѣли необходимы порой героическія средства, то мы видимъ, что они обыкновенно оправдываются общимъ интересомъ, и такимъ путемъ обосновывается нѣкоторая внутренняя диктатура для подавленія такъ называемой смуты, усмиренія мятежныхъ и революціонныхъ элементовъ, какъ это и было неоднократно въ исторіи. Греческая тиранія то для усмиренія демоса, то для уничтоженія олигархіи; римская диктатура для истребленія пиратства съ одной стороны и для подавленія бунта рабовъ съ другой; римская же борьба оптиматовъ противъ аграрнаго движенія, связаннаго съ именемъ Гракховъ и Катилины. Королевская диктатура запада въ подавленіи крестьянскихъ бунтовъ—жакерій; та же власть какъ спеціальное орудіе новаго общества въ борьбѣ съ феодальной анархіей. Военныя положенія, исключительныя полномочія власти и установленія полицейской диктатуры въ началѣ XIX вѣка для уничтоженія такъ называемой революціонной гидры и установленія началъ легитимизма и защиты нарушенныхъ „правъ", такъ же какъ чрезвычайныя мѣры современныхъ государствъ въ борьбѣ съ рабочимъ движеніемъ, стачками и соціализмомъ,—все это даетъ весьма благопріятную почву для неограниченнаго усиленія власти на почвѣ защиты нарушеннаго права, мира и тишины отъ внутренняго врага, противъ коего и выступаютъ различные охранители, усмирители и иные спасители отечества.

Но здѣсь повторяется то же самое, что мы видѣли уже выше, на дѣлѣ военной защиты страны отъ внѣшняго врага. Власть, основа которой коренится въ безпорядкѣ и раздорѣ, точно такъ же стремится къ своему сохраненію, какъ и власть, вызванная къ жизни военной невзгодой. И поскольку послѣдняя хочетъ войны, какъ наилучшаго средства своего оправданія, настолько же первой нужны безпорядки и внутренніе раздоры для того, чтобы обосновать свой произволъ требованіями общаго блага и государственнаго интереса. Ясно отсюда, что всякая внутренняя диктатура, доводя до крайности идеи единства и неограниченности власти, совершенно естественно является сама по себѣ новымъ источникомъ недовольства и возмущеній. Отсюда выясняется вся связь между самымъ существомъ внутренней диктатуры и мелкой, придирчивой регламентаціей поведенія гражданъ, между стремленіемъ власти къ самосохраненію и тѣмъ неустаннымъ раздраженіемъ населенія, которое является необходимымъ результатомъ полицейской тираніи и безцѣльнаго гнета однообразнаго шаблона. Такъ и здѣсь единство превращается въ свою противоположность, а общее

благо становится лишь вывѣской для проведенія узко-партійныхъ цѣлей диктаторскаго правительства и группы, на которую оно опирается.

Казалось бы, принципъ общаго блага даетъ бо̀льшую крѣпость суверенитету, когда „благо“ понимается не только въ смыслѣ безопасности и порядка, но въ смыслѣ процвѣтанія, счастья или блаженства подданныхъ. Такое общее благо прежде всего отличается болѣе постояннымъ характеромъ и не связано съ наличностью особыхъ угрожающихъ странѣ внутреннихъ или внѣшнихъ опасностей. Съ другой стороны, общее благо здѣсь болѣе понятно массѣ населенія, такъ какъ каждый гражданинъ почитаетъ свое благо входящимъ въ благо общее. Что же касается полноты и силы власти, которая обосновывается началомъ общаго блага, понимаемаго въ смыслѣ блаженства, то воистину ничего лучшаго и найти нельзя: подъ понятіе блага можно подвести буквально все, что только понравится. Святость и моральное совершенство, здоровье и матеріальный достатокъ, просвѣщеніе и семейная жизнь, даже красота одежды и порядокъ дружеской пирушки, все это вмѣстѣ съ понятіемъ блага можетъ войти въ сферу власти, которая для достиженія этихъ цѣлей можетъ потребовать и столь же безграничныхъ средствъ. Правда, на первый планъ здѣсь выступаетъ все же не частный интересъ, а благо общее, интересъ государственный, который отличается отъ цѣлей отдѣльнаго индивида. Но развѣ государственный интересъ не можетъ потребовать того, чтобы всѣ граждане были богаты и здоровы, образованы и счастливы? Развѣ, съ другой стороны, можно представить, чтобы такая общая цѣль встрѣтила протестъ со стороны отдѣльныхъ составляющихъ государство гражданъ?

И вотъ мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что государственная власть никогда не удовлетворялась лишь охраной безопасности и порядка. Уже съ древнѣйшихъ временъ она считаетъ себя призванной во имя единой цѣли общаго блага требовать для себя и громадныхъ средствъ матеріальнаго характера и послушанія подданныхъ. И если она для военныхъ цѣлей сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ вооруженныя силы страны, а въ цѣляхъ порядка присваиваетъ себѣ судебную власть, то въ дѣлѣ обезпеченія общаго блаженства власть почитаетъ себя не менѣе монопольной. Только ей, стоящей въ центрѣ и выше всѣхъ людей, видны нужды и недостатки каждаго, только она, будучи внѣ партій, классовъ и соціальной борьбы, можетъ объективно оцѣнивать нужды каждаго съ точки зрѣнія государственнаго интереса. Только она, наконецъ, обладая всѣмъ богатствомъ и силами подвластной страны и людей, можетъ дѣйствительно въ послѣдовательной планомѣрной работѣ осуществить на практикѣ великую задачу обезпеченія гражданамъ ихъ высшихъ благъ. Лишь одного требуетъ такая власть, берущая на себя опеку о всѣхъ сторонахъ человѣческой жизни, ей нужно не только послушаніе, но вѣрность, самопожертво-

ваніе и любовь. Она желаетъ опираться въ буквальномъ смыслѣ слова на сердца своихъ подданныхъ, всю любовь къ родинѣ и отечеству должны они перенести на тѣхъ, кто беретъ на себя всю полноту патріотической задачи.

Идея общаго блага является излюбленнымъ лозунгомъ той диктатуры, которая возникаетъ въ результатѣ острой соціальной борьбы. Разорванное на отдѣльныя непримиримыя группы государство становится вновь цѣлымъ и единымъ во имя общаго интереса, который долженъ примирить всѣхъ. Подъ вліяніемъ сильныхъ экономическихъ потрясеній, которыя слѣдуютъ за дезорганизаціей общественнаго производства и обмѣна, въ обществѣ рождается сознаніе необходимости извѣстнаго единства. И такъ какъ борьба идетъ на почвѣ именно распредѣленія духовныхъ и матеріальныхъ благъ, то понятіе общаго блага должно объединить и примирить всѣхъ. Эта идея вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ особенную остроту, такъ какъ она является исходнымъ моментомъ въ эпохи крупнаго перелома классовой борьбы, а слѣдовательно, нуждается въ исключительныхъ средствахъ для водворенія соціальнаго міра. Такъ уже греческая тиранія играла такую роль объединенія государства на почвѣ успокоенія во имя общаго интереса. Этимъ характеромъ отмѣченъ и римскій цезаризмъ, который, порабощая все общество, тѣмъ самымъ являлъ себя безпартійнымъ носителемъ государственной идеи. Въ Греціи главной задачей тираніи было болѣе равномѣрное распредѣленіе государственныхъ доходовъ и прибылей между отдѣльными классами общества. Римскій цезаризмъ оправдалъ свое призваніе тѣмъ, что далъ особое расширеніе казенной администраціи, снабжавшей народъ даровымъ хлѣбомъ, виномъ, мясомъ и т. п. И греческая и римская постоянная диктатура, установившая раздачу продуктовъ и денегъ населенію, давшая заработокъ рабочему классу на постройкахъ, въ то же время насыщала народъ и духовной пищей. На ряду съ общественными банями воздвигались повсюду грандіозные театры.

Диктатура общаго блага не измѣнила свой характеръ и въ послѣдующія эпохи. И въ итальянскихъ городахъ XIV вѣка и подъ знаменемъ новаго абсолютизма она становилась представительницей нуждъ общественнаго хозяйства въ цѣломъ, при чемъ именно государство и власть были тѣмъ единымъ сознательнымъ центромъ, который примирялъ противоположные интересы. Городской тиранъ средне-вѣковой республики въ своей единой волѣ создавалъ замѣну развалившагося коллективнаго хозяйства. Когда на смѣну городу пришло новое государство и сознало себя какъ замкнутую единицу хозяйственнаго процесса, то и здѣсь монархъ сталъ высшимъ хозяиномъ государства, понимаемаго какъ торговое и промышленное предпріятіе. Въ этомъ весь смыслъ полицейскаго общаго блага. И замѣчательное дѣло, на всемъ пространствѣ исторіи междуклассовая тиранія какъ разъ от-

личается чрезвычайнымъ развитіемъ государственнаго принудительнаго хозяйства, которое должно удовлетворить важнѣйшіе интересы борющихся группъ. Въ Греціи такую роль играло колоніальное хозяйство, при чемъ обширные доходы извлекались изъ подчиненныхъ и завоеванныхъ странъ, и на эти доходы ложилось цѣликомъ содержаніе аѳинскаго народа съ его жалованьемъ за отправленіе должностей, обширными государственными постройками, эксплуатацией казенныхъ рудниковъ и т. п. Въ Римѣ цезаризмъ сталъ также во главѣ единой хозяйственной организаціи, при чемъ здѣсь сначала былъ организованъ только особый хлѣбный флотъ для питанія державнаго плебса, а затѣмъ постепенно всѣ профессіи и классы общества были закрѣпощены фиску, который воплотилъ въ себѣ весь хозяйственный оборотъ великой имперіи. Новый абсолютизмъ полицейской эпохи точно такъ же въ государѣ видѣлъ монопольнаго капиталиста и предпринимателя, воплощающаго государственный интересъ, при чемъ никакой разницы между государственнымъ и частнымъ хозяйствомъ также не дѣлалось.

Принудительное единство хозяйственной жизни, которое подвергалось мельчайшей регламентаціи со стороны тираніи общаго блага, не могло быть вѣчнымъ уже потому, что соціальныя условія мѣнялись, а съ ними вмѣстѣ и „общее благо" теряло свою организаціонную объединяющую силу. Какъ только появлялась новая противоположность интересовъ, непредусмотрѣнная даннымъ компромиссомъ, она очень легко разбивала ореолъ полицейскаго блаженства. И нужно отмѣтить, что въ самой идеѣ общаго блага скрывалось взрывчатое вещество, которое всегда могло быть использовано противъ государственной власти. Для поясненія этой мысли достаточно нѣсколькихъ соображеній.

Какъ извѣстно, насадители общаго блага любили указывать на свое значеніе и роль въ самихъ своихъ актахъ. И если они претендовали ради общаго блага на абсолютную власть и безграничное пользованіе всѣми живыми силами и матеріальными средствами страны, то съ другой стороны, они сами именовали себя лишь слугами народа, исполнителями его воли. Они во имя народа угнетали народъ, они противопоставляли народъ въ цѣломъ—народу въ частности и оправдывали порабощеніе послѣдняго интересами перваго. При этомъ оказывалось, конечно, что народъ въ цѣломъ это не что иное, какъ именно народъ, организованный абсолютной властью благодѣтельнаго тирана, воплощенной въ его волѣ. И вотъ самъ диктаторъ народнаго блаженства принималъ смиренное званіе народнаго слуги. Греческіе тираны избѣгали даже царскихъ титуловъ. Римскіе императоры сложили свою власть изъ цѣлаго ряда республиканскихъ должностей; прежде чѣмъ стать самодержцами, они соединили въ своемъ лицѣ должности консула, цензора, понтифекса и народнаго трибуна;

это соединеніе убивало весь смыслъ и значеніе этихъ должностей, но придавало императорской власти характеръ служенія общему благу народа. Народные капитаны итальянскихъ городовъ соединяли именно это званіе народнаго избранника и слуги со званіемъ дука или принчипа. Абсолютизмъ новаго времени претендовалъ на титулъ перваго слуги, перваго министра и перваго судьи своего народа. Такъ диктаторъ становился не только исключительнымъ представителемъ народа въ цѣломъ, но и его слугой, носителемъ его нуждъ и министромъ общаго блага.

Для лучшаго обоснованія такой мысли придумывалась даже особая фикція народнаго порученія или особаго акта передачи народной власти единому избраннику—царю. Въ такомъ именно видѣ не разъ фигурировалъ въ исторіи „lex regia" древняго Рима, при чемъ предполагалось, что народъ добровольно перенесъ свое всемогущество на императоровъ, своихъ исключительныхъ представителей и вмѣстѣ носителей общаго интереса — salus populi. Въ теоріи естественнаго состоянія и общественнаго договора былъ найденъ новый аргументъ въ пользу абсолютизма. Въ силу этой теоріи была принята аксіома, что народъ еще до основанія государства, убѣдившись въ невозможности своими силами добиться общаго блага, поручилъ монарху какъ конкретное опредѣленіе этого блага, такъ и достиженіе его, при чемъ для этой цѣли отказался отъ всѣхъ своихъ правъ и вручилъ монарху неограниченную власть надъ собою. Такъ монархъ сталъ самодержцемъ лишь для того, чтобы наилучшимъ способомъ служить народу, стать его „слугой" и „министромъ". Власть монарха этимъ путемъ оказывается не только производной по своему существу, но и направленной къ цѣли, которая находится по существу внѣ его личной воли.

Такая идея естественно вызывала мысль о господинѣ; и если монархъ—слуга народа, то народъ естественно господинъ. И господинъ всегда распоряжается и командуетъ слугой. Съ другой же стороны только господинъ знаетъ лучше всего, въ чемъ его истинное благо. А отсюда является мысль о томъ, насколько правильно слуга-монархъ понимаетъ интересъ или общее благо народа-господина и насколько точно и добросовѣстно преслѣдуетъ интересы народа на практикѣ. Цѣль государственной власти становится изъ ея оправданія ея судомъ и часто осужденіемъ. Является убѣжденіе, что благодѣтельный тиранъ подъ покровомъ общаго блага преслѣдуетъ вовсе не народные, а свои узкіе династическіе интересы. Предполагается далѣе, что „слуга" измѣнилъ своей цѣли, злоупотребилъ своей властью, оказался неспособнымъ какъ понять, такъ и осуществить дѣйствительное общее благо. Выводъ отсюда одинъ. Негодный слуга долженъ быть смѣщенъ или замѣненъ новымъ и лучшимъ. Такъ оправдывается не только критика власти, но и насильственное

ея ниспроверженіе. Идея общаго блага становится опорой и оправданіемъ революціи. Такъ разрушается послѣднее и важнѣйшее оправданіе всемогущества неограниченной государственной власти.

Не спасаетъ власти и то болѣе новое обращеніе ея къ волѣ націи, какъ къ непосредственному источнику своего верховенства. На такой формулѣ былъ основанъ абсолютизмъ Наполеона III, который представлялъ себя уполномоченнымъ республики, исключительнымъ представителемъ національной воли. Такое обращеніе къ націи отразилось на пресловутыхъ формулахъ итальянскаго и бельгійскаго королевствъ, гдѣ монархъ титулуется не только милостью Божіей, но и волею народа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ такая формула можетъ быть оправдана лишь однимъ — постояннымъ участіемъ воли народа въ отправленіи государственныхъ дѣлъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ въ Бельгіи и Италіи. Но какъ только народъ устраняется отъ созданія своей собственной воли и монархъ начинаетъ считать себя полнымъ замѣстителемъ народа, немедленно возникаетъ противорѣчіе между народомъ снизу и народомъ сверху, и народъ перваго вида беретъ общее благо въ свои собственныя руки.

Идея государственнаго абсолютизма, легшая въ основу такъ называемаго государственнаго суверенитета, оказывается не только нелѣпой въ своей логической конструкціи, но и противорѣчивой въ своей исторической діалектикѣ. Но то и другое еще возрастаетъ, если припомнить, что всѣ указанные виды оправданія и обоснованія власти не только существуютъ въ отдѣльности, но обыкновенно сочетаются вмѣстѣ и такимъ образомъ создаютъ цѣлый конгломератъ самыхъ различныхъ понятій. Божественный суверенитетъ соединяется съ вотчиннымъ верховенствомъ. Это послѣднее опирается на идеи общаго блага. Аргументація каждаго обоснованія сплетается съ логическимъ теченіемъ другого и получается что-то въ высокой степени фантастическое.

Какъ мы уже видѣли выше, абсолютизмъ, а впослѣдствіи и вообще монархическая власть, ищетъ себѣ божественной санкціи, опирается на „Божію милость" и божественный авторитетъ. Но въ то же время Божья милость оказывается прикованной по праву рожденія къ питомцу опредѣленныхъ фамилій, происшедшему въ законномъ отъ нихъ бракѣ. И въ нѣмецкой наукѣ, начиная Шталемъ и кончая новѣйшими монархистами, Божья милость такъ и объясняется въ смыслѣ независимой отъ народа наслѣдственной передачи власти. Но, несомнѣнно, такая независимость отъ народа въ значительной степени замѣняется зависимостью отъ родителей наслѣдника престола и не только отъ ихъ физическихъ свойствъ, способныхъ дать здоровое потомство, но и отъ моральныхъ, обезпечивающихъ законныя формы брака. Нельзя не видѣть, что божественный авторитетъ оказывается какъ бы прикрѣпленнымъ къ данному роду и находится

въ значительной степени въ зависимости оттого, дастъ ли данная семья въ лицѣ своего ребенка новагó носителя для воплощенія божественныхъ полномочій. Подобное положеніе приводитъ насъ къ весьма нелѣпому представленію о наслѣдственномъ прикрѣпленіи не только государственной власти, но и Божьей милости къ опредѣленной семьѣ съ ея нисходящими потомками. И если невозможно звучитъ для современнаго человѣка положеніе о наслѣдственной передачѣ священнической благодати, то еще невозможнѣе представляется идея о прикрѣпленіи божественной воли къ физіологическому акту рожденія ребенка въ утробѣ матери, предназначеннаго къ осуществленію Божьей милости. Таковымъ можетъ быть только рожденіе Богочеловѣка, но ставить новорожденнаго принца на одинъ уровень съ божественнымъ Младенцемъ, каждому вѣрующему равнозначно совершить величайшее кощунство.

Не менѣе фантастичнымъ оказывается сочетаніе божеской власти съ иными перечисленными началами. Невозможно Божіей милостью оправдывать существованіе собственности на землю и людей и связывать божественную волю съ каждымъ актомъ насильственнаго захвата или добровольной сдѣлки, залога, обмѣна, купли-продажи и т. п. Немыслимо видѣть въ каждомъ завѣщаніи спеціальный актъ божественнаго Провидѣнія. И во всякомъ случаѣ нельзя обосновать положеніе вѣрующихъ въ качествѣ объектовъ патримоніальной власти царя вотчинника, который ставитъ людей на ряду съ безсловесными скотами. Невозможно принять и царской должности, какъ должности религіозной, потому что ни одинъ царь не желаетъ быть отвѣтственнымъ на землѣ передъ тою Церковью, къ которой онъ принадлежитъ, и не несетъ здѣсь никакихъ послѣдствій за великій грѣхъ нарушенія этой должности. И если мыслимо кое-какъ сочетать религіозныя полномочія съ служеніемъ общему благу, то не одна великая религія не оправдываетъ войны, кромѣ Ислама, который тоже не признаетъ другой войны, кромѣ религіозной. Не можетъ также считать религія мірской порядокъ независимымъ или стоящимъ выше церковнаго, не можетъ она примириться и съ земнымъ общимъ благомъ въ качествѣ главной цѣли государства. Но особенно невозможнымъ представляется сочетаніе милости Божьей и воли народа, какъ мы видѣли это на нѣкоторыхъ новѣйшихъ примѣрахъ. И ни одно вѣроученіе, ни одна секта не согласится признать, что Божью волю представляютъ собой тѣ массы разновѣрующихъ, порою вовсе невѣрующихъ, порою лишенныхъ всякой нравственной воли людей, которые сочетаются въ общее понятіе народа. Болѣе того, Божья милость и воля народа въ качествѣ источниковъ власти прямо отрицаютъ другъ друга, ибо первая есть небо, а вторая — земля, первая — святость, а вторая — грѣхъ или, по словамъ Грознаго, „суетное многомятежнаго человѣчества хотѣніе“. Чтобъ примирить эти двѣ формулы, нужно

одно: или сдѣлать божественнымъ мірской народъ въ его плоти и потребности, или низвести Бога до человѣческаго естества...

Не менѣе недоумѣній порождаетъ и сочетаніе другихъ формулъ власти приведенныхъ нами выше: и въ самомъ дѣлѣ, какъ сочетать наслѣдственное право на обладаніе престоломъ или даже вотчинной собственности на государство съ понятіемъ общаго блага? Вѣдь ясно безъ дальнѣйшихъ словъ, что носителемъ общаго блага можетъ быть лишь такое лицо, которое вполнѣ подготовлено и способно къ выполненію государственныхъ задачъ. Нелѣпой явилась бы мысль предоставить случаю наслѣдственности замѣщеніе государственныхъ должностей, требующихъ знанія и опыта, и это даже на низшихъ ступеняхъ государственной администраціи. Что сказали бы мы, если бъ теперь мы воскресили обычай средневѣковья и акцизнымъ чиновникомъ или податнымъ инспекторомъ назначали бы лишь дѣтей акцизныхъ чиновниковъ и податныхъ инспекторовъ безъ малѣйшаго испытанія знаній и способностей этихъ дѣтей. И то, что является сейчасъ принятымъ въ области частныхъ отношеній, гдѣ при малолѣтствѣ собственника отъ его имени дѣйствуетъ опекунъ, оказывается невозможнымъ въ области публичныхъ отношеній. Принципъ общаго блага совершенно несовмѣстимъ съ такимъ строемъ, при которомъ полицмейстеромъ назначался бы малолѣтній сынъ полицмейстера, а вмѣсто этого дитяти отправлялъ бы должность опекунъ облеченнаго должностью младенца. И конечно, чѣмъ выше должность и крупнѣе ея значеніе и задачи, тѣмъ недопустимѣе представляется подобный порядокъ. Правъ былъ поэтому Петръ Великій, когда, стоя на точкѣ зрѣнія принципа общаго блага, онъ устами Феофана Прокоповича высказался за завѣщательный порядокъ наслѣдованія престола и противъ его наслѣдственной передачи.

Не менѣе разрушительно дѣйствуютъ начала общей пользы какъ на права территоріальнаго суверенитета, такъ и на связь личной вѣрности между подданными и государемъ. Принципъ общей пользы прежде всего оказывается постольку революціоннымъ, поскольку онъ всегда является источникомъ новаго и высшаго права. Государственная необходимость оправдываетъ все, она не можетъ и не должна считаться съ правомъ благопріобрѣтеннымъ, и слѣдовательно, и съ вотчиннымъ правомъ собственности. Территоріальныя права династіи примиримы съ общимъ благомъ лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдніе оправдываютъ и допускаютъ ихъ, ибо salus populi suprema lex esto! Этимъ подрывается абсолютный характеръ вотчиннаго суверенитета. Но нельзя не видѣть, съ другой стороны, что той же опасности подвергается здѣсь и личная вѣрность государю, превращенная въ пожизненный и неизмѣнный долгъ служащаго или гражданина. Ибо опять-таки общее благо — высшій законъ, и лишь постольку обязательна вѣрность, поскольку самъ монархъ является блюстителемъ

общаго интереса. И какъ только царь измѣняетъ высшему принципу своей власти, онъ теряетъ съ этой точки зрѣнія характеръ благодѣтельнаго опекуна, становится разрушителемъ довѣреннаго ему блага. Ясно, что вѣрность общему благу несовмѣстима съ вѣрностью его врагу и расточителю. Такъ, при столкновеніи указанныхъ идей неминуемо одна изъ нихъ становится жертвою другой.

Мы намѣчаемъ здѣсь лишь наиболѣе крупныя противорѣчія въ аргументаціи абсолютизма. Ихъ можно продолжить безъ конца, вѣдь въ самой идеѣ общаго блага возможенъ конфликтъ между матеріальнымъ довольствомъ и требованіями порядка, между безопасностью и благосостояніемъ. Такъ, хоть и въ болѣе мелкой сферѣ, рождается тѣмъ не менѣе взаимоотрицаніе руководящихъ началъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрывается и вожделѣнное единство абсолютной власти внутри ея самой. Практически дѣло разрѣшается гораздо проще: — не смущаясь алогическимъ составомъ основныхъ идей, государственный абсолютизмъ хранитъ ихъ всѣ въ своемъ богатомъ арсеналѣ „до востребованія". Они извлекаются по мѣрѣ надобности и сообразно условіямъ эпохи и составу подвластнаго населенія; какъ мы уже видѣли выше, психологія каждой соціальной группы требуетъ аргументаціи ad hoc, спеціально приспособленной къ методу общественнаго сознанія именно данной группы. И если власть каждой группѣ представляется лишь подъ угломъ ея зрѣнія и съ ей доступной стороны своей идеологіи, то съ другой стороны такая группа меньше всего интересуется другими составными частями идеологіи власти. Ясно отсюда, что чѣмъ болѣе разрозненъ классовый составъ населенія, чѣмъ болѣе высоки стѣны, отдѣляющія одинъ классъ отъ другого, тѣмъ болѣе возможенъ и практически осуществимъ тотъ конгломератъ противорѣчащихъ другъ другу идей, который мы намѣтили выше.

Отсюда мы можемъ сдѣлать два вывода, во-первыхъ, если мы поставимъ въ связь классовый составъ населенія и его разрозненность съ идейной организаціей власти, мы видимъ, что послѣдняя тѣмъ болѣе противорѣчива, чѣмъ болѣе психически непримиримы и разрознены соціальныя группы страны. А во-вторыхъ, нельзя не видѣть, что въ порядкѣ развитія идей власти отъ божескаго суверенитета къ принципу общаго блага лежитъ прогрессивное стремленіе къ болѣе раціональному обоснованію власти, что и заставляетъ, въ концѣ-концовъ, покончить съ ея непогрѣшимымъ характеромъ и абсолютнымъ авторитетомъ.

———

ГЛАВА II.

Ограниченія власти въ абсолютномъ государствѣ.

Кромѣ указанной въ гл. I литературы см. еще: L. v. Stein, Verwaltungslehre, B. I. O. Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht, B. I. Haenel. Studien, B. II. Gesetz. O Mayer. Deutsches Verwaltungsrecht, I. E. v. Meier. Das Verwaltungsrecht (Holtzendorffs Encyklopädie, IV), Hatschek, Allgemeines Staatsrecht, I. Тарановскій. Догматика положительнаго госуд. права во Франціи. Коркуновъ. Указъ и законъ. Рейснеръ. Разложеніе абсолютизма (Сб. Политическій строй современныхъ государствъ, I). Его же Самодержавіе и законность («Рус. Богатство», 1905).

Говоря о правовой конструкціи абсолютизма, а въ частности объ его ограниченіяхъ, приходится принять во вниманіе прежде всего то обстоятельство, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ абсолютной власти былъ всегда захватъ въ свои руки правового творчества страны путемъ централизаціи законодательной власти. Подобные примѣры исторія даетъ намъ въ особомъ изобиліи, и, начиная съ вавилонскаго кодекса царя Аммураби, мы имѣемъ постоянно уложенія, связанныя съ представителями абсолютной власти. Таковы кодексы Дракона и Ликурга, двѣнадцать таблицъ Юстиніана, Кодексъ Наполеона и прусское земское право, уложеніе баварскаго Максимиліана и русскаго Николая I. Будучи источникомъ всякаго права въ странѣ, ставя въ зависимость отъ своей санкціи признаніе юридическаго обычая, абсолютизмъ, конечно, былъ весьма плохо приспособленъ къ правовому ограниченію извнѣ. Абсолютной государственной власти свойственна лишь та форма ограниченія, которую можно назвать съ большой натяжкой „самоограниченіемъ“, такъ какъ она состоитъ въ томъ, что власть подчиняется сама изданнымъ ею правиламъ, доколѣ не пожелаетъ ихъ отмѣнить въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изданы. Подобное самоограниченіе, конечно, зависитъ исключительно отъ самой власти и ея доброй воли, такъ какъ, съ одной стороны, нѣтъ никакой гарантіи отъ нарушенія порядка изданія отмѣняющихъ правилъ, а съ другой—государю всегда открытъ законный способъ произвольной отмѣны даннаго правила.

Вотъ почему здѣсь приходится говорить не столько объ ограниченіяхъ законныхъ и строго юридическихъ, сколько о фактически сложившихся предѣлахъ, которые, въ свою очередь, до извѣстной степени могутъ получить и правовой характеръ. И такъ какъ форма закона здѣсь стоитъ цѣликомъ на стражѣ законодательнаго произвола, то на помощь факту здѣсь приходитъ юридическій обычай, который вступаетъ въ конфликтъ съ законодательствомъ абсолютизма и до нѣкоторой степени преодолѣваетъ его. Но здѣсь приходится говорить не только объ юридическомъ обычаѣ; абсолютизмъ,

будучи юридически всемогущъ и не допуская законнаго противодѣйствія, этимъ самымъ открываетъ путь вліянію факта, порождающаго мотивы осторожности или страха. Неоднократно приходится встрѣчать опредѣленіе абсолютизма, какъ формы правленія, ограниченной покушеніями, или революцiей. Въ дѣйствительности такое опредѣленіе надо считать имѣющимъ нѣкоторый смыслъ. Безграничность законодательнаго вліянія, связанная съ оторванностью отъ общества, необходимо создаетъ неувѣренность законодателя въ тѣхъ или иныхъ результатахъ его законодательства. И когда населеніе, лишенное законныхъ способовъ защиты своихъ интересовъ и правъ, реагируетъ на мѣры правительства въ формахъ незаконнаго протеста, прибѣгаетъ къ заговорамъ, покушеніямъ и мятежу, то, естественно, подобные факты не остаются безъ вниманія и невольно возбуждаютъ у самыхъ страшныхъ деспотовъ нѣкоторую опаску и, хотя бы временное, „самоограниченіе“ произвола. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что именно боязнь народныхъ возмущеній и террористическихъ актовъ сдерживала не одного исторически извѣстнаго тирана... Съ правовой точки зрѣнія такой фактъ можетъ быть оцѣненъ въ томъ смыслѣ, что очень часто въ протестѣ населенія противъ деспота выражается правовое чувство отдѣльныхъ соціальныхъ группъ или даже сознанное ими естественное или интуитивное право. Въ такомъ случаѣ фактическое ограниченіе абсолютизма получаетъ нѣкоторое правовое содержаніе.

На всѣхъ приведенныхъ фактическихъ ограниченіяхъ мы можемъ прослѣдить одинъ моментъ въ отношеніи права къ такъ называемому факту, которое въ данномъ случаѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Со стороны деспота считается законнымъ лишь его правовое творчество, исходящее изъ его воли, внѣ такого закона всякое иное право отрицается. Но въ такомъ же положеніи оказывается и возстающая противъ деспота группа; она точно такъ же признаетъ правомъ лишь свое интуитивное или естественное право—свою народную правду. Такъ, съ обѣихъ сторонъ находимъ мы правовыя образованія, которыя противостоятъ и взаимно отрицаютъ другъ друга. Но тѣмъ не менѣе о правѣ общемъ для двухъ сторонъ здѣсь говорить не приходится; правовое сознаніе каждой стороны порождаетъ соотвѣтственное поведеніе лишь въ ея предѣлахъ. Отсюда и право каждой стороны есть только ея одностороннее право, несмотря на то, что по содержанію своему правовое сознаніе обращено къ противной сторонѣ, какъ къ субъекту той или иной непризнаваемой имъ обязанности. Какъ же примиряется конфликтъ этихъ двухъ правъ? Деспотическаго и законнаго съ одной стороны, естественнаго и народнаго—съ другой? Какъ очевидно, примиреніе происходитъ не на почвѣ права, такъ какъ ни правовое сознаніе, ни правовое поведеніе не переходитъ за предѣлы одной стороны. Мотивъ, который за-

ставляетъ мириться обѣ стороны,—мотивъ страха, но не мотивъ правового чувства. Такимъ образомъ примиренiе является фактическимъ, но не юридическимъ, терпимостью, а не признанiемъ, при чемъ терпимость опредѣляется лишь тѣмъ, что ни одна сторона не можетъ фактически осуществить свое право. Вотъ въ какомъ смыслѣ говорили мы о фактѣ, ограничивающемъ абсолютизмъ. И съ этой точки зрѣнiя намъ приходится отмѣтить и другiе виды подобнаго факта.

Къ категорiи такихъ фактовъ относится и наличность нѣкотораго твердаго правопорядка въ абсолютномъ государствѣ. Это явленiе наблюдается въ тѣхъ деспотiяхъ, гдѣ государственная власть, завершивъ въ общемъ дѣло гражданскаго и уголовнаго законодательства, предоставляетъ защиту соотвѣтственныхъ правъ болѣе или менѣе организованному судебному аппарату. Въ этихъ случаяхъ государственная власть постепенно теряетъ интересъ къ опредѣленнымъ сторонамъ государственной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращаетъ свое непосредственное вмѣшательство въ эту область. Какъ показываетъ историческiй опытъ, къ такимъ сторонамъ публичной дѣятельности обыкновенно относится гражданское и уголовное правосудiе, которое въ своемъ обычномъ ходѣ работы мало интересуетъ верховную власть. И если вопросы самосохраненiя государственной власти остаются и здѣсь на первомъ планѣ, то этимъ интересамъ удовлетворяетъ съ избыткомъ широко развитая полицiя, снабженная обильнымъ арсеналомъ превентивныхъ и карательныхъ мѣръ. Преступленiя политическiя, а частью религiозныя обыкновенно причисляются къ предметамъ, подлежащимъ административному воздѣйствiю, и за исключенiемъ этихъ преступленiй всѣ остальныя, какъ безразличныя для государственнаго порядка, могутъ быть предоставлены самостоятельному рѣшенiю судебныхъ мѣстъ. То же самое происходитъ и съ кругомъ вѣдомства гражданскихъ судовъ; и здѣсь за исключенiемъ немногихъ, особенно близкихъ государству отдѣловъ, всѣ остальные, какъ мало интересные для цѣлей поддержанiя государственнаго порядка, передаются на сравнительно независимое разсмотрѣнiе гражданскаго суда. Относясь болѣе или менѣе объективно къ судебному процессу, установленному для защиты частныхъ лицъ отъ преступленiй противъ ихъ жизни, чести и имущества, абсолютизмъ охотно идетъ навстрѣчу нуждамъ правосудiя въ этой области и предоставляетъ здѣсь дѣло своему нормальному теченiю. То же происходитъ и въ области гражданскаго процесса, занятаго разрѣшенiемъ споровъ частныхъ лицъ между собою. Такъ подъ кровомъ абсолютизма образуется довольно устойчивое гражданское и уголовное право и процессъ, которое фактически развивается лишь потому, что оно ни въ чемъ не задѣваетъ политическихъ интересовъ власти.

Наличность широко развитого законодательства въ указанной области права такъ же, какъ устойчивая и успѣшная судебная дѣятельность абсолютнаго государства, не разъ внушала мысль о нѣкоторомъ присущемъ этому государству правовомъ строѣ. Но изъ сказаннаго нельзя не видѣть, что судебный организмъ въ области частнаго и уголовнаго права ничѣмъ принципіально не связанъ съ сущностью абсолютизма; наоборотъ, какъ разъ въ послѣдней лежитъ постоянная возможность законнаго вторженія въ судебную дѣятельность и не только соотвѣтственнаго измѣненія правовой нормы, но и лишенія судовъ ихъ независимости и безпристрастія. Европейская исторія подтверждаетъ это положеніе съ достаточной опредѣленностью, и какъ только абсолютная власть чувствовала себя заинтересованной въ отправленіи тѣхъ или иныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, она никогда не считала себя связанной существующимъ объективнымъ правомъ: нормы матеріальнаго права такъ же, какъ процесса, подвергались произвольному измѣненію, а судъ уступалъ мѣсто административному усмотрѣнію. Такъ и здѣсь: правовой порядокъ оказывался лишь дѣломъ фактическаго удобства и терпимости, факта, а не права. Принципіально власть нисколько не чувствовала себя связанной правомъ, выросшимъ въ средѣ гражданскихъ и уголовныхъ правоотношеній.

Нельзя не замѣтить наконецъ, что среди самого административнаго аппарата абсолютной власти выросталъ силою факта не только твердый порядокъ вообще, но и правовой въ значительной своей части. Никакая власть, никакая организація не можетъ обойтись безъ того или иного количества участниковъ и сколько-нибудь устойчивыхъ правилъ. То же самое наблюдаемъ мы среди исполнительной машины единой абсолютной воли. И хотя агенты власти являются по отношенію къ суверену слѣпыми орудіями его непрекаемыхъ велѣній, но, тѣмъ не менѣе, ему приходится удѣлять имъ извѣстную сферу самостоятельной работы, которая сопряжена съ наличностью тѣхъ или иныхъ обязанностей и правъ. Въ этомъ суть нѣкоторой делегаціи власти, которая превращаетъ орудія суверена изъ простыхъ механическихъ автоматовъ въ должностныя лица, которыя часто представляютъ по отношенію къ подданнымъ значительную часть величества своего государя. Такого рода процессъ происходитъ даже тамъ, гдѣ особенно сильна централизація власти, и всѣ ея инструкціи служащимъ принимаютъ явную форму техническихъ инструкцій. И этотъ процессъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ тогда, когда не только расширяются предѣлы государства, но и самая практика учрежденій принимаетъ устойчивый характеръ и децентрализація управленія усиливаетъ число и мощь делегатовъ центральной власти.

Вотъ почему можно съ полнымъ правомъ говорить о возникновеніи особой бюрократической рутины съ значительнымъ правовымъ содержаніемъ, о прецедентномъ правѣ или даже объ обычаѣ въ административной практикѣ. И поскольку центральная власть все рѣже вмѣшивается въ обычную дѣятельность администраціи, а предпочитаетъ сосредоточиваться на важнѣйшихъ дѣлахъ, постольку выясняется въ высшей степени важное раздѣленіе между сферой такъ называемаго верховнаго и подчиненнаго управленія, при чемъ въ первой области непосредственнымъ факторомъ является верховная власть, а во второй подчиненные органы власти, дѣйствующіе въ предѣлахъ правовыхъ полномочій на основаніи правовыхъ предписаній и подъ угрозой правовой отвѣтственности, при чемъ подобное право устанавливается цѣликомъ верховнымъ управленіемъ для подчиненнаго.

Конечно, такое административное право, носящее инструкціонный характеръ, есть меньше всего правовой предѣлъ для верховной власти и верховнаго управленія. Суверенъ всегда можетъ въ томъ же инструкціонномъ порядкѣ измѣнить существующія положенія административной регламентаціи, но пока такое измѣненіе не произошло, подчиненная власть въ оправданіе своихъ дѣйствій и въ обоснованіе ихъ правомѣрности всегда можетъ сослаться на то, что она дѣйствовала въ строгомъ соотвѣтствіи съ существующимъ узаконеніемъ, инструкціей или распоряженіемъ законнаго начальства. И если такое право дополняется еще кодификаціей служебныхъ проступковъ и преступленій и установленіемъ органовъ дисциплинарнаго производства въ упорядоченной формѣ, то передъ нами зачатки весьма важной административно-правовой системы, способной придать абсолютизму нѣкоторый видъ закономѣрнаго управленія. Суверенъ можетъ, впрочемъ, итти еще дальше: онъ можетъ въ интересахъ самой администраціи установить правовую отвѣтственность своихъ агентовъ за незаконныя посягательства на имущества, жизнь и честь гражданъ, хотя бы эти посягательства совершались подъ фирмой должностной дѣятельности. Конечно, и эти нормы вполнѣ во власти верховнаго управленія и всегда могутъ быть сувереномъ измѣнены. Но и здѣсь самый фактъ существованія такихъ правоотношеній служитъ росту правовой организаціи подъ кровомъ абсолютизма и этимъ придаетъ ему далеко не заслуженный имъ правовой ореолъ.

Развитіе правовыхъ отношеній подъ кровомъ абсолютизма не могло остановиться на такомъ чисто-фактическомъ положеніи. И это не только потому, что всѣ идеи имѣютъ свою логику, а всякая идеологія стремится создать новую. Нельзя забывать, что за сильнымъ ростомъ частнаго и уголовнаго права стояли интересы широкихъ общественныхъ группъ, а въ законной администраціи лежало средство, которое одно могло примирить вліятельные круги населенія и верховную власть.

Твердый базисъ гражданскаго права, развившійся, какъ фактъ, въ абсолютномъ государствѣ, очень скоро отразился и на самомъ положеніи власти. И не только потому, что уже въ римскомъ правѣ была установлена историческая связь между абсолютизмомъ и твердой системой частной собственности. Правда, рецепція римскаго права въ Западной Европѣ содѣйствовала укрѣпленію этой связи, одинъ и тотъ же авторитетъ обосновывалъ всемогущество суверенитета и неограниченность частной собственности. Но тутъ сказались и болѣе общія причины, гражданское право являлось въ глазахъ общества правомъ по преимуществу, высшимъ его проявленіемъ. Правовое чувство придавало ему незыблемый, верховный характеръ. И то, что сейчасъ утверждаютъ юристы относительно самодержавія права, которое само по себѣ требуетъ повиновенія, въ особенности относилось къ гражданскому праву римскаго образца, которое въ видѣ неприкосновенной нормы прошло цѣлые вѣка, устояло, какъ гранитная скала среди бурь и битвъ міровой исторіи. И у правовыхъ идей есть своя сила вѣковой инерціи. Вотъ почему развитіе цивильнаго права не могло остаться въ предѣлахъ однихъ семейно-хозяйственныхъ, частныхъ отношеній.

Перенесенію нормъ частнаго права въ государственную область содѣйствовало и то обстоятельство, на которое мы указали выше. Какъ мы уже знаемъ, суверенитетъ, между прочимъ, совмѣщалъ въ себѣ и характеръ верховной патримоніальной собственности. Идеи римскаго права и здѣсь способствовали преобразованію связаннаго лена феодальной эпохи въ неограниченное право собственности вотчиннаго періода. Частное право поэтому представлялось и для власти чѣмъ-то незыблемымъ и священнымъ, отрицать это право значило до извѣстной степени отрицать самое себя. Въ полной мѣрѣ, конечно, верховная собственность государя не могла признать неприкосновенности частной собственности подданныхъ,—это значило бы отказаться отъ произвольнаго финансоваго обложенія и взиманія налоговъ и податей. Не могъ абсолютизмъ признать неприкосновенности частной собственности и потому, что въ составъ вотчинной власти подданныхъ входилъ цѣлый рядъ полицейскихъ, судебныхъ и финансовыхъ правъ вотчинника на его территоріи, а эти права были предметомъ алчныхъ вожделѣній именно центральной власти. Но, лишая старую собственность ея публично-правовой стороны, абсолютизмъ съ тѣмъ большей охотой шелъ на обезпеченіе хозяйственныхъ правъ, входящихъ въ ея содержаніе, и въ этой области готовъ былъ признать обязательнымъ для себя ея полную неприкосновенность.

Европейскій абсолютизмъ новаго типа особенно ярко рисуетъ намъ систему частно-правовыхъ гарантій, которыя, въ концѣ-концовъ, охватываютъ и само государство. Весьма характерно съ этой стороны раздѣленіе самого государства какъ бы на двѣ независимыя

другъ отъ друга части. Одна—это исключительная область государственнаго интереса, гдѣ властвуетъ ничѣмъ не связанный суверенитетъ. Въ этой области государство не признаетъ никакихъ ни сдержекъ ни ограниченій и съ неуклонной рѣшимостью проводитъ все, что оправдывается единымъ принципомъ общаго блага. Сюда относится не только политика въ высшемъ смыслѣ, но и полиція, которая охватываетъ всѣ стороны частной и общественной жизни и насильственно насаждаетъ блаженство. Но рядомъ съ этимъ государствомъ признается наличность другого, это государство — казна, государство—фискъ, государство, ставшее „частнымъ человѣкомъ“, вошедшее въ міръ цивильныхъ правоотношеній, признавшее обязательнымъ для себя общее гражданское право. Это послѣднее государство въ противность первому далеко не свободно въ своихъ рѣшеніяхъ; изъ суверена оно здѣсь превращается въ подданнаго, оно никого не принуждаетъ въ силу своего суверенитета, но обращается къ обычному суду для разрѣшенія своихъ споровъ съ другими, частными лицами, съ которыми оно вступаетъ въ тѣ или иныя правоотношенія. Такъ уже здѣсь подъ кровомъ всемогущаго абсолютизма совершается не только подчиненіе государства праву, но дѣятельности фиска—судебному рѣшенію и контролю. Здѣсь абсолютное государство становится дѣйствительно правовымъ!

Частное право было какъ разъ тѣмъ русломъ, по которому законность вошла въ сферу западно-европейскихъ служебныхъ отношеній. И въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи служащаго къ государству старые юристы еще въ эпоху абсолютизма различали двѣ отдѣльныхъ стороны. Въ одномъ отношеніи актъ опредѣленія въ должность и на службу являлся актомъ верховной власти, которая по собственному соизволенію переносила на данное лицо права и обязанности государвстенной должности и службы. Въ другомъ отношеніи, однако, съ этимъ актомъ соединялся договоръ между служащимъ и государствомъ, и по этому договору опредѣлялись въ силу взаимнаго соглашенія тѣ имущественныя права, которыя должны были обезпечить матеріальное положеніе служащаго во время службы и послѣ нея. Этотъ послѣдній договоръ по содержанію и формѣ ничѣмъ существенно не отличался отъ обычнаго договора частно-правовой сдѣлки, который былъ уже опредѣленъ въ нормахъ гражданскаго права. Естественно было поэтому прямо перенести понятія гражданскаго права на отношенія должности и службы; что и было произведено въ слѣдующихъ формахъ.

Во-первыхъ, должность была сдѣлана прямо объектомъ купли-продажи, и этимъ путемъ установилась такъ называемая система продажи должностей. Эта система прославилась въ исторіи массой злоупотребленій, такъ какъ, съ одной стороны, должности покупались лицами, не имѣющими никакой способности къ ихъ отправленію, только

потому, что у нихъ были нужныя для покупки средства, а съ другой—правительства въ фискальныхъ цѣляхъ орудовали съ продажей должностей самымъ непозволительнымъ образомъ. Такимъ образомъ, какъ это было во Франціи, безмѣрно увеличивалось количество мелкихъ должностей, для которыхъ не было никакого дѣла, съ исключительной цѣлью удовлетворить спросу мелкихъ буржуа и доставить имъ государственную титулатуру и въ видѣ жалованья маленькую ренту. Разъ купленныя должности въ тѣхъ же фискальныхъ цѣляхъ внезапно уничтожались или назначались къ новой оплатѣ, смотря по нуждѣ государства и по наличности людей, которые были согласны платить. Нечего говорить, что составъ такихъ служащихъ меньше всего могъ быть пригоденъ для отправленія дѣйствительныхъ государственныхъ должностей.

Но не надо забывать и другой стороны дѣла; въ эпоху наивысшаго развитія абсолютизма только частно-правовая сдѣлка вызывала хоть нѣкоторое уваженіе со стороны государственной власти и могла служить преградой царящаго произвола. И на примѣрѣ французскихъ судебныхъ должностей мы видимъ доказательство того, что именно покупка должностей доставила судьямъ ту независимость и несмѣняемость, которыя дѣлали судебные парламенты Франціи опорой не только правосудія, но и законности вообще. И если эти суды не разъ отказывали королю въ регистраціи его ордонансовъ и признаніи ихъ законными, то это случалось лишь потому, что король, не имѣлъ права смѣстить пожизненныхъ судей, владѣющихъ должностью по праву частной собственности.

Германское право знаетъ не только продажу должностей, но и другой частно-правовой институтъ, сослужившій великую службу правовому ограниченію абсолютизма. И это конструкція служебнаго договора по типу частно-правовой сдѣлки, личнаго найма, который получилъ распространеніе и на договоръ служащаго съ государствомъ. Никто не оспаривалъ въ Германіи публично-правового характера самой должности, она основывалась на общественномъ интересѣ, ея компетенція опредѣлялась публичнымъ правомъ, и за государствомъ признавалось не только право назначать въ должность способныхъ для ея отправленія людей, но и право увольнять отъ службы и должности не только недобросовѣстныхъ и преступныхъ, но и тѣхъ, которые бы оказались почему-либо негодными или только неподходящими. Отсюда, казалось бы, слѣдовалъ выводъ: государство исключительно по своему усмотрѣнію назначаетъ и увольняетъ служащихъ, и во имя общей пользы они оказываются преданными на полное усмотрѣніе назначившей ихъ власти. Но здѣсь-то и приходила на помощь идея частно-правового договора государственной службы. Договоръ этотъ разсматривался по типу служебнаго найма въ гражданскомъ правѣ, и ему присваивалась вся нерушимость этого

института въ цивильныхъ отношеніяхъ. Одностороннее и произвольное расторженіе контракта представляется съ этой точки зрѣнія недопустимымъ, а нарушившая договоръ сторона должна, по крайней мѣрѣ, возмѣстить всѣ убытки, которые несетъ другая вслѣдствіе нарушенія договора. Въ виду такихъ соображеній право произвольнаго увольненія отъ службы за государемъ не отрицалось, но въ такомъ случаѣ изъ нарушенія договора вытекала для государства обязанность уплаты не выданнаго жалованья, а въ случаѣ отказа въ немъ и убытковъ. Выходомъ изъ этого положенія была та практика, которая постепенно устанавливалась въ Германіи; при увольненіи служащихъ безъ суда они только освобождались отъ несенія должности, но содержаніе сохранялось за ними.

Нечего говорить, что такое положеніе служащихъ въ значительной степени содѣйствовало упроченію ихъ положенія и развитію въ нихъ независимости, прямоты и чести. И абсолютный государь очень часто именно въ нихъ встрѣчалъ оппозицію своему произволу, и такая оппозиція была наиболѣе дѣйствительна. Государственные служащіе не только обладали политическимъ опытомъ, но и значительнымъ авторитетомъ въ безправной странѣ. И когда они проводили законность, это было начаткомъ основъ грядущаго правового строя; помогалъ этому и коллегіальный составъ мѣстъ тогдашняго суда и управленія. Такъ частное право путемъ вторженія въ чисто-государственную область несло ей цѣлый рядъ правовыхъ ограниченій, казалось бы, абсолютной власти. Фактъ и здѣсь являлся родоначальникомъ права.

Частно-правовымъ характеромъ отличалось и еще одно ограниченіе власти, которое по формѣ было установлено свободнымъ актомъ абсолютизма, на дѣлѣ же было гораздо сильнѣе его,—это такъ называемое крѣпостное право. Юридическая природа крѣпостничества выяснилась во время абсолютизма достаточно опредѣленно, оно приняло опять-таки частно-правовой характеръ. Предшественникомъ крѣпостного права была феодальная должность, обращенная затѣмъ въ патримоніальное владѣніе. Въ этомъ послѣднемъ было весьма много публично-правовыхъ элементовъ. Къ нимъ принадлежали право верховной собственности на землю, право на судъ и управленіе, право на личныя повинности населенія; всѣ эти публично-правовые элементы путемъ историческаго процесса образованія вотчинныхъ государствъ перешли въ руки верховнаго собственника, которымъ сталъ суверенъ-вотчинникъ. Но это вмѣстѣ съ тѣмъ права надъ свободнымъ населеніемъ. Мы уже видѣли выше, что территоріальный суверенитетъ, несмотря на всю фикцію института собственности, которою онъ былъ облеченъ, все же рѣзко отъ нея отличался: собственность надъ свободными людьми есть безсмыслица и противорѣчіе. Но по мѣрѣ того, какъ верховный собственникъ превращался

въ государя, его права на землю становились верховнымъ властвованіемъ, а его права на подданныхъ превращались въ права государственнаго суда, управленія и финансовъ,—по мѣрѣ этого въ рукахъ подвластныхъ государю помѣщиковъ создавалась новая власть. Эта новая власть была властью надъ крѣпостной собственностью.

Помѣщикъ-крѣпостникъ стоитъ прежде всего въ новомъ отношеніи къ государю: онъ не условный слуга, не совладѣлецъ территоріальнаго господства, онъ подданный абсолютнаго неограниченнаго суверена, которому и подчиненъ безъ оговорки или права протеста. Съ этой стороны онъ самъ подневольный слуга, рабъ, хотя и считается свободнымъ человѣкомъ; и онъ также прикрѣпленъ къ своему господину, какъ любой холопъ, такъ какъ онъ лишенъ права перехода въ другое подданство, права свободнаго выселенія изъ страны. И государь широко пользуется своей верховной властью, поскольку идетъ дѣло о лишеніи подчиненнаго ему вотчинника правъ суда, управленія или финансоваго обложенія живущихъ на его землѣ свободныхъ людей. Все это постепенно перетягиваетъ къ себѣ государь и даже захватываетъ право лишать собственника за преступленія его населенныхъ земель. Но такое положеніе землевладѣльца вознаграждается въ другомъ отношеніи: чѣмъ уже его права публичнаго характера, тѣмъ шире и устойчивѣе они, поскольку относятся къ опредѣленному разряду лицъ, къ зависимому, закрѣпощенному крестьянству. Крестьянинъ теряетъ личность и превращается въ одушевленный инструментъ, живой инвентарь или двуногое животное помѣщика. И если сначала онъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, то теперь онъ закрѣпощенъ личности своего владѣльца. Порабощеніе барина абсолютной власти куплено такимъ же порабощеніемъ крестьянина барской волѣ, и отношеніе крестьянина къ господину теряетъ всякій публично-правовой характеръ: это область исключительно одного частнаго права.

Такъ происходитъ раздѣленіе государства на двѣ половины: въ одной царитъ абсолютный государь, въ другой—крѣпостникъ-землевладѣлецъ; патримоніальное право перваго пріобрѣтаетъ государственный характеръ, а власть устанавливаетъ абсолютное господство подъ знаменемъ исключительныхъ правъ суверена. Не то замѣчаемъ мы въ той половинѣ страны, гдѣ царитъ помѣщикъ, какъ абсолютный владыка своихъ крестьянъ; здѣсь даже публичныя функціи крѣпостника превращаются въ атрибуты права собственности, въ принадлежность частновладѣльческаго хозяйства. И если въ первомъ случаѣ государство поглощаетъ собственность и своимъ флагомъ прикрываетъ цѣлый рядъ частно-хозяйственныхъ отношеній, то, наоборотъ, во второмъ случаѣ частное хозяйство и частная собственность съѣдаютъ государственную идею, лежавшую въ старомъ феодальномъ владѣніи. Связь между двумя половинами государства образуетъ лишь подданство землевладѣльцевъ самодержавному государю,

и нельзя не видѣть, что граница, отдѣляющая чисто-государственную область отъ владѣній крѣпостного хозяйства, должна была быть весьма чувствительна для самого абсолютизма.

И въ самомъ дѣлѣ, абсолютная власть государя по отношенію къ вотчинникамъ была на дѣлѣ весьма ограниченна. Привилегированное землевладѣніе было принципіально освобождено отъ всякихъ личныхъ повинностей и налоговъ; съ введеніемъ постояннаго войска отпала и личная военная повинность помѣщиковъ. И если въ чемъ по отношенію къ нимъ выражалось самодержавіе власти, то развѣ только въ правѣ надъ ними суда и общаго управленія. Но за это крѣпостники были вознаграждены выше всякой мѣры; они почти буквально отрѣзывали отъ государства крестьянъ, составляющихъ, подавляющее число всего населенія. Власть помѣщика становилась такимъ образомъ, между государемъ и сотнями тысячъ, а иногда милліонами трудового населенія. Только черезъ помѣщика оно привлекалось къ государственному обложенію, государственная повинность являлась, такимъ образомъ, лишь прибавкой къ основной повинности въ пользу господина. Только помѣщикъ поставлялъ суверену рекрутъ для его войска и, само собой, старался отдать изъ имѣнія лишь тѣхъ крестьянъ, которые ему были не нужны или не удобны. Только помѣщикъ пользовался всякимъ возрастаніемъ состоятельности своихъ крестьянъ, онъ одинъ завѣдывалъ ихъ бракомъ и семейной жизнью, чинилъ между ними на свою пользу судъ и расправу. Вездѣ, гдѣ только государство пыталось овладѣть крестьяниномъ, какъ платежеспособной и работоспособной единицей, оно постоянно встрѣчало на своемъ пути крѣпостника-землевладѣльца, который эксплуатировалъ крѣпостного только для себя въ своемъ хозяйственномъ и частномъ интересѣ.

Частно-правовая форма крѣпостнической власти была особенно пригодна для того, чтобы лишить государство его абсолютизма. Гражданское право по принципу считалось неприкосновеннымъ. Затронуть права помѣщика значило поколебать священное право собственности. И благодаря этому помѣщики богатѣли, а суверенный монархъ чувствовалъ себя въ постоянной нуждѣ; только промышленность, вышедшая изъ рамокъ городского хозяйства, только ремесло, освобожденное отъ цеховъ, и національная территорія рынка дали возможность государю укрѣпить свои финансы. И поскольку онъ чувствовалъ себя государемъ среди третьяго сословія и предъ лицомъ церкви, подчиненной государству, постольку же былъ онъ безсиленъ предъ конституціей крѣпостного права. И, по правдѣ сказать, если былъ законъ, предъ коимъ абсолютизмъ клонилъ свою державную голову, то былъ это великій канонъ крѣпостничества, который былъ защищенъ всей силой самодержавной собственности. Будучи источникомъ рабства для однихъ, крѣпостное право было патентомъ вольности

для другихъ; вотъ почему въ творенiяхъ старыхъ публицистовъ такъ ярко проходитъ мысль: въ отличiе отъ восточныхъ деспотiй законная европейская монархiя обладаетъ однимъ признакомъ величайшей важности—въ ней неприкосновенна для самого царя частная собственность подданныхъ! Ограничительный характеръ крѣпостной конституцiи даетъ ключъ къ уразумѣнiю другого факта, повторявшагося въ европейской исторiи съ удивительнымъ постоянствомъ. Фактъ этотъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: съ паденiемъ крѣпостной конституцiи немедленно возникалъ вопросъ о народномъ представительствѣ и конституцiи государственной...

Относительно крѣпостной конституцiи можетъ возникнуть вопросъ о томъ, поскольку данное ограниченiе было только фактическимъ, или же, наоборотъ, юридическимъ, слѣдовательно, признавалось въ качествѣ правовой нормы обѣими заинтересованными сторонами. Насколько намъ извѣстна исторiя европейскаго абсолютизма, государь и здѣсь считалъ собя единственнымъ источникомъ всякаго правового порядка. И несмотря на то, что крѣпостничество было въ значительной степени противно интересамъ самодержавiя, которое само стремилось стать единственнымъ всеобщимъ крѣпостникомъ, тѣмъ не менѣе предполагалось, что установленiе крѣпостного права есть свободный актъ правотворящей воли суверена. Эта воля, однако, повела къ установленiю такого твердаго порядка и къ обоснованiю такихъ незыблемыхъ правъ собственности со стороны подданныхъ, что именно здѣсь мы можемъ искать то юридическое самоограниченiе, которое характеризуетъ собой правовую систему абсолютизма. Здѣсь такимъ образомъ мы встрѣчаемся не только съ фактической закономѣрностью, но и съ нѣкоторымъ юридическимъ ограниченiемъ, признаннымъ самою властью. Это обстоятельство не могло остаться безъ влiянiя на самую структуру абсолютнаго государства. Въ самихъ актахъ власти должно было явиться различенiе нормъ для самой власти обязательныхъ и свободно ею издаваемыхъ. И такое различенiе мы, дѣйствительно, находимъ въ теорiи и практикѣ абсолютизма.

И это тѣмъ болѣе, что частное право въ извѣстной степени опредѣляло самое бытiе монархизма. Мы уже высказали раньше, какъ близко подходитъ къ частному наслѣдственному праву порядокъ престолонаслѣдiя въ абсолютномъ государствѣ. И если, съ одной стороны, наслѣдственное право, какъ частное, обладало особой силой и значенiемъ, то, съ другой, въ монархическомъ государствѣ были еще новыя основанiя, въ силу чего порядокъ престолонаслѣдiя долженъ былъ получить для монарховъ значенiе нерушимаго основного закона, который никоимъ образомъ никакимъ произвольнымъ измѣненiямъ не подлежитъ. И въ самомъ дѣлѣ. Прежде всего здѣсь шелъ вопросъ о равносильной и равнозначной или даже еще высшей волѣ прежде царствовавшаго монарха, желанiе котораго должно было

быть для его потомковъ свято и непреложно. Очень часто къ тому же законъ о престолонаслѣдіи еще подтверждался соглашеніемъ всѣхъ членовъ царствующаго дома, присягой лицъ, имѣющихъ право на наслѣдованіе престола, даже самого монарха въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ. Наконецъ этотъ законъ былъ тѣмъ правовымъ основаніемъ, которому и самъ монархъ былъ обязанъ своимъ престоломъ. Въ этомъ смыслѣ можно даже сказать, что власть самого государя зависитъ отъ закона, и постольку дѣйствительна въ данныхъ рукахъ, поскольку семейный статутъ соблюдается монархомъ. Этимъ же на его волю налагается весьма существенное ограниченіе, и если бы онъ отмѣнилъ законъ о престолонаслѣдіи, то не только нарушилъ бы волю предковъ, права родственниковъ, но и основаніе своей собственной власти. Монархъ, который не пожелалъ бы соблюдать этихъ законовъ, сталъ бы подобенъ узурпатору.

Но и въ этомъ пунктѣ абсолютизмъ не считалъ себя побѣжденнымъ. И поскольку каждый монархъ стремился придать священный, неизмѣнный характеръ своимъ собственнымъ узаконеніямъ и велѣніямъ, постольку же онъ считалъ себя въ правѣ измѣнять и дополнять постановленія своихъ предшественниковъ. Вѣдь, если послѣдовательно разсуждать, то, выходя изъ преклоненія передъ волей предковъ, по существу нельзя отмѣнять ни одного изъ ими изданныхъ узаконеній. Но это превратило бы самодержавіе въ миѳъ, въ простое храненіе разъ навсегда переданныхъ скрижалей. Но на самомъ дѣлѣ переданы предками потомкамъ не только законы, но и—что еще гораздо важнѣе—власть издавать эти самые законы. И даже тамъ, гдѣ на дорогѣ абсолютныхъ монарховъ, дѣйствительно, стояли обязательства изъ договоровъ съ родственниками, они толковались въ томъ смыслѣ, что самъ принципъ абсолютизма будетъ нарушенъ, если допустить, что договоръ можетъ связывать самодержца помимо его доброй воли. А съ другой стороны, чтобы окончательно устранить такія притязанія, было рѣшено, что и члены царствующаго дома не что иное, какъ лишь разрядъ привилегированныхъ подданныхъ, между которыми и сувереномъ непроходимая пропасть, а слѣдовательно, даже по отношенію къ нимъ онъ не лицо частнаго права, а носитель всей полноты верховной власти. Конечно, этимъ окончательно не устранялось противорѣчіе между частнымъ характеромъ права на престолонаслѣдіе и государственной формой абсолютизма, и, въ концѣ-концовъ, семейные статуты соблюдались; но неустойчивость правовой системы и здѣсь обнаруживалась во всей своей полнотѣ.

Общій вопросъ, который здѣсь подлежалъ разрѣшенію юристовъ, былъ весьма щекотливъ; съ одной стороны, было очевидно, что монархія, лишенная какихъ-либо ограниченій, ничѣмъ не отличается отъ деспотіи или тираніи. И такой „восточный“ образъ правленія былъ глубоко противенъ европейскому сознанію; оно мирилось во всякомъ

случаѣ лишь на „царской“, „лойяльной“ или законной монархіи. Но, съ другой стороны, такія сдержки и ограниченія необходимо было противопоставить какъ разъ абсолютной власти, которая желала создать весь правовой строй изъ самой себя и не желала мириться ни съ какими ограниченіями. Какъ мы видѣли сейчасъ, на самомъ дѣлѣ ограниченія существовали, при чемъ они сложились, съ одной стороны, въ цѣлый рядъ фактическихъ, а съ другой, и юридическихъ ограниченій. Противорѣчіе въ структурѣ абсолютизма этимъ, однако, не только не уменьшалось, но, наоборотъ, обострялось и увеличивалось. И самодержавіе, провозгласившее себя совершенно свободнымъ, необходимо чувствовало себя связаннымъ въ своей дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ея областяхъ. Необходимо было, такимъ образомъ, примирить абсолютизмъ съ правомъ, поставить его подъ знамя объективнаго нравственнаго порядка.

Въ этихъ цѣляхъ прежде всего была провозглашена теорія исключительно моральнаго ограниченія власти. Такое ограниченіе формулировалось, какъ добровольное подчиненіе монарха божескимъ и естественнымъ законамъ, заповѣдямъ естественной справедливости, требованіямъ царской должности и здраваго разума. Этимъ путемъ монархъ, конечно, сохранялъ неприкосновенной полноту своего самодержавія. Законъ естественный, моральный и божественный менѣе всего могъ замѣнить собою законъ положительный, а послѣдній оказывался въ полной волѣ абсолютнаго государя. „Судъ совѣсти и правды“ нисколько не подрывалъ его судебнаго верховенства, нравственный порядокъ далеко не былъ равнозначенъ съ наличностью опредѣленныхъ правопритязаній, и начало „справедливости, правосудія и милосердованія“ нисколько не предопредѣляло содержанія тѣхъ формъ, въ которыхъ монарху угодно было ихъ воплотить. И, нужно сказать, моральное ограниченіе и на практикѣ было принято абсолютизмомъ; оно придавало нравственный авторитетъ монархіи и лишало ее тираническаго оттѣнка. Съ другой стороны, оно нисколько не связывало монарха въ его полновластіи и верховенствѣ. Неудивительно теперь, что цѣлый рядъ кодексовъ абсолютной эпохи воспринялъ теорію естественнаго закона, при чемъ подъ этимъ терминомъ находимъ мы „законъ, обоснованный Богомъ въ человѣческой природѣ, который познается изъ конечной цѣли и внутреннихъ свойствъ человѣка... при помощи только одного разума“, или, говоря словами русскаго теоретика абсолютизма, „верховная власть установлена къ защитѣ правды, въ содѣйствіи совѣсти... Власть верховная посредствомъ законовъ возвѣщаетъ правду и долгъ ея въ порядкѣ общежительномъ“. И въ составъ такой правды само собой входитъ и защита собственности въ ея двухъ формахъ: съ одной стороны, собственности человѣка надъ собственными его силами, основанной „на первообразной власти духа надъ душою и души надъ тѣломъ“, а съ

другой, собственности имущества, какъ власти надъ тѣмъ, „что произведено и пріобрѣтено нашими силами“. Какъ оказывается, „та и другая власть присвоена человѣку отъ Бога, какъ естественное состояніе разума его и воли“, а отсюда шелъ непосредственный выводъ: монархъ оберегаетъ собственность потому, что она есть осуществленіе правды или моральнаго закона. Такъ спасается неограниченный абсолютизмъ при наличности крѣпостной конституціи.

Другой попыткой примиренія самодержавія и законности была теорія договора. На первый взглядъ, она представляется весьма опасной для абсолютизма. Его сущность не допускаетъ никакого договора уже потому, что это значило бы раздѣлить абсолютную власть между двумя договаривающимися сторонами. Однако договоръ здѣсь признавался не въ буквальномъ, а въ нѣсколько переносномъ смыслѣ. Время заключенія договора переносилось въ догосударственное естественное состояніе. По самому договору далѣе одна изъ сторонъ или народъ цѣликомъ отказывалась отъ своей воли, власти и правъ въ пользу одного лишь монарха. А по смыслу такого договора на монарха не возлагалось никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ обязанностей, а подданнымъ не давалось никакихъ правъ. На обязанности государя въ силу этого лежало одно; и это—достиженіе всеобщаго блаженства такъ, какъ его понимаетъ монархъ. И въ это понятіе входитъ уже охраненіе правъ собственности, защита мира, единенія и добраго согласія; этимъ путемъ охрана благопріобрѣтенныхъ правъ отнюдь не была оговорена въ догосударственномъ контрактѣ. Она есть только выводъ изъ той великой цѣли абсолютизма, которая формулируется какъ достиженіе общаго блага. Само собой, съ этой формулой могъ безъ какой-либо опасности для себя примириться любой абсолютизмъ.

Нельзя не видѣть изъ сказаннаго, что примиреніе законности и абсолютизма совершалось далеко не въ ущербъ послѣднему, а тѣ правовыя ограниченія, которыя въ дѣйствительности существовали, истолковывались такимъ путемъ, что, въ концѣ-концовъ, единымъ господиномъ оставался неограниченный суверенъ. Естественна поэтому попытка обратиться къ реально-данному юридическому матеріалу абсолютнаго государства съ цѣлью найти здѣсь тѣ или другія различенія. Подобное обращеніе не могло быть безплоднымъ; прежде всего бросалось въ глаза различіе между актами самого монарха и дѣятельностью подчиненныхъ ему органовъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ верховной власти, во второмъ — власти подчиненной или исполнительной. По сравненію съ актами послѣдняго рода, несомнѣнно, велѣнія суверена являются высшими и снабженными исключительной, обязательной силой. Воля монарха здѣсь является, безспорно, какъ законъ, а въ случаѣ расхожденія велѣній подчиненной власти съ такимъ закономъ рѣшающей инстанціей должно признать именно законъ. И какъ разъ въ этомъ смыслѣ толкуютъ законъ и юристы

и сами монархи абсолютнаго государства, когда они говорятъ объ его исполненіи по точному смыслу и буквѣ, не измѣняя въ законѣ ни единой іоты. Очень часто законодатель запрещаетъ даже толкованіе закона въ опасеніи, что произвольное толкованіе низшихъ властей можетъ исказить намѣренія законодателя. Въ этомъ смыслѣ говорилось и въ русскихъ старыхъ законахъ, что они „должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ безъ всякаго измѣненія и распространенія..., не перемѣняя ихъ безъ доклада императорскому величеству ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“. Но такой законъ, какъ мы видѣли, отнюдь не является ограниченіемъ самодержавной власти.

Подъ именемъ закона далѣе встрѣчается въ абсолютномъ государствѣ иное явленіе; въ этомъ смыслѣ велѣнія самой верховной власти различаются по силѣ и степени ихъ устойчивости и постоянства. Такъ, съ одной стороны, образуются, по опредѣленію Екатерины II, „установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться“. Это категорія постоянныхъ или неизмѣняемыхъ законовъ, „они,—по словамъ современнаго эпохѣ юриста,—составляютъ то, что называется уложеніемъ, долженствующимъ служить правиломъ во всякое время, и могутъ требовать повиновенія всегда, потому что собраны они въ одну книгу“. По содержанію своему законы эти „основываютъ благоденствіе и величіе имперіи и никогда не измѣняются“. Такимъ законамъ противополагаются повелѣнія или указы —„оныя выдаются на особенныхъ листочкахъ“,—такіе указы „не включаются въ законы, составляющіе государственное постановленіе“. Характеръ такихъ указовъ временный и непостоянный, по содержанію они не должны нарушать неизмѣняемыхъ и неприкосновенныхъ основныхъ законовъ; напротивъ, даже подчиненнымъ властямъ предписывается слѣдить за согласіемъ указа и закона, а въ случаѣ противорѣчія ихъ представлять на усмотрѣніе высшей власти. Такое различіе зародилось еще во французской практикѣ, гдѣ временнымъ королевскимъ ордонансомъ противопоставлялись законы, подлежащіе особой регистраціи судебныхъ парламентовъ. Екатерина II предполагала подобный же порядокъ ввести въ Россіи, гдѣ мѣсто парламентовъ долженъ былъ занять Правительствующій Сенатъ и общія присутствія губернскихъ учрежденій. Въ данномъ случаѣ законность, несомнѣнно, пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленный формальный характеръ, а самодержавіе только выигрываетъ отъ такой законности. Опредѣленіе числа „уложеній“ зависитъ всегда отъ воли государя, и уже Екатерина осторожно замѣчала: „таковыхъ числу быть не можно великому“.

Сравнивая постоянные законы или уложенія съ тѣмъ постояннымъ элементомъ законодательства, который и въ дѣйствительности очень рѣдко подвергался измѣненію, мы видимъ, что съ формой уло-

женія совершенно естественно совпадаетъ гражданское и уголовное право эпохи абсолютизма, такъ какъ именно оно было издано въ формѣ кодекса или уложеній. Слѣдовательно, говоря объ основныхъ неизмѣнныхъ законахъ, и законодатели и юристы разумѣли подъ этимъ терминомъ какъ разъ ту неприкосновенность личности и собственности, включая и крещеную собственность, которая удержалась въ неизмѣнной формѣ вплоть до отмѣны крѣпостного права. Правда, у нѣкоторыхъ теоретиковъ абсолютизма мы видимъ иныя утвержденія они почитаютъ неизмѣнными лишь „публичные законы", основанные на первоначальномъ договорѣ, а этотъ договоръ, въ свою очередь, обязываетъ верховнаго повелителя не по силѣ закона, а по силѣ договора. Въ „приватныхъ" же законахъ верховный повелитель ничѣмъ не ограниченъ; такое толкованіе, однако, менѣе всего пригодно въ цѣляхъ ограниченія власти. Наоборотъ, оно открываетъ самодержцу полный просторъ его власти. Вѣдь ясно безъ дальнѣйшаго, что „публичные законы" абсолютизма исчерпываются однимъ предоставленіемъ государю неограниченной власти. И если „приватные законы" въ видѣ гражданскаго и уголовнаго права перестаютъ признаваться имъ въ качествѣ неизмѣнныхъ, то рушится и всякій правовой порядокъ въ самодержавномъ государствѣ.

Какъ мы увидимъ ниже, абсолютизмъ логически пришелъ къ отрицанію какихъ бы то ни было неизмѣнныхъ законовъ, ограничивающихъ его власть. Этимъ устранялось спасительное для правового строя противорѣчіе въ абсолютномъ государствѣ, но такое расширеніе власти помогло ей выполнить свою историческую задачу, а именно, уничтожить прикрытое частнымъ правомъ крѣпостничество. Вотъ здѣсь-то и пригодилось то ученіе, которое мы привели выше, и такъ какъ частное право входило въ область неограниченнаго законодательства власти, то этимъ самымъ открывалась правовая возможность нанести крѣпостному праву тотъ ударъ, который называется крестьянской эмансипаціей. И задолго до окончательнаго освобожденія именно въ порядкѣ уголовнаго и гражданскаго законодательства издавались самодержцами тѣ урбаріи, инвентарныя записи и иные регламенты, подвергавшіе серьезнымъ ограниченіямъ власть барина надъ крѣпостными людьми.

Надо отмѣтить, однако, еще одну попытку, которая была сдѣлана абсолютизмомъ въ его верховномъ управленіи въ цѣляхъ обезпеченія законности и правового строя. Эта попытка заключается въ томъ, что стали въ самыхъ актахъ верховной власти различать, съ одной стороны, постановленія законодательныя, а съ другой—распоряженія, указы или, другими словами, акты управленія. Въ основу такого различенія были положены весьма разнообразныя начала: однимъ изъ нихъ являлась письменная форма и обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе; другимъ признакомъ почиталось предварительное обсужденіе

закона въ отличіе отъ указа въ различныхъ законосовѣщательныхъ учрежденіяхъ, въ родѣ Государственнаго Совѣта, собранія нотаблей, спеціально приглашенныхъ экспертовъ, юристовъ, даже представителей отдѣльныхъ профессій и общественныхъ группъ. Дѣлались попытки, наконецъ, присвоить значеніе закона лишь опредѣленнымъ формамъ издаваемыхъ государемъ постановленій, такъ, напримѣръ, положеніямъ, сводамъ, статутамъ и т. п., въ отличіе отъ указовъ, эдиктовъ, приказовъ и т. п. Очень часто всѣ указанные нами признаки закона соединялись вмѣстѣ, и такимъ образомъ въ абсолютномъ государствѣ закономъ почитался лишь тотъ актъ, который обнародовался во всеобщее свѣдѣніе, былъ подписанъ монархомъ, носилъ названіе уложенія и былъ изданъ послѣ обсужденія законопроекта въ различныхъ совѣщательныхъ инстанціяхъ.

Конечно, такое формальное различеніе не могло имѣть особенной силы въ странѣ, гдѣ монархъ являлся одинаково органомъ законодательства и управленія. Не было никакой возможности подчинить монарху-законодателю монарха-администратора и такимъ образомъ добиться подчиненія администраціи закону. А вѣдь въ этомъ и былъ весь смыслъ формальныхъ разграниченій! Предполагалось, что указъ будетъ дѣйствовать лишь въ предѣлахъ закономъ установленныхъ рамокъ, и если бы даже оказалась необходимость отмѣны закона, то онъ подлежалъ ей лишь въ порядкѣ такого же закона. Само собой всѣ эти требованія оказались неосуществимы для абсолютной власти, такъ какъ при отсутствіи раздѣленія властей не было никакихъ гарантій, препятствовавшихъ смѣшенію государственныхъ актовъ, и приведенную нами попытку хоть и надо считать цѣнной въ идеологическомъ смыслѣ, но весьма слабой по ея практическимъ результатамъ. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ одинъ современный писатель — Генель, здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ различными канцелярскими формами въ изданіи актовъ верховной власти. И какъ отмѣтили это русскіе государствовѣды эпохи абсолютизма, и указъ и законъ обладали совершенно одинаковой силой по отношенію къ подданнымъ: и тотъ и другой были равно обязательны и подлежали безусловному исполненію.

Сводя воедино основы законности въ государствѣ абсолютномъ, нельзя не видѣть, что здѣсь она имѣетъ преимущественно фактическій характеръ. И даже тамъ, гдѣ власть признавала права своихъ подданныхъ, какъ это было въ области частнаго и уголовнаго права, эти права не были признаны принципіально. Несмотря на всю наличность правовыхъ ограниченій, рожденныхъ порою задолго до возникновенія абсолютизма, суверенъ все же считалъ себя единственнымъ источникомъ права, и лишь его воля придавала значеніе и смыслъ бывшимъ до него правовымъ институтамъ. Отсюда юридическая возможность самого неограниченнаго вмѣшательства въ жизнь, и ору-

діемъ его становится законъ, который покрываетъ собой всякое волеизъявленіе монарха, направленное на лица, вещи и отношенія. Но въ одномъ отношеніи абсолютизмъ становится предшественникомъ новаго государства: его правовое творчество носитъ характеръ суверённаго велѣнія, изданнаго въ раціональной, письменной формѣ,—велѣнія, проникнутаго стремленіемъ цѣлесообразнаго правового творчества. Законъ въ рукахъ абсолютной власти теряетъ свой неподвижный и вмѣстѣ сверхъ-естественный характеръ. Онъ становится лишь орудіемъ мірской политики, средствомъ постояннаго приспособленія юридическихъ формъ къ богатому содержанію жизни. Въ такомъ законѣ поражаетъ его централистическій характеръ, его всеобщность, а вмѣстѣ и обязательная сила непререкаемаго велѣнія; въ такой формѣ переходитъ онъ и къ дальнѣйшей конституціонной эпохѣ.

ГЛАВА III.

Политика абсолютизма.

Кромѣ указанныхъ въ главѣ I и II: Treitschke. Politik. Roscher. Politik. Schollenberger. Politik. Stier-Somlo. Politik. Вильсонъ. Государство. Онкенъ. Исторія политической экономіи. Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта. Рейснеръ. Духовная полиція.

Послѣ того, какъ мы изслѣдовали характеръ абсолютной власти и ея правовую систему, мы можемъ перейти къ послѣдовательному изображенію общаго цикла развитія абсолютнаго государства. Особенно поучительнымъ въ этомъ отношеніи для насъ является новый абсолютизмъ, непосредственный предшественникъ представительнаго строя, и на немъ мы сосредоточимъ главный центръ нашего вниманія. Его развитіе попутно мы будемъ иллюстрировать примѣрами изъ жизни предшествующихъ эпохъ и народовъ.

Первой наиболѣе революціонной порой абсолютнаго государства является, безспорно, періодъ его борьбы во имя интересовъ новаго общества съ основами сословно-феодальнаго строя. Въ эту эпоху самодержавіе выступаетъ какъ собиратель земли, защитникъ всеобщаго мира и единства. Процессъ собиранія происходитъ въ условіяхъ той или иной эпохи при помощи средствъ, которыя не только теперь, но и тогда вызывали справедливое нареканіе. Прежде всего, конечно, шли въ ходъ легальные способы и средства: добрый хозяинъ, какой-нибудь Иванъ, или Людовикъ, стремился округлить земли покупкой и залогомъ, присоединеніемъ вымороченныхъ феодовъ, долгосрочной арендой или женитьбой своего наслѣдника на богатыхъ принцессахъ съ крупнымъ поземельнымъ владѣніемъ. Извѣстны въ

этомъ отношенiи счастливые браки австрiйскаго дома. За легальными средствами слѣдовали не вполнѣ легальныя, въ родѣ захвата на воспитанiе и отдачи въ монастырь богатыхъ сиротъ, конфискацiи обширныхъ земель такъ называемыхъ государственныхъ преступниковъ изъ среды состоятельныхъ людей, отдачи денегъ въ ростъ подъ чудовищные проценты и т. п. Но само собою разумѣется, гдѣ не хватало дозволенныхъ средствъ, тамъ шли въ ходъ средства недозволенныя, служилъ свою добрую службу ядъ и кинжалъ, зачинались жестокiя войны съ маломочными сосѣдями, практиковался открытый грабежъ слабыхъ и беззащитныхъ, — здѣсь, однимъ словомъ, весь арсеналъ, блестящую наличность котораго обнаружили въ полной мѣрѣ итальянскiе дуки и московскiе князья, весьма католическiе и христiаннѣйшiе повелители Францiи и Кастилiи, Австрiи и Бранденбурга.

Въ результатѣ этихъ мѣропрiятiй—громадный территорiальный комплексъ самыхъ различныхъ земель, обладаемыхъ по самымъ разнообразнымъ титуламъ. Эта груда ничѣмъ другъ съ другомъ несвязанныхъ владѣнiй обладаетъ, кромѣ общаго господина, одной драгоцѣннѣйшей особенностью — въ этихъ предѣлахъ водворяется такъ называемый королевскiй миръ, исчезаетъ, какъ по мановенiю ока, неурядица непрестанныхъ междоусобiй и грабежей, и падаютъ высокiя стѣны феодальныхъ замковъ, такъ тяжко угнетавшихъ окрестное населенiе. Прекращается дѣятельность благородныхъ рыцарей на большихъ дорогахъ, и нѣкоторое подобiе безопасности водворяется въ объединенной странѣ. Слѣдующимъ шагомъ здѣсь является финансовое обезпеченiе вновь созданнаго королевства. Эта потребность лишь очень медленно и постепенно находитъ свое надлежащее удовлетворенiе. И такъ какъ абсолютизмъ для удержанiя своей власти нуждается въ постоянной армiи, то короли очень скоро расходуютъ на нее весь частный доходъ со своихъ родовыхъ и вообще государевыхъ имуществъ. И если еще удается обложенiе городовъ, то съ великой трудностью достигается обложенiе налогами частно-владѣльческихъ населенныхъ имѣнiй. Прусская монархiя должна была вести настоящую борьбу съ феодалами и едва не погибла въ ней, чтобы только сломить финансовую неприкосновенность своихъ бароновъ. Естественно, что финансовая администрацiя становится первымъ орудiемъ королевскаго централизма, первымъ средствомъ къ созданiю независимой хозяйственной основы для абсолютнаго владыки. Есть деньги,—это значитъ есть и постоянное войско, а если есть послѣднее, то цѣла и королевская власть.

И если расширенiе королевскихъ границъ равнозначно утвержденiю всеобщаго мира на территорiи государства, то точно такъ же въ интересахъ новой власти оказывается цѣлый рядъ мѣръ къ поднятiю благосостоянiя подданныхъ. Когда абсолютизмъ прекращалъ

феодальныя войны, онъ стремился лишь къ расширенію своего могущества, а въ результатѣ мы находимъ громадный ростъ замиренной среды. Въ финансовой области самодержецъ меньше всего заботился объ общемъ благѣ; первой цѣлью было здѣсь наполненіе княжескихъ сундуковъ. Однако и здѣсь сошлись интересы абсолютизма и новаго общественнаго строя. Причиной этого было превращеніе самого монарха въ одного изъ капиталистовъ и предпринимателей страны, который при помощи займовъ и принудительной конфискаціи чужихъ средствъ не только получилъ въ свое распоряженіе крупныя деньги, но и рѣшилъ самъ употребить ихъ на разныя дѣла и обороты. Извѣстны въ этомъ отношеніи прежде всего, конечно, колоніальныя экспедиціи и грандіозное ограбленіе вновь открытыхъ материковъ, при чемъ подъ королевскимъ флагомъ скрывались не только грузы золота и южныхъ плодовъ, но и живого, человѣческаго товара. Само собой разумѣется, что подъ крыломъ королей скоро образовались монопольныя и привилегированныя компаніи, которыя такъ же, какъ король, не могли подвергать себя старымъ стѣсненіямъ городскихъ и портовыхъ запретовъ и ограниченій. Такъ родились не только привилегированное королевское банковское дѣло, но и колоніальныя предпріятія съ морскимъ судоходствомъ, судостроеніемъ и обширной морскою торговлей. Конечно, при помощи займовъ безъ отдачи были обогащены—цѣною банкротства ряда банкирскихъ домовъ,—многіе самодержцы новой Европы. Но съ этимъ богатствомъ нельзя сравнить той массы золота, которая притекла въ Европу благодаря открытію Новаго Свѣта и создала новую торговлю и промышленность подъ знаменемъ короля.

Устраняя насильственной рукой монопольныя права средневѣковыхъ гильдій на теченія рѣкъ и пользованіе морскими портами, абсолютизмъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширяетъ внутренній рынокъ, снимаетъ съ него цѣлый рядъ ограниченій. Постепенно утверждается мысль, что богатство государя зависитъ отъ богатства страны, а въ частности отъ накопленія въ ней благороднаго металла. Отсюда разрѣшеніе вывоза за границу цѣлаго ряда запрещенныхъ товаровъ и уничтоженіе внутри страны провинціальныхъ и городскихъ таможенныхъ границъ. Создается безпошлинное сообщеніе внутри страны и образуется общая таможенная область. Поощряя торговлю въ интересахъ ея интенсивнаго обложенія, абсолютное государство приступаетъ и къ творческой работѣ внутри страны: оно проводитъ дороги и роетъ каналы, устанавливаетъ порто-франко въ отдѣльныхъ гаваняхъ и, наконецъ, берется само за наиболѣе выгодныя области промышленности. Такъ абсолютизмъ становится во главѣ новаго движенія среди людей третьяго сословія и потрясаетъ до основанія зданіе старыхъ гильдій и цеховъ, чтобъ дать просторъ своимъ питомцамъ, добычникамъ и прибыльщикамъ, которые нашли новые пути

къ быстрому и легкому обогащенію. Такъ абсолютизмъ сталъ вождемъ и слугою различныхъ предпринимателей и помогъ имъ обосноваться подъ королевскимъ гербомъ, внѣ стѣнъ старой городской промышленности. При поддержкѣ королей развились горное дѣло и кустарные промыслы, и процвѣли разные скупщики, подъ охраной ихъ величествъ выросли многочисленные кулаки, ростовщики и предприниматели и насадили „мануфактуру“; эта послѣдняя организовала бродягъ и пролетаріевъ, инвалидовъ и арестантовъ, дѣтей-сиротъ и свободныхъ рабочихъ въ промышленную армію капитала, который на человѣческихъ гекатомбахъ создавалъ прибыль хозяину и доходъ государству. И весь аппаратъ принудительной власти государства былъ направленъ къ тому, чтобъ обезпечить человѣческій матеріалъ новому производству, доставить ему безпрепятственный ходъ. Начиная съ щедрыхъ казенныхъ субсидій и кончая преслѣдованіями стачечниковъ и бродягъ, все было направлено къ тому, чтобъ освободить новую промышленность отъ какихъ-либо препятствій и неудобствъ. И, само собой, гильдіи и цехи подверглись такому насильственному „преобразованію“, которое ни въ чемъ не уступало ихъ полному разгрому.

„Либертарная“ роль новаго абсолютизма не ограничилась однимъ освобожденіемъ капитала отъ старыхъ городскихъ путъ. Самодержавіе не могло развернуться до тѣхъ поръ, пока оно само было связано конституціей крѣпостного строя. Какъ мы видѣли выше, именно крѣпостничество лишало монарховъ громаднаго большинства ихъ подданныхъ и этимъ наносило абсолютизму великій убытокъ и вредъ. Между крестьяниномъ и королемъ стоялъ крѣпостникъ-помѣщикъ и отбиралъ въ свою пользу большую часть того, что могло бы отлично итти на пополненіе королевскихъ доходовъ. Отсюда постоянное стремленіе ослабить крѣпостное право или даже освободить крестьянъ, чтобы этимъ путемъ пріобрѣсти для государства милліоны плательщиковъ и работниковъ, пригодныхъ не только на полѣ, но на фабрикѣ и въ солдатской казармѣ. И сообразно съ тѣмъ, насколько повышалась интенсивность національнаго хозяйства по направленію съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ, можемъ мы прослѣдить вторую „либертарную“ волну, которая движется и идетъ съ благословенія абсолютизма. Само собой, здѣсь не было произведено никакого чуда. Особенно легко произошла эмансипація крестьянъ тамъ, гдѣ уже давно были захвачены крестьянскія земли, огорожены общинныя поля, а мѣсто экстенсивнаго крестьянскаго хозяйства заняла краткосрочная аренда съ ея интенсивной обработкой и высокой рентой для собственника. Не менѣе легко прошло освобожденіе въ такихъ странахъ, гдѣ помѣщикъ давно уже покинулъ свое имѣніе, отпустилъ своихъ крѣпостныхъ на высокій оброкъ и удовлетворился вполнѣ результатомъ такого хозяйства, весьма по-

пятнаго въ плодородныхъ мѣстностяхъ юго-западной Европы. И всѣ усилія абсолютизма оказались напрасны въ странахъ сѣверо-востока, гдѣ единственно окупался барщинный трудъ, а помѣщикъ велъ собственное свое хозяйство при помощи полнаго порабощенія когда-то свободныхъ крестьянъ. Лишь кое-гдѣ удалось самодержцамъ охранить старинное, сильное крестьянство отъ новыхъ притязаній со стороны вотчинныхъ господъ и обезпечить ему извѣстную устойчивость и неприкосновенность. Во всякомъ случаѣ эманципація крестьянъ впервые была произведена на собственныхъ королевскихъ земляхъ и въ абсолютизмѣ нашла свою опору. Правда, это освобожденіе не вездѣ было достойно своего названія: крестьянъ освобождали безъ земли съ сохраненіемъ массы полицейскихъ, судебныхъ и иныхъ вотчинныхъ правъ надъ ними. Свободный крестьянинъ оказывался связаннымъ такою массою путъ, что не всегда радовался своей свободѣ. Такая свобода была, однако, достаточна для того, чтобы открыть крестьянина и его трудъ непосредственной эксплуатаціи со стороны государства, а главное его всепожирающей казны.

И вровень освободительной роли абсолютизма, идетъ его уравнительная и нивелирующая работа. Опираясь на рознь дворянства и городовъ, противопоставляя однихъ другимъ и добиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленія обоихъ, самодержавіе доставило третьему сословію значительныя выгоды и такое государственное значеніе, какого оно своими силами добиться было еще не въ силахъ. Среди людей худородныхъ, обязанныхъ государю всѣмъ своимъ благополучіемъ, естественно искали короли опоры противъ притязаній и привилегіи владѣтельнаго и крупнаго вотчиннаго дворянства. У худородныхъ не было ни традицій, ни независимаго положенія, ни той чести, которая часто запрещала благородному унизиться до роли слѣпого орудія въ чужихъ рукахъ. Вотъ почему изъ простыхъ незнатныхъ людей, иногда изъ вольноотпущенниковъ и несвободныхъ, выходитъ та новая знать, гордая своимъ холопствомъ, которая, однако, приноситъ монарху вмѣстѣ съ гибкой совѣстью и готовностью на все ту изворотливость, смѣтку, а порой и образованіе, обладаніе коимъ отнюдь не входило въ обязанности воина и землевладѣльца. Въ странахъ, какъ Россія, которыя почти вовсе были лишены городского гражданства, такую роль играютъ мелкіе и средніе землевладѣльцы, боярскія дѣти, иногда даже посадскіе люди. И милость государя возводитъ ихъ путемъ жалованія за службу на высоты іерархіи и сажаетъ порой выше потомковъ владѣтельныхъ князей. На Западѣ, гдѣ, кромѣ мелкаго дворянства, въ городскомъ третьемъ сословіи былъ изобильный запасъ богатыхъ, просвѣщенныхъ и честолюбивыхъ людей, дѣло абсолютизма обстояло еще лучше. Именно оттуда сначала черезъ посредство духовенства, а затѣмъ и непосредственно черпали щедрой рукой абсолютные монархи своихъ канцлеровъ и министровъ, интендантовъ и

полицмейстеровъ, легистовъ и юристовъ, которые оказали самодержавію такія чрезвычайныя услуги. Какъ разъ на эту вновь испеченную знать было перенесено фактическое вліяніе и власть, которое незамѣтно исчезало изъ рукъ различныхъ наслѣдственныхъ сенешаловъ, маршаловъ и владѣльцевъ тому подобныхъ должностей, превратившихся въ чистыя синекуры. Не надо, однако, думать, что совершилось полное уравненіе правъ знати и худородныхъ людей при дворѣ абсолютизма. Отнюдь нѣтъ. Такъ далеко не шелъ эгалитаризмъ самодержцевъ. Вовсе не въ ихъ цѣляхъ было давать третьему сословію преимущества, которыя бы доставили ему полный перевѣсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали бы его угрозой и самому монарху. Дворянство тоги далеко не было уравнено въ правахъ съ настоящимъ подлиннымъ дворянствомъ меча и крови, и въ послѣднемъ абсолютные государи видѣли одну изъ самыхъ надежныхъ опоръ своей власти. И когда продажа должностей дала горожанамъ широкую возможность массами войти въ разрядъ привилегированныхъ, они были поставлены очень низко въ общей іерархіи и становились благодарнымъ объектомъ не только казенной эксплуатаціи, но и высокомѣрія „настоящихъ“ дворянъ. Придворныя и военныя должности по принципу были для нихъ закрыты.

Подобнымъ же „эгалитаризмомъ“ была проникнута политика абсолютизма и относительно различныхъ національныхъ особенностей. Менѣе всего, казалось бы, признавали самодержавные государи привилегіи отдѣльныхъ народностей. Старинные провинціальные сеймы и ландтаги были уничтожены, а своихъ вѣрныхъ слугъ монархи брали изъ самыхъ разныхъ народностей. Еще древній Римъ показалъ въ этомъ отношеніи блестящій примѣръ, и тамъ старинный римскій гражданинъ, галлъ, иберіецъ, африканецъ и славянинъ всѣ были одинаково уравнены въ понятіи подданства, съ одной стороны, службы и государевой милости—съ другой. Нисколько не стѣснялись поэтому и новѣйшіе самодержцы пользоваться людьми всѣхъ расъ и народностей, разъ это было выгодно дѣлу укрѣпленія власти. Испанскіе государи выдвигали на первый планъ своихъ кастильцевъ только потому, что среди нихъ были наиболѣе преданныя сердца и усердныя руки. Французскіе короли пользовались итальянцами и шотландцами, когда это было нужно. Австрійскій абсолютизмъ не признавалъ ни чеховъ, ни поляковъ, ни венгровъ, ни другихъ народностей, какъ чего-то стоящаго вниманія. Фридрихъ Великій призывалъ къ себѣ на службу французовъ. Русскіе монархи новаго времени не только находились въ постоянныхъ родственныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, но при помощи нѣмцевъ и спеціально балтовъ, создавали свою особенно надежную опору въ арміи и бюрократіи. Въ этомъ отношеніи абсолютизмъ былъ всегда весьма послѣдователенъ, и если иногда въ тѣхъ или иныхъ видахъ онъ принималъ своею за-

дачей охрану той или иной „національности", онъ никогда не стѣснялъ себя въ пользованіи доброй службой, совѣтами и преданностью всевозможныхъ инородцевъ и чужаковъ. Очень часто даже защита опредѣленной народности ввѣрялась людямъ, къ этой народности непринадлежащимъ. Такая народность существовала лишь постольку, поскольку ее желалъ и создавалъ самъ монархъ. Ибо по существу только онъ одинъ—источникъ всей государственной жизни.

Единственное уравненіе подданныхъ, къ которому не только всѣми силами стремился, котораго, въ концѣ-концовъ, и достигъ абсолютизмъ, было равенство всѣхъ передъ государствомъ, воплощеннымъ въ монархѣ,—равенство, какъ его многіе называютъ, не правъ, а безправія. Это равенство дѣлало всѣхъ подданныхъ самодержавнаго государя равными передъ его гнѣвомъ и милостью, передъ усмотрѣніемъ его чиновниковъ, произволомъ его полиціи и насиліемъ его податныхъ комиссаровъ, камеральныхъ совѣтниковъ и подобныхъ властей. Въ особенности такое равенство водворилось въ области государственныхъ обязанностей вѣрноподданнаго. За бунтъ, мятежъ, своевольство, измѣну или оскорбленіе монарха и его родственниковъ отвѣчали одинаково всѣ: здѣсь не могли спасти виновнаго никакія силы, ни родъ, ни положеніе, ни заслуги. Съ этой стороны всѣ въ равной степени стали подданными, слугами и по старинному выраженію — рабами и холопами неограниченной власти. Здѣсь равенство водворилось довольно полное. Но само собой, оно отнюдь не выражалось въ такъ называемомъ равенствѣ передъ закономъ, которое состоитъ въ томъ, что законъ налагаетъ принципіально равныя тягости, за равныя преступленія назначаетъ равныя наказанія и судитъ всѣхъ равнымъ судомъ. Равенство передъ застѣнкомъ отнюдь не было равенствомъ передъ закономъ. Напротивъ того. Развитіе абсолютизма совершилось какъ разъ при расцвѣтѣ сословныхъ привилегій, благодаря которымъ всю тяжесть налоговъ несли на себѣ „низкіе" или „подлые" люди, въ отличіе отъ освобожденныхъ отъ налоговъ дворянъ, а привилегированныхъ судили особые суды и налагали на нихъ спеціально для „благородныхъ" установленныя болѣе легкія наказанія. Такъ далеко нивелировка населенія не шла.

Само родовитое дворянство, однако, должно было подчиниться значительному преобразованію. Его привилегіи были приведены въ связь съ службою и преданностью монарху. Оказалось, что не собственное право и наслѣдственныя преимущества являются основаніемъ ихъ выдающагося положенія, а, наоборотъ, эти привилегіи лишь награда за ихъ вѣрную службу, а положеніе—результатъ милости государя. И хотя какъ разъ предки титулованнаго дворянства были ожесточенными врагами абсолютной власти, и лишь съ великимъ трудомъ послѣдняя смирила ихъ феодальную гордыню, однако, было оффиціально признано совершенно иное. И поколѣнія бунтовщиковъ

были признаны выдающейся опорой престола и отечества, и только потому они были вознесены на вершину общественнаго строя, что уже их предки отличили себя великими заслугами во славу неограниченной самодержавной власти. Въ результатѣ и на самомъ дѣлѣ произошелъ великій переломъ. Дѣти бывшихъ владѣтельныхъ господъ заняли почетныя мѣста при спальнѣ, столовой и конюшнѣ государя, потомки разбойныхъ рыцарей заполнили собой мѣста королевскихъ поручиковъ и капитановъ, а масса помѣстнаго дворянства не только осѣла въ своихъ имѣньяхъ, но стала на мѣстахъ гдѣ шерифами и мировыми судьями, а гдѣ и просто сотней тысячъ прирожденныхъ полицмейстеровъ своего вѣнчаннаго господина.

Не менѣе замѣчательна и организаціонная работа абсолютизма, И едва ли не въ этой области его главныя заслуги. Правда, эта работа шла на ряду съ безпощаднымъ разрушеніемъ всякихъ мѣстныхъ автономій и самоуправленій, всякая самодѣятельность общества уничтожалась, какъ опасное своевольство и гнѣздо непокорности, но все же объединеніе территоріи, техническая организація учрежденій и подготовка профессіональной бюрократіи до извѣстной степени уравновѣшиваютъ ненависть абсолютизма къ свободнымъ установленіямъ. Уничтоженіе старыхъ установленій было тѣмъ легче, что сословный эгоизмъ, безсиліе выборныхъ сословныхъ властей и правовая безурядица вотчинныхъ и городскихъ (гильдейскихъ и цеховыхъ) отношеній воистину породила анархію и всеобщій хаосъ. Но уже здѣсь нельзя не отмѣтить, что организаціонная работа абсолютизма отнюдь не явилась его исключительнымъ созданіемъ. Еще въ сословно-земскомъ государствѣ представители сословій не разъ совмѣстно съ государями полагали начало послѣдующимъ преобразованіямъ и гарантировали ихъ осуществленіе. Особенно это наблюдаемъ мы въ нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ княжествахъ. Здѣсь иниціатива административной реформы исходила безусловно отъ сословій: они требовали отъ государя нераздѣльности территоріи, ея неотчуждаемости и передачи въ порядкѣ престолонаслѣдія старшему сыну; благодаря имъ были организованы княземъ правильные суды въ іерархическомъ порядкѣ; по ихъ настоятельнымъ представленіямъ упорядочено государственное хозяйство, введена отвѣтственность высшихъ должностныхъ лицъ (напр., канцлера), а князь принужденъ отдавать хотя бы часть своего времени государственнымъ дѣламъ. Однако такой ходъ развитія представляется далеко не всеобщимъ. И выполненіе вышеуказанныхъ задачъ въ значительной степени было связано именно съ интересами и выгодой абсолютизма.

Но и здѣсь намъ нужно обойтись безъ обычныхъ въ данномъ случаѣ преувеличеній. И насколько абсолютизмъ былъ заинтересованъ въ сосредоточеніи всей власти въ центрѣ государства, настолько же онъ относился совершенно равнодушно къ такой обо-

собленности отдѣльныхъ провинцій, которая не мѣшала его неограниченному владычеству. Французскій старый режимъ поэтому охотно терпѣлъ старое подраздѣленіе провинцій и нѣкоторыя особенности въ ихъ управленіи, которыя были уничтожены лишь революціонной диктатурой. Въ Пруссіи еще земское право знаетъ не прусское государство, но лишь государства прусской короны. То же надо замѣтить и относительно Австріи, гдѣ старыя границы отдѣльныхъ, соединенныхъ подъ единой властью земель, впослѣдствіи облегчили федеральное движеніе національностей. Территоріальное объединеніе обыкновенно шло сначала путемъ непосредственнаго переноса мѣстныхъ учрежденій въ центръ, съ подчиненіемъ ихъ прямому распоряженію центральной власти. Органами центра на мѣстахъ дѣлались различные губернаторы, воеводы, намѣстники и интенданты, съ большей или меньшей степенью самостоятельныхъ полномочій, при чемъ основной цѣлью была строжайшая централизація. И если даже мѣстному губернатору вручалась нѣкоторая доля самостоятельной власти, то она во всякомъ случаѣ подробнѣйшимъ образомъ регламентировалась, назначеніе по общему правилу было краткосрочнымъ, а по окончаніи опредѣленнаго срока мѣстный представитель власти возвращался опять въ центръ, и здѣсь его подвергали самой тщательной отчетности. Тамъ же, гдѣ условія мѣста и времени позволяли, централизація проводилась такимъ образомъ, что во всѣхъ по крайней мѣрѣ возможныхъ случаяхъ, мѣстная власть становилась лишь общимъ передаточнымъ мѣстомъ для всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ, которыя и рѣшались окончательно лишь въ центрѣ. Такая централизація, само собой, дѣлала совершенно излишнимъ такое административное дѣленіе, которое превратило бы всю территорію въ однообразные и однообразно на мѣстахъ управляемые округа—все равно дѣла рѣшались въ центрѣ, и отъ абсолютной власти и безъ того зависѣло дать имъ однообразное теченіе.

На ряду съ централизаціей абсолютизмъ, правда, весьма медленно и путемъ очень вялаго приспособленія производитъ и техническую организацію своей административной машины. Сначала дѣла распредѣляются исключительно по территоріальному принципу. Постепенно къ нему присоединяется раздѣленіе по виду и роду дѣлъ. Отдѣляются и специализируются учрежденія придворнаго, военнаго и финансоваго управленія и сосредоточиваются въ учрежденіяхъ, общихъ для всей страны. Изъ придворныхъ дѣлъ выдѣляются дипломатическія, изъ остальныхъ территоріальныхъ—обще-административныя, полицейскія и судебныя. Создаются централизованныя вѣдомства. Между ними разграничивается компетенція. Каждое старается получить своихъ самостоятельныхъ агентовъ на мѣстахъ. Разъ начавшись, процессъ специализаціи на этомъ не останавливается. Каждое центральное вѣдомство, въ свою очередь, распадается на особые

отдѣлы. Такъ постепенно являются на сцену вѣдомства просвѣщенія, земледѣлія, торговли и т. п. Такого рода раздѣленіе административной машины, само собой, должно быть признано крупнымъ шагомъ впередъ, и во всѣхъ государствахъ Европы, пережившихъ періодъ самодержавія, именно абсолютизму принадлежитъ заслуга вѣдомственной специализаціи. Еще при наличности абсолютизма положено разграниченіе и тѣхъ крупныхъ функцій государственной дѣятельности какъ судъ и управленіе вообще. Это подраздѣленіе въ высшей степени важно. И хотя дѣятельность абсолютизма есть по существу только управленіе или администрація, но въ судебной области производится нѣкоторое обособленіе и специализація, которая совершается не только по роду дѣлъ или матеріально, но и по способу ихъ рѣшенія, а слѣдовательно, и формально.

Различеніе дѣлъ по формѣ ихъ производства было связано съ различнымъ типомъ самихъ учрежденій и родомъ ихъ дѣятельности. При абсолютизмѣ развились всѣ три типа организаціи, которые уцѣлѣли и при послѣдующихъ формахъ государства и до сегодняшняго дня. Первой изъ нихъ является единоличная, которая вначалѣ развитія получаетъ чрезвычайный характеръ особаго порученія. Эта форма въ исключительныхъ случаяхъ даетъ типъ временной, мѣстной или специальной диктатуры. Впослѣдствіи, однако, изъ такихъ порученій, имѣвшихъ до извѣстной степени личный характеръ, выработались постоянныя должности съ опредѣленной компетенціей, степенью власти, отчетностью и отвѣтственностью. Возрастаніе самостоятельности сочеталось довольно тѣсно съ такимъ же ростомъ отвѣтственности. Само собой должностная отвѣтственность здѣсь принимаетъ формы отвѣтственности передъ монархомъ, который можетъ отдать подъ судъ или самъ наказать за должностные проступки. Основной и господствующей формой является дисциплинарная, которая естественно вытекаетъ изъ самаго характера службы и личной вѣрности государю. Сколько-нибудь твердаго различенія должности и службы абсолютизмъ не знаетъ. Первая поглощается второй. И поскольку иногда обезпечиваются матеріальныя права чиновника, постольку же его служебное положеніе есть дѣло усмотрѣнія и милости самого государя. И если даже по этому предмету имѣются изданныя монархомъ инструкціи, то, само собой, они могутъ быть имъ всегда измѣняемы по мѣрѣ нужды и случая. Поставленныя другъ отъ друга въ іерархическую зависимость единоличныя должности и образовали могучій и гибкій аппаратъ, который служилъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ центральной власти.

На ряду съ единоличной должностью удержались при абсолютизмѣ и многія коллегіальныя учрежденія, извѣстныя еще болѣе ранней эпохѣ. Сущность коллегіи заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что рѣшеніе здѣсь постановляется не однимъ лицомъ, а по согласію

или всѣхъ членовъ образующихъ коллегію или же большинства ихъ. По сравненію съ быстротой и энергіей дѣйствій единоличной должности дѣлопроизводство коллегіи отличается большой медленностью, такъ какъ здѣсь неизбѣжно различается какъ подготовка дѣла, такъ его коллективное обсужденіе, голосованіе, постановленіе рѣшенія и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возможны разногласія и недоразумѣнія, споры и уклоненія въ сторону. Но зато здѣсь основательнѣе и разностороннѣе пониманіе дѣла, спокойнѣе и объективнѣе рѣшеніе. Формальность дѣлопроизводства связывается съ болѣе точнымъ соблюденіемъ законныхъ обрядовъ и формъ, и въ тѣ эпохи абсолютизма, когда послѣдній особенно стремился къ закономѣрности въ дѣйствіяхъ своихъ агентовъ, онъ съ особеннымъ пристрастіемъ насаждалъ именно различныя коллегіи, которымъ въ виду ихъ основательности и объективности считалось возможнымъ довѣрить болѣе широкій кругъ дѣлъ для самостоятельнаго рѣшенія. Естественно, что тамъ, гдѣ центральная власть была наименѣе заинтересована въ томъ или иномъ направленіи и рѣшеніи дѣлъ, какъ это было, напр., въ области судебной, она особенно охотно насаждала коллегіи и вручала имъ болѣе или менѣе самостоятельную компетенцію. Но разумѣется само собой, что при крайней ревности къ своей власти и при принципіальномъ отрицаніи независимыхъ отъ центра коллегій и корпорацій и такія коллегіи должны были стать въ извѣстное подчиненіе самодержавной, неограниченной власти. Отсюда не только право назначенія и увольненія членовъ коллегій, такъ же какъ пересмотра и ревизіи коллегіальныхъ рѣшеній, но и особое учрежденіе въ видѣ прокуроровъ, фискаловъ и подобныхъ чиновъ, которые были облечены правомъ постояннаго надзора за дѣлопроизводствомъ коллегій, правомъ вето или протеста относительно незаконныхъ и неправильныхъ рѣшеній и вмѣстѣ съ тѣмъ были поставлены въ непосредственную зависимость отъ центральной власти самого монарха или его ближайшаго совѣтника. Прокуратура является необходимымъ спутникомъ коллегій въ абсолютномъ государствѣ; очень часто дополняется она еще правомъ утвержденія и ревизіи коллегіальныхъ рѣшеній, которое предоставляется единоличному представителю высшей мѣстной власти. Только такія чрезвычайныя гарантіи дѣлаютъ безвредными и безопасными для самодержавія самостоятельность и сравнительную независимость коллегій.

Какъ и слѣдовало ожидать, коллегіальный строй, лишенный своей главной силы и поставленный подъ опеку прокуроровъ и губернаторовъ, обнаружилъ только наиболѣе слабыя свои стороны, которыя могли получить тѣмъ большее развитіе, чѣмъ болѣе коллегіальное рѣшеніе покрывало собой личную отвѣтственность каждаго изъ членовъ. Неудобство коллегій, то слишкомъ независимыхъ, то слишкомъ медленныхъ и безотвѣтственныхъ даже въ слу-

чаѣ злоупотребленій, скоро обнаружили ихъ неудобства, особенно въ административной области. И вотъ мы видимъ, какъ абсолютное государство находитъ еще одну новую форму административной организаціи, которая, какъ кажется, соединяетъ всѣ достоинства единоличной и коллегіальной формъ, будучи въ то же время совершенно свободной отъ ихъ недостатковъ. Такой формой оказывается наиболѣе новая по времени своего происхожденія, а именно бюрократическая. По знаменитой формулѣ Наполеона, которая потомъ была чудесно переработана романтиками славянофильства, дѣйствовать есть дѣло одного, а разсуждать дѣло многихъ. Въ виду этого единоличная должность снабжается единственно силой рѣшенія, но для того, чтобы это рѣшеніе было, въ свою очередь, снабжено всѣмъ тѣмъ знаніемъ и основательностью, которыя можетъ дать лишь коллегія, единоличной должности придается особый совѣщательный органъ, комитетъ, совѣтъ или комиссія, и только тогда въ правѣ администраторъ постановить рѣшеніе, когда предварительно онъ выслушаетъ по данному дѣлу коллегіальное мнѣніе или заключеніе своего совѣта. Такой совѣтъ представлялся, съ одной стороны, совершенно безопаснымъ, такъ какъ онъ не обладалъ никакой дѣйствительной властью, а съ другой стороны, этимъ путемъ на помощь администратору могли быть привлечены особенно полезные свѣдущіе люди. Для такого совѣта предполагалось возможнымъ допустить въ качествѣ членовъ даже выборныхъ отъ общества или отъ отдѣльныхъ его частей, областей промышленности, техники, торговли и т. п.

Дальнѣйшее развитіе административной машины абсолютизма принесло съ собой цѣлый рядъ усовершенствованій. Центральныя учрежденія были строго отдѣлены отъ мѣстныхъ. Специальнымъ органамъ были противопоставлены общіе. Даже персона монарха была снабжена законосовѣщательными канцеляріями, совѣтами, комитетами, такъ что наиболѣе общіе и обнародованные указы монарха проходили стадію предварительнаго обсужденія прежде, чѣмъ воля государя опредѣляла содержаніе закона и придавала ему дѣйствительность. Рядомъ съ органами активной администраціи явились высшіе органы надзора съ функціей храненія неприкосновенности законовъ. Выдѣлились и болѣе или менѣе замкнулись въ самостоятельный корпусъ коллегіально созданные общіе уголовные и гражданскіе суды, такъ что общая картина абсолютнаго государства приняла видъ нѣкоторой организованности и послѣдовательности, а иногда даже законченности и совершенства. Такъ французская административная система, выработанная старымъ режимомъ, развитая и законченная Наполеономъ, была, какъ недосягаемый образецъ, воспринята съ рабской подражательностью европейскими большими и малыми монархами. И если многочисленныя должности въ администраціи Людовика XIV копировались другими монархіями съ превеликимъ усер-

діемъ даже во вредъ дѣлу, то, когда во Франціи завершилась система министерствъ, она немедленно, какъ послѣднее слово мудрости, была воспринята сосѣдями въ Пруссіи, Австріи, Россіи и т. п. Этимъ была завершена организаціонная работа абсолютной власти, которая по самому существу не могла итти дальше въ творческой работѣ: дальше уже шли представительныя формы законодательства и мѣстнаго самоуправленія, которыя были по самому своему образованію отрицаніемъ неограниченной самодержавной власти.

Обращаясь къ вопросу о совмѣстимости абсолютизма и мѣстнаго самоуправленія, мы должны вполнѣ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, кто почитаетъ эти институты безусловно отрицающими другъ друга. Правда, и въ представительномъ государствѣ мѣстное самоуправленіе также не имѣетъ никакого участія въ дѣлѣ отправленія верховной власти. И здѣсь оно, такимъ образомъ, цѣликомъ подчинено верховной государственной власти и по ея повелѣнію не только можетъ быть самымъ различнымъ образомъ ограничено въ своихъ правахъ, но и вовсе уничтожено. Но въ представительномъ государствѣ воля верховной власти выражается только въ формѣ закона, а въ созданіи закона принимаетъ участіе также и населеніе благодаря камерамъ или парламентамъ. Съ другой же стороны, въ направленіи дѣятельности государственнаго и общественнаго мѣстнаго управленія въ представительномъ государствѣ не можетъ произойти такого полнаго расхожденія и остраго конфликта, какъ въ абсолютномъ, такъ какъ послѣднее, не обладая никакимъ посредствующимъ органомъ для примиренія общества и государства, въ самоуправленіи создаетъ себѣ не только непрестанную критику и оппозицію, но и такой опытъ самодѣятельности общества, который необходимо служитъ первымъ толчкомъ къ расширенію подобной самодѣятельности и на все государство. Наконецъ и въ томъ смыслѣ мѣстное представительство отрицаетъ самодержавіе, что оно порождаетъ у гражданъ сознаніе субъективныхъ публичныхъ правъ, которыя какъ бы противополагаются правамъ монарха и опираются на ограничивающемъ его неограниченную волю законѣ. Все это понятія, которыя логично примиряются лишь съ конституціоннымъ государствомъ, а въ абсолютномъ являются лишь переходной ступенью къ свободному строю. Если же абсолютизмъ допускаетъ какое-нибудь участіе населенія въ государственной дѣятельности, то это возможно отнюдь не при помощи представительства, но только повинности.

Глубокимъ отличіемъ повинности отъ представительства является какъ разъ то обстоятельство, что послѣднее основано на правѣ, тогда какъ первое именно на обязанности. Одно предполагаетъ свободную волю и свободное рѣшеніе гражданина какъ такового, другое—лишь его индивидуальную или корпоративную годность къ выполненію того или иного порученія или обязанности свыше. Право

представительства есть признаніе политической зрѣлости гражданина и его самодѣятельности, обязанность несенія повинности можетъ быть возложена въ случаѣ годности и на незрѣлаго и на слугу. Само собой, что повинность, выполняемая по повелѣнію свыше, подъ угрозой наказанія, изъ-подъ палки, никогда не можетъ дать такого интенсивнаго труда, какъ свободная дѣятельность гражданина, которымъ руководитъ и общественный интересъ и сознаніе своего долга передъ родиной. Но выгоднѣе самодержавію отказаться отъ такого интенсивнаго труда, чѣмъ въ самоуправленіи создать такіе общественные слои, которые легко могутъ себя почувствовать призванными и къ государственному законодательству, и къ контролю администраціи, и къ составленію бюджета, а слѣдовательно, и къ ограниченію абсолютнаго государя. Повинность, а не право, требуются логикой абсолютизма.

Если перейти теперь къ тому, что было сдѣлано абсолютизмомъ въ области водворенія „общаго блага", столь торжественно провозглашеннаго девизомъ самодержавія, то здѣсь изъ положительныхъ плодовъ его политики надо отмѣтить слѣдующее. Въ финансовой области были раздѣлены болѣе или менѣе, по крайней мѣрѣ, въ крупнѣйшихъ государствахъ, казна государя и казна государства. Благодаря этому фискъ получилъ болѣе упорядоченный характеръ, и явилась возможность даже нѣкотораго балансированія доходовъ и расходовъ,— другими словами, составленія ихъ росписи или бюджета. Конечно, это явилось далеко не сразу. Нуженъ былъ долгій путь неудачъ и потрясеній для того, чтобы убѣдить абсолютное правительство въ необходимости не только бережливости вообще, но прямо различенія народныхъ денегъ отъ частной шкатулки монарха. При абсолютномъ же режимѣ были выработаны на континентальной Европѣ и различные типы обложеній, которые въ значительной степени были унаслѣдованы отъ стараго городского хозяйства. Съ особымъ усердіемъ, конечно, развивалась система финансовой полиціи, агенты которой несли на себѣ въ высшей степени важную функцію взысканія налоговъ и податей, а также всевозможныхъ недоимокъ. И такъ какъ въ данной области не было возможности обойтись однимъ профессіонально-бюрократическимъ элементомъ, то пришлось обратиться особенно въ дѣлѣ раскладки налоговъ и къ нѣкоторому содѣйствію самого населенія. Для этого, однако, оказалось вполнѣ достаточнымъ, не прибѣгая къ опаснымъ принципамъ мѣстнаго представительства, возложить на населеніе такую обязанность содѣйствія финансовымъ властямъ въ видѣ особой государственной повинности.

Зависимость финансовъ отъ общаго благосостоянія страны была прекрасно сознана правительствомъ абсолютныхъ государствъ. Отсюда и система меркантилизма, а отчасти и физіократизма, которыя примѣнялись въ таможенной, промышленной и торговой политикѣ. Со-

гласно первой было предпринято искусственное насажденіе промышленности съ цѣлями поднятія вывозной торговли и полученія благопріятнаго торговаго баланса; согласно второй были предприняты не только мѣры къ упорядоченію внутренняго обмѣна, но и сдѣланы весьма важныя попытки облегченія податного бремени трудящагося земледѣльческаго населенія. Послѣднія, однако, были весьма кратковременны, а меркантилизмъ насаждался въ духѣ тогдашней такъ называемой полицейской системы. Въ основѣ послѣдней лежала та мысль, что въ обществѣ можно всего достичь, дѣйствуя исключительно на психику людей. А такъ какъ послѣдняя легче всего направляется извнѣ при помощи награды и наказанія, то эти пріемы воздѣйствія и получили подавляющее значеніе въ общемъ арсеналѣ полицейскаго государства. Правда, въ эпоху просвѣщенія въ неменьшемъ ходу были мудрыя наставленія и поученія, воззванія и манифесты, въ которыхъ начальники полиціи обращались къ уму и сердцу подданныхъ; но такъ какъ такія обращенія были по большей части совершенно безуспѣшны, то на практикѣ они снабжались или „пряникомъ“ или „лозой“ для лучшей психологической мотиваціи лѣнивыхъ и неразумныхъ дѣтей отечества. Въ виду этого вся дѣятельность государства въ области подъема матеріальнаго благосостоянія населенія носитъ регламентарный, полицейскій и репрессивный характеръ и выражается въ массѣ предписывающихъ или запрещающихъ мѣръ.

И нужно отдать абсолютизму справедливость: въ этомъ отношеніи было сдѣлано слишкомъ много. Почти полное запрещеніе ввоза и высокія пошлины не только наполняли фискъ, но и содѣйствовали отечественной промышленности и торговлѣ; запрещенію ввоза подвергались: бумажныя и шелковыя ткани, готовое платье, полотно, сукно, чулки, пуговицы, иголки, сыръ, масло, рыба, металлическія издѣлія, вино, кофе и т. д. безъ конца, такъ что въ нѣкоторыхъ странахъ списокъ запрещенныхъ предметовъ доходилъ до 500—600 статей. Вывозъ нѣкоторыхъ предметовъ также облагался строгими наказаніями, вплоть до смертной казни. Для поощренія производства, какъ мы уже видѣли выше, раздавались безчисленныя монополіи, выдавались изъ казны преміи и субсидіи, основывались убѣжища для иностранныхъ мастеровъ, создавались мануфактуры и заводы съ финансовыми привилегіями и полицейской защитой. На ряду съ этимъ улучшались пути сообщенія, сооружались каналы, строились шоссе, организовывалась почта. Для обезпеченія дешеваго труда не только само правительство брало на себя поставку бродягъ или арестантовъ въ мануфактуры, но запрещало стачки, преслѣдовало безработныхъ, устанавливало максимумъ заработной платы, вводило восемнадцатичасовой рабочій день, разрѣшало эксплуатировать женщинъ безъ всякаго ограниченія и дѣтей уже съ 5—6 лѣтъ. Не въ меньшей степени правительство при-

нимало мѣры къ регулированію потребленія. Подробно опредѣлялась длина платья и качество матерій, число праздниковъ и число блюдъ во время крестинъ и свадебъ, объемъ приданаго и число лошадей въ экипажахъ лицъ разныхъ сословій. Полиція въ этомъ смыслѣ не покидала человѣка даже въ его спальной и все въ цѣляхъ поднятія промышленности и насажденія бережливости. Нечего говорить, что въ то же время на полицію было возложено обучать крестьянъ производству картофеля, улучшенію породъ рогатаго скота, трудолюбію, трезвости и прочимъ полезнымъ добродѣтелямъ вплоть до способовъ сажать капусту и выращивать яблоки.

Не менѣе культивировалось общее благо и въ области духовной. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна эпоха такъ называемаго „просвѣщенія". Въ это время абсолютизмъ не только почиталъ себя творцомъ благосостоянія своихъ подданныхъ, но и обладателемъ истиннаго просвѣщенія. Опираясь на современныя имъ теоріи раціонализма и естественнаго права, философы на тронѣ и въ канцеляріяхъ принялись пропагандировать грамотность и знаніе, очищать общество отъ предразсудковъ, насаждать возвышенные нравы, внѣдрять въ души истинное благочестіе и святость. И все это при помощи болѣе чѣмъ скромныхъ средствъ, главнымъ же образомъ предписаній и запрещеній. Наиболѣе удачными эти мѣры оказались въ области уничтоженія и пресѣченія нѣкоторыхъ старинныхъ золъ. Таковыми являются предразсудки и духовная тиранія церкви. Почва церковной реформы была уже достаточно подготовлена предшествующей борьбой церкви и государства. Церковныя имущества и богатства клира давно являлись препятствіемъ промышленному подъему страны. Это были въ полномъ смыслѣ слова владѣнія мертвой руки. Своими аскетическими воззрѣніями церковь препятствовала росту потребностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширенію спроса и увеличенію рынка. Тотъ же аскетизмъ со своимъ завѣтомъ безбрачія былъ врагомъ увеличеніе числа браковъ, а вмѣстѣ и возрастанія населенія путемъ естественнаго прироста. Своими преслѣдованіями еретиковъ и нетерпимостью церковь лишала страну чужеземныхъ мастеровъ и богатыхъ колонистовъ. Въ своемъ культѣ, наконецъ, она отрицала государственныя и гражданскія добродѣтели и не только непроизводительно тратила громадныя средства и силы на молитвы, процессіи и праздники, но и проповѣдывала единственное спасеніе въ отреченіи отъ міра и полномъ порабощеніи человѣка церкви и ея властямъ. И какъ только абсолютизмъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, онъ произвелъ здѣсь весьма рѣшительную реформу.

Прежде всего были, конечно, конфискованы церковныя имущества, и притомъ одинаково какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ государствахъ. Затѣмъ государи провозгласили себя папами своихъ собственныхъ земель, а сообщеніе съ римскимъ папой

въ католическихъ странахъ было подчинено особой цензурѣ и разрѣшенію свѣтской власти (placet). Культъ былъ значительно упрощенъ, а вѣроученіе и мораль очищены отъ всего непріятнаго или невыгоднаго для абсолютизма и его политики. Католическій клиръ тоже былъ очищенъ соотвѣтственно, и преобразована въ государственномъ духѣ церковная школа. Затѣмъ епископы и священники объявлены служителями государства, на нихъ возложена спеціальная миссія не только духовнаго, но и свѣтскаго учительства, а вмѣстѣ съ ней и выполненіе цѣлаго ряда свѣтскихъ обязанностей, начиная съ надзора за благонадежностью прихожанъ, ловли праздношатающихся и бродягъ и кончая поученіями о вредѣ табачной контрабанды и лучшихъ способахъ случки рогатаго скота. Изъ церкви абсолютизмъ, такимъ образомъ, создалъ себѣ особый департаментъ духовной полиціи, который спеціально долженъ былъ содѣйствовать цѣлямъ просвѣщенія и моральнаго совершенства. Особенно, конечно, такая реформа удалась тамъ, гдѣ въ духѣ лютеранства и кальвинизма было введено новое вѣроисповѣданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полное освобожденіе отъ Рима. Протестантскіе монархи такъ въ дѣйствительности и были провозглашены „епископами по нуждѣ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ соединили въ своихъ рукахъ свѣтскую и духовную власть. Легко это было провести и въ Россіи, гдѣ восточная церковь еще по Византіи хранила свои цезарепапистскія тенденціи. Труднѣе такая полицейская реформація церкви давалась въ католическихъ странахъ, гдѣ все же формально сохранилось подчиненіе мѣстной церкви святѣйшему отцу. Несмотря на это, въ католическихъ странахъ (въ Кастиліи, Франціи, Австріи, Баваріи и др.) надолго времени удалось подчинить и церковь свѣтскому суверенитету.

Дѣло просвѣщенія удалось абсолютизму лишь постольку, поскольку при помощи школъ и университетовъ готовились его будущіе слуги, камералисты, юристы, инженеры, артиллеристы, техники и т. п. Народное образованіе, несмотря на всѣ широковѣщательные манифесты, осталось на весьма примитивной ступени. Средняя школа послужила для подготовки чиновниковъ, въ низшей обучались мастера и будущій низшій составъ администраціи, а въ общемъ школа, далекая отъ цѣлей образованія и воспитанія вообще, едва успѣвала удовлетворить запросы государства на новыхъ людей для его бюрократіи и офицерства. Съ другой стороны, были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы знаніе не послужило взрывчатымъ веществомъ противъ установленнаго порядка, а вольнодумство не обратило въ духовную отраву печатное слово. Отсюда не только устраненіе отъ школы недостаточныхъ классовъ населенія, устройство привилегированныхъ школъ, но и строгая опека высшей школы и предварительная цензура во всѣхъ видахъ для книгъ и повременныхъ изданій. Этимъ путемъ, съ одной стороны, обезпечивалось обществу полезное

духовное питаніе, а съ другой—оно охранялось отъ всякаго вреднаго вліянія.

Такова въ общемъ и цѣломъ организація и дѣятельность абсолютизма, какъ онъ сложился въ Европѣ въ эпоху перваго подъема новаго общественнаго строя и связаннаго съ нимъ третьяго сословія. И на первый же взглядъ бросаются нѣкоторыя черты. Съ одной стороны нельзя не замѣтить крайней простоты и грубости его архитектуры, съ другой—въ основу всего положена только одна живая, личная воля монарха, которая осуществляетъ общій интересъ, лишь поскольку этотъ интересъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ея интересъ, потребность или выгода. Изъ одного источника идетъ здѣсь вся воля и движеніе. Одинъ разумъ наполняетъ собой всѣ части механизма. Одно рѣшеніе завершаетъ собой всякую правду, истину или справедливость. Стоитъ вынуть монарха изъ абсолютнаго государства, и въ немъ словно въ пустомъ домѣ немедленно воцаряется тлѣніе и смерть. И невольно является мысль о томъ, что не можетъ одинъ обыкновенный человѣкъ быть такимъ всеоживляющимъ духомъ, развѣ только до такой степени здѣсь просты и грубы потребности общества, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ абсолютизмъ, что, по правдѣ, немногаго ему нужно, дабы процвѣтать и развиваться.

Остановимся теперь на отдѣльныхъ моментахъ организаціи и дѣятельности абсолютизма въ ихъ реальномъ проявленіи. Его организація цѣликомъ вытекаетъ изъ стремленія дать единой волѣ монарха возможно безпрепятственное теченіе по всему пространству страны. Мы здѣсь возвращаемся къ первоначальной идеѣ вездѣсущія власти. Нѣтъ предѣловъ и границъ ей внутри государственной территоріи. Каждая провинція только мѣсто, объектъ для примѣненія единой державной воли. И надъ всѣми іерархія должностей. И въ каждой единая воля монарха. Какъ по среднимъ протокамъ, по выраженію Екатерининскаго наказа, изъ центра къ окружности течетъ и струится единая всеобъемлющая власть. Ни въ одномъ изъ этихъ каналовъ она не замутится и не задержится. Всегда и во всемъ себѣ равная, она одна имѣетъ свое лицо, и это лицо отражаютъ въ себѣ всѣ безликіе и внутри пустые органы, которые ни своей воли, ни индивидуальности не имѣютъ. Въ мельчайшіе углы и закоулки несетъ бюрократія волю своего господина, словно волосные сосуды кровь отъ сердца несутъ во всѣ части организма. И несмотря на различіе функцій,—единая воля, и несмотря на различіе устройства,—одинъ центръ, который всему даетъ движеніе и жизнь. И кажется, что дѣйствительно нѣтъ границъ всемогуществу этой воли: всѣ народныя силы въ ея рукахъ, все народное имущество, весь народный трудъ въ ея распоряженіи. И всѣ струны человѣческой души слушаются умѣлой руки верховнаго повелителя — однихъ онъ привязываетъ къ себѣ лаской, почестями и наградой, другого устрашаетъ казнями и смертью; къ однимъ

обращается со словомъ убѣжденія, къ другимъ съ рѣчью любящаго воспитателя и отца; религія и философія, холодный матеріальный расчетъ и искусство — всѣ одаряютъ монарха своимъ богатствомъ и чарами, и, кажется, никто не можетъ противостоять его неотразимому величію и силѣ. И въ этомъ царствѣ, гдѣ властвуетъ самодержавная воля, нѣтъ правъ противъ нея, ибо всѣ права только отъ нея, однѣ обязанности подымаются со всѣхъ сторонъ навстрѣчу центральному солнцу и несутъ ему не только безмолвное ни минуты не ждущее повиновеніе, но вѣрность, преданность, благоговѣніе, любовь.

Бюрократическій аппаратъ не только смотритъ всюду и видитъ все тысячами глазъ, а также сообщаетъ объ этомъ суверену, но, кромѣ того, онъ и дѣйствуетъ тысячами рукъ. Только при помощи этого аппарата возможна та непрекращающаяся разнообразная дѣятельность, которая чуть ли не каждую минуту производитъ все изъ ничего. Врядъ ли въ жизни абсолютнаго государства найдется хотя бы одна область, въ которой не чувствовалось бы магическое дѣйствіе центра. И этотъ центръ всевѣдущій и всемогущій. Онъ не только въ точности знакомъ съ матеріальными нуждами страны, но, что важнѣе всего, онъ не задумывается ни одной минуты надъ тѣмъ, какъ удовлетворить ихъ. Финансовая и экономическая политика, дипломатическія сношенія, военное дѣло, судъ, просвѣщеніе, земледѣліе и полиція,—все вплоть до коннозаводства и землечерпательныхъ работъ на каналахъ, — все это рѣшается однимъ центромъ, который оказывается не только всезнающимъ, но и технически, спеціально образованнымъ и подготовленнымъ во всѣхъ дѣлахъ и спеціальностяхъ. Казалось бы, существо, которое занимаетъ такую позицію, не можетъ быть ограниченнымъ смертнымъ существомъ, одареннымъ обычнымъ человѣческимъ разумомъ. Передъ нами выростаетъ что-то фантастическое и непостижимое, всеобъемлющій божескій разумъ, стоящій внѣ времени и пространства, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ за время всей своей жизни какъ слѣдуетъ передѣлать все, что въ одинъ день рѣшаетъ одинъ суверенный монархъ, который буквально есть все и вездѣ. Но такъ какъ въ настоящее время божественныя силы болѣе не проявляются на землѣ въ такой чудесной формѣ, то намъ приходится искать нѣсколько иного и притомъ земного и логически-понятнаго объясненія.

Какъ очевидно, вся та работа, которая была въ дѣйствительности сдѣлана абсолютизмомъ, и тѣмъ болѣе та, которая въ идеалѣ ему приписывается, менѣе всего есть дѣло какого-нибудь, хотя бы весьма выдающагося лица. Болѣе того, эта работа могла быть сдѣлана, какъ это и на самомъ дѣлѣ было, лишь коллективно-организованнымъ трудомъ множества лицъ, которыя внесли въ эту работу не только свое механическое дѣйствіе, но умъ, знанія и, главнѣе

всего, свою собственную волю. Слѣдовательно, съ позитивной точки зрѣнія здѣсь можетъ итти рѣчь отнюдь не объ единой самой себѣ равной волѣ, которая уничтожаетъ всѣ другія и наполняетъ ихъ собой, а о такой организаціи массы воль, въ силу которой каждая изъ нихъ избираетъ себѣ опредѣленное направленіе и формы обнаруженія, а одну высшую и единую волю монарха ставитъ центромъ своего поведенія. Но такъ какъ эта воля монарха менѣе всего можетъ отдѣлиться отъ туловища суверена и путешествовать по тѣламъ бюрократіи или подданныхъ, то воля монарха, которая опредѣляетъ собой волю чиновниковъ и прочихъ людей, есть воля не дѣйствительная, а воображаемая, такъ что можно безъ преувеличенія утверждать, что при абсолютномъ строѣ, гдѣ единственнымъ непосредственнымъ государственнымъ учрежденіемъ является монархъ, правитъ на самомъ дѣлѣ вовсе не живой монархъ, какъ таковой, а правитъ монархъ воображаемый, отвлеченный, который въ дѣйствительности не существуетъ какъ человѣкъ, но лишь какъ идея, господствующая въ умахъ подданныхъ, чиновниковъ и, наконецъ, и самого реальнаго, живого короля, царя и т. п.

Если мы теперь желаемъ дѣйствительно научно и позитивно изслѣдовать структуру абсолютнаго государства, мы должны выяснить себѣ, какъ организуется воля самого монарха, его чиновниковъ и подданныхъ подъ вліяніемъ абсолютной власти самого князя. Только въ такомъ случаѣ для насъ будетъ яснымъ, не только почему абсолютизмомъ выполнены указанныя выше положительныя задачи, но и почему такъ скоро и именно въ опредѣленныхъ формахъ наступило крушеніе и гибель абсолютизма. Остановимся для этого прежде всего на психологіи самого монарха.

Поставленный во главѣ строя, гдѣ онъ является началомъ и концомъ, единственнымъ двигателемъ и высочайшей властью, монархъ, естественно, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на нѣчто, далеко превосходящее другихъ людей. Отсюда неизбѣжно развивается самомнѣніе и самообожаніе, которое въ особенности свойственно лицу, не только не встрѣчающему ни малѣйшихъ преградъ своей волѣ, но, наоборотъ, получающему отовсюду доказательства своего неземного величія. Неудивительно отсюда, что даже тѣ государи, которые обладали большимъ умомъ, не могли противостоять дѣйствію непрестаннаго внушенія и, несмотря на все противодѣйствіе личнаго сознанія, въ концѣ-концовъ, начинали дѣйствовать какъ самые настоящіе деспоты. И здѣсь не спасаетъ даже то обоснованіе власти, которое коренится въ понятіи слуги народа, перваго министра и т. д. Ибо тотъ слуга, который служитъ не по волѣ господина, а самъ имъ распоряжается безконтрольно и безотвѣтственно, есть не слуга, а господинъ. Съ другой же стороны, именно неограниченная власть почитается здѣсь лучшимъ средствомъ для „великаго служенія“ на-

роду. Самообожаніе абсолютнаго монарха, естественно, ведетъ къ тому, что онъ совершенно теряетъ духъ самокритики и естественной осторожности, теряетъ руководство надъ самимъ собой, а съ другой стороны приходитъ вполнѣ послѣдовательно къ полному отождествленію государства съ самимъ собой, а интересовъ страны со своими личными или династическими выгодами. Полный вѣры въ свое всемогущество, онъ ни одной минуты не задумывается привести въ дѣйствія свои мимолетныя желанія и капризы, если только его родственники, дворъ или министры подъ маской лицемѣрія не дадутъ ему понять, что даже для неограниченнаго суверена есть нѣчто невозможное, а разумъ и надъ нимъ властвуетъ какъ надъ другими людьми. Дѣйствіе даже самыхъ благожелательныхъ совѣтовъ и представленій со стороны подданныхъ можетъ быть, однако, всегда парализовано увѣренностью монарха въ своей непогрѣшимости и всевѣдѣніи, такъ какъ именно въ этихъ его свойствахъ его ежечасно убѣждаетъ его повседневная дѣятельность, гдѣ онъ предполагается все понимающимъ и всезнающимъ.

Оцѣнивая психологію абсолютнаго государя съ точки зрѣнія государственной цѣлесообразности, нельзя не видѣть, что она подъ вліяніемъ фикціи личнаго могущества является весьма опасной для самой государственной политики. И эта опасность еще возрастаетъ, когда припомнить, что въ дѣйствительности, благодаря этикету и обычаямъ, монархъ обыкновенно весьма тщательно изолируется отъ соприкосновенія съ дѣйствительной жизнью, а по роду своей дѣятельности и воспитанію столь же мало можетъ заняться хотя бы теоретическимъ изученіемъ жизни. Для этого у него нѣтъ ни времени, ни спеціальной подготовки. Необходимымъ выводомъ отсюда является то, что неограниченный самодержецъ принужденъ на самомъ дѣлѣ всѣ нужныя ему свѣдѣнія почерпать непосредственно отъ окружающихъ, притомъ изъ весьма узкой и ограниченной среды. Такими первыми освѣдомителями являются близко къ монарху стоящіе люди, родственники, фавориты и фаворитки, придворные служащіе и чины двора и въ лучшемъ случаѣ непосредственные докладчики государственныхъ дѣлъ, министры, совѣтники и т. п. Весь этотъ тѣсно сплоченный кругъ, который въ высшей степени заинтересованъ въ своемъ вліяніи на суверена, съ одной стороны, всѣми силами препятствуетъ, чтобы до уха и глаза государя не дошло что-нибудь помимо его вѣдома, а съ другой—старается доставить торжество своимъ частнымъ интересамъ при помощи вліянія на монарха. Исторія европейскаго абсолютизма даетъ намъ тысячи примѣровъ того, какъ ловкая придворная клика, иногда даже лишенная офиціальнаго положенія и совершенно скрытая отъ глазъ общества, до такой степени умѣла завладѣть довѣріемъ государя, что при его помощи успѣвала довести государство до разоренія и гибели. Но

даже и тамъ, гдѣ совѣтниками суверена являются министры, стоящіе во главѣ бюрократической системы, положеніе становится немногимъ лучше. Не будучи отвѣтственны помимо самого монарха и находясь въ добрыхъ отношеніяхъ съ придворной средой, они могутъ всегда сдѣлать такъ, что государь будетъ думать ихъ мыслями и желать ихъ желаніями и въ то же время находиться въ убѣжденіи, что онъ является единственнымъ источникомъ и мысли и воли для своего государства. Такъ воля монарха въ самый моментъ своего образованія оказывается не только не свободной, но даже и не его собственной, такъ какъ все ея содержаніе поставляется его ближайшей средой. Такъ монархъ становится лишь орудіемъ въ рукахъ совершенно безотвѣтственныхъ лицъ.

Но воля монарха для того, чтобы быть осуществленной на практикѣ, нуждается опять-таки въ посредникахъ и передаточной инстанціи. И здѣсь долженъ быть установленъ нѣкоторый порядокъ, такъ какъ у монарха, съ одной стороны, можетъ быть много дѣйствій и желаній, не предназначенныхъ для государства, а съ другой—должны быть гарантіи, что его воля будетъ какъ слѣдуетъ понята, выражена и передана, такъ какъ вѣдь только эта его воля опредѣляетъ собой политическую жизнь страны. Отсюда необходимость опредѣленія формъ устнаго и письменнаго волеизъявленія монарха и круга лицъ, которыя оказываются уполномоченными для запечатлѣнія и дальнѣйшей передачи высочайшаго повелѣнія. Но уже въ этой инстанціи совершается превращеніе реальной воли монарха въ волю воображаемаго существа, такъ какъ въ интересахъ своего господства ближайшіе придворные и высшіе бюрократическіе круги подвергаютъ необходимой цензурѣ велѣнія государя и, будучи единственнымъ источникомъ его освѣдомленія, всегда могутъ это сдѣлать путемъ ли задержанія, прямого неисполненія или же даже ложнаго сообщенія ему, что повелѣніе выполнено, когда оно на самомъ дѣлѣ совершенно не выполнялось. Точно такъ же путемъ редактированія того или иного указа легко измѣняется въ желательномъ духѣ его смыслъ, влагается то или иное содержаніе. Особенно такая манипуляція возможна съ устными приказаніями и тайными распоряженіями. Послѣднія по самому своему существу не подлежатъ оглашенію, а между тѣмъ въ нихъ всегда возможно вложить содержаніе, прямо отмѣняющее любой обнародованный законъ. Такъ уже первая передаточная инстанція, установленная для воспріятія воли монарха, оказывается тѣмъ болѣе способной къ ея искаженію, чѣмъ болѣе скрыты отъ общества придворныя интриги, а раскрытіе ихъ отражается и на престижѣ самого престола. Монархъ, какъ никакъ, оказывается сильно связаннымъ отношеніями къ своей ближайшей средѣ, и даже въ случаяхъ раскрытія злоупотребленія ему очень трудно взыскать съ виновныхъ, не обнаруживъ въ то же время всей своей слабости.

А этимъ наносится непоправимый ударъ основной фикціи абсолютизма о рѣшающемъ значеніи именно воли самого монарха-самодержца.

Будучи однимъ изъ крупныхъ созданій абсолютизма, бюрократія въ то же время подвергается вліянію всѣхъ условій изолированной и въ то же время властной среды. Она не только безмѣрно разрастается и отходитъ отъ живого дѣла въ исключительно бумажное, формальное, а вмѣстѣ и развращающее производство, но все больше и больше сплачивается на своемъ кастовомъ интересѣ, въ основѣ котораго лежитъ безграничная матеріальная эксплуатація государственныхъ средствъ и практика безотвѣтственнаго произвола. Контроль и отвѣтственность, какъ лучшія средства упорядоченія администраціи, являются вмѣстѣ съ тѣмъ самыми жестокими врагами бюрократіи, какъ замкнутой касты профессіональнаго чиновничества. И абсолютизмъ даетъ какъ разъ этой бюрократіи достаточно средствъ для того, чтобы использовать фикцію верховной воли самодержца исключительно для своихъ корыстныхъ цѣлей. Прежде всего для превращенія воли бюрократической въ самодержавную волю монарха есть тысячи легальныхъ путей. И если монархъ находится въ зависимости отъ своихъ совѣтниковъ и министровъ, то въ такой же зависимости находятся всевозможные министры, начальники вѣдомствъ и мѣстностей отъ своихъ „секретарей". И хотя кругозоръ такихъ начальниковъ несравненно шире, чѣмъ горизонтъ уединеннаго наверху монарха, но въ дѣлахъ службы тѣмъ не менѣе они получаютъ свое освѣдомленіе отъ низшихъ чиновъ, которые и подсказываютъ начальству то или другое рѣшеніе. Второй легальный путь—это толкованіе, а гдѣ оно запрещено, такое буквальное примѣненіе закона или распоряженія, которое видоизмѣняетъ ихъ въ желательномъ для бюрократіи направленіи. Облегчаетъ защиту кастовыхъ интересовъ и то смѣшеніе воедино обнародованныхъ и необнародованныхъ законовъ, устныхъ и письменныхъ повелѣній, общихъ и частныхъ распоряженій, которое такъ характерно для политическаго строя, гдѣ законодательство еще совершенно слито съ управленіемъ, и законъ не имѣетъ никакихъ твердо опредѣленныхъ формальныхъ признаковъ. Безъ преувеличенія поэтому можно сказать, что воля самодержца, переходя въ пресловутые „средніе протоки" власти, неминуемо искажается, если только она противорѣчитъ кореннымъ и общимъ интересамъ бюрократіи. Но такъ какъ послѣдняя далеко не представляется независимой отъ той общественной среды, среди которой она живетъ и дѣйствуетъ, то отсюда и получается крайнее безсиліе юридически всемогущаго центра.

И если мы вообразимъ себѣ даже идеальнаго монарха, а послѣдній встрѣчается столь же рѣдко, какъ идеальные люди вообще, то и тутъ мы увидимъ, что въ абсолютномъ государствѣ рѣшающимъ

факторомъ становится отнюдь не онъ, а бюрократія. И если бы даже монархъ рѣшилъ пойти противъ нея, то изъ этого ничего бы не вышло, кромѣ вреда для него самого. Не надо забывать, что въ абсолютномъ государствѣ, гдѣ общество представляетъ собой пассивную, мертвую массу, самодержцу рѣшительно не на кого положиться, какъ только на своихъ чиновниковъ. И въ ихъ интересѣ какъ можно дольше поддерживать убѣжденіе, что монархъ и общество—враги, при чемъ послѣднему не только нельзя ни въ чемъ довѣрять, но, наоборотъ, его слѣдуетъ, какъ можно больше остерегаться и опасаться. Не довѣряя обществу, приходится цѣликомъ ввѣрить свою судьбу и безопасность бюрократіи. Такъ и поступаютъ неограниченные владыки, которые вѣчно опасаются за самую свою жизнь. Ясно теперь, что не въ расчетахъ монарха ссориться со своими „вѣрными слугами". А съ другой стороны, если бы даже и были затруднены легальные способы подмѣны воли монарха волей бюрократіи, то для этого открывается еще обширное поле неуловимыхъ злоупотребленій, начиная съ неисполненія высочайшихъ указовъ и повелѣній и кончая такимъ ихъ примѣненіемъ, при которомъ отъ первоначальнаго смысла закона остается лишь его утверждающая подпись, а содержаніе его оказывается совершенно обратнымъ тому, что было въ немъ написано. И опять-таки абсолютизмъ представляетъ бюрократіи такую безнаказанность, которой она не можетъ пользоваться нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Ибо вѣдь формально дѣйствуетъ не бюрократія, а самъ монархъ; это его воля воплощается въ чиновникахъ, его власть дѣйствуетъ ихъ руками. Раскрыть злоупотребленія—значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и раскрыть ту правду, которой больше всего боится абсолютизмъ, а именно, что правитъ не монархъ, а бюрократія, что вмѣсто единства здѣсь царитъ анархія, что не общіе интересы, а частные интересы небольшой группы чиновничьей касты здѣсь являются рѣшающимъ элементомъ.

Но, съ другой стороны, именно бюрократія и оказывается тѣмъ аппаратомъ, при помощи котораго все же происходитъ не только примиреніе государства и общества, но и обращеніе государства въ необходимое и полезное для общества учрежденіе. Будучи естественно связанной съ привилегированными классами по самому своему составу, бюрократія въ значительной степени объединяетъ въ своей средѣ представителей тѣхъ и другихъ. Съ этой стороны она есть все же общественное соединеніе, весьма приспособленное къ выработкѣ нѣкотораго, хотя бы и несовершеннаго общественнаго компромисса. Въ канцеляріи за однимъ столомъ сидятъ и одно дѣло дѣлаютъ и дворянинъ, и купеческій сынъ, и мѣщанинъ, окончившій школу, и поповичъ. Отсюда и нѣкоторая междусословная или классовая освѣдомленность бюрократіи. Затѣмъ она, соприкасаясь съ низшими классами, съ такъ называемымъ народомъ, имѣетъ психологи-

ческую возможность отнестись къ нему свободнѣе и шире, нежели отдѣльныя сословныя или классовыя группы. Благодаря своей сравнительной интеллигентности, бюрократія можетъ до извѣстной степени отражать и соціальное развитіе, пока она совершенно не погрязла въ своей кастовой отчужденности и фанатизмѣ. Наконецъ бюрократія благодаря государственной практикѣ пріобрѣтаетъ не только необходимый опытъ, но и драгоцѣнную дѣловую рутину. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что именно бюрократія служитъ той средой, которая объединяетъ въ своей лабораторіи тѣ или иные общественные, сословные и классовые интересы, находитъ для нихъ ту или иную равнодѣйствующую и проводитъ затѣмъ найденное направленіе въ жизнь въ видѣ воли самодержавнаго государя или отъ его имени. И для спасенія абсолютизма очень часто благодѣтельнымъ является то обстоятельство, что бюрократія даже вопреки ясно выраженной волѣ монарха умѣетъ приспособить теченіе государственнаго корабля сообразно тѣмъ или инымъ уже назрѣвшимъ общественнымъ потребностямъ. Это приспособленіе въ самой бюрократіи совершается далеко не мирнымъ путемъ. Параллельно съ интригами при дворѣ идетъ и среди бюрократіи вѣчная подпольная борьба кружковъ и личностей, убѣжденій и тщеславій. Трудно въ этой борьбѣ найти точное выраженіе соціальныхъ антагонизмовъ. Однако только такая борьба является здѣсь легальнымъ выходомъ для нихъ и средствомъ для разрѣшенія внѣ бюрократіи борющихся интересовъ.

Уже изъ отношеній между бюрократіей и монархомъ, съ одной стороны, и бюрократіей и обществомъ, съ другой, видна вся примитивность и недостаточность бюрократическаго аппарата для сколько-нибудь напряженной общественной жизни. Съ другой стороны, благодаря той же бюрократіи идея абсолютной неограниченной воли самодержца теряетъ для подданныхъ значительную степень остроты и яркости. Наоборотъ, она принимаетъ весьма условный характеръ. Подкупность бюрократіи довершаетъ картину и ослабляетъ еще болѣе силу абсолютизма. Вялость и лѣность замкнутаго въ своей питательной средѣ чиновничества парализуетъ власть, которая представляется столь безпощадной и грозной, и довольствуется чисто бумажнымъ исполненіемъ, не доводя дѣла до его реальнаго воплощенія. Въ нормальное время благодаря этому бюрократія ведетъ паразитическое существованіе и не особенно безпокоитъ населеніе. Въ значительной степени этому содѣйствуютъ плохіе пути сообщенія дореформенной Европы, которые дѣлаютъ возможными только рѣдкіе наѣзды всякихъ властей, поднимающихся съ мѣста лишь для регулярныхъ или экстренныхъ поборовъ съ населенія. Нечего говорить далѣе, что при существованіи сословнаго строя, наличности привилегированныхъ группъ и участія сословныхъ выборныхъ въ разныхъ учрежденіяхъ особенно парализуется дѣятельность низшихъ аген-

товъ администраціи, которые прямо опасаются задѣть чѣмъ-нибудь властныхъ и вліятельныхъ лицъ... Такъ самодержавіе, представляющее въ идеалѣ такую законченную картину силы и единства, на самомъ дѣлѣ оказывается разбитымъ въ своей собственной твердынѣ и безсильнымъ, разъ дѣло идетъ не о теоретическихъ вѣщаніяхъ, а о дѣйствительной жизни. Для насъ ясно теперь, почему такъ скромны, незаконченны и примитивны реформы абсолютизма; почему ни одна изъ нихъ не доведена до конца, и почему абсолютизмъ немедленно покончилъ свое существованіе, какъ только слабое приспособленіе политической дѣятельности къ общественной жизни перестало удовлетворять общество, выросшее изъ полицейскихъ пеленокъ и бюрократической опеки.

Хозяйственная и соціальная система крѣпостничества могла вполнѣ удовлетвориться абсолютизмомъ и бюрократіей. За исключеніемъ изъ политической жизни широкихъ массъ несвободнаго народа привилегированные классы были слишкомъ обезпечены и съ экономической и политической стороны, чтобы среди нихъ могли развиться особенно яркіе и острые конфликты. Хозяйственный процессъ, заторможенный крѣпостнымъ правомъ, протекалъ весьма медленнымъ и вялымъ темпомъ, а сама крѣпостническая конституція достаточно обезпечивала общество отъ какихъ-либо крайностей абсолютизма. Не то произошло, когда экономическое развитіе при помощи того же абсолютизма сдѣлало свои первые капиталистическіе успѣхи. Движеніе, родившееся на всевозможныхъ привилегированныхъ мануфактурахъ, торговыхъ монополіяхъ и финансовыхъ откупахъ, скоро создало такую интенсивную хозяйственную жизнь, что крѣпостничество оказалось несоотвѣтственнымъ и пало подъ рукой либеральнаго абсолютизма. Соціальная борьба съ выходомъ на историческую сцену свободнаго народа и свободнаго капитала не только усложнилась, но и приняла чрезвычайный размахъ. Новыя противоположности уже не нашли себѣ ни достаточнаго выраженія, ни нужнаго примиренія въ рамкахъ бюрократіи и ея фракцій. Съ другой стороны, землевладѣльческій классъ, лишенный крѣпостного права, этой, казалось, незыблемой гарантіи своей безопасности и правъ, пришелъ въ естественное безпокойство и пожелалъ имѣть какую-нибудь иную защиту и опору въ разросшейся общественной борьбѣ. Такъ необходимо должно было начаться расхожденіе между обществомъ и абсолютизмомъ и привести къ неизбѣжной катастрофѣ.

И эта катастрофа должна была закончиться пораженіемъ абсолютизма. Спрашивается, что онъ могъ противоставить новымъ молодымъ силамъ? Онъ воспиталъ въ своихъ приверженцахъ слѣпое, рабское повиновеніе, но оно не могло ничего дать, кромѣ пассивной, механически связанной массы. Онъ всѣми силами подавлялъ всякую самодѣятельность и личное достоинство—и передъ нимъ была инерт-

ная, косная сила, которая менѣе всего была способна конкурировать съ иниціативой и творчествомъ новаго человѣка. Привычные ко всему, питомцы абсолютизма могли легко переносить удары съ какой угодно стороны, и это ихъ нисколько не безпокоило. Развращенные даровымъ хлѣбомъ или подавленные непосильнымъ трудомъ—они и наверху и внизу были приспособлены только къ одной заведенной рутинѣ, не думали ни о прошломъ, ни о будущемъ, одинаково равнодушно смотрѣли взадъ и впередъ. И если отъ нихъ требовали исповѣданія предписанной извнѣ вѣры,—они лицемѣрили и показывали видъ, но на самомъ дѣлѣ не вѣрили ни во что. Отъ нихъ требовали знанія—и они механически усваивали обязательную грамоту и цыфирь, но были на рѣдкость невѣжественны и неспособны. Лишенные моральной свободы, они имитировали добродѣтель, послушаніе и любовь; продажные какъ рабы, они были предателями не потому, чтобы понимали величіе злодѣйства, а потому, что были слабы и жадны. Таковъ былъ человѣкъ абсолютизма, вскормленный и вспоенный произволомъ, случайностью и духовной тираніей; одинъ оставался у него неприкосновеннымъ мотивъ—хищная корысть, одно универсальное орудіе—грубая сила. Воистину съ такимъ моральнымъ и умственнымъ багажомъ небольшую могъ оказать онъ помощь абсолютизму! А между тѣмъ только такихъ защитниковъ могъ собрать возлѣ себя самодержавный строй, пережившій самого себя въ виду новаго общественнаго движенія.

Однако и въ самомъ абсолютизмѣ было достаточно основаній, чтобы при первомъ разладѣ съ обществомъ привести его къ внутреннему разложенію и гибели. Какъ мы видѣли выше, внутренняя крѣпость абсолютизма держалась на совмѣстной дѣятельности монарха съ его дворомъ и его бюрократіей. При весьма слабой, неустойчивой и неопредѣленной связи этихъ двухъ силъ всегда образовывался перевѣсъ то въ ту, то въ другую стороны: то въ сторону личнаго деспотизма, то чиновничьей анархіи. Вѣдь постороннихъ, внѣшнихъ, сдерживающихъ моментовъ здѣсь не было. Отсутствіе общественнаго контроля открывало просторъ во всѣ стороны. И абсолютизмъ воспользовался имъ. Внѣшняя политика приняла характеръ завоевательнаго авантюризма. Безпрерывныя войны истощали государство и заливали кровью цѣлыя области. Стоитъ вспомнить Людовика XIV и его войны, семилѣтнюю войну и эпоху наполеоновскихъ коалицій. Въ эпоху абсолютизма въ Европѣ не было буквально ни минуты времени ни клочка земли, чтобы люди не дрались, не рѣзали, не кололи и не стрѣляли другъ въ друга. Въ результатѣ не только полная безплодность большинства этихъ войнъ, но колоссальныя потери людьми, деньгами и пріостановка общественнаго прогресса. Эти войны были и первой гибелью абсолютизма. При малѣйшемъ пораженіи всѣ бѣдствія войны падали на его голову. И безъ преувеличенія можно сказать, что войны короля-солнца под-

готовили эшафотъ Людовика XVI, что при Іенѣ погибъ прусскій абсолютизмъ, при Ватерлоо и Седанѣ—французская имперія, при Сольферино и Садовой—австрійское самодержавіе, а при Мукденѣ и Портъ-Артурѣ—русскій старый режимъ. Результаты вездѣ одни и тѣ же.

Къ такимъ же результатамъ привела и возможность безконтрольнаго и безостановочнаго расходованія народныхъ средствъ на прихоти монарха и двора, такъ же какъ на содержаніе все растущей, безчисленной бюрократіи. Налоги и подати перешли всѣ возможные предѣлы. За легальными поборами послѣдовали нелегальные. Купленныя должности отнимались и требовалась вторичная ихъ оплата. То же продѣлывалось съ жалованными титулами. Монета поддѣлывалась и портилась правительствомъ, а уплата податей принималась лишь полноцѣнной монетой. Устраивались злостныя банкротства и спекуляціи на бумажныя деньги. Вводились казенныя монополіи съ принудительнымъ курсомъ на предметы первой необходимости (соль, хлѣбъ и т. д.). Заключались займы на чудовищныхъ условіяхъ. Вводились лотереи, на которыя и содержались цѣлыя маленькія государства. Въ послѣднихъ получили примѣненіе еще иные способы. Здѣсь брались субсидіи и пенсіи за продажу международныхъ интересовъ страны, и цѣлый родъ дворовъ въ абсолютныхъ княжествахъ жилъ и питался на такія средства, выплачиваемыя иностранными правительствами. Спеціально въ небольшихъ нѣмецкихъ государствахъ получила распространеніе торговля своими подданными, которыхъ дрессировали какъ солдатъ, а затѣмъ массами продавали на убой за границу.

Будучи направлена къ одной только цѣли—къ добыванію денежныхъ средствъ какими угодно способами и какой угодно цѣной—политика абсолютизма неминуемо должна была прійти въ рѣзкое столкновеніе съ интересами промышленности и торговли. И если вначалѣ абсолютизмъ сдѣлалъ многое для ея подъема, то теперь, доводя до нелѣпой фантастической крайности свою таможенную, экономическую и соціальную политику, онъ убивалъ все то, что самъ пробудилъ къ жизни. Но практика и хозяйственный интересъ оказались сильнѣе полицейской опеки и кулака. Росла и ширилась контрабандная торговля. Продажность чиновниковъ и взяточничество достигли неслыханныхъ размѣровъ. Среди потребителей такъ же, какъ производителей и торговцевъ, росло непрестанное недовольство. Всѣ самыя напряженныя усилія правительства оказывались безсильными, жизнь разбивала всѣ установленныя рамки и пробивала себѣ новыя русла въ сторонѣ отъ шлагбаумовъ и рогатокъ финансоваго вѣдомства. А отсюда — слабость поступленій, на которыя такъ разсчитывало правительство, крушеніе всѣхъ расчетовъ, а какъ результатъ — усиленіе полицейскаго гнета, сыска, пресѣченія и наказанія до послѣдней возможности. И вѣрный союзникъ абсолютизма, хищническій капиталъ,

скоро увидѣлъ въ полицейскомъ государствѣ своего злѣйшаго врага, разорителя и притѣснителя, отъ котораго надо было избавиться во чтобы то ни стало, чтобы спасти себя отъ окончательнаго краха и разоренія.

Не менѣе неудовольствія породила политика абсолютизма и въ области духовной жизни. Съ одной стороны, церковь пользовалась каждой неудачей свѣтской власти, чтобы вернуть себѣ хоть часть былой свободы и власти. Вѣрующіе люди видѣли въ пропагандѣ „просвѣщенія" язычество и приближеніе царства грѣха. Съ другой— по мѣрѣ накопленія въ странѣ недовольства и возмущенія особенно сказалась необходимость въ свободномъ устномъ и печатномъ словѣ. Правительство въ виду этого усилило репрессіи, а въ результатѣ только усилилась подпольная антиправительственная пропаганда. Общее недовольство перекинулось въ высшую школу, этотъ естественный центръ научной мысли и свободнаго слова вообще. И такое недовольство не могло быть пустяшнымъ, такъ какъ именно съ развитіемъ промышленности и торговли чрезвычайно увеличился спросъ на образованныхъ людей и подготовленныхъ спеціалистовъ, и установилась связь между капиталистическимъ производствомъ и интеллигентнымъ творчествомъ. Пресса и литература стали новымъ органомъ сознанія общества, а свободная интеллигенція, журналисты, писатели, художники—образовали среду, конкурирующую съ бюрократіей въ дѣлѣ установленія связи между общественной потребностью и политической формой. Недовольство старымъ режимомъ получило въ дѣятельности интеллигенціи свое наиболѣе яркое выраженіе, и преслѣдованія правительства всею тяжестью обрушились на представителей интеллигенціи и свободныхъ профессій.

Борьба между обществомъ и государствомъ необходимо привела къ тому, что послѣднее приняло исключительно полицейскій репрессивный характеръ. А такъ какъ эта борьба вмѣстѣ съ тѣмъ была борьбой за самую форму правленія, за новый политическій идеалъ и новое право, то она главной своей цѣлью поставила искорененіе новыхъ идей, вольнодумства и неблагонадежности. Такъ полицейское преслѣдованіе направилось въ сторону открытія, пресѣченія предупрежденія чувствъ, мыслей и желаній, а въ силу этого получило особенно тягостный и безплодный характеръ и форму. На сцену выступила такъ называемая государственная полиція съ ея шпіонствомъ и провокаціей, тайными доносами и тайнымъ же полицейскимъ производствомъ. И если вообще одну изъ мрачныхъ сторонъ абсолютизма всегда составляла его склонность прибѣгать вмѣсто судебнаго разбирательства къ административно-политическимъ репрессіямъ, наказанію безъ суда и безразборчивому преслѣдованію всѣхъ „опасныхъ" или „вредныхъ" элементовъ, сначала нищихъ и бродягъ, а затѣмъ и вольнодумцевъ, то въ періодъ борьбы эта тенденція дала свой наиболѣе великолѣпный цвѣтъ. Обыски

и аресты, заключенie безъ суда въ тюрьму, высылка и ссылка людей только вслѣдствie одного подозрѣнiя, разгромъ высшей и средней школы, жестокiя преслѣдованiя печатнаго и устнаго слова, исключительные политическie и военные суды, десятками лѣтъ длящееся осадное положенie съ устраненiемъ всякой законности и замѣной ея диктатурой чрезвычайныхъ властей,—все это средства, которыми старается спасти себя абсолютизмъ, уже приговоренный самою жизнью къ неминуемой смерти.

Такое положенie вещей оканчивается обыкновенно революцiонной катастрофой, какъ это и было на самомъ дѣлѣ со всѣми не только европейскими, но и азiатскими монархiями абсолютнаго типа. Послѣ ихъ паденiя во Францiи, Германiи, Австрiи, Италiи и всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ черезъ долгiй промежутокъ реакцiонной и революцiонной борьбы наступило, наконецъ, господство правового государства преимущественно въ видѣ конституцiонной монархiи.

ОТДѢЛЪ II.

Ученie о конституцiонномъ государствѣ.

ГЛАВА IV.

Власть и народъ.

Held. System des Verfassungsrechts. Zoepfl. Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts. Maurenbrecher. Die deutschen regierenden Fürsten und die Suwerainität. Stahl. Philosophie des Rechts. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht. I. Haenel. Deutsches Staatsrecht. G. Meyer. Deutsches Staatsrecht. Laband. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. Anschütz. Deutsches Staatsrecht. Дайси. Основы государственнаго права Англiи. Беджготъ. Государственный строй Англiи. Энсонъ. Англiйскiй парламентъ. Лоу. Государственный строй Англiи. Эсменъ. Общiя основы конституцiоннаго права. Орландо. Принципы конституцiоннаго права. Вильсонъ. Государство. М. Ковалевскiй. Конституцiонное право. Котляревскiй. Конституцiонное государство. Конституцiонное государство, сборникъ статей. Политическiй строй европейскихъ державъ, сборникъ. Лазаревскiй. Лекцiи по русскому государственному праву. В. Ивановскiй. Учебникъ государственнаго права. Рейснеръ. Идея легитимизма въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ. («Совр. Мiръ» 1908 г.).

Обращаясь къ обоснованiю власти конституцiоннаго государства, въ частности конституцiонной монархiи, мы видимъ, что оно идеологически въ томъ смыслѣ представляетъ нѣчто болѣе сложное, что здѣсь идетъ рѣчь не объ одномъ только монархическомъ центрѣ государства, но и о другомъ факторѣ, котораго совершенно не знаетъ

абсолютизмъ, а именно, о населенiи, какъ политическомъ факторѣ. Сопоставленiе же монарха и „народа“, какъ двухъ величинъ, дѣйствующихъ совмѣстно, требуетъ также и нѣкотораго третьяго идеологическаго момента, который бы слилъ ихъ въ нѣкоторое высшее единство.

Монархическая идеологiя въ конституцiонномъ строѣ не представляетъ собой ничего оригинальнаго. Это — лишь посильное приспособленiе выработанной при абсолютизмѣ идеологiи, которая въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ укорачивается и нѣсколько видоизмѣняется. Наиболѣе пригодными здѣсь оказываются тѣ, которыя въ результатѣ даютъ наиболѣе яркое представленiе должности. Такова прежде всего идеологiя мистическая, которая производитъ отъ Бога царскую власть. Но ударенiе теперь дѣлается не на власть, которая подобна божеской, а на должность, данную свыше, и на отвѣтственность передъ страшнымъ судомъ за недостаточно усердное ея отправленiе. Идетъ въ ходъ мистическая теорiя и для того, чтобы оправдать независимое отъ воли народа происхожденiе монархической власти и первичность и неприкосновенность правъ монарха, не какъ главы исполнительной власти, но какъ носителя суверенитета. Порядокъ престолонаслѣдiя тоже приводится къ формулѣ „Божiей милостью“, а послѣдняя оказывается пригодной еще и для того, чтобы въ протестантскихъ и православныхъ государствахъ особенно тѣсно связать монархическаго главу и ту или иную господствующую церковь. Какъ очевидно, принципiальная основа остается прежней, но только выводы изъ нея дѣлаются болѣе скромные въ соотвѣтствiи съ дѣйствительнымъ положенiемъ монарха въ государствѣ.

Патримонiальныя начала, лежащiя также въ основѣ монархической власти, значительно ограничиваются. Особенно страдаетъ представленiе о собственности монарха на свои земли и подданныхъ. И хотя попрежнему престолъ прiобрѣтается и передается по наслѣдству, подобно всякому иному имуществу, но это право получаетъ характеръ наслѣдственной передачи должности, при чемъ такой порядокъ ея передачи оправдывается пользами государства и необходимостью устранять раздоры, сопряженные съ избирательной монархiей. И хотя конституцiонное государство принципiально не знаетъ наслѣдственныхъ должностей, но все же дѣлается единственное исключенiе для одной должности монарха, при чемъ неудобства этого порядка, какъ мы увидимъ ниже, парализуются при помощи такъ называемой отвѣтственности министровъ. Успѣшнѣе культивируется военно-рыцарская идеологiя благодаря замкнутости военнаго строя. Монархъ обыкновенно сохраняетъ за собой высокое, а часто и рѣшающее значенiе въ военномъ дѣлѣ, и здѣсь, съ одной стороны, устанавливается при помощи указанной идеологiи тѣсная связь между монархомъ и армiей, а съ другой—армiя отдѣляется отъ народныхъ массъ въ обособлен-

ный корпусъ на кастовой основѣ. Патріархальныя идеи образуютъ цѣликомъ формальный аппаратъ обращеній монарха къ народу и часто становятся средствомъ для пропаганды личной привязанности къ нему лойяльныхъ элементовъ. Въ общемъ, такимъ образомъ, романтическая идеологія удерживается, хотя и съ перенесеніемъ центра тяжести съ идеи собственности на идею должности.

Сильный ущербъ постигаетъ зато идеи общаго блага, народнаго порученія или даже договора. Эта теорія была хороша лишь до тѣхъ поръ, пока за нею не было никакихъ реальныхъ силъ, способныхъ представить собой волю народа, его интересы, его пониманіе общаго блага. Но какъ только монархъ съ отказомъ отъ абсолютизма пересталъ быть самъ единственнымъ органомъ, опредѣляющимъ и содержаніе и осуществленіе общаго блага, опираться на волю народа оказалось весьма неудобнымъ. Ибо теперь, послѣ того, какъ благодаря народному представительству рядомъ съ монархомъ оказался самъ народъ, стать народнымъ слугою, первымъ министромъ, первымъ исполнителемъ народной воли — это значитъ не болѣе и не менѣе, какъ отказаться отъ своего сувереннаго положенія и снизойти на уровень отвѣтственнаго президента. Логика идеи, которая раньше не имѣла никакого особаго значенія, теперь, послѣ того, какъ она получила особую опору въ представительныхъ органахъ, оказалась настолько убѣдительной, что самыя идеи, какъ опасныя, были благоразумно устранены. Эти идеи, съ другой стороны, получили послѣдовательное примѣненіе и реальное воплощеніе лишь въ парламентарно-демократическомъ государствѣ, гдѣ онѣ нашли даже выраженіе въ оригинальной формулѣ нѣкоторыхъ монарховъ — „Божьей милостью и волею народа".

Гораздо сложнѣе и интереснѣе является въ конституціонномъ государствѣ обоснованіе роли того другого фактора, который выступаетъ здѣсь въ качествѣ народа. Прежде всего надо отмѣтить, что самый терминъ „народъ" весьма охотно употребляется здѣсь даже въ офиціальной терминологіи. Народъ этимъ какъ бы отдѣляется отъ государства и вмѣстѣ противопоставляется монарху. Получается извѣстный дуализмъ, свойственный, какъ мы уже знаемъ, и сословно-земскому государству. И терминъ этотъ тоже знакомъ средневѣковью. Не разъ сословія называютъ тамъ себя „народомъ" или представителями „народа". Но здѣсь этотъ терминъ употребляется въ иномъ смыслѣ. Тотъ, средневѣковый народъ владѣлъ правомъ представительства независимо и внѣ воли монарха. Тамъ были договорныя права, самостоятельно добытыя и основанныя на собственномъ правѣ. Здѣсь мы ничего подобнаго не находимъ. Здѣсь народъ лишь въ государствѣ, и благодаря государству, народъ, созданный не изъ самого себя, а извнѣ, народъ, такъ сказать, „искусственный", а не „натуральный". Народъ въ силу соизволенія свыше и закона, а не по собственному соизво-

ленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и чѣмъ-то цѣльнымъ и единымъ, какимъ-то особымъ корпусомъ.

Подобный народъ мы находимъ уже въ христіанской общинѣ протестантства, гдѣ народъ въ качествѣ тѣла Христова принимаетъ участіе въ исповѣданіи вѣры и совершеніи таинствъ. И христіанская теорія не осталась въ сторонѣ при созданіи конституціоннаго строя. Въ этомъ отношеніи много сдѣлали еще гугенотскіе и кальвинистскіе тираноборцы, которые не только признавали „должность" царя, но и давали христіанскому народу право контроля и участія въ государственныхъ дѣлахъ черезъ особыхъ „магистратовъ". Въ реакціонную эпоху новаго политическаго строя съ идеей христіанскаго государства была вмѣстѣ воскрешена и теорія своеобразнаго народнаго представительства. Оно проистекаетъ изъ признанной протестантствомъ моральной свободы человѣка. Отсюда свободное повиновеніе христіанскаго народа, признающаго въ господствѣ монарха высшій законъ. Только христіанство сумѣло, съ одной стороны, освятить тѣ различныя призванія, которыя раздѣляютъ народъ на различныя сословія или группы, а съ другой—раскрыть сознаніе единой, всѣмъ одинаково присущей природы человѣка, какъ подобія Божія. Такъ именно благодаря христіанству между „сословіемъ", съ одной стороны, и „человѣкомъ"—съ другой—образовалось особое понятіе „гражданина", которое осуществляется только въ христіанскомъ государствѣ. Здѣсь именно выступаетъ понятіе органически расчлененнаго народа въ качествѣ духовнаго организма, проникнутаго религіознымъ началомъ. Народъ есть духовный или нравственный организмъ — вотъ основной выводъ изъ христіанской теоріи для конституціоннаго государства.

И необходимо признать, что понятіе духовнаго организма представляетъ большія удобства особенно для первыхъ временъ конституціоннаго строя, когда еще сильно преобладаніе бюрократіи и личнаго правленія, а роль народнаго представительства достаточно слаба и неопредѣленна. Такая теорія, во-первыхъ, позволяетъ весьма сузить самое понятіе народа, допущеннаго къ участію въ государственной власти. Ибо ясно, что не всѣ и всякій способны дать въ своемъ соединеніи духовный организмъ. Для этого нужны извѣстныя духовныя же свойства. И дѣло законодателя опредѣлить, у кого они есть, а и у кого ихъ нѣтъ, и первыхъ снабдить политическими правами, а вторыхъ исключить. И при господствѣ идеи „христіанскаго государства" такъ именно было поступлено съ иновѣрцами, а въ частности евреями; они были признаны неспособными къ духовной гармоніи и единству съ христіанскимъ народомъ, а посему и были лишены политическихъ правъ. Другимъ преимуществомъ такого пониманія „народа" была возможность перенести политическія отношенія изъ сферы точнаго и строго разграничивающаго права въ область смутныхъ и колеблющихся понятій морали, гдѣ гораздо легче прикрыть факты на-

мѣреніями, а дѣйствительность—идеалистически окрашенной фикціей. Вѣдь именно понятіе духовнаго организма предполагаетъ не свободу вообще, а лишь „моральную“, которая состоитъ, съ одной стороны, въ связанности моральнымъ закономъ, а съ другой—въ добровольномъ желаніи ему слѣдовать. Моральный законъ, какъ извѣстно, требуетъ самоотреченія, а не настойчиваго преслѣдованія своихъ выгодъ и интересовъ; покорности и смиренія, а не борьбы съ существующимъ строемъ и Богомъ установленной властью. Понятно теперь, почему теорія духовнаго организма была воспринята не только „христіанскими“ писателями, но и другими, которые и безъ христіанства проповѣдывали „духовный организмъ“ и основанное на немъ царство правды.

Однако данная теорія имѣла и свои неудобства. Самое происхожденіе духовнаго организма было нѣсколько подозрительно, благодаря породившей его революціи. Избирательное право, опредѣлявшее доступъ въ парламентъ, было связано отнюдь не съ духовнымъ, а весьма матеріальнымъ цензомъ, который не имѣлъ въ себѣ ничего моральнаго. Оппозиція, крайнія радикальныя партіи и подобные имъ враги отечества засѣдали по праву въ палатахъ и не подвергались никакому моральному суду или исключенію. Организмъ оказывался, такимъ образомъ, не только лишеннымъ необходимой гармоніи, но съ самаго начала отравленнымъ или зараженнымъ. Но и этого мало, даже между приверженцами духовнаго принципа католики не могли столковаться съ протестантами, сторонники свѣтской морали съ церковниками и т. д. И вмѣстѣ съ тѣмъ у „духовнаго организма“ не оказывалось никакихъ способовъ и средствъ, чтобы по старымъ испытаннымъ образцамъ пресѣчь крамолу, уничтожить прессу, обуздать литературу, смирить университеты и т. п. Одна наличность представительства дѣлала невозможною прежнюю тайную расправу, а въ виду этого приходилось воочію передъ всѣми обманывать себя и провозглашать гармонію, единство и органическую, духовную связь тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ шла жестокая борьба, и раскрывалась самая острая противоположность интересовъ. Долгаго существованія такая фикція выдержать не могла, и пришлось искать еще иныхъ идейныхъ обоснованій. Народъ перевели въ составъ государства уже въ качествѣ государственнаго органа, какъ таковаго.

Съ этой точки зрѣнія народъ внѣ государства не существуетъ. Онъ есть лишь порожденіе государства для его, государства, цѣлей. На ряду съ хорошей организаціей исполнительной власти должна быть цѣлесообразная организація законодательной. Послѣднюю нельзя довѣрить бюрократіи, такъ какъ отсюда происходитъ полное смѣшеніе исполнительной и законодательной властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гибель самого закона. Посему необходимо, чтобы къ дѣлу законодательства было привлечено само населеніе. И та же точка зрѣнія требуетъ, чтобы для участія въ законодательствѣ призывались изъ среды

населенія наилучшіе, наиболѣе опытные, знающіе, разсудительные и моральные люди, освѣдомленные въ особенности относительно пользъ и нуждъ населенія. Это своего рода эксперты, свѣдущіе люди, которые и должны подать правительству благой совѣтъ на манеръ „прирожденныхъ совѣтниковъ“ націи, извѣстныхъ еще сословно-земскому строю. Такъ народъ получаетъ строго юридическое опредѣленіе: это коллегія такихъ избирателей, которая въ избирательныхъ собраніяхъ дѣлаетъ отборъ лучшимъ людямъ страны и посылаетъ ихъ въ парламентъ съ тѣмъ, чтобы они тамъ послужили государству своимъ знаніемъ и опытностью. Народные же представители также получаютъ не менѣе опредѣленный характеръ: это должностные люди государства, выбранные народомъ въ качествѣ членовъ государственной законодательной коллегіи. Нечего и говорить, что только конституція создаетъ подобный народъ, и его функціи и роль опредѣляются закономъ. Существуетъ ли такой народъ внѣ избирательныхъ собраній? Отвѣтъ: хоть и не дѣйствуетъ, но существуетъ, поскольку и въ перерывѣ между выборами существуютъ, хоть и не дѣйствуютъ различныя избирательныя учрежденія и самъ избирательный законъ.

Теорія представительства, какъ организація „лучшихъ“ людей и свѣдущихъ совѣтниковъ при государѣ, имѣетъ за собой большую историческую давность. Именно этой теоріей пользовались еще во времена сословно-земскаго государства для того, чтобы прикрыть узко-сословные интересы тѣхъ привилегированныхъ группъ и корпорацій, которыя принимали на себя обликъ представителей народа, а на самомъ дѣлѣ защищали только свои прирожденныя и неотъемлемыя привилегіи. Еще лучше упомянутая идеологія пригодилась новому представительству привилегированныхъ, столь характерному для начальной стадіи представительнаго строя въ Европѣ. Начало „годности“ для законодательной работы дало возможность самымъ разностороннимъ ограниченіямъ избирательнаго права. Требованіе опытности и положительности привело къ повышенію возрастнаго ценза. Желаніе имѣть наиболѣе образованныхъ и просвѣщенныхъ—къ созданію образовательнаго ценза. А такъ какъ независимость и самостоятельность были признаны слѣдующимъ условіемъ, гарантирующимъ парламенту наилучшихъ депутатовъ, то и были установлены требованія самаго разнообразнаго имущественнаго ценза. Рядъ нравственныхъ достоинствъ кандидатовъ и избирателей должны были дать состояніе въ бракѣ, принадлежность къ опредѣленной расѣ и сословію, исповѣданіе опредѣленной вѣры,—однимъ словомъ, рядъ требованій ценза, который до крайности сузилъ число членовъ государственнаго „народа“, такъ называемой „легальной страны“, и совершенно оставилъ внѣ рамокъ народа тѣхъ, кто какъ разъ и составлялъ въ своей массѣ подлинный, настоящій народъ. Съ этой стороны теорія государственнаго народа оказалась вполнѣ достигающей своей цѣли.

Должность народнаго избирателя такъ же, какъ законодателя, оказалась обезпеченной за наиболѣе „достойнымъ“.

Другимъ удобствомъ теоріи государственнаго народа было то обстоятельство, что при ея помощи, съ одной стороны, чрезвычайно увеличивалась связь между депутатомъ и государствомъ, и съ другой—ослаблялась между избраннымъ и избирателемъ, такъ какъ послѣдній избиралъ не для себя, а для государства. Этимъ путемъ почти совершенно уничтожалась политическая отвѣтственность депутатовъ передъ избирателями, и представители народа чувствовали себя подобно привилегированнымъ сословіямъ средневѣкового сейма, не уполномоченными народа, а его господами и повелителями, которые совмѣстно съ правительствомъ призваны къ начальству и власти надъ остальными подданными, оставшимися внѣ стѣнъ палаты. Въ Англіи, этой классической странѣ представительства, гдѣ оно непосредственно родилось изъ сословно-земскаго строя и крѣпкой власти королей, долгое время существовала теорія, которая и до сихъ поръ имѣетъ приверженцевъ, что парламентъ есть какъ бы расширеніе абсолютнаго государя, что парламентъ вмѣстѣ съ королемъ представляютъ собой носителя самодержавной, неограниченной власти, которая не можетъ только сдѣлать одного, а именно—превратить женщину въ мужчину и обратно. При такомъ воззрѣніи понятно, что до перваго билля о реформѣ избирательное право было сосредоточено въ рукахъ олигархіи, которая властвовала надъ народомъ, но отнюдь не считалась со своею отвѣтственностью передъ нимъ. И только послѣ реформы и то сначала на практикѣ, а затѣмъ въ теоріи все больше утверждается мысль, что британскій парламентъ во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ путемъ распущенія и новыхъ выборовъ долженъ обратиться къ непосредственному рѣшенію и голосованію избирателей.

Теорія государственнаго народа представляетъ еще и то удобство для своихъ приверженцевъ, что благодаря ей измѣненія въ положеніи этого самаго народа совершенно юридически не зависятъ отъ его воли и согласія. Этимъ покупается, по крайней мѣрѣ, принципіальная свобода въ дѣлѣ расширенія, суженія и даже полнаго упраздненія какъ избирательнаго права, такъ и представительныхъ учрежденій. И въ самомъ дѣлѣ, если государственная цѣлесообразность привела къ созданію парламента въ одно время, то развѣ въ другое время не можетъ она привести къ его уничтоженію или измѣненію? И народъ,—настоящій, живой народъ при этомъ даже не долженъ почувствовать нарушенія своихъ правъ, ибо права эти по данной теоріи—лишь даръ государства, невольное слѣдствіе государствомъ принятыхъ мѣропріятій. Избирательное право съ этой точки лишь рефлексъ, принадлежность объективнаго закона и самостоятельной силы никакой не имѣютъ. Конечно, такіе выводы приводятъ теорію государственнаго народа къ совершеннѣйшему абсурду, такъ какъ этимъ путемъ

государство совершенно поглощаетъ народъ, а послѣдній терминъ становится безсмысленнымъ и ненужнымъ. И если все содержаніе этого народа составляла его государственная сущность, то, само собой, такой народъ появляется и исчезаетъ по повелѣнію государства, самъ же вовсе не существуетъ. Понятіе народа превратилось въ совершеннѣйшую фикцію.

Ясно теперь, почему была создана еще одна теорія народа, которая старается спасти и его самостоятельную сущность и оправдать самый терминъ народнаго представительства. Такова теорія, выходящая изъ противоположности государства и общества, частныхъ и государственныхъ интересовъ, общаго блага, какъ основной цѣли общества и государственнаго интереса, какъ главнаго содержанія правительственной дѣятельности. По существу эта идея родственна началу средневѣковаго дуализма между земщиной и опричниной, сословіями и княземъ. По этой теоріи, по крайней мѣрѣ, юридически различаются двѣ организаціи: правительство и парламентъ, и этимъ объясняется возможность конфликта между ними, который часто принимаетъ такіе громадные размѣры. Этой теоріей удовлетворительно объясняется и тотъ фактъ, что при созданіи закона, обѣ указанныя силы выступаютъ какъ равныя, для бытія закона требуется непремѣнно согласіе, единодушіе ихъ, при чемъ въ основу полагается именно двусторонній, а не односторонній актъ согласія и рѣшенія. Также понятно отсюда, почему, разъ дѣло касается „общаго блага“, непремѣнно требуется, чтобы самое содержаніе соотвѣтственнаго закона было опредѣлено только парламентомъ, какъ представителемъ общества. Особой близостью „общества“ къ вопросамъ хозяйственной жизни объясняется въ такой мѣрѣ бюджетное право народнаго представительства, въ какой и право старыхъ сословій на опредѣленіе субсидіи князю, его администраціи и двору.

Однако и здѣсь понятіе „общества“ остается весьма неопредѣленнымъ. Теорія и практика выясняютъ эту неопредѣленность въ томъ смыслѣ, что общество есть та среда, которая наиболѣе заинтересована въ общемъ хозяйственномъ и политическомъ процессѣ. А такъ какъ этотъ процессъ совершается въ настоящее время при помощи капиталистовъ, предпринимателей и вообще имущихъ, то, естественно, наиболѣе важнымъ и цѣннымъ элементомъ общества, какъ носителя общаго интереса, является та его часть, которая наиболѣе заинтересована въ томъ или другомъ направленіи государственной политики. Низшіе классы населенія, въ особенности неимущіе, нисколько непосредственно не заинтересованы ни въ расцвѣтѣ промышленности, ни въ ростѣ торговли, ни въ преуспѣяніи землевладѣнія. Наоборотъ, будучи проникнуты однимъ стремленіемъ къ обезпеченію себѣ куска хлѣба, они скорѣе склонны къ различнымъ коммунистическимъ и

анархическимъ тенденціямъ, которыя грозятъ существованію самаго общества и его важнѣйшихъ основъ.

Отсюда ясно, что лишь одинъ цензъ, который отдѣляетъ собственниковъ отъ неимущихъ, является той соціальной границей живого интереса къ общему благу, которая должна вмѣстѣ съ тѣмъ устранить изъ легальнаго народа косные, апатичные, индиферентные или, что еще хуже, прямо опасные элементы. Цензъ такимъ образомъ значительно уширяется. Здѣсь уже не идетъ дѣло о людяхъ совершенно экономически независимыхъ, но лишь о тѣхъ, которые обладаютъ дѣйствительнымъ интересомъ не къ общему разрушенію, а къ общему благу. И такой теоріи до сихъ поръ совершенно соотвѣтствуетъ то избирательное право, которое вводитъ хотя бы и небольшой, но, тѣмъ не менѣе, всеобщій цензъ для участія въ выборахъ.

Подобная теорія, однако, несмотря на многія удобства, имѣетъ сама нѣкоторыя опасныя стороны. Она прежде всего разбиваетъ вожделѣнное единство государства, которое должно смѣнить собой то пресловутое противоположеніе государства и народа, которое привело къ гибели и земско-сословный строй и абсолютизмъ. Съ другой стороны, если хозяйственный интересъ дѣлать критеріемъ для состава самого представителя, то надо тогда различать не только между имущими и неимущими вообще, но и между тѣми, кто имѣетъ больше имущества, а слѣдовательно, и большій интересъ въ направленіи политики, и тѣми, кто владѣетъ меньшими имуществами, а слѣдовательно, имѣетъ меньшій интересъ, въ общемъ благѣ. По справедливости права избирателей и депутатовъ должны быть въ такомъ случаѣ строго соразмѣрены съ объемомъ ихъ кармана и получить въ пропорціи и разныя права. Но въ такомъ случаѣ „народъ“ превращается уже цѣликомъ въ „карманъ“, и народное представительство въ представительство денегъ. Наконецъ система государственнаго дуализма при малѣйшемъ перевѣсѣ правительства или парламента можетъ повлечь за собой такое преобладаніе одного изъ нихъ, что въ результатѣ установится или возвратъ къ бюрократическому или военному деспотизму или къ плутократической тираніи. И та и другая не разъ смѣняли другъ друга въ исторіи. И это вполнѣ понятно. Между правительствомъ и парламентомъ по этой системѣ нѣтъ ничего общаго. И здѣсь меньше всего можетъ дѣло итти о нѣкоторомъ общемъ дѣлѣ. Напротивъ, обѣ стороны стоятъ другъ противъ друга и торгуются: кто изъ нихъ больше сорветъ съ другой, власть или капиталъ. Государство въ этомъ случаѣ становится лишь добычей сильнѣйшей стороны, а подданные превращаются изъ субъектовъ политическаго права въ какой-то объектъ распоряженія чужой силы. Этимъ уничтожаются самыя основы конституціонализма.

Однако на практикѣ дѣло складывается нѣсколько иначе. И это потому, что, несмотря на преобладаніе той или иной системы въ воззрѣніи на народъ и его представительство въ отдѣльную эпоху новаго времени, въ дѣйствительности всѣ эти системы примѣнялись одновременно, нарушая еще болѣе логическую послѣдовательность, но вмѣстѣ и ослабляя взаимные недостатки. Народъ въ качествѣ духовнаго организма отлично уживался съ народомъ въ видѣ государственнаго учрежденія такъ же, какъ съ народомъ во образѣ вмѣстилища хозяйственныхъ интересовъ. Во всѣхъ этихъ теоріяхъ, однако, нельзя не видѣть одной общей черты: всѣ онѣ совершенно опредѣленно исключаютъ изъ политической жизни народъ дѣйствительный, а такъ какъ послѣдній все же существуетъ и его бытію необходимо тоже нѣкоторое признаніе, то отсюда проистекли новыя затрудненія для приведенной идеологіи. За народомъ привилегированнымъ остался еще народъ, въ парламентѣ непредставленный, и онъ долженъ былъ получить свое мѣсто. И это мѣсто было найдено. Было объявлено, что народъ существуетъ въ двухъ видахъ: а именно—какъ субъектъ властвованія и какъ объектъ властвованія. Парламентскій народъ, народъ-избиратель оказался при этомъ на положеніи преимущественно субъекта, народъ же прочій—въ видѣ только объекта, который во властвованіи отнюдь участія не принималъ. А такъ какъ и тотъ и другой народъ одинаково назывались народомъ, а ученыхъ подраздѣленій и различеній въ массѣ не знали совсѣмъ, то и получилась удивительная фикція, которая помогла безъ народа создать народныя учрежденія, народное представительство, народные выборы и т. д. И подобно тому, какъ прежде стоявшій во главѣ бюрократіи монархъ провозглашалъ себя носителемъ народнаго блаженства, такъ и теперь привилегированное меньшинство, устранивъ народъ, провозгласило себя его замѣстителемъ...

Спрашивается, однако, нуженъ ли этотъ дѣйствительный, настоящій народъ для такъ называемаго конституціоннаго государства? И если мы внимательно всмотримся въ его основныя черты, мы увидимъ, что представительное государство по существу можетъ обойтись и безъ реальнаго народа въ качествѣ непремѣннаго участника въ отправленіи верховной власти. Ибо сущность его вовсе не въ томъ, что именно народъ принимаетъ участіе въ законодательствѣ, а въ томъ, что со времени признанія представительнаго начала та единая самодержавная воля, которая прежде совпадала съ верховной волей государства, теперь формально измѣнена въ томъ смыслѣ, что высшимъ актомъ государственной воли является не односторонній, единоличный актъ суверена, а двусторонній актъ, который имѣетъ за собой довольно сложное происхожденіе. Актъ этотъ разбивается на соглашеніе, по крайней мѣрѣ, трехъ факторовъ — нижней палаты „представителей“, верхней палаты „лучшихъ людей“ и самого монарха.

Въ палатахъ же ихъ рѣшеніе есть результатъ голосованія и согласія большинства. При этомъ согласіе ихъ различнаго типа. Палаты имѣютъ право измѣнять, отвергать и принимать любой текстъ закона, тогда какъ монархъ получаетъ на утвержденіе лишь тотъ текстъ, который уже принятъ палатами, и можетъ лишь безъ всякихъ измѣненій или цѣликомъ его принять, или цѣликомъ же отвергнуть. И хотя этотъ процессъ часто изображается такъ, что палаты здѣсь лишь изготовляютъ проектъ закона, а только самъ монархъ дѣлаетъ его закономъ, а слѣдовательно, главная сила лежитъ здѣсь въ рукахъ монарха, который изъ своего полновластія снисходитъ къ проекту и снабжаетъ его единственно обязательной силой, но на дѣлѣ это обстоитъ не такъ. Между палатами и монархомъ, съ одной стороны, какъ бы существуетъ равенство, такъ какъ ни монархъ безъ согласія палатъ, ни палаты безъ согласія монарха не могутъ издать закона, но, въ концѣ-концовъ, все же перевѣсъ оказывается на сторонѣ палатъ, ибо послѣднія, кромѣ права принять или отвергнуть, имѣютъ еще право, котораго лишенъ монархъ, а именно, право видоизмѣнять, обсуждать, дополнять или сокращать представленный имъ законопроектъ. И, несомнѣнно, въ этомъ-то ограниченіи власти монарха и лежитъ первый признакъ конституціоннаго государства. Это ограниченіе по существу есть вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе власти между двумя разнородными и самостоятельными факторами, которые замѣняютъ собой прежде бывшій одинъ.

Верховная власть раздѣлена; она отправляется коллегіально; но вмѣстѣ съ тѣмъ она раздѣлена между двумя независимыми факторами. И какъ бы ни прикрывали этого факта во имя идеологіи абсолютизма, фактъ остается фактомъ. И нѣтъ болѣе законнаго способа, чтобы устранить камеры или палаты отъ пользованія верховной властью такъ же, какъ нѣтъ законнаго способа перемѣнить опять двустороннее соглашеніе на односторонній актъ. И когда монархъ отказался отъ полноты своей неограниченной власти и раздѣлилъ ее съ палатами, кончено: отнынѣ односторонній актъ перестаетъ быть актомъ высшей государственной власти, а слѣдовательно, и теряетъ юридическую силу. Только соглашеніемъ можетъ быть измѣненъ порядокъ отправленія верховной власти, но на такое соглашеніе второй факторъ, естественно, больше не идетъ. Онъ не желаетъ самоупраздненія. И здѣсь-то выступаетъ на первый планъ та независимость и самостоятельность представительства, которая конституціонному государству придаетъ его характерный видъ и своеобразіе. И если даже палаты и не являются въ дѣйствительности представителями народа, то во всякомъ случаѣ такими представителями господствующихъ классовъ, которые менѣе всего способны отречься отъ себя и своихъ интересовъ и пойти на службу „государства". Юридически все это и выражается въ положеніи парламента и избирателей, такъ же

какъ въ отношенiи парламента и монарха къ прочему, дѣйствительному народу.

Яркимъ доказательствомъ въ пользу выставленныхъ положенiй является тотъ фактъ, что, во-первыхъ, въ конституцiонныхъ государствахъ, въ родѣ Англiи, цѣлыми вѣками существовало фиктивное представительство разныхъ гнилыхъ мѣстечекъ, и отъ этого конституцiонный принципъ нисколько не пострадалъ, а во-вторыхъ, учрежденiями такого фиктивнаго представительства и до сихъ поръ являются первыя или верхнiя палаты. Послѣднiя создаются безъ малѣйшаго участiя народа. Въ нихъ засѣдаютъ или наслѣдственные члены высшей знати, или назначенные въ палаты монархомъ представители крупнаго капитала, талантовъ, дарованiй и заслугъ, или же, наконецъ, делегаты разныхъ привилегированныхъ учрежденiй и корпорацiй. И эти люди, тѣмъ не менѣе, вполнѣ удовлетворяютъ условiямъ конституцiоннаго строя: несмотря на все разнообразiе ихъ права на представительство, всѣ они въ одномъ отношенiи равны—они поставлены совершенно независимо отъ монарха и не только не подвергаются какой-либо отвѣтственности за свои дѣйствiя въ качествѣ членовъ палаты, но обладаютъ вмѣстѣ съ членами второй или нижней палаты депутатской неприкосновенностью или иммунитетомъ. И эта-то юридическая безотвѣтственность и неприкосновенность членовъ палаты въ связи съ ея законодательной ролью и дѣлаетъ парламентъ важнымъ факторомъ конституцiоннаго государства. Парламентъ—это независимый органъ высшихъ общественныхъ слоевъ.

Но въ идеологiи все должно быть иначе. И вмѣсто олигархiи высшихъ классовъ мы видимъ передъ собой союзъ монарха и народа, образующихъ государство. Отнынѣ уже больше нельзя говорить: „государство—это я", или, какъ слѣдовало бы теперь сказать: „государство—это мы". Возникаетъ вопросъ объ объединенiи монарха и народа въ нѣкоторое высшее единство. И здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ воззрѣнiй, которыя не только проповѣдуются въ теорiи въ качествѣ научныхъ истинъ, но находятъ себѣ и положительное идеологическое признанiе въ различныхъ кодексахъ и политическихъ актахъ. Въ первое время существованiя конституцiоннаго государства особенно употребительно воззрѣнiе, которое приближаетъ его по конструкцiи къ абсолютному. Предполагается, что монархъ попрежнему есть полный обладатель верховной власти — самодержецъ. Иногда слово обладатель измѣняется на болѣе деликатное—носитель. И по существу онъ могъ бы, какъ и во времена абсолютизма, самъ осуществлять ее во всѣхъ отношенiяхъ. Но, желая оказать особый знакъ своей милости и любви къ подданнымъ, онъ рѣшаетъ по собственному своему свободному произволенiю допустить ихъ къ участiю въ государственныхъ дѣлахъ. Въ этомъ выражается особое довѣрiе монарха къ „народу" и признанiе его уже достаточно раз-

умнымъ, нравственно созрѣвшимъ и способнымъ къ нѣкоторой заботѣ о самомъ себѣ. Однако, призывая народныхъ избранниковъ къ участію въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, монархъ вовсе не отказывается отъ полноты своего „самодержавія". Онъ удерживаетъ за собой весь суверенитетъ и въ этомъ смыслѣ именуется источникомъ всей государственной власти. Но онъ уступаетъ своимъ подданнымъ, имъ призваннымъ къ содѣйствію и совѣту, лишь фактическое осуществленіе этой власти. И если монархъ можетъ передавать осуществленіе своей власти различнымъ чиновникамъ, губернаторамъ, судьямъ и т. п., то, само собой, онъ можетъ точно такъ же передать это осуществленіе и особымъ выборнымъ отъ народа, которые, согласно изданнымъ имъ законамъ и предначертаніямъ, исполняютъ монаршую волю въ составѣ палатъ или камеръ. Такое воззрѣніе положено въ основу такъ называемыхъ жалованныхъ или октроированныхъ конституцій, которыя мы въ особенномъ изобиліи находимъ въ началѣ XIX в. Такъ сохраняется принципъ стараго права—легитимность, а вмѣстѣ съ тѣмъ вводится новое представительное устройство.

Фикція жалованныхъ конституцій имѣетъ весьма важное значеніе по тѣмъ выводамъ, которые изъ нея дѣлались и дѣлаются. Во-первыхъ, благодаря такой фикціи при перемѣнившихся условіяхъ искусственно задерживается необходимое умираніе пестрой идеологіи неограниченной власти. Во-вторыхъ, создается представленіе, будто монарху принадлежитъ такъ называемая учредительная власть, такъ какъ монархъ именно своими единоличными актами создалъ представительство и опредѣлилъ его компетенцію. Отсюда весьма понятенъ выводъ, что монархъ такими же актами можетъ измѣнять и дополнять его основы. Въ-третьихъ, фикція исключительно активной роли монарха, при которомъ представители лишь выполняютъ его предначертанія, ведетъ къ сосредоточенію законодательной иниціативы въ рукахъ монарха не только по измѣненію основныхъ законовъ, но и по обыкновенному законодательству. Въ-четвертыхъ, создается теорія, по которей первичной считается компетенція монарха, а слѣдовательно, его вѣдому подлежатъ всѣ дѣла за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя положительно и прямо предоставлены представительнымъ учрежденіямъ. Наоборотъ, отсюда проистекаетъ, что компетенція палатъ вторичная, а слѣдовательно, онѣ отнюдь не должны выходить за предѣлы точно и опредѣленно указаннаго круга вѣдомства. Въ-пятыхъ, наконецъ, за монархомъ остается право указнаго законодательства во время отсутствія палатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ чрезвычайныя полномочія для изданія законовъ, заключенія займовъ и другихъ мѣропріятій въ случаѣ крайней необходимости. Неудивительно послѣ этого, что монархи, издавшіе октроированныя конституціи, считали себя въ правѣ прибѣгать къ одностороннимъ актамъ,

измѣняющимъ конституцію, избирательный законъ и права представительства, въ результатѣ чего не разъ возникали различные насильственные перевороты. Но даже въ позднѣйшую эпоху развитія представительнаго строя, когда достаточно обозначилась самостоятельная роль представительства, а въ основу правового строя было положено строгое раздѣленіе властей, все же оказалось возможнымъ приспособить и къ этимъ условіямъ теорію монархическаго суверенитета. И для этого монархъ былъ провозглашенъ не только источникомъ всѣхъ властей, но и послѣднимъ завершеніемъ ихъ. Онъ долженъ быть объединяющимъ и окончательно рѣшающимъ центромъ, къ которому въ конечной инстанціи восходятъ и указы администраціи, и законопроекты изъ палатъ, и судебныя рѣшенія. Власть монарха получила въ силу этого характеръ особой высшей, умѣряющей власти, которая приводитъ къ гармоніи и единству дѣятельность различныхъ органовъ и учрежденій.

Жалованное представительство очень хорошо сочетается съ понятіемъ божественнаго авторитета власти и представленіемъ народа въ качествѣ духовнаго организма. Мистическія и моральныя идеи и въ самомъ дѣлѣ играли большую роль при первомъ возникновеніи представительнаго строя подъ кровомъ общеевропейской реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ достигалось и объединенное понятіе для цѣлаго государства. Ибо весьма не трудно было представить себѣ государство въ качествѣ политической организаціи духовнаго тѣла народа, изъ котораго милостію и любовію его же духовнаго главы-самодержца призываются въ качествѣ особыхъ избранниковъ лучшіе его сыны на помощь монарху въ его великомъ служеніи. Однако такая теорія не могла надолго удовлетворить даже избранныхъ сыновъ народа въ ихъ политическомъ интересѣ, и на смѣну христіанской теоріи, а частью въ дополненіе моральной идеологіи легитимизма была создана система, по которой роль монарха потеряла свой исключительный характеръ. И хотя идеологія легитимизма отнюдь не умерла, но въ руководящихъ кругахъ она была дополнена другой теоріей монарха, какъ государственнаго органа, стоящаго рядомъ съ народомъ подъ общимъ кровомъ надъ ними стоящаго государства.

Государство въ этомъ случаѣ изъ исторически сложившагося союза общественныхъ группъ превращается въ цѣлесообразную разумную организацію, представляющую собой нѣчто цѣлостное и единое. Но государство, будучи цѣлевой организаціей, не имѣетъ бытія помимо своихъ органовъ, въ которыхъ и выражается его единая воля. И если органы производятъ тѣ или иныя дѣйствія, то это дѣйствуютъ не они, а въ нихъ дѣйствуетъ само государство. И если они вступаютъ отъ имени государства въ тѣ или иныя правоотношенія, то опять-таки здѣсь рождаются не ихъ обязанности и права, а права и обязанности государства. Такими органами государства

являются и монархъ и представительныя палаты. И государство опредѣляетъ въ конституціи или законѣ особый кругъ ихъ компетенціи, на почвѣ которой и устанавливаются ихъ взаимныя отношенія. Монархъ, какъ органъ государства, съ этой точки зрѣнія оказывается стоящимъ не внѣ государства и не надъ нимъ, а въ немъ. Какъ органъ государства, онъ подчиненъ его волѣ. А такъ какъ высшая воля государства есть законъ, то монархъ, такимъ образомъ, оказывается стоящимъ и подъ закономъ. Связь монарха съ представительствомъ, такимъ образомъ, ясна: это отношеніе двухъ различныхъ органовъ, дѣйствующихъ въ одной и той же организаціи въ предѣлахъ ихъ компетенціи. Ничто не мѣшаетъ представить цѣлый рядъ подобныхъ другихъ органовъ. Но между ними есть громадное различіе. Одни изъ нихъ посредственные и вторичные, которые для своего бытія и дѣйствія нуждаются въ волеизъявленіи другихъ органовъ; другіе же, какъ органы непосредственные, получаютъ свое бытіе исключительно благодаря основному закону и за собой уже не имѣютъ другихъ органовъ, которые бы стояли между ними и государствомъ. Они сами первые представляютъ собой государство, его первичную волю. Преобразованное такимъ образомъ государство теряетъ характеръ внѣшняго властвованія. Оно само пріобрѣтаетъ ярко выраженный общественный характеръ, становится союзомъ свободныхъ людей, корпораціей, которая лишь въ цѣломъ, какъ юридическая личность, получаетъ свою отдѣльную отъ гражданина волю. И монархъ и представительство существуютъ лишь какъ органы государства, какъ должностныя лица и учрежденія политической корпораціи.

Такое воззрѣніе въ одномъ отношеніи прекрасно достигаетъ цѣли. Ставъ идеологіей, оно сильно ограничиваетъ монарха, какъ держателя внѣ государства пріобрѣтенныхъ правъ. Такая идеологія совершенно игнорируетъ догосударственный и сверхъестественный источникъ монархической власти. Для такой идеологіи не существуетъ и того исключительнаго положенія, которое пріобрѣтено монархомъ во время абсолютнаго режима, когда онъ былъ правиломъ, а все остальное исключеніемъ, когда онъ былъ началомъ и концомъ всего. Конституціонный монархъ въ силу этой теоріи рождается впервые вмѣстѣ съ конституціей и народнымъ представительствомъ. Его воля пріобрѣтаетъ государственный характеръ лишь постольку, поскольку онъ самъ остается въ предѣлахъ своей компетенціи и дѣйствуетъ на точномъ основаніи закона. И какъ только воля монарха выходитъ изъ указанныхъ предѣловъ, она становится недѣйствительной и ничтожной и умираетъ, какъ воля государственнаго органа. Ясно отсюда, что всѣ полномочія монарха, особенно въ области законодательства, должны быть положительно опредѣлены въ законѣ, иначе они не будутъ признаны, какъ таковыя, и отпадутъ въ область несуществующихъ.

Указанная идеологія хорошо сочетается съ теоріей парламента, какъ государственнаго органа. Но она никогда не будетъ принята тамъ, гдѣ въ дѣйствительности преобладаетъ монархическое начало, а сами конституціи имѣютъ октроированный характеръ. Съ другой стороны, сосредоточивая все государство въ его органахъ и вмѣстѣ опредѣляя государство, какъ нѣчто отъ органовъ его отдѣльное, система эта совершенно не даетъ выхода въ тѣхъ случаяхъ, когда различные органы вступаютъ другъ съ другомъ въ конфликтъ. А между тѣмъ вполнѣ возможно, что органы, искренно заблуждаясь относительно своей компетенціи, будутъ дѣйствовать отъ имени государства въ противоположномъ направленіи, каждый будетъ обвинять другого въ нарушеніи конституціи, и, въ концѣ-концовъ, государство совершенно исчезнетъ въ глазахъ подданныхъ, такъ какъ всѣ его органы перестанутъ дѣйствовать согласно конституціи и закону. Съ потерей закономѣрныхъ органовъ по этой теоріи погибаетъ и государство. Послѣднее положеніе — очевидная нелѣпость. Но хуже всего то, что органическое ученіе, не будучи въ силахъ ни монарха превратить въ простое орудіе государства, такъ какъ онъ опирается и на божеское и на наслѣдственное право, ни парламентъ направить на путь чисто-государственныхъ интересовъ, такъ какъ оно представляетъ собой общество, въ концѣ-концовъ, удовлетворяется фикціей и называетъ государственнымъ то, что на дѣлѣ антигосударственно, органической дѣятельностью жестокую борьбу отдѣльныхъ корпорацій, группъ и партій.

Наиболѣе ранней, а вмѣстѣ и радикальной теоріей является та, которая была положена въ основу англійскаго конституціонализма XVII вѣка. По этому ученію источникъ власти полагается въ народѣ, который именно въ цѣляхъ охраненія собственности передаетъ часть своихъ первоначальныхъ правъ государю, другую же оставляетъ за собой и осуществляетъ ихъ черезъ своихъ выбранныхъ или депутатовъ. Въ основу отношеній монарха и народа полагается особый договоръ, который и опредѣляетъ взаимныя права обоихъ факторовъ государственной жизни. Въ силу такого договора обезпечено повиновеніе народа власти, пока она дѣйствуетъ въ предѣлахъ условій договора. Суверенитетъ въ силу такихъ идеологическихъ конструкцій остается за народомъ, но только отправленіе его делегируется государю и парламенту. Здѣсь мы наблюдаемъ то же самое, что видѣли выше относительно монархическаго суверенитета. И подобно тому, какъ въ послѣднемъ случаѣ монархъ, будучи носителемъ суверенитета, передаетъ его отправленіе палатамъ, точно такъ же и народъ, сохраняя суверенитетъ за собой, делегируетъ его осуществленіе другимъ учрежденіямъ и лицамъ. По составу своему народъ здѣсь вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ „народомъ“, который мы уже видѣли выше,—это

собственники, имѣющіе „дѣйствительный“ интересъ въ осуществленіи власти.

Достоинства подобной теоріи очевидны. Она обезпечиваетъ единство всей политической организаціи. Одна и та же воля создаетъ и парламентъ и монарха. И воля эта не сверхъестественная или произвольная, присущая одному лицу, она есть воля всего полноправнаго населенія государства, и притомъ она ясно и опредѣленно выражена въ первоначальномъ договорномъ актѣ. Не отвлеченное государство, это искусственное приспособленіе и изобрѣтеніе, а живой, конкретный народъ полагается въ основу всего. И уже народъ создаетъ власть и государство изъ полноты своихъ правъ. Такое единство источника необходимо приводитъ и къ надлежащей гармоніи въ дѣйствіяхъ власти и народнаго представительства. Здѣсь не можетъ быть и той гибели государства вмѣстѣ съ уничтоженіемъ его наличныхъ органовъ, которую видѣли мы выше; ибо при всѣхъ катастрофахъ и случайностяхъ остается неприкосновеннымъ первичный источникъ всякаго государства, народъ, который всегда можетъ снова изъ своей среды создать тѣ или иные органы власти и представительства, суда, управленія и т. д. Но само собой такое „народное“ обоснованіе конституціоннаго строя ведетъ за собой и рядъ неудобствъ. Ибо здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-нибудь, выясняется все фиктивное значеніе народа, лишеннаго участія въ представительствѣ и, помимо него, не имѣющаго никакого непосредственнаго органа или способа для выраженія своихъ верховныхъ велѣній. Если же народу принадлежитъ учредительная власть, то у него и долженъ быть учредительный органъ или способъ выразить свою первичную волю, а въ случаѣ надобности и подтвердить ее. Но такое требованіе неизбѣжно приводитъ къ республиканскому или народному строю и, слѣдовательно, кореннымъ образомъ отрицаетъ самую суть конституціоннаго государства, основаннаго на сочетаніи только двухъ носителей верховной власти—монарха, опирающагося на свое наслѣдственное право, и представительства, получившаго свои полномочія отъ населенія. Ибо народный суверенитетъ есть принципіальная и естественная противоположность монархіи. И если бы дѣйствительно народъ въ качествѣ истиннаго суверена пожелалъ возстать противъ того или иного монарха, какъ своего безотвѣтственнаго уполномоченнаго, то, несомнѣнно, такой актъ былъ бы характеризованъ какъ возстаніе или мятежъ противъ законныхъ властей. И монархъ выступилъ бы противъ „суверена“ съ вооруженной силой.

Отсюда понятенъ переходъ къ особой теоріи королевской власти, которую можно назвать соціальной. Эта теорія легла въ основу соціальной политики конституціонной монархіи, въ особенности Германіи. Съ этой точки зрѣнія не только не отрицается противоположность между народомъ вообще и народомъ легальной стороны, но,

наоборотъ, именно она и становится исходнымъ пунктомъ. Оказывается, что соціальная борьба необходимо раздѣляетъ государство на два враждебныхъ лагеря. И политическая власть, въ частности, парламента является предметомъ ожесточеннаго домогательства со стороны тѣхъ и другихъ. И такъ какъ предприниматели и капиталисты оказываются сильнѣе не только благодаря своимъ средствамъ, но и политическому опыту и образованію, то они и оказываются побѣдителями. Захвативъ въ свои руки органъ народнаго представительства, они затѣмъ эксплуатируютъ политическую власть съ исключительной цѣлью использованія ея въ своихъ хозяйственныхъ интересахъ и окончательно порабощаютъ себѣ неимущихъ, для которыхъ единственнымъ выходомъ остается насильственный переворотъ или революція. Но какъ разъ конституціонная монархія обладаетъ исключительнымъ средствомъ для предотвращенія катастрофы. Благодаря своему возвышенному и независимому положенію монархъ совершенно чуждъ частнымъ интересамъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Онъ стоитъ выше различныхъ классовъ, партій и группъ. Для него важенъ лишь интересъ государства, который заключается въ его общемъ процвѣтаніи, мирѣ и силѣ. Поэтому монархъ становится на сторону угнетенныхъ классовъ и постольку защищаетъ ихъ отъ угнетателей, поскольку это необходимо въ интересахъ всеобщаго благополучія. И это уже потому въ интересахъ самого монарха, что иначе онъ самъ подпадаетъ гнету класса капиталистовъ и обращается въ игрушку въ ихъ рукахъ. Отсюда чрезвычайно важно за монархомъ сохранить его исключительное положеніе, содержаніе на государственный счетъ, почетныя преимущества и ту власть, которой онъ обладаетъ по конституціи. Монархъ, такимъ образомъ, становится регуляторомъ партійной, и что еще главнѣе, классовой борьбы въ представительномъ государствѣ.

Идеологія соціальнаго королевства обладаетъ весьма крупными достоинствами. Она пробуетъ обосновать королевскую власть на соціальномъ фундаментѣ и вмѣстѣ привести ее въ тѣсную связь съ конституціоннымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь власти соотвѣтствуетъ высокая миссія соціальнаго примиренія. Служеніе общему благу, бывшее составнымъ моментомъ монархической идеологіи, снова входитъ въ ея систему, и притомъ въ обновленномъ видѣ. И если грѣхомъ конституціоннаго государства является его игнорированіе широкихъ народныхъ массъ, то этотъ пробѣлъ не только восполняютъ идеи соціальнаго королевства, но дѣлаютъ его опорой именно монархической власти. Монархъ оказывается не только представителемъ государства, но и общества. И притомъ высшимъ и лучшимъ, нежели само народное представительство. Ибо онъ представляетъ общество въ цѣломъ, тогда какъ привилегированные классы, засѣдающіе въ парламентѣ, представляютъ отдѣльный классовый интересъ

собственниковъ и капиталистовъ. Но такая идеологія обладаетъ и весьма опасною стороной. Во-первыхъ, она отъ монарха требуетъ положительнаго служенія народу и притомъ въ самой конкретной и доступной провѣркѣ формѣ. И такъ какъ устраненіе эксплуатаціи труда капиталомъ можетъ совершиться лишь подъ условіемъ полнаго упраздненія капиталистическаго строя, то этимъ самымъ при сохраненіи существующаго строя не можетъ быть выполнена и задача, которую ставитъ себѣ соціальное королевство. Во-вторыхъ, она совершенно разстраиваетъ естественный союзъ монарха и господствующихъ классовъ. И въ-третьихъ, она неизбѣжно приводитъ къ замѣнѣ конституціоннаго строя демократическимъ, такъ какъ, разъ народное благо ставится въ качествѣ основной цѣли государства, то народныя массы должны быть призваны и къ необходимому участію въ осуществленіи этой цѣли. Въ виду этого соціальное королевство или становится совершенной фикціей, или ведетъ къ нѣкоторымъ реформамъ, которыя въ интересахъ самого господствующаго класса содѣйствуютъ нѣкоторому притупленію соціальной борьбы.

Изо всѣхъ перечисленныхъ теорій только послѣдняя система „соціальнаго королевства" хоть нѣсколько обращается къ народу въ истинномъ смыслѣ слова. Но и здѣсь она ставитъ народъ все же не на положеніе субъекта, а именно объекта опеки и попеченія, идущихъ сверху. Общая принципіальная черта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и коренное противорѣчіе остаются совершенно въ силѣ. Несмотря на свой „соціальный" характеръ власть все же стоитъ надъ народомъ и даже вступаетъ ради этого народа подчасъ въ конфликтъ съ народнымъ представительствомъ. Трудно представить себѣ болѣе нелѣпое соотношеніе силъ и понятій. И невольно является мысль: не лучше ли было бы конституціонному государству совершенно отказаться отъ фикціи народнаго представительства? Не лучше ли было бы его парламенты назвать палатами собственниковъ, владѣльцевъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, плательщиковъ налога и т. п.? И еще въ большей степени это позволительно спросить относительно такъ называемыхъ первыхъ палатъ, гдѣ даже нѣтъ или очень немного выборныхъ, а преобладаютъ наслѣдственные и назначенные правительствомъ члены вмѣстѣ съ представителями привилегированныхъ корпорацій и учрежденій. А между тѣмъ и первыя палаты входятъ въ составъ „народнаго" представительства, и онѣ обладаютъ голосомъ, равноправнымъ съ голосами второй или нижней палаты. Вѣдь на самомъ дѣлѣ, если вторая камера сосредоточиваетъ въ себѣ всѣхъ собственниковъ вообще, и крупныхъ и мелкихъ, то въ первой даже такого соединенія нѣтъ, и здѣсь дополнительнымъ представительствомъ пользуется исключительно одно крупное владѣніе, одинъ крупный капиталъ! Однако даже подобная искренность терминологіи не вывела бы насъ изъ затрудненія. И то, въ чемъ мы уже убѣ-

дились раньше, а именно—наличность разрозненности, противорѣчій и несогласованности въ самомъ строеніи конституціоннаго государства—безспорно остается.

И если мы теперь сопоставимъ всѣ нами полученныя идеологіи такъ, какъ онѣ смѣшиваются на практикѣ и въ самомъ дѣлѣ, то мы получимъ воистину удивительную картину. Наверху монархъ, который появляется во всевозможномъ свѣтѣ и положеніи. Съ одной стороны, въ его рукахъ сосредоточенъ весь государственный суверенитетъ, но, съ другой, онъ не можетъ издать закона безъ чужого разрѣшенія, и власть его оказывается раздѣленной. То онъ представляетъ собой все государство, то только одно начало власти; то онъ выбираетъ изъ среды общества достойнѣйшихъ, то отъ нихъ же оберегаетъ народныя массы; то онъ ведетъ начало своей власти отъ Бога, то получаетъ ее лишь въ силу конституціи; то онъ наслѣдуетъ государство какъ собственность, то оказывается самъ ему подчиненнымъ—гдѣ здѣсь хоть какой-нибудь логическій выходъ или примиреніе? Но еще дѣло усложняется, если съ монархомъ сопоставятъ „народъ“ въ видѣ его представителей, которые ничего общаго съ народомъ не имѣютъ, но, тѣмъ не менѣе, его замѣщаютъ и отъ его имени говорятъ. И какъ сочетать должность монарха Божіей милостью и должность представителей милостью народа, какъ сопоставить плутократическій цензъ съ подготовкой и необходимыми свойствами законодателя, какъ примирить тотъ фактъ, что за недостаткомъ ценза за бортомъ законодательнаго учрежденія остаются дѣйствительно лучшіе люди страны? А въ самомъ низу подлинный народъ, трактуемый въ качествѣ „объекта“ при наличности представительства, ожесточаемый лицемѣріемъ и эксплуатацією со стороны „легальнаго“ народа, возмущенный тѣмъ, что ему, противъ его воли, навязываютъ законъ, который выдаютъ за его собственную „народную“ волю.

Пришлось кончить тѣмъ, съ чего началъ еще христіанскій принципъ. Только религіозная романтика перешла въ свѣтскую и національную, и на ней утвердились, наконецъ, и великая государственность и конечное единство. Совершенно очевидно, что въ отношеніяхъ народа, парламента и монарха, какъ таковыхъ, не было никакой возможности найти объединяющій принципъ. Онъ могъ быть найденъ только внѣ государства—лишь тамъ, гдѣ высшая общественная сила была способна примирить не только „субъектовъ“, но и „объектъ“ государственнаго союза. Такой силой и была идея національности, какъ она родилась и выросла въ Европѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ. И эта идея обладала цѣлымъ рядомъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ. Прежде всего она была рождена въ тотъ моментъ, когда подъ вліяніемъ чужеземнаго гнета вся нація почувствовала себя дѣйствительно націей, культурнымъ и духовнымъ единствомъ. Ей не чуждо было и понятіе народности въ самомъ лучшемъ смыслѣ

слова, ибо война за освобожденіе была не столь правительственной, сколь народной, и впервые именно здѣсь на сценѣ появился въ активной и даже героической роли столь давно и основательно забытый народъ. Но народъ этотъ не только не требовалъ для себя какихъ-либо благъ, но, напротивъ, приносилъ себя цѣликомъ въ жертву во имя освобожденія отечества. Единственное, чего онъ желалъ, было объединеніе нѣмецкаго отечества. Наконецъ въ противоположеніи германскаго духа романскому, въ возрожденіи племенныхъ и расовыхъ началъ, а вмѣстѣ съ ними и національной исключительности, лежала легкая возможность использовать эту широкую и по существу народную идею въ цѣляхъ реакціи и шовинизма. Достоинства національзма, однако, были оцѣнены далеко не сразу. Мѣшали этому въ Германіи и сепаратизмъ нѣмецкихъ правительствъ, и слишкомъ сильная демократическая окраска національной идеи, и призракъ „національнаго суверенитета". Но какъ только совершилось объединеніе нѣмецкихъ государствъ въ сложное цѣлое германской имперіи, пали послѣднія препятствія къ воспріятію національной идеи и здѣсь, по старинному примѣру Англіи и Франціи.

Національзмъ восполняетъ и на дѣлѣ много пробѣловъ въ структурѣ конституціоннаго государства. Онъ оправдываетъ монарха и его суверенитетъ высшими задачами по защитѣ національной культуры и ея священныхъ сокровищъ. Монархъ получаетъ характеръ стража, который стоитъ постоянно на-чеку съ одной стороны противъ славянства, съ другой противъ галльской опасности или британскаго захвата. Такъ сочетаются торгово-промышленные интересы господствующихъ классовъ, властвующихъ въ парламентѣ, съ интересами власти суверена. Подъ видомъ національныхъ интересовъ защищаются иностранные рынки для отечественнаго сбыта, организуются колоніи, устраняется иностранное соперничество въ сферахъ вліянія. Та же національная идея вооружаетъ монарха особыми правами въ дѣлѣ преслѣдованія иныхъ національностей, кромѣ господствующей. Такъ организуется въ одной странѣ преслѣдованіе поляковъ, въ другой—евреевъ, въ третьей—ирландцевъ и т. д. Столь боевая позиція господствующей національности естественно нуждается въ единомъ вождѣ, какимъ и оказывается конституціонный монархъ. И парламентъ охотно вотируетъ средства на армію и флотъ, охотно прощаетъ монарху его маленькіе эксцессы въ дѣлѣ личнаго режима, лишь бы отстаивалось со всею силою торжество національной идеи. Патріотизмъ здѣсь требуетъ монархическаго піэтета.

Но и народное представительство, избранное по матеріальному цензу, чувствуетъ себя совершенно иначе подъ сѣнью національной идеи. Развѣ не промышленность создаетъ сокровища національной культуры, развѣ не капиталъ вскармливаетъ науки и искусства? И развѣ непремѣнно нужно быть бѣднякомъ, чтобы чувствовать всѣмъ

сердцемъ позоръ національнаго униженія или хранить горделивое сознаніе національнаго торжества и славы? И если въ интеллигентности, въ просвѣщенности, въ утонченности нравовъ цвѣтъ національной культуры, то тогда воистину по праву одни состоятельные классы пользуются преимуществомъ при выборахъ въ парламентъ: вѣдь именно въ ихъ рядахъ сосредоточены наиболѣе развитые и просвѣщенные люди. И одушевленные національной идеей, народные представители сами проникаются сознаніемъ истинной государственности, начинаютъ цѣнить военную и политическую силу, принципы строгаго порядка и общественной дисциплины, необходимость извѣстнаго административнаго простора для правительственной борьбы со всякими антинаціональными элементами. Съ другой стороны, и правительство начинаетъ цѣнить силы національнаго производства. И если оно могло опасаться своекорыстныхъ домогательствъ капиталистовъ и предпринимателей съ одной стороны, то во имя національной силы и богатства, національной культуры и производства вполнѣ умѣстно обращеніе къ строгимъ репрессивнымъ мѣрамъ противъ другой. И когда противъ національности, государственности и культуры выступаютъ „мятежныя“ партіи подъ знаменемъ соціализма, то онѣ подвергаются преслѣдованіямъ не какъ „рабочія“, „народныя“ или „демократическія“, а какъ антинародныя, антикультурныя, антипатріотическія. Этимъ разрѣшается весьма удачно соціальный вопросъ!

Но и народъ, поскольку онъ остается за предѣлами парламента, въ національной идеѣ можетъ при желаніи найти великое утѣшеніе. Вѣдь нація—это, въ концѣ-концовъ, и есть онъ—народъ. Онъ не можетъ не быть заинтересованъ въ подъемѣ отечественной промышленности. Для него не безразлично пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ и колоній. И для него открыты сокровища родной культуры, и для него звучитъ родное слово, творитъ національное искусство, изслѣдуетъ отечественная мысль. И въ капиталѣ видитъ онъ національную силу, оплодотворяющую страну, а въ арміи—мощную стражу у родного очага. Національная гордость преисполняетъ его душу, когда онъ видитъ своихъ вождей, національныхъ представителей, принцевъ и государя. И въ бѣдномъ и богатомъ живетъ одинъ и тотъ же народный духъ; у нихъ одинъ языкъ, одна любовь, одна вѣра. И не нужно непремѣнно самому сидѣть въ парламентѣ, чтобы найти выраженіе національной идеѣ. Когда же грозитъ засиліе инородцевъ или чужеродцевъ, поляковъ, ирландцевъ, евреевъ и т. п. или странѣ грозитъ какая-нибудь другая не менѣе расположенная къ захватамъ и расширенію національность, то ясно, что патріотъ, хотя бы и лишенный избирательнаго права, безропотно принесетъ себя въ жертву своему возлюбленному отечеству.

Какъ очевидно, національная идея способна не только объединить весьма разрозненные элементы, но и придать самую жизнь

классовому государству въ конституціонной формѣ. У нея только одинъ недостатокъ. Тотъ народъ, который ради національной идеи долженъ приносить безчисленныя жертвы новой государственности, весьма трудно и неохотно воспринимаетъ ее въ кругъ своихъ руководящихъ принциповъ и нормативовъ. Ему гораздо ближе и понятнѣе идея народнаго суверенитета и демократическаго строя. Въ основѣ послѣднихъ стоитъ уже не цензовое, а всеобщее избирательное право, понятіе народа, какъ обладателя суверенитета, непосредственное народное голосованіе и неприкосновенныя права отдѣльнаго гражданина. Объединяющимъ началомъ здѣсь является политическая свобода. Къ идеологіи народнаго государства перейдемъ мы ниже, теперь же остановимся на правовой системѣ конституціоннаго строя.

ГЛАВА V.

Конституція и раздѣленіе властей.

Кромѣ указанной въ гл. IV литературы см.: Haenel, Studien, B. I. Gesetz. Jellinek. Gesetz und Verordnung. O. Mayer. Deutsches Verwaltungsrecht. Gneist. Rechtsstaat. Bär. Rechtsstaat. Hatschek. Allgemeines Staatsrecht. В. Гессенъ. Теорія правового государства. (Сб. Политическій строй). Коркуновъ. Указъ и законъ. Ш. Боржо. Учрежденіе и пересмотръ конституцій.

Раздѣленіе верховной власти между двумя независимыми органами придало конституціонному строю конструкцію, рѣзко отличающую его отъ абсолютизма. Въ послѣднемъ, благодаря сосредоточенію власти въ рукахъ одного физическаго лица, монархъ получалъ въ высшей степени своеобразный характеръ. Юридически только онъ являлся абсолютно управомоченнымъ лицомъ, тогда какъ всѣ остальные подданные находились къ нему въ отношеніи столь же абсолютной обязанности. И только на фонѣ этого основного отношенія создавалась делегація власти монархомъ его подданнымъ, при чемъ, конечно, лишь воля монарха устанавливала и тѣ права, которыми съ ея разрѣшенія и доколѣ она этого желаетъ, пользовались подданные лично или въ составѣ учрежденій. Нѣчто совершенно иное наблюдаемъ мы въ конституціонномъ строѣ. Здѣсь высшее выраженіе государственной воли есть законъ, обладающій строгимъ формальнымъ признакомъ. Онъ есть всегда выраженіе двухъ самостоятельныхъ воль. Но соглашеніе этихъ воль, въ свою очередь, лишь тогда обладаетъ обязательнымъ для подданныхъ характеромъ и дѣйствительностью, когда оно совершается въ законныхъ рамкахъ и формѣ,—другими словами, когда оно совершается на основаніи закона. Конечно, формально не исключена возможность, что оба законно дѣйству-

ющихъ фактора законодательства, соединившись въ одномъ стремленіи, отмѣняютъ законъ вообще. Но этимъ самымъ они упраздняютъ и самихъ себя, какъ элементы представительнаго и конституціоннаго государства. Пока же они не перешли путемъ переворота къ иной формѣ правленія, они существуютъ лишь благодаря закону и соблюденію его нормъ. Ясно теперь, что въ конституціонномъ государствѣ создается совершенно иное отношеніе къ закону, и его незыблемость и верховенство складываются во всеобщій принципъ политическаго поведенія.

Раздѣленіе власти, расчлененіе функцій и самостоятельность органовъ, столь характерная для вершинъ конституціоннаго строя, отнюдь не остаются сосредоточенными только наверху. Начало представительства проникаетъ также въ спеціальное и мѣстное управленіе. Все государство принимаетъ видъ организаціи, построенной на корпоративномъ принципѣ. Самой близкой къ населенію остается община, получившая новую силу и крѣпость. Надъ ней подымаются разные мѣстные союзы представительнаго характера. Воскресаютъ и нѣкоторыя территоріальныя организаціи болѣе древняго характера, области, земли. Представительное начало проникаетъ и въ колоніи. Ясно отсюда, что такое участіе общественнаго элемента въ государственной дѣятельности ведетъ не только къ усиленію коллегіальности въ строѣ учрежденій, но и къ необходимости законнаго опредѣленія компетенціи, способа образованія, взаимныхъ отношеній, степени власти и отвѣтственности всѣхъ этихъ новыхъ корпорацій, такъ какъ по самому своему характеру онѣ не могутъ подлежать административной регламентаціи при помощи распоряженій. И подобно тому, какъ корень всякаго парламента лежитъ въ избирательномъ правѣ населенія, такъ же и здѣсь въ результатѣ роста корпоративнаго представительства совершается увеличеніе массы субъективныхъ публичныхъ правъ у населенія, а этимъ обусловлена и новая необходимость ихъ регламентаціи путемъ закона.

Начало представительства, будучи разъ провозглашено въ странѣ, влечетъ за собой цѣлый рядъ гражданскихъ правъ, которыя, съ одной стороны, обезпечиваютъ наилучшее производство выборовъ, а съ другой—устанавливаютъ постоянную связь между населеніемъ и представительствомъ и тѣмъ способствуютъ контролю надъ депутатами и ихъ отвѣтственности. Выборы не могутъ происходить безъ собраній, словеснаго и письменнаго обсужденія достоинства и недостатковъ кандидатовъ. То же необходимо и для обсужденія дѣятельности гласныхъ, депутатовъ, членовъ парламента и т. п. Но признавая самодѣятельность общества въ области политической, тѣмъ болѣе приходится признать его зрѣлость въ хозяйственной и культурной сферѣ, гдѣ образованіе обществъ и союзовъ, пользованіе правомъ собраній и слова является не только необходимымъ условіемъ, но и

неизбѣжной предпосылкой для всякой общественной и личной дѣятельности. Ясно отсюда, что если даже конституціонное государство и не связано необходимо съ признаніемъ „правъ человѣка и гражданина“, тѣмъ не менѣе, оно нуждается въ подробной законной регламентаціи и такихъ личныхъ публичныхъ правъ, которыя выражаются въ правѣ слова, союзовъ и собраній, а также другихъ правъ, нераздѣльныхъ съ общественной самодѣятельностью и связанной съ нею личной иниціативой. Отсюда и начало законности, значеніе юридической регламентаціи въ видѣ закона, достигаетъ въ конституціонномъ строѣ весьма широкихъ размѣровъ.

Правда, это происходитъ не сразу. При переходѣ отъ абсолютнаго режима къ правовому строю всегда можно отмѣтить особую эпоху, такъ называемаго призрачнаго конституціонализма. Его характерной чертой является смѣшеніе принциповъ произвольнаго режима съ началами правовой регламентаціи. Это смѣшеніе возникаетъ естественно потому, что законъ въ новомъ смыслѣ, какъ норма, установленная соглашеніемъ монарха и народнаго представительства, не можетъ сразу охватить всей массы отношеній, требующихъ законодательнаго вмѣшательства и реформы въ новомъ духѣ. И такъ какъ, кромѣ того, и въ правовомъ государствѣ обыкновенно продолжаетъ дѣйствовать старая абсолютная власть въ качествѣ конституціоннаго правительства, то она еще долгое время, пользуясь необходимостью усмиренія, продолжаетъ старую практику при помощи узаконеній изъ прежняго времени. А такъ какъ, кромѣ того, та же власть пользуется правомъ вето, а во многихъ государствахъ переходнаго типа и правомъ исключительной иниціативы, то естественно, что она по возможности тормозитъ проведеніе новаго законодательства, которое могло бы положить дѣйствительные предѣлы ея неограниченнымъ полномочіямъ въ духѣ абсолютизма. Отсюда и особый типъ законности, при которой сливаются подъ названіемъ закона такіе по происхожденію своему различные акты, какъ прошедшіе черезъ камеру и утвержденные монархомъ законы, съ одной стороны, и унаслѣдованныя отъ стараго времени, иногда въ громадномъ количествѣ, волеизъявленія самодержца, изданныя въ тотъ періодъ, когда каждый административный актъ монарха юридическаго содержанія былъ въ то же время и „закономъ“. Нечего и говорить, что акты послѣдняго типа могли быть спеціально направлены къ возможному расширенію свободнаго усмотрѣнія полицейскихъ или иныхъ административныхъ властей.

Въ Англіи, Венгріи и другихъ странахъ, гдѣ представительный образъ правленія непосредственно возникъ изъ средневѣкового сословно-земскаго строя, произвольная власть монарховъ была уничтожена только послѣ очень долгой борьбы. И эта живучесть абсолютизма объясняется здѣсь самой сущностью сословно-земскаго

представительства. Какъ мы уже знаемъ, оно основано на дуализмѣ, при чемъ правамъ и привилегіямъ сословій здѣсь прямо противопоставлена такъ называемая прерогатива короля, которая со своей стороны является столь же священной и неприкосновенной, какъ и права и прерогативы сословій. И въ составъ этой прерогативы входило достаточное количество правъ чисто абсолютнаго характера. Съ другой же стороны, дѣломъ сословій было отнюдь не положительное законодательство, а лишь защита уже существующихъ вольностей, свободъ и привилегій. Такимъ образомъ въ предѣлахъ прерогативы король былъ совершенно абсолютенъ и недоступенъ для сословій. И подобное развитіе на континентѣ привело почти вездѣ какъ разъ къ торжеству абсолютизма. Въ Англіи, благодаря сплоченности средняго класса землевладѣльцевъ и горожанъ, это развитіе приняло иное направленіе. Здѣсь прерогатива частью была прямо обмѣнена на различныя уступки со стороны сословій, частью оставлена безъ употребленія обычаемъ, частью, наконецъ, вырвана вооруженной рукой при помощи революцій. Во всякомъ случаѣ и въ Англіи, несмотря на наличность парламента, практиковались и исключительные суды въ духѣ знаменитой звѣздной палаты, и произвольные поборы съ гражданъ, и полицейскія насильства и религіозныя преслѣдованія и казни. Изданіе королевскихъ указовъ съ ихъ силою закона, такъ называемыхъ прокламацій или ордонансовъ, которыми на основаніи прерогативы такъ широко пользовались Стюарты и Тюдоры, прекратилось лишь послѣ революціи, но еще при Генрихѣ VIII мы имѣемъ парламентскій статутъ, который уполномочивалъ короля издавать во время отсутствія палатъ прокламаціи съ силой закона. Только билль о правахъ отмѣнилъ разрѣшительную или диспензивную власть монарха, въ силу которой онъ могъ не только миловать осужденныхъ, но и разрѣшать отдѣльнымъ лицамъ отступленія отъ закона или даже прямое нарушеніе его. Вмѣстѣ съ этимъ правомъ погибло и право пріостанавливать дѣйствіе закона или исполненіе ихъ. И если обложеніе прямыми налогами очень рано было изъято изъ состава прерогативы, то обложеніе косвенными сборами было предметомъ долгой борьбы между короной и парламентомъ, и лишь въ XVII в. можно считать окончательно рѣшеннымъ этотъ споръ и притомъ не въ пользу короны. Такъ, благодаря сословно-земскому прошлому государства, абсолютизмъ долго отстаивалъ свои права и при наличности народнаго представительства.

Господство закономѣрности въ конституціонномъ государствѣ находитъ свое выраженіе прежде всего въ такъ называемой конституціи или основныхъ законахъ, наличность которыхъ, однако, вовсе еще не гарантируетъ осуществленія законности вообще. Конституція или основной, органическій, фундаментальный законъ характеризуется съ двухъ сторонъ: съ матеріальной и формальной. Съ первой точки

зрѣнія это есть прежде всего тотъ законъ, та норма, которая опредѣляетъ самую форму или образъ правленія въ странѣ,—другими словами, организацію, способъ и формы осуществленія верховной власти въ странѣ. Такимъ образомъ здѣсь опредѣляется положеніе монарха, порядокъ престолонаслѣдія, его права и преимущества. Сюда же входитъ далѣе опредѣленіе состава, компетенціи и степени власти палатъ, ихъ соотношенія другъ къ другу, а иногда опредѣленіе основныхъ началъ избирательнаго права. Очень часто въ конституцію же вводится особый каталогъ свободъ или основныхъ политическихъ правъ каждаго гражданина. Иногда въ конституцію вносится и общее опредѣленіе системы раздѣленія властей законодательной, исполнительной и судебной, такъ же какъ и взаимной зависимости и отношенія другъ къ другу. Эти болѣе или менѣе постоянныя части конституцій дополняются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ еще особыми постановленіями, свойственными лишь тому или другому индивидуальному государству. Такимъ образомъ вообще можно сказать, что конституція съ матеріальной точки зрѣнія есть юридическая норма, опредѣляющая форму правленія и основныя черты государственнаго строя.

Въ формальномъ смыслѣ подъ именемъ конституціи подразумѣвается комплексъ такихъ законовъ, для изданія, отмѣны или измѣненія которыхъ недостаточно такъ называемаго законодательнаго пути, но которые издаются при соблюденіи особыхъ правилъ и формъ, предписанныхъ спеціально для изданія конституціонныхъ законовъ. И если законы вообще нуждаются въ такомъ способѣ изданія, который обезпечивалъ бы ихъ основательность, серьезность, продуманность и совершенную формулировку, то при изданіи основныхъ законовъ, затрагивающихъ самые важные устои государственнаго строя, всѣ указанныя свойства требуются въ превосходной степени. Но здѣсь нужно привести и другое соображеніе. Опредѣляя форму правленія, конституція вмѣстѣ съ тѣмъ регулируетъ и взаимныя отношенія двухъ наиболѣе заинтересованныхъ, а вмѣстѣ и наиболѣе сильныхъ факторовъ—народнаго представительства и монарха. Ясно отсюда, что каждый изъ этихъ факторовъ, стремясь къ увеличенію своего значенія и власти, можетъ сдѣлать это лишь на счетъ другого. Отсюда и важность текста конституціоннаго закона, который точнымъ опредѣленіемъ взаимныхъ функцій не только предупреждаетъ недоразумѣнія и конфликты въ будущемъ, но и устанавливаетъ въ настоящемъ мирное сотрудничество двухъ соперничающихъ силъ.

Приведемъ теперь нѣкоторыя особыя условія, которымъ долженъ удовлетворять пересмотръ конституціи въ разныхъ странахъ. Прежде всего исключительная иниціатива по такимъ законамъ можетъ быть предоставлена одному монарху. Это знаменуетъ собой, конечно, крупное преобладаніе монархическаго начала. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ предписаній, при помощи которыхъ опредѣляется самое

обсужденіе законопроекта въ палатахъ. Во-первыхъ, требуется, чтобы палаты обсуждали законъ многократно въ цѣломъ рядѣ сессій, отдѣленныхъ другъ отъ друга извѣстнымъ срокомъ времени, напримѣръ, 21 день. Во-вторыхъ, требуется квалифицированный кворумъ: чтобы присутствовало въ засѣданіи не менѣе $^2/_3$ или $^3/_4$ всѣхъ депутатовъ. Въ-третьихъ, столь же квалифицированное большинство для вотированія и принятія конституціи, а иногда даже требуется единогласное рѣшеніе. Всѣ эти мѣропріятія могутъ быть направлены, съ одной стороны, противъ слишкомъ быстраго и рѣшительнаго выступленія палатъ противъ монарха, а съ другой—и противъ монарха, въ случаѣ, если бы ему удалось подобрать послушное большинство въ палатахъ. Къ этимъ мѣрамъ присоединяются, наконецъ, такія, которыя привлекаютъ къ рѣшенію конституціонныхъ вопросовъ и общую массу избирателей. Для этого или требуется, чтобы два повторныхъ обсужденія конституціи произошли непремѣнно въ двухъ палатахъ различнаго состава или различныхъ легислатуръ, или же выработанный обычнымъ составомъ палаты проектъ конституціонной поправки затѣмъ передается на обсужденіе спеціально для пересмотра конституціи избранной чрезвычайной палаты. Послѣдній способъ обезпечиваетъ большее значеніе народной волѣ, хотя бы и въ предѣлахъ даннаго избирательнаго права.

И съ матеріальной и формальной стороны конституція является нормой высшаго достоинства и силы. Но чтобы оцѣнить вполнѣ ея значеніе, необходимо опредѣлить ея силу дѣйствія и верховенство ея нормъ. Дѣло въ томъ, что именно въ конституціи находимъ мы положенія, которыя опредѣляютъ и составъ законодателя и формальныя условія его дѣятельности. Другими словами, именно конституція опредѣляетъ самое установленіе закона и рамки законодательной дѣятельности. Вѣдь закономъ можетъ почитаться лишь такое велѣніе законодателя, которое создано имъ согласно конституціи. Законъ, изданный вопреки или съ нарушеніемъ ея предписаній, самъ будетъ незаконнымъ, а слѣдовательно, и недѣйствительнымъ. Такъ оказывается, что конституція стоитъ надъ закономъ, что она выше его. Она есть верховный законъ, которому подчиненъ самъ законодатель. Неудивительно теперь, что конституція, какъ таковая, пріобрѣтаетъ особое значеніе въ моральномъ сознаніи гражданъ и ея охрана становится нравственнымъ долгомъ не только монарха и народныхъ представителей, но и всей массы населенія: ибо законъ самъ становится здѣсь законнымъ благодаря конституціи. Отсюда и рядъ мѣръ, которыя должны спеціально конституціи обезпечить особую устойчивость и силу.

Однимъ изъ главныхъ пріемовъ съ такою цѣлью было изданіе полнаго запрещенія пересмотра разъ уже принятой конституціи. Предполагалось, что этимъ будетъ предотвращено ея измѣненіе. Но,

конечно, опытъ показалъ обратное. Столь же мало помогли столь сложныя правила пересмотра, что они равнялись почти полному его запрещенію. Нѣкоторое моральное значеніе имѣло принесеніе монархомъ, представителями и населеніемъ клятвы въ соблюденіи конституціи. Въ этомъ смыслѣ и до сихъ поръ сохранено требованіе присяги при восшествіи на престолъ отъ монарховъ въ нѣкоторыхъ государствахъ; и только послѣ такого торжественнаго акта монархъ принимаетъ присягу подданныхъ и вступаетъ въ отправленіе своихъ функцій. Была сдѣлана попытка призвать непосредственно къ охранѣ конституціи должностной составъ государства и войска, однако такая мѣра оказалась невозможной за отсутствіемъ органа, который могъ бы офиціально констатировать нарушеніе конституціи; предоставить же непосредственно усмотрѣнію государственныхъ служащихъ и офицеровъ выступленіе въ защиту конституціи оказалось невозможнымъ. Еще менѣе подходитъ къ строю современнаго конституціонализма народное право возстанія въ защиту конституціи, которое было въ такомъ ходу въ средніе вѣка. Гораздо удачнѣе оказалось поэтому то средство, которое было изобрѣтено Америкой для охраны ея федеральной конституціи—и это право судебнаго контроля и провѣрки не только административныхъ постановленій, но и законодательныхъ актовъ съ правомъ отмѣны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ актовъ не конституціонныхъ. Но, само собою, единственной надежной опорой конституціи, какъ высшаго закона всякой законности въ странѣ, является общественное мнѣніе и развитое правовое чувство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, надо помнить, что ни одна конституція не можетъ быть устойчивой, разъ она идетъ противъ насущнѣйшихъ потребностей народа. Тогда ея измѣненіе и неизбѣжно и необходимо.

Верховенство конституціи представляетъ особую важность въ государствѣ того же имени. Въ абсолютномъ государствѣ верховенство основного закона замѣняется живой волей неограниченнаго суверена. Въ народномъ государствѣ конституція значитъ не больше и не меньше, какъ выраженіе воли самодержавнаго народа. Но только въ конституціонномъ строѣ она получаетъ исключительную роль. Какъ мы уже могли видѣть изъ предыдущаго, здѣсь нѣтъ строго опредѣленнаго субъекта верховной власти, который бы совпадалъ или съ реальнымъ монархомъ или со столь же конкретнымъ народомъ въ его массѣ. По существу, если бы желали точно опредѣлить такого суверена въ конституціонной монархіи, намъ пришлось бы въ качествѣ таковаго назвать „законодателя“, понимая подъ нимъ то своеобразное сочетаніе монарха и парламента, которое мы уже видѣли выше. Но этотъ законодатель въ виду идеологическихъ соображеній не желаетъ, чтобы его считали сувереномъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ будетъ слишкомъ замѣтенъ олигархическій характеръ властвованія на

основѣ союза между монархомъ и представительствомъ, при чемъ и монархъ здѣсь потерялъ былое величіе и власть, и народъ оказался во власти привилегированнаго меньшинства. Вотъ почему идеологически необходимо, объединивъ въ неопредѣленное понятіе націи власть и подданныхъ, въ то же время особенно подчеркнуть, что высшіе органы государства являются не носителями своихъ субъективныхъ интересовъ, а нѣкоторой высшей національной воли, которая и есть объективный законъ въ его высшемъ возможномъ проявленіи. И хотя конституція въ главномъ своемъ содержаніи есть только договоръ указанныхъ уже выше факторовъ, монарха и общества въ узкомъ смыслѣ слова, однако въ этомъ договорѣ обозначены и права гражданъ и заложены основы правомѣрнаго, строго законнаго строя. И только подчиняясь этому высшему, основному, органическому, фундаментальному или конституціонному закону, можетъ требовать властвующая группа лойяльности, послушанія и піэтета со стороны народа, какъ объекта власти. Больше того, увѣренность въ строгой конституціонности можетъ доставить высокій ореолъ даже лицамъ, узурпаторски добившимся до выдающагося положенія въ государствѣ. Конституціонность есть поэтому немалый духовный рычагъ для прочнаго утвержденія и самого конституціоннаго государства.

Что касается самой формы конституцій, то въ настоящее время съ отвердѣніемъ основъ конституціонализма господствующей является форма писанныхъ конституцій. Само собой, это явленіе связано съ новой эпохой и развитіемъ современной политической жизни. Тамъ, гдѣ конституціонное государство выросло исторически изъ сословно-земскаго строя, дѣло сложилось иначе. Средніе вѣка, какъ извѣстно, отличались господствомъ обычая, и мы неоднократно читаемъ въ соотвѣтственныхъ актахъ, особенно же въ договорахъ между князьями и сословіями, о соблюденіи старыхъ правъ по рецессамъ, соглашеніямъ и старымъ обычаямъ. Такой же составъ источниковъ находимъ мы и въ основаніи англійской конституціи. И здѣсь на ряду съ такими актами, какъ Magna Charta libertatum или de Tallagio non concedendo, находимъ мы цѣлый рядъ обычаевъ, который представлялся особенно благопріятной почвой для правовой борьбы съ абсолютизмомъ. И если путемъ толкованія грамоты не особенно легко давалось какое-нибудь новое право или привилегія, то толковать обычаи въ свою пользу было гораздо легче, а прецедентовъ для подтвержденія своихъ доводовъ всегда можно было найти достаточное количество. Въ настоящее время конституціонныя измѣненія въ Англіи все болѣе принимаютъ общую и всей остальной Европѣ письменную форму, и только при истолкованіи исторически до сихъ поръ сложившагося строя необходимо обращаться къ твердо уже и научно и практически установившимся обычаямъ.

Одно существованіе конституціи въ связи даже съ наличностью парламента еще не дѣлаетъ конституціоннаго государства. Содержаніе самой конституціи можетъ быть направлено въ такую сторону, что внѣ конституціи окажется весьма мало законности. Мы уже на примѣрѣ призрачнаго конституціонализма видѣли юридическую и фактическую къ тому возможность. Конституція будетъ дѣйствовать, но обѣщанные ею законы могутъ и не быть изданы. Представители будутъ засѣдать, но за стѣнами ихъ дворца будетъ царствовать произволъ. И въ переходныя эпохи отъ абсолютизма къ конституціонному строю особенно часто встрѣчаются такіе примѣры различныхъ „легитимныхъ" монархій, призрачныхъ конституцій и представительнаго абсолютизма, которые далеко не могутъ быть причислены къ типу настоящаго конституціоннаго государства. Его сущность образуетъ въ правовомъ смыслѣ на ряду съ наличностью основного закона также и знаменитаго института раздѣленія властей, который необходимо дополняетъ ограниченіе монархической власти и раздѣленіе суверенитета. Безъ раздѣленія властей конституція оказывается существующей лишь для вершинъ государства, подъ которыми немедленно начинается провалъ безправія и произвола. Только въ раздѣленіи властей имѣется тотъ аппаратъ исполненія законовъ, безъ котораго всякій изданный законодателемъ законъ превращается въ мертвую букву или подвергается неминуемому извращенію.

Принципъ раздѣленія властей основывается на юридическомъ различеніи актовъ органовъ государственной власти, на раздѣльности ихъ функцій и на самостоятельности ихъ дѣйствія. Остановимся прежде всего на первомъ признакѣ. Здѣсь мы опять должны различить формальную и матеріальную сторону. Первая заключается въ томъ, что акты законодательства, суда и управленія различаются согласно тѣмъ установленіямъ, которыми они предприняты. Съ этой точки получаются законъ, судебное рѣшеніе и административное постановленіе. Это различеніе получаетъ важность только вслѣдствіе того, что органы этихъ различныхъ видовъ государственной дѣятельности стоятъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ закону и его примѣненію. Такъ законодатель, съ одной стороны, въ своей дѣятельности подчиняется конституціи и законамъ, которые опредѣляютъ его составъ, дѣлопроизводство и т. д. До тѣхъ поръ, пока надлежащимъ образомъ законы не измѣнены или не отмѣнены, они для монарха и членовъ палатъ не меньшій законъ, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ подданныхъ. Но съ другой — законодатель самъ можетъ измѣнять и дополнять законъ. Для этого существуетъ особая процедура, которая и образуетъ такъ называемый законодательный путь. Она состоитъ въ инціативѣ или законодательномъ починѣ, въ обсужденіи текста закона въ комиссіяхъ и общемъ собраніи обѣихъ палатъ, въ многократномъ голосованіи, санкціи закона и его промуль-

гаціи. И всякое постановленіе палатъ, прошедшее этотъ законный путь законодательства, каково бы ни было его содержаніе, есть законъ, т.-е. верховное волеизъявленіе суверена, передъ которымъ долженъ преклониться каждый подданный, каждое учрежденіе государства, какъ передъ высшей нормой своей дѣятельности. Отъ такого закона отличается постановленіе палатъ или монарха, не прошедшее законодательнаго пути, но изданное только даннымъ органомъ въ силу его собственныхъ полномочій. Таковъ, напр., утвержденный монархомъ порядокъ наслѣдованія родовыхъ имуществъ въ предѣлахъ династіи и согласно постановленію собранія членовъ царствующаго дома или принятый палатою наказъ, опредѣляющій порядокъ парламентскаго дѣлопроизводства. Само собой разумѣется, что такія постановленія, какъ не прошедшія законодательнаго пути, законами въ формальномъ смыслѣ не являются.

Однако остановиться только на такомъ опредѣленіи было бы въ высшей степени недостаточно. И если этимъ удовлетворяются юристы-догматики, то это объясняется лишь ихъ профессіональными цѣлями юридическаго толкованія. Въ приведенномъ разсужденіи есть одно неизвѣстное, которое можетъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое законодательный путь? Если это лишь опредѣленная форма дѣлопроизводства, то тогда, безъ сомнѣнія, такой путь существуетъ и въ абсолютномъ государствѣ, гдѣ для изданія „законовъ“ всегда можетъ быть установлена особая процедура, состоящая въ предварительномъ обсужденіи законопроекта въ различныхъ учрежденіяхъ (напр., въ государственномъ совѣтѣ) и его обнародованія послѣ его измѣненія или дополненія монархомъ. Но, конечно, здѣсь идетъ дѣло не о такомъ законодательномъ пути, гдѣ передъ нами все рѣшаетъ единоличная воля монарха, но о такомъ, гдѣ воля законодателя слагается изъ рѣшенія равноправныхъ и самостоятельныхъ органовъ законодательства. Только тамъ, гдѣ есть элементъ соглашенія такихъ носителей суверенной воли, есть и законодательный путь въ настоящемъ смыслѣ этого слова. И правильнѣе было бы выражаться такимъ образомъ: законъ въ формальномъ смыслѣ есть верховное волеизъявленіе законодателя, изданное путемъ соглашенія независимыхъ законодательныхъ органовъ.

Отъ такого формальнаго опредѣленія закона отличается матеріальное, которое отъ нормы съ юридическимъ содержаніемъ отличаетъ всякое другое волеизъявленіе не юридическаго, моральнаго, техническаго или иного характера. Не трудно видѣть и на самомъ дѣлѣ, что не всякій законъ, изданный безупречно съ формальной стороны, можетъ породить тѣ или иныя юридическія послѣдствія. Въ формѣ закона можетъ быть издана чисто теоретическая декларація, опредѣленіе тѣхъ или иныхъ общихъ понятій и политическихъ

принциповъ; той же формой законодатель можетъ воспользоваться для рекомендаціи опредѣленныхъ техническихъ пріемовъ и образцовъ, для предписанія въ формѣ закона спеціальныхъ служебныхъ инструкцій служащимъ, для разрѣшенія какихъ-нибудь споровъ, выходящихъ изъ предѣловъ компетенціи обычныхъ судовъ. Менѣе всего подходитъ подъ понятіе закона въ смыслѣ объективной нормы, опредѣляющей права и обязанности подданныхъ, дарованіе какихъ-нибудь концессій или монополій, утвержденіе уставовъ акціонерныхъ обществъ и т. п. И когда въ торжественной формѣ парламентъ и монархъ обращаются въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ событіяхъ къ народу и взываютъ къ его патріотизму и самопожертвованію, то, само собой, и здѣсь въ формѣ закона мы видимъ не больше и не меньше, какъ воззваніе, влекущее за собой чисто моральные результаты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ законъ лишь въ формальномъ, а не матеріальномъ смыслѣ слова.

Спрашивается теперь, достаточно ли для наличности закона въ истинномъ смыслѣ этого слова лишь одной формы законодательнаго акта, безразлично его содержанія. На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ—отрицательный. Теоретическая истина отнюдь не мѣняетъ своего характера истины, если она будетъ принята палатами и монархомъ какъ ихъ совмѣстное твердое убѣжденіе, что, напримѣръ, законность въ странѣ можетъ быть утверждена лишь при наличности административной юстиціи. Отсюда не происходитъ для гражданъ никакихъ юридическихъ обязанностей. Формальный законъ безъ соотвѣтственнаго правового содержанія вовсе не законъ, а лишь оболочка для него. И если бы, смѣнивъ абсолютный режимъ, конституціонный законодатель ограничился только такимъ формальнымъ законодательствомъ, то было бы очень плохо. Мы имѣли бы передъ собой законодательство, которое бы съ внѣшней стороны проявляло бы весьма оживленную дѣятельность, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляло бы совершенно неприкосновеннымъ весь аппаратъ полицейскаго усмотрѣнія, завѣщанный абсолютнымъ государствомъ. Такое законодательство было бы лишь пустой игрой въ формы конституціонализма безъ малѣйшихъ признаковъ его содержанія. Только тогда, когда соглашеніе законодательныхъ факторовъ устанавливаетъ юридическую норму, порождающую права и обязанности, мы имѣемъ законъ въ отличіе отъ другихъ актовъ государственной власти.

Отъ закона переходимъ теперь къ административному распоряженію; послѣднее можетъ быть также разсмотрѣно въ двухъ отношеніяхъ—съ формальной и матеріальной стороны. Въ первомъ смыслѣ оно есть актъ административной или исполнительной власти. Актъ этотъ для своего формальнаго бытія нуждается въ слѣдующихъ предпосылкахъ. Онъ долженъ быть совершонъ законной властью въ предѣлахъ ея компетенціи и въ порядкѣ, предписанномъ закономъ.

Но законъ не играетъ здѣсь роли единственнаго опредѣляющаго фактора. На ряду съ закономъ здѣсь примѣняется и законное предписаніе или распоряженіе высшей административной власти, которая дѣйствуетъ въ предѣлахъ своей компетенціи. Наконецъ, въ-третьихъ, въ составъ административнаго акта входятъ и соображенія цѣлесообразности, которыми обязанъ руководствоваться агентъ административной власти. И если въ актѣ законодателя мы видимъ соглашеніе двухъ свободныхъ воль, которыя въ предѣлахъ конституціи и закона вольны измѣнить, отмѣнить или ввести любое постановленіе, когда это имъ представляется полезнымъ или нужнымъ, то совершенно иное мы видимъ въ актѣ исполнительной власти. Она абсолютно связана закономъ, котораго ни отмѣнить, ни измѣнить она не въ правѣ. Низшая инстанція связана далѣе волею высшей администраціи, поскольку эта послѣдняя дѣйствуетъ въ рамкахъ и по уполномочію закона. Наконецъ, хоть она и пользуется извѣстнымъ просторомъ въ осуществленіи чужой воли законодателя и ей подчиненной воли высшаго административнаго мѣста, но этотъ просторъ не можетъ имѣть никакой другой цѣли, кромѣ осуществленія воли государства, представленнаго закономъ и соотвѣтственнымъ распоряженіемъ высшаго установленія. На мѣсто „соглашенія" здѣсь формальнымъ признакомъ является „подчиненіе". И какъ бы ни были велики рамки свободнаго усмотрѣнія исполнительной власти, не только форма, но и содержаніе ея дѣйствій предписаны свыше и являются лишь выполненіемъ предначертаній и намѣреній чужой воли. Очень часто агенту исполнительной власти предписывается дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. Но это отнюдь не значитъ, что этимъ самымъ агенту предоставлена полная свобода. Во всякомъ случаѣ остается цѣль этихъ дѣйствій независимой отъ исполнителя и опредѣленной только законодателемъ.

Такое сочетаніе воли законодателя, какъ верховной, и исполнительной власти, какъ низшей, подчиненной, придаетъ распоряженію совершенно иную силу, нежели закону. Законъ подлежитъ абсолютному, безпрекословному исполненію. Воля законодателя не терпитъ и не допускаетъ возраженій. Жалобы на нее немыслимы. Совершенно иное представляетъ собою распоряженіе. Оно есть выполненіе чужой воли; онъ представляетъ суверена лишь посредственно; по формѣ и содержанію оно опредѣлено закономъ, но можетъ противъ него погрѣшать и отъ него уклоняться; и это тѣмъ болѣе, чѣмъ шире полномочія даннаго органа власти. И если даже формальное распоряженіе законно, оно по содержанію можетъ быть нецѣлесообразно. Никто не можетъ требовать отмѣны закона вслѣдствіе его нецѣлесообразности. Но всегда возможно принести жалобу на самую дискреціонную власть вслѣдствіе нецѣлесообразности ея дѣйствій, или несоотвѣтствія примѣняемыхъ на практикѣ средствъ той или иной, по-

ставленной закономъ цѣли. И въ правовомъ государствѣ такая нецѣлесообразность является рядомъ съ незаконностью достаточнымъ основанiемъ для отмѣны административнаго распоряженiя. Съ другой же стороны ясно, что необходимость цѣлесообразнаго воплощенiя воли законодателя на практикѣ въ той или иной конкретной средѣ требуетъ, чтобы органъ исполнительной власти обладалъ достаточной свободой выбора надлежащаго момента и мѣста и вообще нужныхъ средствъ для выполненiя поставленной ему задачи. Такъ, опредѣляя административное распоряженiе, какъ своеобразный актъ исполнительной власти, мы видимъ, что сущность его заключается въ цѣлесообразномъ выполненiи воли законодателя путемъ примѣненiя закономъ данной власти въ закономъ же установленныхъ предѣлахъ. По самому характеру своему эта власть находится въ прямомъ подчиненiи закону.

Съ матерiальной стороны распоряженiе есть всякiй актъ, который не устанавливаетъ юридической нормы, а осуществляетъ ея велѣнiя путемъ воздѣйствiя на людей или внѣшнюю природу. Это воздѣйствiе можетъ принимать различные виды. Прежде всего здѣсь возможно составленiе плана или опредѣленiе порядка, въ которомъ должны быть произведены тѣ или иныя мѣропрiятiя. При этомъ могутъ быть рекомендованы различные техническiе прiемы, установленъ способъ надзора и формы отчетности, опредѣлена моральная отвѣтственность дѣйствующихъ лицъ, порядокъ сношенiй и т. п. Возможно далѣе въ порядкѣ административнаго распоряженiя разъясненiе закона, его текста и смысла по общимъ правиламъ толкованiя съ цѣлью выяснить цѣли и волю законодателя. Это особенно приложимо къ запутанному или неясному тексту, къ разнорѣчiю его, къ несогласiю его съ существующими уже узаконенiями. Разъясненiемъ достигается и единообразное примѣненiе закона на практикѣ. Наконецъ къ административному акту должно причислять и самое совершенiе различныхъ правовыхъ сдѣлокъ, отдачу приказовъ и назначенiй, производство допросовъ и вызововъ, наложенiе арестовъ и тому подобныхъ дѣйствiй, которыя представляютъ собой лишь необходимый практическiй результатъ установленныхъ закономъ правомочiй административной власти. Совершенно иной характеръ представляютъ собой тѣ дѣйствiя исполнительной власти, которыя выражаются въ изданiи юридическихъ указовъ, обязательныхъ постановленiй и подобныхъ актовъ, содержащихъ въ себѣ правовую норму, установленную для юридической регламентацiи правъ и обязанностей населенiя. Въ этихъ случаяхъ передъ нами въ формѣ административнаго акта матерiальное содержанiе закона, и подобнаго рода дѣятельность не можетъ быть признана нормальной безъ особыхъ полномочiй законодателя.

И въ самомъ дѣлѣ. Уже одинъ тотъ фактъ, что воля законодателя ради своего воплощенія должна пройти долгій процессъ административныхъ толкованій, разъясненій, инструкцій, наставленій и приказовъ заставляетъ опасаться, что первоначальная воля законодателя невольно подвергнется нѣкоторому вліянію бюрократическихъ инстанцій, которыя способны ошибаться и совершать злоупотребленія. Гораздо болѣе опасной явилась бы возможность со стороны исполнительной власти издавать „дополненія“ законовъ въ видѣ административныхъ распоряженій или же прямо конкурировать съ законодателемъ при помощи юридическихъ указовъ. Этимъ путемъ очень скоро была бы совершенно парализована законодательная власть, такъ какъ она, помимо исполнительной, не имѣетъ никакихъ органовъ для непосредственнаго воплощенія въ жизни своихъ велѣній, между тѣмъ, какъ исполнительная обладаетъ такимъ могущественнымъ средствомъ для обезпеченія силы своихъ распоряженій, какъ принужденіе во всѣхъ его видахъ. И въ начальномъ періодѣ развитія конституціоннаго строя мы какъ разъ видимъ подобную узурпацію законодательства администраціей. Для этого устанавливается въ самомъ законѣ понятіе прерогативы, верховнаго управленія, чрезвычайно-указнаго права и подобныхъ титуловъ, которые представляютъ правительству возможность не только обходиться безъ народнаго представительства, но и успѣшно парализовать волю законодателя. Съ развитіемъ правового строя устанавливается болѣе нормальное отношеніе двухъ властей, а право изданія указовъ съ юридическимъ содержаніемъ обусловливается точно опредѣленными случаями и предметами вѣдомства, при чемъ принимаются спеціальныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить достаточную подготовку и добросовѣстность тѣхъ органовъ, которымъ поручается столь отвѣтственное дѣло. Во всякомъ случаѣ органъ администраціи долженъ обладать спеціальными полномочіями законодателя для изданія юридическихъ указовъ. Такая компетенція представляетъ собой исключеніе, а не правило; по существу же для нормальнаго административнаго акта столь же необходимо сочетаніе формы и содержанія, какъ и для закона. Этого требуетъ идеологія правового государства.

Третьимъ видомъ государственныхъ актовъ является судебное рѣшеніе, какъ результатъ дѣятельности судебнаго процесса. Здѣсь мы точно такъ же можемъ различать формальную и матеріальную стороны. Со стороны формальной это есть рѣшеніе, вынесенное компетентными судьями на основаніи закона по данному дѣлу. Такое судебное рѣшеніе отличается весьма рѣзко и отъ законодательнаго и отъ административнаго акта. Отъ перваго тѣмъ, что оно есть не только не свободное творчество нормы, но, наоборотъ, такое полное ей подчиненіе, котораго не знаетъ даже исполнительная власть. Судья руководствуется не только нормой закона въ самомъ примѣненіи его

къ данному случаю, но и во всѣхъ деталяхъ своего судопроизводства, ибо здѣсь, во избѣжаніе пристрастности и ошибочности рѣшенія, нѣтъ мѣста инструкціонному опредѣленію процесса со стороны того или иного начальства. И если судьѣ предоставленъ извѣстный просторъ въ опредѣленіи степени наказанія и подобныхъ случаяхъ, то свободное убѣжденіе судьи здѣсь отнюдь не безгранично. Оно точно такъ же не подлежитъ мотиву цѣлесообразности; оно должно быть проникнуто духомъ закона и справедливостью и во всякомъ случаѣ пользоваться лишь закономъ опредѣленными наказаніями или другими способами правового воздѣйствія. Эти наказанія и другія юридическія послѣдствія должны строго логически слѣдовать изъ закономъ же предусмотрѣннаго фактическаго и юридическаго состава самого дѣла. Здѣсь, такимъ образомъ, самымъ точнымъ образомъ выполняется воля законодателя, при чемъ эта воля сообщается судьѣ непосредственно, безъ какихъ-либо разъясняющихъ или наставляющихъ инстанцій. Съ формальной стороны судья есть самъ говорящій законъ, дѣйствующій прямо и непосредственно.

Въ матеріальномъ отношеніи судебное рѣшеніе также весьма рѣзко отличается отъ другихъ актовъ государственной власти. Судебная власть не создаетъ права въ такой же степени, какъ она не творитъ государственной практики. Судья лишь рѣшаетъ. Его задача, такимъ образомъ, чисто теоретическая: онъ долженъ взять опредѣленную статью закона и предложенный ему фактъ и рѣшить, имѣетъ ли этотъ фактъ, согласно закону и справедливости, правовое значеніе или нѣтъ. А если имѣетъ, то судья же долженъ опредѣлить, какія юридическія послѣдствія необходимо вытекаютъ изъ даннаго фактическаго положенія и на какомъ основаніи. Для того, чтобы такое рѣшеніе было выполнено, оно нуждается еще въ дополнительномъ актѣ исполнительной власти или самихъ гражданъ, такъ какъ самъ судья выполняетъ вполнѣ свое назначеніе однимъ лишь произнесеніемъ своего рѣшенія или приговора. Точно то же происходитъ и при спорахъ о правѣ. На усмотрѣніе судьи въ этомъ случаѣ предлагаются двѣ противоположныя квалификаціи одного и того же фактическаго состава, и требуется, чтобы онъ опредѣлилъ, которая изъ этихъ квалификацій соотвѣтствуетъ строгому смыслу закона. Для этого судья сравниваетъ эти квалификаціи съ истиннымъ смысломъ закона и по справедливости устанавливаетъ, какъ правильную, ту, которая, по его сужденію, наиболѣе совпадаетъ съ нормой, установленной законодателемъ.

И формальная и матеріальная стороны судебнаго рѣшенія выясняютъ намъ вполнѣ достаточно и ту предпосылку, которую мы здѣсь имѣемъ. Чисто теоретическая, объективная дѣятельность судьи и его положеніе въ качествѣ непосредственнаго органа закона придаютъ и особый характеръ самой организаціи судебной власти. До-

говорный характеръ законодательства, подчиненный строй исполнительной власти здѣсь смѣняется независимостью и самостоятельностью непосредственнаго органа закона. И если въ области суда и необходимы надзоръ за поведеніемъ и дѣятельностью судей, изданіе тѣхъ или иныхъ наказовъ спеціально для цѣлей дѣлопроизводства, то одно и другое можетъ быть здѣсь лишь результатомъ дѣятельности самихъ же судей въ ихъ коллегіальномъ составѣ, который обезпечиваетъ не только знаніе дѣла и корпоративной среды, но и необходимую объективность, такъ какъ судьи, привыкшіе къ соблюденію строгой законности, и въ административной сферѣ будутъ стремиться лишь къ наилучшему ея обезпеченію. Независимость судей есть такая же необходимая предпосылка наличности особой судебной власти, какъ наличность парламента—для существованія законодательства и закона. Какъ только между закономъ и судьей становится исполнительная власть, и ея инструкціи оказываются способными вліять на положеніе самого судьи и на содержаніе его рѣшенія, то немедленно же прекращается разница между судебнымъ рѣшеніемъ и административнымъ актомъ, такъ какъ и первое становится лишь цѣлесообразнымъ исполненіемъ воли законодателя, но отнюдь не строгимъ приложеніемъ къ жизни имѣющейся въ законѣ нормы. Могучимъ средствомъ не только для улучшенія судебнаго процесса, но и для обезпеченія независимости судебнаго рѣшенія является введеніе общественнаго элемента въ составъ суда въ видѣ независимой коллегіи присяжныхъ. Этотъ институтъ впервые получаетъ развитіе именно въ конституціонномъ государствѣ.

Естественъ и необходимъ нѣкоторый антагонизмъ между судебной и исполнительной властью въ эпоху перваго развитія конституціоннаго государства и даже поглощеніе первой второю. Въ судѣ гражданинъ видитъ своего перваго защитника, такъ же какъ перваго представителя нарождающейся новой законности. И поскольку законодатель начинаетъ проникать въ систему стараго режима и реформировать ее въ новомъ духѣ, настолько же выдвигается положеніе судьи, который, будучи свободенъ отъ административныхъ традицій, подчиняется только одному закону. И въ то время, какъ исполнительная власть дѣйствуетъ въ духѣ стараго режима, судья является опорой новыхъ порядковъ. Вотъ причина, почему въ такія эпохи администрація подчиняетъ себѣ судъ, старается сузить его сферу дѣйствія, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ мѣрамъ воздѣйствія и даже организуетъ особыя судилища, которыя получаютъ судебныя функціи, будучи въ то же время цѣликомъ подчинены администраціи, видамъ и пользамъ правительства. Таково извращеніе судебной власти въ одну сторону. Но подобное же возникаетъ и въ томъ случаѣ, когда судейская закономѣрность, строго формальное дѣлопроизводство и теоретическій характеръ судебнаго рѣшенія переносится на пред-

ставителей активной администраціи, призваніе которой заключается въ быстромъ и рѣшительномъ воплощеніи наиболѣе цѣлесообразнымъ путемъ воли законодателя. Въ результатѣ здѣсь будетъ лишь крайняя медленность и бездѣятельность правительственнаго агента, который, не имѣя на каждое свое дѣйствіе точной буквы закона, немогущаго конкретно предвидѣть всѣхъ мелочей администраціи, вмѣсто живой дѣятельности будетъ или ежеминутно запрашивать свое начальство о томъ, какъ ему поступить, или же фантазировать на свой страхъ и рискъ самыя произвольныя мѣропріятія. Ясно отсюда, что лишь совпаденіе матеріальной и формальной сторонъ судебнаго рѣшенія создаетъ изъ него истинный актъ судебной власти.

Особенности законодательной, исполнительной и судебной власти даютъ намъ ключъ къ ихъ взаимному отношенію, которое сыграло такую важную роль въ конструкціи конституціоннаго государства. И прежде всего нельзя не видѣть, что въ основу ихъ соотношенія положено то глубокое различеніе функцій, которое выразилось въ различной юридической природѣ трехъ типичныхъ актовъ государственной власти. И раздѣльность властей основывается именно на указанномъ основаніи. Слова Локка и Монтескье, которыя видѣли въ раздѣленіи властей единственную гарантію правового строя въ конституціонномъ государствѣ, вполнѣ оправдываются практикой этого послѣдняго. Стоитъ намъ теперь, опираясь на примѣръ Монтескье, сдѣлать то же предположеніе, которое сдѣлалъ онъ, для того, чтобы самымъ очевиднымъ образомъ убѣдиться въ истинѣ его словъ. Представимъ себѣ, что законодатель не считается съ своеобразіемъ функцій и юридической природы управленія и суда, и прежде всего самъ постоянно вмѣшивается въ ихъ дѣятельность, конкурируетъ съ ними и въ видѣ законовъ издаетъ административныя распоряженія или рѣшенія по судебнымъ дѣламъ. Что тогда происходитъ? Законъ, потерявшій содержаніе закона, немедленно теряетъ свое верховное, руководящее значеніе и становится административнымъ актомъ, на который нѣтъ ни жалобы, ни апелляціи, но который вмѣстѣ съ тѣмъ есть лишь опытъ практическаго выполненія прежней воли законодателя. Такимъ образомъ, не отмѣняя прежняго закона, новый законъ можетъ разойтись съ нимъ въ качествѣ исполнительнаго акта. Этимъ создается исключеніе изъ закона, предписанное самимъ законодателемъ, и, разъ вступивъ на такой путь, законодатель можетъ создавать исключенія въ безчисленномъ количествѣ. Законъ въ виду этого постоянно будетъ нарушаться законодателемъ, и нѣтъ основаній, почему бы этотъ законъ послѣ этого соблюдался гражданами. То же самое можно сказать и о судебномъ рѣшеніи въ формѣ закона. Каждое такое рѣшеніе будетъ лишь приватнымъ или частнымъ закономъ, нарушающимъ общій законъ, а слѣдовательно, такимъ, который упраздняетъ вообще необходимость общихъ нормъ юридическаго характера. И въ результатѣ водворяется

деспотизмъ. Ясно отсюда, что законодатель не только делегируетъ закономъ власть исполнительнымъ и судебнымъ органомъ государства, но и дѣлаетъ это въ цѣляхъ ихъ самостоятельнаго функціонированія. Понятно также теперь, что самостоятельное функціонированіе исполнительной и судебной властей часто обезпечивается въ самой конституціи. Этимъ нисколько не связанъ законодатель въ изданіи общихъ юридическихъ нормъ, регулирующихъ дѣятельность какъ суда, такъ и управленія. Не менѣе легко представить себѣ судъ или администрацію совершенно освобожденными отъ закона или смѣшавшими всѣ свои функціи. Здѣсь мы видимъ не только деспотизмъ, но и сопровождающую его анархію. И тотъ правовой порядокъ, который является высшимъ достоинствомъ и опорою конституціоннаго государства, смѣняется здѣсь полной своей противоположностью.

Останавливаясь на вопросѣ о взаимномъ отношеніи законодательной, исполнительной и судебной властей, мы видимъ далѣе, что въ конституціонномъ строѣ эти власти играютъ вмѣстѣ съ тѣмъ роль взаимныхъ противовѣсовъ и коррективовъ. Глава исполнительной власти не только входитъ въ составъ коллективнаго законодателя, но и можетъ распускать парламентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній выходитъ изъ предѣловъ своей законодательной функціи или узурпируетъ исполнительную и судебную власть. Парламентъ подвергаетъ подробному обсужденію не только все хозяйство страны при разсмотрѣніи и установленіи бюджета, но и дѣятельность администраціи со стороны какъ закономѣрности, такъ и цѣлесообразности ея дѣйствій. При помощи интерпелляцій онъ подвергаетъ отвѣтственности министровъ и, кромѣ того, въ большинствѣ европейскихъ государствъ привлекаетъ ихъ къ суду. Судъ со своей стороны въ составѣ гражданскаго, уголовнаго и административнаго является судомъ не только надъ частными лицами, но и должностными, и постановляетъ приговоры какъ относительно гражданской и уголовной отвѣтственности представителей власти, такъ и дѣйствительности и недѣйствительности распоряженій, а иногда и законовъ, когда противорѣчатъ: первые — законамъ, а вторые — конституціи. Такъ за отсутствіемъ высшей абсолютной воли, объединяющей всю дѣятельность государства въ одномъ центрѣ, мы находимъ здѣсь не только самостоятельность и равновѣсіе властей, но и нѣкоторую связь между ними, которая путемъ взаимнаго контроля создаетъ гармонію, устойчивость и порядокъ. И даже администрація оказывается не вполнѣ изолированной отъ суда. Публичное обвиненіе, а вмѣстѣ и контроль надъ судомъ остается въ рукахъ исполнительной власти или прокуратуры, и даже здѣсь водворяется нѣкоторая гармонія двухъ закону подчиненныхъ властей.

Раздѣленіе властей является важнѣйшей гарантіей правомѣрности въ конституціонномъ государствѣ. Въ силу этого института всѣ

власти оказываются ограниченными и подзаконными. Специальный характеръ подзаконныхъ принимаютъ судъ и управленіе. Такъ здѣсь водворяется царство закона, требуемое въ особенности идеологіей конституціоннаго строя. Но на этомъ дѣло не останавливается. Какъ уже мы знаемъ, въ администрацію вносится начало самоуправленія, которое порой достигаетъ чрезвычайнаго развитія. Самоуправленіе, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что опредѣленный кругъ дѣлъ, имѣющихъ преимущественно или исключительно мѣстный интересъ, изъемлются изъ вѣдомства правительственныхъ органовъ и вручаются мѣстному населенію, на правахъ представительства. Для этого мѣстные жители въ опредѣленномъ порядкѣ создаютъ цѣлый рядъ органовъ коллегіальнаго типа, которымъ для самостоятельнаго рѣшенія и передаются указанныя дѣла. Въ основу всей организаціи здѣсь полагается выборное начало, такъ что представители мѣстности, съ одной стороны, отвѣтственны передъ своими избирателями, а съ другой—представляютъ мѣстность, какъ нѣчто цѣльное и самостоятельное по отношенію къ правительству и государству. Начало представительства рѣзко отличаетъ подобное самоуправленіе отъ несенія хотя бы коллективныхъ повинностей относительно государства. Въ первомъ случаѣ мы находимъ общественную корпорацію, во второй лишь кругъ лицъ, обязанныхъ повинностью. Въ самоуправленіи основнымъ является право, въ несеніи повинности—обязанность. Въ первомъ случаѣ носителемъ правъ и обязанностей по отношенію къ государству является лишь корпорація въ цѣломъ, во второмъ—каждый отдѣльный подданный. Первая дѣйствуетъ исключительно на основаніи закона и не подлежитъ дѣйствію административныхъ распоряженій, вторые поступаютъ цѣликомъ во власть правительственной власти, которая регулируетъ несеніе повинности не только закономъ, но и распоряженіемъ. Въ составѣ первой отвѣтственность прежде всего передъ избирателями и ихъ органами и передъ закономъ по суду, въ несеніи повинности—отвѣтственность лишь передъ государствомъ и притомъ не только по суду, но и въ административно-дисциплинарномъ порядкѣ.

Указанный характеръ самоуправленія дополняется еще тѣмъ, что во внутреннемъ своемъ строѣ онъ повторяетъ ту же систему отношеній, которую мы видѣли въ организаціи самого государства. И здѣсь мы имѣемъ особое законодательное собраніе въ видѣ совѣта графства, земскаго собранія или иного выборнаго органа мѣстнаго представительства. И здѣсь рядомъ съ такимъ совѣтомъ или собраніемъ, издающимъ мѣстные законы, стоитъ административный органъ, комиссія, комитетъ или управа, которая представляетъ собою исполнительный органъ самоуправленія. Роль конституціи о мѣстномъ самоуправленіи играетъ статутъ, изданный общенароднымъ представительствомъ. Благодаря такому подобію общегосударственнымъ учрежденіямъ внутри

самоуправленія слагается сложная система взаимодѣйствія ограниченныхъ властей, обезпечивающая законность управленія. Благодаря самоуправленію разрѣшается задача, которая казалась неразрѣшимой. Не только устраняется вредная централизація власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ административный актъ, не лишаясь своихъ основныхъ свойствъ цѣлесообразнаго воздѣйствія на внѣшнюю среду во исполненіе воли законодателя, теряетъ свои вредныя и опасныя стороны, которыя состоятъ въ томъ, что законодатель, будучи слишкомъ удаленъ отъ мѣстности и ограничиваясь въ силу этого лишь самыми общими предписаніями, представляетъ администраціи слишкомъ широкія полномочія личнаго усмотрѣнія. Въ виду того, что мѣсто высшихъ административныхъ властей при наличности самоуправленія занимаетъ мѣстный законодатель и его законъ, безмѣрно приближается этотъ законъ къ моменту исполненія, а мѣстной исполнительной власти остается лишь выполнить его подробныя и точныя предписанія. Этимъ, съ одной стороны, весьма упрощается дѣло администраціи, а съ другой стороны, если и оказывается необходимость врученія кому-нибудь чрезвычайныхъ полномочій, то не менѣе упрощается дѣло отвѣтственности и контроля, совершаемаго здѣсь же на мѣстахъ, на самомъ дѣйствіи выборнаго администратора.

Нечего и говорить, что подобный порядокъ отнюдь не нарушаетъ связи мѣстности съ государствомъ. Послѣднее при помощи закона организуетъ самоуправленіе, возлагаетъ на него тѣ или иныя обязанности и даруетъ полномочія и права. При помощи общей исполнительной власти совершается надзоръ за законностью органовъ самоуправленія, утверждаются нѣкоторыя его постановленія, контролируется его составъ, и часто мѣстному правительственному агенту принадлежитъ право вето. Наконецъ, пользуясь правами юридической личности, самоуправленіе въ такой же мѣрѣ пользуется защитой судебной власти, какъ и всякій другой мѣстный житель, членъ самоуправляющейся корпораціи. Но такая связь, тѣмъ не менѣе, полагаетъ весьма серьезныя границы государственной исполнительной власти, представляющей главную опасность для законности управленія. Ибо чѣмъ дальше законодатель отъ мѣста приложенія его воли, чѣмъ длиннѣе іерархія властей, черезъ которую эта воля проходитъ, чѣмъ, наконецъ, разнообразнѣе и болѣе индивидуальны условія среды, въ которой администраціи приходится приспособляться, чтобы исполнить свою задачу, тѣмъ шире кругъ ея полномочій, тѣмъ болѣе обще содержаніе закона, а слѣдовательно, тѣмъ необходимѣе свободное усмотрѣніе исполнительнаго органа. А свободное усмотрѣніе есть коренное отрицаніе общаго принципа конституціонализма.

Послѣднимъ правовымъ ограниченіемъ, которое мы находимъ въ конституціонномъ государствѣ, является система субъективныхъ публичныхъ правъ, присущихъ каждому гражданину. Здѣсь права

политическія не могутъ быть признаны имѣющими самостоятельное происхожденіе. Они тѣсно связаны со всей конструкціей государства и представляютъ собой лишь логическій выводъ изъ ея основныхъ положеній. Поэтому здѣсь не столь важно ихъ принципіальное провозглашеніе, сколь ихъ дѣйствительная защита соотвѣтственными установленіями государства. Такимъ образомъ здѣсь мы не найдемъ такого широкаго развитія правъ, какъ въ народномъ государствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они при нѣкоторомъ ростѣ правового начала получаютъ конкретное и твердое обоснованіе. По своей формѣ они становятся правами, направленными на опредѣленные объекты и опредѣленныя учрежденія. Это все права, имѣющія въ своей основѣ различные титулы или источники. Наиболѣе крупная часть этихъ правъ направлена по адресу исполнительной, въ частности же полицейской власти и является необходимымъ полюсомъ, соотвѣтствующимъ обязанностямъ полиціи не допускать никакихъ произвольныхъ дѣйствій и передавать всѣ дѣла, касающіяся личности гражданина, на рѣшеніе суда. Большинство подобныхъ наиболѣе важныхъ правъ такъ и формулируется: это все права на компетентный судъ или права на замѣну полицейскаго произвола судебнымъ рѣшеніемъ. Наличность правъ свободы въ конституціонномъ государствѣ въ виду этого зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: во-первыхъ, опредѣленія ихъ законодателемъ въ особыхъ узаконеніяхъ, во-вторыхъ, отъ наличности независимаго суда и, въ-третьихъ, отъ передачи этихъ правъ подъ защиту единственно только судебныхъ установленій.

По содержанію своему публичныя права гражданина охватываютъ права неприкосновенности личности и свободы; къ послѣднимъ принадлежатъ права хозяйственной дѣятельности, передвиженія, образованія союзовъ и собраній, свободы устнаго и печатнаго слова и вѣроисповѣданія. За этими правами слѣдуютъ права на участіе въ различныхъ государственныхъ установленіяхъ, въ земскихъ собраніяхъ, въ народномъ представительствѣ и т. д. Наконецъ къ нимъ слѣдуетъ причислить и права на различныя положительныя дѣйствія органовъ государственной власти. Всѣ эти права могутъ обладать самымъ различнымъ объемомъ. Но въ основѣ ихъ всегда лежитъ законъ, на который непосредственно и опирается право — притязаніе отдѣльнаго гражданина. Благодаря такимъ, закономъ гарантированнымъ правамъ оказывается возможнымъ то сліяніе общества и государства, на которое такъ претендуетъ правовой строй. А въ общественномъ мнѣніи создается новая сила, которая начинаетъ контролировать не только подзаконныя учрежденія, но и самого законодателя. Въ ней же главная опора правосознанія, пускающаго крѣпкіе корни впервые подъ знаменемъ конституціоннаго государства.

ГЛАВА VI.

Политика конституціонализма.

Кромѣ указанной въ гл. VI и V литературы, см.: W. Sombart. Der moderne Kapitalismus. Treitschke. Politik. Roscher. Politik. Schollenberger. Politik. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Лоуэлль. Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы. Карѣевъ. Происхожденіе современнаго народноправового государства.

Для того, чтобы точно уяснить себѣ основныя черты дѣятельности конституціоннаго государства, надо отчетливо себѣ представить интересы и психику того слоя общества, который послѣ различныхъ революцій воспользовался плодами побѣдъ и вошелъ въ качествѣ легальнаго народа въ составъ новой государственной машины. Какъ мы уже знаемъ, этимъ классомъ былъ торгово-промышленный классъ въ своихъ наиболѣе сильныхъ капиталомъ вершинахъ. У этого класса на первомъ планѣ были весьма реальные интересы, которые прежде всего были связаны съ финансовой и экономической политикой государства. И подъ угломъ зрѣнія этихъ интересовъ у данной группы складывалось и воззрѣніе на политику. Политическимъ классомъ въ истинномъ смыслѣ слова эта группа не была. У нея не было ни надлежащаго опыта, ни вкуса къ политической дѣятельности, ни даже честолюбія, чтобы стремиться завладѣть цѣликомъ и нераздѣльно государственной властью. Съ другой стороны, у нея не было ни того идеализма, который присущъ народнымъ слоямъ, ни вѣры въ себя, чтобы принять на себя дѣйствительное осуществленіе когда-то во время революціи данныхъ обѣщаній. Напротивъ того, боязнь народныхъ движеній, возможныхъ нарушеній порядка и переворота сопутствуютъ съ первыхъ шаговъ представителямъ чувствительнаго къ такимъ опасностямъ капитала. Будучи связанъ съ эксплуатаціей труда широкихъ народныхъ массъ, капиталъ, естественно, былъ весьма преданъ идеямъ всеобщей тишины и порядка. Эта групповая психологія объясняетъ намъ лучше всего либеральную политику конституціонализма.

Остановимся прежде всего на тѣхъ требованіяхъ торгово-промышленнаго капитала, которыя подлежали немедленному осуществленію и въ дѣйствительности съ большей или меньшей быстротой и были удовлетворены. Къ нимъ принадлежитъ, несомнѣнно, въ первую голову установленіе промышленной и торговой свободы. Абсолютизмъ, какъ мы видѣли выше, далеко не закончилъ процесса устраненія цеховой связанности. Ея полное уничтоженіе было уже дѣломъ конституціоннаго строя, при которомъ была провозглашена полная

свобода ремесла, промышленности и торговли. Отнынѣ не нужно было больше ни специальныхъ концессій ни разрѣшеній для того, чтобы основать то или иное заведеніе или предпріятіе. Всякій желающій могъ повсемѣстно и свободно избрать себѣ любое ремесло или профессію и заняться ими. Исключеніемъ остались весьма немногія профессіи, гдѣ потребовался особый дипломъ, но опять-таки право добиваться этого диплома было открыто для всѣхъ. Необходимымъ дополненіемъ промышленной свободы явилось далѣе право свободнаго передвиженія. Оно было обезпечено отмѣной паспортной системы и паспортныхъ сборовъ; сюда же вошла и отмѣна запрещенія выѣзда за границу и особой эмиграціонной пошлины такъ же, какъ сборовъ съ заграничныхъ паспортовъ. Не менѣе содѣйствовало свободѣ денежнаго оборота и уничтоженіе различныхъ таксъ, монополій и суровыхъ законовъ о ростовщичествѣ. Наконецъ къ этимъ мѣрамъ надо прибавить и свободу основанія торговыхъ и промышленныхъ ассоціацій. Съ уничтоженіемъ концессіонной системы и введеніемъ явочнаго порядка для основанія товариществъ, компаній и обществъ открылась возможность широкаго привлеченія мелкихъ капиталовъ къ крупному производству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень развилось грюндерство, двинувшее быстрымъ темпомъ промышленную жизнь.

Слѣдующимъ требованіемъ, тѣсно связаннымъ съ торгово-промышленнымъ интересомъ, было устраненіе связанности вотчинныхъ владѣній и общинныхъ земель. И тутъ сыграли свою роль не только новый подъемъ горнаго дѣла и развитіе техническаго земледѣлія съ ихъ потребностью въ капиталѣ для меліорацій и постояннаго оборота. Увеличеніе спроса на продукты земледѣлія вообще повысило ихъ производство и привело къ интенсивной обработкѣ, немыслимой безъ наличности капитала. Отсюда необходимость широкаго кредита, который не могъ быть обезпеченъ безъ возможности отчужденія обремененныхъ долгами имуществъ, безъ стройной ипотечной системы и поземельныхъ банковъ. Съ другой стороны, и денежная спекуляція нуждалась въ свободномъ обращеніи недвижимыхъ имуществъ, такъ какъ особенно въ первое время именно эти имущества представлялись особенно надежнымъ мѣстомъ для помѣщенія свободныхъ капиталовъ. Мобилизація земли, значительное уравненіе въ гражданскомъ оборотѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ—все это было тѣмъ основнымъ требованіемъ новыхъ общественныхъ круговъ, которые и привели почти во всей Европѣ къ окончательному раскрѣпощенію крестьянъ, къ установленію принципа полной собственности на землю, къ превращенію крестьянства въ классъ мелкихъ собственниковъ съ устраненіемъ въ разрядъ безземельныхъ батраковъ всѣхъ маломочныхъ крестьянскихъ элементовъ. Нечего говорить, что такой аграрный переворотъ въ связи съ требованіями интенсивной культуры неизбѣжно привелъ тамъ, гдѣ сохранилось

крестьянское хозяйство, къ устраненію черезполосицы и ограничивающихъ свободу землепользованія сервитутовъ.

Съ интересами новаго хозяйства тѣсно связана была потребность въ единствѣ національной территоріи, съ одной стороны, и въ возможномъ расширеніи сферъ вліянія или колоній—съ другой. Начатое абсолютизмомъ дѣло національнаго объединенія было закончено уже при конституціонномъ государствѣ. И примѣръ Германіи, гдѣ предшественникомъ общаго, сложнаго государства былъ таможенный союзъ, установившій прежде всего общую таможенную территорію, отлично показываетъ намъ выросшую въ капиталистическомъ хозяйствѣ потребность въ обширномъ внутреннемъ рынкѣ, какъ предпосылкѣ для успѣха въ международной конкуренціи. Развитіе Англіи съ ея незначительными размѣрами метрополіи привело къ созданію колоссальной колоніальной имперіи, какъ района хозяйственной эксплуатаціи. Такъ совершилось, съ одной стороны, объединеніе Германіи и Италіи, а съ другой—развитіе колоніальныхъ владѣній почти всѣхъ европейскихъ державъ, захватившихъ въ свои руки громадныя территоріи въ Африкѣ, Азіи и Австраліи. На ряду съ этимъ образовались такъ называемыя сферы или зоны преимущественнаго вліянія, которыя обезпечиваютъ сбытъ продуктовъ производства тому или иному національному центру. Экстенсивная политика абсолютизма, чисто механически нагромождавшая земельныя пріобрѣтенія, нашла достойнаго продолжателя въ такъ называемомъ имперіализмѣ новаго времени, который связалъ торгово-промышленнымъ интересомъ то, что до него держалось исключительно воинской силой. И въ своей международной политикѣ такъ же, какъ организаціи консульскаго корпуса, современное государство прямо пошло навстрѣчу интересамъ господствующаго класса.

Связь между финансами и торгово-промышленной средой очевидна на первый взглядъ. Не требуетъ поэтому особенныхъ поясненій тотъ фактъ, что именно конституціонное классовое государство въ высшей степени содѣйствовало не только цѣлесообразному упорядоченію финансовъ, но вмѣстѣ и промышленному прогрессу. Не менѣе очевидно и преимущество нижней представительной палаты парламента въ финансовыхъ дѣлахъ. Именно представителямъ народнаго хозяйства было довѣрено дѣло общаго экономическаго расцвѣта. Первымъ средствомъ къ такимъ цѣлямъ была таможенная политика. Порвавъ съ системой стараго меркантилизма, она перешла къ покровительственнымъ тарифамъ, которые то поднимались до размѣровъ запретительныхъ тамъ, гдѣ нужно было искусственно создать новую отрасль производства, то исчезали совсѣмъ, гдѣ конкуренція иностранцевъ становилась совершенно безопасной. Нечего и говорить, что при достаточномъ преобладаніи въ парламентахъ предпринимателей-капиталистовъ покровительство промышленности при помощи

таможенныхъ ставокъ шло достаточно далеко. Чрезвычайно заинтересованы были капиталисты и въ общей политикѣ податного обложенія. И, безспорно, въ ихъ пользу при помощи косвенныхъ налоговъ была перемѣщена главная масса тягостей на массы потребителей, къ которымъ принадлежали наименѣе состоятельные классы населенія. Наоборотъ, подоходный налогъ только съ большимъ трудомъ, и то въ послѣднее время, получилъ доступъ въ общій арсеналъ податныхъ обложеній. Не менѣе на пользу капитала оказалась и громадная задолженность современныхъ государствъ, при чемъ, съ одной стороны, эти деньги шли на поддержаніе отечественной промышленности путемъ казенныхъ заказовъ на военныя и морскія надобности, а съ другой—представляли для банковъ выгодно и надежно помѣщенный капиталъ. Связь между государствомъ и биржей, водворившаяся при конституціонномъ строѣ, значительно укрѣпила и чисто-политическую позицію капиталистовъ. Во-первыхъ, они отказывались давать деньги безъ парламентской гарантіи и ручательства народнаго представительства и тѣмъ укрѣпили послѣднее, а во-вторыхъ, держа въ своихъ рукахъ деньги, безъ которыхъ немыслимо ни мирное преуспѣяніе, ни военныя дѣйствія, биржа стала оказывать и непосредственное давленіе въ желательномъ духѣ на то или иное правительство.

Не обошлось дѣло, конечно, и безъ прямыхъ мѣръ помощи, покровительства и поощренія, принятыхъ по отношенію къ промышленности и торговлѣ. При помощи государственныхъ и національныхъ банковъ былъ организованъ широкій, доступный и дешевый кредитъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. При помощи государства или за его счетъ были безмѣрно улучшены пути сообщенія, почта, телеграфъ, водяные пути и порты, сухопутныя линіи шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Было преобразовано гражданское и въ особенности торговое право и судопроизводство. Создано особое рабочее законодательство, которое вначалѣ было направлено прямо противъ интересовъ труда, стачекъ и рабочихъ соединеній и лишь впослѣдствіи допустило весьма ограниченное право коалицій съ допущеніемъ массоваго отказа отъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, организуя промышленные музеи и всемірныя выставки, созидая торговыя палаты и съѣзды, заключая торговые договоры и регулируя желѣзнодорожные тарифы, государство со всей энергіей поддерживаетъ торговлю и промышленность тамъ, гдѣ ихъ представители еще не создали сами нужныхъ объединенныхъ центровъ. Наконецъ, принимая на свой счетъ устройство массы техническихъ, профессіональныхъ и коммерческихъ учебныхъ заведеній, государство само готовитъ тѣ необходимыя силы, которыя должны пойти на службу капиталу, занятому въ промышленности и торговлѣ.

Какъ очевидно, политика конституціоннаго государства приняла совершенно иной характеръ, нежели то было съ полиціей абсолютнаго. Государство теперь уже не является главнымъ верховнымъ хозяиномъ національныхъ производительныхъ силъ. Эти силы теперь офиціально находятся въ чужихъ рукахъ, въ обладаніи общества или, вѣрнѣе, крупнаго капитала. Непосредственно распоряжаться этими силами, какъ прежде, нельзя. Отсюда и необходимое обращеніе къ инымъ, чѣмъ прежде, способамъ воздѣйствія на это самое общество. Наставленія и увѣщанія, которыя и раньше дѣйствовали мало, теперь совершенно не нужны, такъ какъ имъ съ успѣхомъ противополагаются классовые и групповые интересы предпринимателей и капиталистовъ. Эти послѣдніе и сами знаютъ, что имъ вредно и что полезно. Они одни полновластные хозяева національнаго производства, обмѣна и потребленія. Еще менѣе здѣсь можетъ пригодиться то непосредственное принужденіе, которое раньше производило такія чудеса. Капиталъ—вещь деликатная и чувствительная: тамъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ нежелательное для себя стѣсненіе или гнетъ, гдѣ ему грозитъ умаленіе его барышей, онъ попросту уходитъ, такъ какъ для него въ истинномъ смыслѣ не существуетъ отечества, онъ ничѣмъ не связанъ, а за границей для него всегда открытъ гостепріимный пріютъ. Такъ насильственная опека смѣняется чуткимъ прислушиваніемъ къ потребностямъ и нуждамъ капитала и политикой, которая аргументируетъ при помощи нужныхъ и выгодныхъ капиталу мѣропріятій. А такъ какъ сами денежные и промышленные круги лишены какой бы то ни было иной идеологіи, кромѣ коммерческаго расчета, то на этой почвѣ всегда возможно то или иное соглашеніе.

Позже другихъ удовлетворяются тѣ требованія новыхъ общественныхъ круговъ, которыя являются лишь необходимыми выводами изъ капиталистическаго производства или требованіями болѣе развитой его формы. Таковы именно требованія личной неприкосновенности, свободы вѣроисповѣданія, свободы слова и собраній. И въ самомъ дѣлѣ связь между развитымъ хозяйственнымъ строемъ, особенно на капиталистической основѣ, и этими свободами установить весьма нетрудно. Вѣдь его психической предпосылкой является нѣчто совершенно иное, нежели тотъ подданный, на которомъ абсолютизмъ строилъ свое государственное зданіе. Идеаломъ стараго вѣрноподданнаго было слѣпое повиновеніе безъ права разсуждать, полное отсутствіе собственной воли и механическая способность производить все, что ни прикажутъ. Наоборотъ, теперь понадобилась сильная воля, выдержка и характеръ, умѣнье найтись, быстро оцѣнить положеніе, принять рѣшеніе и настойчиво довести его до конца. Вмѣсто прежней спасительной рутины, привычныхъ положеній и медленнаго процесса групповаго приспособленія теперь отдѣльная

личность оказалась сама брошенной въ центръ борьбы за существованіе, принужденной на свой страхъ и рискъ обезпечить себѣ и семьѣ кусокъ хлѣба, удовлетворить важнѣйшія культурныя потребности — и все это выполнить при возрастающей быстротѣ и широтѣ обмѣна. Поднялся также спросъ на моральную устойчивость и честность, на личную добросовѣстность и достоинство. При хозяйственныхъ условіяхъ крѣпостничества такъ же, какъ политическихъ—абсолютизма моральная личность не играла никакой роли: такъ какъ сама дѣятельность носила пассивный и механическій характеръ, то достаточно было одного обряда и внѣшности для обнаруженія нужныхъ вѣрованій и чувствъ. Человѣкъ напередъ почитался склоннымъ лишь къ порокамъ и разврату, если его только не останавливала рука благодѣтельнаго начальства. Теперь дѣло иное. При крайней интенсивности труда немыслимо и нелѣпо ставить надъ каждымъ человѣкомъ погонщика. Отъ этого качество труда нисколько не улучшится. И если денежный кредитъ основывается на вѣрѣ въ честность и аккуратность плательщиковъ, то, съ другой стороны, обезпеченіе интенсивнаго труда также связано съ личнымъ довѣріемъ къ моральной личности служащаго. И когда капиталистъ подбираетъ себѣ помощниковъ и сотрудниковъ, управляющихъ, директоровъ, инженеровъ, мастеровъ и т. д., онъ въ такой же степени нуждается въ честныхъ людяхъ, въ какой абсолютный монархъ въ слѣпыхъ автоматахъ. Но моральная личность для своего бытія требуетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ условій. И они прежде всего коренятся въ нѣкоторыхъ правахъ политической свободы.

Совершенно очевидно, что произволъ и насиліе менѣе всего способны воспитать самодѣятельнаго, энергичнаго и честнаго человѣка. Насиліе вызываетъ лицемѣріе и обманъ, произволъ — полное недовѣріе къ святости какихъ бы то ни было правилъ. И когда человѣкъ чувствуетъ себя на положеніи загнаннаго, преслѣдуемаго звѣря, то онъ необходимо воспринимаетъ и соотвѣтственную звѣриную психологію, или же неизбѣжно гибнетъ. Но въ капиталистическомъ хозяйствѣ появился спросъ на людей, а не на животныхъ, и притомъ людей, которымъ можно было бы довѣрять. Отсюда и требованіе, чтобы не только самъ собственникъ, предприниматель и капиталистъ обладали личной неприкосновенностью, что уже и было осуществлено прямо благодаря ихъ выдающемуся общественному положенію, но чтобы гражданинъ вообще былъ освобожденъ отъ позорнаго и развращающаго страха передъ произвольнымъ арестомъ, обыскомъ, ссылкой или полицейскимъ надзоромъ. Вотъ почему только въ конституціонномъ государствѣ было, наконецъ, воплощено требованіе свободы вѣроисповѣданія, избавившее гражданина отъ необходимости вѣрить въ одно, а исповѣдывать другое, или, иначе говоря, лгать страха ради, или же превратиться въ циника, которому все—

все равно. Нечего говорить, что полицейскій произволъ въ такой же степени разстраивалъ регулярный ходъ предпріятія, въ какой онъ развращалъ самихъ подданныхъ.

Но несомнѣнно, что политическія права свободы были связаны и болѣе непосредственно съ самымъ ходомъ хозяйственнаго процесса. Мы уже упомянули о томъ, что произвольные аресты, обыски, высылки и ссылки всегда могли затормозить въ самую горячую минуту ходъ любого предпріятія. Отсюда вытекалъ новый аргументъ въ пользу неприкосновенности личности и жилища. Сохраненіе коммерческой тайны съ неменьшей необходимостью приводило къ требованію неприкосновенности переписки и почтовой тайны. Тѣсная связь техники и науки, столь необходимыхъ для совершеннаго оборудованія фабрикъ и заводовъ, въ свою очередь, влекла за собой требованіе свободы науки, такъ какъ только при наличности свободной науки возможно разсчитывать на ея дѣйствительные успѣхи. Къ тому же результату приводила зависимость коммерческой и хозяйственной спекуляціи отъ научнаго позитивизма и развитія правильныхъ логическихъ пріемовъ. Сближеніе техники и искусства особенно въ областяхъ художественной промышленности сдѣлало предпринимателя не менѣе заинтересованнымъ въ вопросѣ о цензурѣ художественныхъ произведеній. Но, конечно, особенно выяснилось все значеніе свободной прессы для торговаго и промышленнаго прогресса. Только свободная пресса, обезпеченная отъ произвольныхъ взысканій, могла затратить необходимыя средства для организаціи освѣдомленія о внѣшней и внутренней жизни; одной свободной прессѣ было доступно правдивое освѣщеніе событій; только ея органомъ былъ присущъ необходимый авторитетъ, чтобы производить необходимое воздѣйствіе на текущую политику или же руководить въ томъ или иномъ направленіи общественнымъ мнѣніемъ. Далеко не одни политическія условія конституціоннаго государства требуютъ наличности свободной прессы: таково условіе прежде всего нормальной хозяйственной жизни. И какъ только хоть нѣсколько освобождаются цензурныя путы, само дѣло печати становится вмѣстѣ съ издательствомъ крупнымъ коммерческимъ дѣломъ. Нечего и говорить, что такое дѣло приходитъ къ совершенному банкротству, какъ только реакція вводитъ и сюда свое полицейское усмотрѣніе и насильственную опеку.

Интересы господствующаго класса въ правовомъ конституціонномъ государствѣ для насъ теперь ясны. Они необходимо приводятъ къ опредѣленному направленію государственной политики. Однако, какъ очевидно, въ нихъ нѣтъ ни одного прямого требованія, которое бы было направлено къ непосредственному овладѣнію государственной власти. Для осуществленія выше перечисленныхъ интересовъ вполнѣ достаточно представительства въ парламентѣ, правового порядка, контроля надъ администраціей и ея отвѣтственности, но

государственнымъ классомъ по-преимуществу торгово-промышленный классъ себя не чувствуетъ. Такую политическую способность получаетъ онъ лишь тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, онъ смѣшивается съ среднимъ и мелкимъ дворянствомъ или, какъ это было во Франціи, съ профессіональной и свободной интеллигенціей. Вотъ почему, когда дѣло доходитъ до противоположности интересовъ крупнаго капитала и землевладѣнія, то первый очень легко идетъ на весьма далеко простирающійся компромиссъ. Этотъ компромиссъ станетъ для насъ совершенно ясенъ, если мы разсмотримъ положеніе дворянства въ конституціонномъ государствѣ вообще.

И прежде всего здѣсь бросается въ глаза, что на ряду съ отмѣной барщины и многихъ патримоніальныхъ правъ почетная дворянская титулатура остается. Конституціонное государство оказалось вполнѣ совмѣстимо съ наслѣдственными титулами, гербами и предикатами, которымъ не соотвѣтствуетъ никакая личная заслуга. Мало того, торгово-промышленный классъ не только не уничтожилъ почетныхъ преимуществъ бывшихъ феодаловъ, но оказался самъ весьма къ нимъ неравнодушенъ и тамъ, гдѣ это было возможно, отдалъ своихъ наиболѣе предпріимчивыхъ и сильныхъ представителей въ ряды старой аристократіи. Точно такъ же равнодушно отнесся капиталистъ и предприниматель къ исключительной роли дворянскаго землевладѣнія при дворѣ, въ арміи, въ церкви, въ судахъ, въ составѣ государственной службы и въ верхней палатѣ парламента. И разъ только политика вообще дѣлалась въ нужномъ для капитала направленіи, и его основные интересы были удовлетворены, то до остального ему не было дѣла, и денежные тузы охотно ввѣряли руководство государственной машиной старымъ опытнымъ кормчимъ. И заглянемъ ли мы въ Англію до билля о реформѣ или въ современную Германію, вездѣ мы найдемъ одну и ту же картину: наиболѣе крупныя живыя силы капиталъ отдаетъ промышленности и торговлѣ, а въ парламентахъ преобладаютъ и господствуютъ землевладѣльцы, адвокаты, чиновники, тогда какъ армія и магистратура цѣликомъ отданы представителямъ другой среды. Только въ одномъ отношеніи довольно послѣдовательно идетъ уравненіе: цензъ для нижней палаты все болѣе и болѣе сводится къ чисто-имущественной квалификаціи, при чемъ за денежнымъ обозначеніемъ совершенно теряются сословныя различія. Не то происходитъ съ верхней палатой: тамъ неприкосновенными остаются наслѣдственныя права представительства и дворянскія привилегіи. И съ этимъ безъ труда мирится крупная буржуазія. Есть, однако, одинъ пунктъ, который встрѣчаетъ весьма рѣзкую оппозицію со стороны торгово-промышленныхъ круговъ и это таможенныя пошлины на хлѣбъ и иные продукты сельскаго хозяйства. Отлично понимая значеніе такихъ пошлинъ, какъ простого налога на все населеніе въ пользу одного крупнаго землевладѣнія,

буржуазія или совершенно устраняетъ этотъ налогъ, какъ было въ Англіи, или же временно разрѣшаетъ его лишь за крупныя компенсаціи, какъ это и сейчасъ въ Германіи. Предоставляя дворянству политическія преимущества, капиталъ очень ревниво относится къ малѣйшей попыткѣ стѣснить его чисто-хозяйственные интересы.

Не менѣе терпимо относится крупный капиталъ и къ монархіи. Буржуазія здѣсь готова терпѣть даже чисто абсолютистскіе пріемы, лишь бы сильно и энергично поддерживались и охранялись ея интересы. Съ другой стороны, именно въ монархическомъ правительствѣ видитъ крупный капиталъ главную защиту и опору собственности противъ бунта и жадности неимущихъ. По отношенію къ монархіи господствующіе круги довольствуются лишь установленіемъ денежной зависимости монарха отъ парламента въ видѣ цивильнаго листа, или пожизненнаго содержанія за государственный счетъ, которое обыкновенно и вотируется въ видѣ пожизненнаго содержанія и самому монарху и его семьѣ. Что же касается династической автономіи и разныхъ почетныхъ правъ, то они не только остаются неприкосновенными, но въ самой торгово-промышленной средѣ соблюдается величайшая лойяльность и даже развивается монархическій піэтетъ, со всѣмъ свойственнымъ ему расцвѣтомъ патріотическихъ чувствъ. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда парламентъ самъ по душѣ выбираетъ себѣ какого-нибудь монарха, на его особу переносится тоже атмосфера романтической преданности и сентиментальнаго обожанія. Понятно отсюда, что сильное торгово-промышленное развитіе Англіи и Германіи не помѣшало первой создать особый ореолъ вокругъ своего юридически совершенно декоративнаго монарха, а второй—имѣть на своей территоріи не меньше двадцати одной царствующей династіи и столько же крупныхъ и малыхъ монарховъ.

Обращаясь теперь къ самому аппарату, при помощи котораго конституціонно-классовое государство осуществляетъ свою политику, мы видимъ въ немъ взаимодѣйствіе двухъ факторовъ: съ одной стороны, общественнаго, а съ другой—государственнаго. Остановимся прежде всего на первомъ. Онъ слагается изъ различныхъ партійныхъ организацій и группъ. Въ основу партійнаго подраздѣленія полагается прежде всего различіе классоваго интереса крупныхъ общественныхъ слоевъ. Съ этой точки зрѣнія представительство конституціонныхъ государствъ даетъ довольно постоянную группировку на землевладѣльческую или аграрную, на партіи торговаго и промышленнаго капитала и на группы мелкой торговли и ремесла, крестьянства и, поскольку это допускалось цензомъ, фабричныхъ рабочихъ. Само собой разумѣется, что для наличности партіи въ указанномъ смыслѣ совсѣмъ нѣтъ необходимости, чтобы ея представители были въ парламентѣ. Конституціонное государство, особенно въ начальную фазу своего развитія, закрываетъ входъ въ парламентъ всѣмъ,

лишеннымъ всякаго ценза. Но партія можетъ существовать и внѣ его и въ исключительныхъ случаяхъ добиться и входа въ него для своихъ отдѣльныхъ представителей. Съ другой же стороны, къ счастью человѣчества, еще ни одна партія не совпадала цѣликомъ съ общественнымъ классомъ, и всегда были среди состоятельныхъ и цензовиковъ партизаны внѣ парламента поставленныхъ группъ. Въ конституціонно-классовомъ государствѣ образованіе партій сообразно классовымъ интересамъ является постояннымъ явленіемъ, и въ борьбѣ именно такихъ группъ и вырабатывается основное направленіе государственной политики. Конечно, иногда и такія группы сообразно болѣе частнымъ интересамъ способны разбиваться на различныя теченія и создавать мелкія партійныя подраздѣленія, но рѣшающимъ остается то подраздѣленіе, на которое мы уже указали.

Парламентъ, въ которомъ представлены въ видѣ партій по крайней мѣрѣ всѣ важнѣйшіе классовые антагонизмы, долженъ быть признанъ прекраснѣйшимъ средствомъ для освѣдомленія относительно истинныхъ интересовъ страны. И его съ этой стороны нельзя и сравнить съ бюрократической машиной. Въ парламентѣ мы имѣемъ людей, которые свою освѣдомленность почерпаютъ исключительно на мѣстахъ. Будучи носителями опредѣленныхъ интересовъ, они изо всѣхъ силъ выдвигаютъ эти интересы на первый планъ. Находясь въ постоянной связи съ своей партіей, они способны слѣдовать всѣмъ ея желаніямъ и цѣлямъ, не отдѣляясь отъ нея китайской стѣной. И свободный подборъ силъ, который каждая партія производитъ во время выборовъ, въ результатѣ даетъ какъ разъ наиболѣе подходящихъ, приспособленныхъ лицъ для охраны и представительства опредѣленнаго хозяйственнаго и политическаго направленія. Точно такъ же не стѣснена партія и въ своемъ интеллектуальномъ аппаратѣ. Она подбираетъ наиболѣе выдающихся и подходящихъ лицъ изъ среды свободныхъ профессій и привлекаетъ ихъ къ себѣ на службу. При помощи именно такихъ спеціально подобранныхъ профессіональныхъ дѣятелей, талантливыхъ журналистовъ, краснорѣчивыхъ адвокатовъ, знающихъ ученыхъ и ловкихъ пропагандистовъ и агитаторовъ партія проповѣдуетъ свою программу, оправдываетъ свою политику, обосновываетъ правильность и цѣлесообразность своихъ предложеній. И если припомнить, что партія есть по принципу свободная организація, возникшая на почвѣ защиты людьми ихъ собственныхъ вѣрованій и интересовъ, то тогда станетъ понятнымъ, что она преимущественно опирается на добровольную дѣятельность сочленовъ, не требующихъ за это ни благодарности, ни платы. Само собой, что качество такого труда совершенно иное, нежели дѣятельность чиновника, служащаго ради жалованья и работающаго изъ-подъ палки. Не рѣдки случаи настоящаго энтузіазма и высокаго ге-

роизма со стороны партійныхъ дѣятелей, искренно вѣрующихъ въ свою партійную программу, видящихъ въ ней идеалъ національнаго блага и всеобщаго процвѣтанія.

Переходя въ парламентъ и вступая въ борьбу съ другими партіями за тѣ или иные интересы, партія, однако, никогда не провозглашаетъ ихъ, какъ свои, и не противополагаетъ ихъ другимъ исключительно во имя своего эгоистическаго расчета. Напротивъ, въ парламентѣ, на аренѣ государственной политики, каждая партія чувствуетъ себя какъ бы передъ судомъ общественнаго мнѣнія и поэтому пытается найти не только для другихъ партій понятный языкъ, но и такую аргументацію, которая отличалась бы всеобщимъ, объективнымъ характеромъ. Въ значительной степени это лежитъ въ существѣ каждой партіи. Вѣдь партія не есть просто классовая группа, которая считается съ однимъ лишь классовымъ интересомъ, какъ таковымъ. Будучи организаціей, стремящейся къ овладѣнію или использованію государственной власти въ интересахъ класса, она необходимо должна считаться съ самой природой государственной организаціи, какъ компромисса отнюдь не внутри одной или двухъ, но нѣсколькихъ соціальныхъ группъ, раздѣленныхъ классовымъ интересомъ. Отсюда, чтобы быть политической партіей, классовая организація должна по возможности смягчить остроту своихъ требованій и непримиримость своихъ принциповъ. Другими словами, она должна стать на путь именно политическаго компромисса или, иначе говоря, такого, который во имя общаго государственнаго, національнаго или даже народнаго интереса примиряетъ и поглощаетъ отдѣльные или частные интересы. Такой идеологическій моментъ можетъ дать полное оправданіе лишь тому классовому интересу, который, ставъ партійной программой, цѣликомъ объявитъ себя тождественнымъ съ общимъ государственнымъ интересомъ. Партія есть, такимъ образомъ, классъ, стремящійся оправдать себя или даже отожествить съ государствомъ. Ясно теперь, что парламентская полемика пріобрѣтаетъ своеобразный характеръ, она есть всегда оцѣнка классоваго интереса съ государственной точки зрѣнія. И когда партіи борются въ парламентѣ другъ съ другомъ, онѣ окрашиваютъ свои домогательства въ государственные цвѣта, оправдываютъ ихъ государственными аргументами. Этимъ, конечно, очень облегчается возможность примиренія взаимно другъ друга отрицающихъ интересовъ.

Борьба партій въ парламентѣ пользуется для взаимнаго разоблаченія обратнымъ пріемомъ, нежели тотъ, что мы видѣли выше. Каждая партія стремится доказать, что ея противники только выдаютъ себя за друзей общаго блага въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ подъ прикрытіемъ этого девиза они преслѣдуютъ лишь эгоистическіе частные интересы. Такое разоблаченіе и критика бываютъ особенно полезны, такъ какъ, будучи примѣнены къ каждой партіи ея против-

никами, помогаютъ прекрасно разсмотрѣть истинные двигательные мотивы той или иной политической группы. И если бы дѣйствительно существовалъ безпристрастный судья, который на основанiи строгаго разслѣдованiя могъ бы взвѣсить реальное отношенiе тѣхъ или иныхъ интересовъ къ общему благу, онъ былъ бы въ состоянiи закончить партiйную полемику объективнымъ приговоромъ въ пользу истинности и справедливости тѣхъ или иныхъ партiйныхъ требованiй и утвержденiй. Такого судью въ весьма слабой степени замѣняетъ общественное мнѣнiе, но такъ какъ создающая его печать сама въ подавляющей степени партiйна, то оно оказывается и не однородно и не безпристрастно. Рѣшающимъ моментомъ все же остается число голосовъ вотирующаго большинства и общественный вѣсъ его образующихъ партiй. И, несмотря на все различiе между закулисной борьбой личныхъ самолюбiй и корыстныхъ фракцiй въ бюрократiи и открытой и гласной борьбой политическихъ партiй въ парламентѣ, результаты послѣдней все же не устраняютъ всѣхъ недостатковъ свойственныхъ первой—компромиссъ борющихся сторонъ совершается по линiи наименьшаго сопротивленiя, что вовсе не гарантируетъ ни его соотвѣтствiя народнымъ нуждамъ ни даже продолжительнаго соцiальнаго мира. Не говоримъ уже о томъ, что изъ этого компромисса часто совершенно исключается не представленный вовсе или же въ незначительномъ меньшинствѣ лишенный ценза народъ. Исходъ партiйной борьбы здѣсь предопредѣленъ. Избирательный цензъ уже напередъ обезпечиваетъ большинство экономически властвующимъ классамъ. Благодаря этому въ значительной степени теряетъ свое значенiе и партiйная полемика въ стѣнахъ парламента. А если бы въ силу случайныхъ причинъ или внезапнаго порыва увлеченiя нижняя палата и приняла бы рѣшенiе, противорѣчащее существеннымъ интересамъ аграрнаго и промышленнаго капитала, то на этотъ случай есть еще такъ называемая первая или верхняя палата.

Партiйная борьба, ограниченная чисто теоретической полемикой въ нижней палатѣ, еще болѣе сужена въ верхней. Здѣсь засѣдаютъ спецiально подобранные верхи обезпеченнаго общества, земельные магнаты, финансовые царьки, заслуженные бюрократы, владѣльцы крупнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ предпрiятiй, и здѣсь исключенъ даже тотъ избранный народъ, который образуетъ собой легальную страну нижней палаты. Партiйное большинство такой палаты не только обезпечено напередъ, но организовано самимъ закономъ столь устойчиво, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь особомъ либерализмѣ. А между тѣмъ первоначальный партiйный компромиссъ нижней палаты нуждается въ одобренiи его верхней, гдѣ этотъ компромиссъ еще болѣе предопредѣленъ. Партiйный компромиссъ двухъ палатъ долженъ быть законченъ ихъ соглашенiемъ, т. е. новымъ компромиссомъ, который менѣе всего способенъ при-

нести въ жертву государственному интересу классовыя пользы и нужды господствующихъ экономически и политически группъ. Ясно теперь, что цензовое представительство конституціоннаго государства пользуется партійной борьбой лишь какъ способомъ ввести публичность и гласность въ процессъ законодательства и создать ему ореолъ самимъ обществомъ свободно совершаемаго акта. На самомъ же дѣлѣ партійный компромиссъ здѣсь совершенно не нуждается въ согласіи напередъ опредѣленнаго меньшинства, оппозиція котораго никому помѣшать не можетъ. Лишь тогда здѣсь можно говорить о партійной борьбѣ и компромиссѣ въ истинномъ смыслѣ слова, когда почему-либо аграрный капиталъ сталкивается съ промышленнымъ, торговымъ или банковымъ въ силу временной противоположности хозяйственныхъ интересовъ—тогда и безсильное меньшинство, соединившись съ одной изъ борющихся группъ, можетъ ей доставить побѣду.

Изслѣдуя партійный аппаратъ конституціонно-классоваго государства, нельзя не видѣть, что партійная его основа далеко не выражена въ офиціальномъ представительствѣ. Въ парламентъ допущены далеко не всѣ партіи и менѣе всего въ соотвѣтствующемъ ихъ силѣ и значенію количествѣ. Партійная борьба сведена въ значительной степени къ фикціи. Окончательное рѣшеніе не есть дѣйствительный компромиссъ всѣхъ борющихся другъ съ другомъ соціальныхъ группъ, но лишь нѣкоторыхъ, привилегированныхъ, искусственно выдѣленныхъ изъ среды прочихъ. И это рѣшеніе еще разъ профильтровывается черезъ вето первой палаты съ еще болѣе суженной ареной партійной борьбы, съ еще болѣе ограниченной конкуренціей интересовъ. А между тѣмъ весь смыслъ партійной организаціи и заключается въ томъ, чтобы были представлены, выражены на политическомъ языкѣ и подверглись суду общественнаго мнѣнія по возможности всѣ соціальные интересы и тѣ одержали бы верхъ, которые оказались бы наиболѣе цѣнными съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ общаго преуспѣянія и прогресса. Не обладая ни достаточнымъ сочувствіемъ общества, ни крѣпкой опорой въ партійной поддержкѣ другихъ партій, партійныя организаціи привилегированнаго класса извращаются сами, теряютъ свой характеръ свободныхъ союзовъ и становятся какими-то полуофиціальными или даже офиціальными учрежденіями. Рядомъ съ бюрократіей государства создается подобная ей бюрократія партій, и постепенно на первый планъ выступаетъ компромиссъ не партій, представляющихъ соціальный интересъ, а властныхъ парламентскихъ группъ, которыя и распредѣляютъ сообразно корыстнымъ интересамъ вождей и сочленовъ различныя казенные выгоды и доходы, а подъ шумокъ занимаются и продажей своего вліятельнаго положенія.

Будучи удаленнымъ отъ общества въ широкомъ смыслѣ слова, цензовое представительство принуждено считаться съ правитель-

ствомъ, какъ съ самостоятельной и серьезной силой. Компромиссъ двухъ палатъ дополняется новымъ компромиссомъ съ правительствомъ, которое опирается на дворъ и на бюрократію. Въ этомъ соглашеніи встрѣчается, съ одной стороны, сила и результатъ хотя бы несовершенной, но партійной общественной работы, а съ другой— такой же результатъ придворныхъ происковъ и бюрократической рутины. Казалось бы, что послѣдніе въ качествѣ политической силы должны отступить совершенно на второй планъ: освѣдомленность, внѣшняя разработка данныхъ, пониманіе и оцѣнка соціальныхъ интересовъ здѣсь до крайности слабы. Но зато на сторонѣ этихъ силъ могучая фикція объективнаго государственнаго интереса и возможность занять внѣпартійную позицію посредника и примирителя враждующихъ соціальныхъ группъ. Органомъ, при помощи котораго заключается компромиссъ между партіями парламента, съ одной стороны, и бюрократіей—съ другой, является министерство, которое уже въ конституціонномъ государствѣ получаетъ выдающееся политическое положеніе. Въ виду такой роли министерство само получаетъ характеръ строго объединенной коллегіи, которая группируется вокругъ такъ называемаго премьера. Спрашивается теперь: измѣняется или нѣтъ дѣятельность монарха и бюрократіи, перенесенная въ конституціонное государство, по сравненію съ дѣятельностью и положеніемъ ихъ въ государствѣ абсолютномъ, или нѣтъ? А если да, то въ чемъ произошла перемѣна?

Остановимся прежде всего на положеніи монарха и посмотримъ, что произошло съ нимъ. И въ самомъ дѣлѣ его положеніе стало въ высшей степени противорѣчивымъ. Съ одной стороны, онъ является безотвѣтственнымъ сувереномъ; онъ есть начало и конецъ парламента; судъ дѣйствуетъ отъ его имени; администрація связана съ нимъ клятвой вѣрности и повиновенія; ему же присягаютъ подданные, которые и отдаютъ свою жизнь за государя на полѣ битвы. Но, съ другой стороны, монархъ самостоятельно не можетъ издать ни одного закона; его администрація подлежитъ отвѣтственности передъ парламентомъ, и самъ онъ, безотвѣтственный суверенъ, оказывается связаннымъ закономъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, планахъ и движеніяхъ. Какъ примирить такія противорѣчія? Что дѣлать, если безотвѣтственный и священный носитель суверенитета пожелаетъ самъ осуществить его во всей полнотѣ? Кто можетъ воспрепятствовать суверену нарушить законъ, какъ возможно въ случаѣ необходимости остановить или даже привлечь монарха, источникъ всякаго закона, къ суду, который отъ него же получилъ свою карающую власть? Очевидно, въ монархіи нѣтъ и не можетъ быть никого, кто сталъ бы надъ монархомъ и осмѣлился бы ему препятствовать въ его дѣйствіяхъ. И вотъ для того, чтобы выйти изъ такого весьма рискованнаго положенія, придуманъ въ высшей степени остро-

умный способъ, который при помощи фикцій и оффиціальнаго лицемѣрія обезвреживаетъ суверенитетъ безотвѣтственнаго монарха, оставляя по внѣшности все совершенно неприкосновеннымъ. Совершается это при помощи весьма простыхъ средствъ. На министра, избраннаго монархомъ, возлагается отвѣтственность за безотвѣтственнаго монарха, при чемъ почитается, что все, что ни происходитъ отъ имени монарха, предпринимается имъ не иначе, какъ по совѣту и съ одобренія министра. А для того далѣе, чтобы предупредить всякую возможность появленія самостоятельныхъ актовъ монарха и вмѣстѣ придать фикціи видимость дѣйствительнаго факта, устанавливается правило, въ силу котораго нескрѣпленные министромъ акты монарха почитаются несуществующими, а воля, въ нихъ выраженная, ничтожной и какъ бы небывшей. Такъ особа суверена раздваивается. Съ одной стороны, поскольку онъ дѣйствуетъ въ согласіи съ министромъ и за его отвѣтственностью, онъ дѣйствительный монархъ, поскольку же онъ дѣйствуетъ безъ согласія съ министромъ, онъ—монархъ недѣйствительный, велѣнія котораго для подданныхъ необязательны. Другими словами, воля монарха для своей дѣйствительности связывается волей министра, и только совмѣстный актъ перваго и второго, ихъ соглашеніе, по которому министръ соглашается взять на себя отвѣтственность за поступокъ монарха, придаетъ волѣ монарха смыслъ и значеніе. Нельзя не видѣть, что и здѣсь мы видимъ актъ не односторонній, единоличный, а, несмотря на его форму, актъ двухсторонній, коллегіальный.

Такъ выясняется передъ нами и отношеніе монарха къ парламенту. Когда министръ находится въ полной зависимости отъ монарха, не только имъ назначается и увольняется, но имъ же подвергается отвѣтственности, то мы имѣемъ передъ собой не только высокую гарантію безотвѣтственности министра, но и полную возможность личнаго режима монарха, который, конечно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ натолкнется на сопротивленіе со стороны зависимаго отъ него министра. Напротивъ того, чѣмъ больше министръ нуждается въ парламентѣ, чѣмъ выше его отвѣтственность передъ палатами, тѣмъ больше онъ въ своей дѣятельности будетъ слѣдовать указаніямъ народнаго представительства и въ томъ же духѣ будетъ давать совѣты монарху; въ случаѣ же расхожденія монарха и парламента министръ откажетъ въ своей подписи актомъ монарха и тѣмъ лишитъ его возможности дѣйствовать противъ народнаго представительства. Однако у монарха всегда остается возможность уволить министра, а съ другой стороны никакой министръ не можетъ принудить монарха принять тѣ или иныя мѣры, желательныя парламенту. Роль министра во всякомъ случаѣ столь же отрицательная, какъ и монарха. Но, само собой разумѣется, если министръ находится въ такой зависимости отъ парламента, которая обусловлена его отвѣт-

ственностью передъ палатами, то здѣсь никакая перемѣна министровъ не поможетъ, и монарху, если онъ не пожелаетъ итти на государственный переворотъ, остается одно, а именно, уступить и присоединить свою волю къ волѣ министра и стоящаго за нимъ представительства.

И для того, чтобы характеризовать вполнѣ положеніе конституціоннаго монарха, достаточно сказать, что чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ въ единеніи съ министромъ, а послѣдній — въ единеніи съ парламентомъ, тѣмъ болѣе поднимается моральный престижъ монарха и любовь къ нему подданныхъ. И это весьма понятно. Самымъ худшимъ врагомъ всякаго монарха является его личный режимъ, при которомъ на него ложится вся моральная отвѣтственность не только за его собственныя дѣйствія, но и за дѣйствія двора и бюрократіи. Въ результатѣ получается недовольство, которое, будучи скрытымъ, тѣмъ не менѣе, направляется противъ особы монарха. Наоборотъ, уже его дѣятельность совмѣстно съ отвѣтственнымъ министромъ значительно ослабляетъ такую отвѣтственность. И даже тѣ неудачные акты, которые предприняты по иниціативѣ монарха, засчитываются на долю не его, а министра, и ошибки, которыя могли бы поколебать престижъ суверена, нисколько не ставятся ему на счетъ. Во всѣхъ же удачныхъ мѣрахъ желаютъ видѣть вліяніе и волю самого монарха, такъ какъ именно такія мысли диктуетъ чувство монархической преданности и любви. Но еще болѣе выростаетъ престижъ монарха, когда онъ дѣйствуетъ въ полномъ единеніи съ парламентомъ. Этимъ снимаются съ него всѣ тягости управленія, между тѣмъ получается видъ, будто не онъ выполняетъ волю парламента, а, наоборотъ, парламентъ выполняетъ волю монарха: вѣдь это имъ выбранные и назначенные министры отъ имени монарха и по его повелѣнію внесли въ палаты тѣ законопроекты, которые затѣмъ были такъ единодушно приняты представительствомъ. Фикція здѣсь чрезвычайно сильна; и даже въ странахъ съ парламентарнымъ режимомъ, гдѣ министерство представляетъ собой не болѣе и не менѣе, какъ комитетъ палаты, образованный изъ среды партіи, обладающей большинствомъ въ парламентѣ, тѣмъ не менѣе министры офиціально избираются и назначаются королемъ; дѣйствуютъ отъ его имени и по его уполномочію, имъ же въ случаѣ надобности увольняются и отъ его имени вносятъ тѣ предложенія въ палату, которыя на самомъ дѣлѣ являются воплощеніемъ извѣстной части партійной программы. Даже здѣсь, такимъ образомъ, успѣшное законодательство только поднимаетъ королевскій престижъ.

Значеніе и роль министерства въ конституціонномъ государствѣ выясняется въ значительной степени тѣмъ, что уже сказано выше. Разсмотримъ ее теперь систематически. Министерство прежде всего является главой активной администраціи. Съ этой стороны оно ста-

новится между бюрократіей и монархомъ, съ одной стороны, и бюрократіей и палатами—съ другой. Министерства въ абсолютномъ государствѣ представляютъ собой только начальниковъ отдѣльныхъ профессіональныхъ частей управленія или вѣдомствъ, что, конечно, нисколько не мѣшаетъ имъ благодаря монопольному праву доклада стать маленькими самодержцами каждому по своей части. Объединенія вѣдомствъ здѣсь происходитъ лишь въ особѣ самого монарха, который пользуется конкуренціей отдѣльныхъ вѣдомствъ въ цѣляхъ наиболѣе разносторонней освѣдомленности изъ конкурирующихъ источниковъ. Если же здѣсь образовывается объединеніе вѣдомствъ благодаря личному вѣсу одного министра, то тогда устанавливается визиратъ, и такой министръ фаворитъ въ значительной степени присваиваетъ себѣ власть самого монарха. Не то въ конституціонномъ государствѣ. Здѣсь министры, будучи начальниками отдѣльныхъ частей, въ то же время совокупно отвѣчаютъ за бюрократію передъ палатами, въ которыхъ дѣятельность администраціи постоянно подвергается самой серьезной критикѣ. Поэтому, представляя бюрократію передъ монархомъ, они уже не могутъ опираться лишь на нее одну и подчиняться лишь ея интересамъ и стремленіямъ: они должны необходимо считаться съ народнымъ представительствомъ. Съ другой же стороны тѣ же самые министры являются не только исполнителями законовъ, но дѣятельными участниками въ ихъ проведеніи въ палатахъ. Это дѣлаетъ ихъ представителями законодательнаго корпуса передъ бюрократіей, которая должна считаться передъ авторитетомъ министра, непосредственно освѣдомленнаго о намѣреніяхъ и мотивахъ законодателя. Этимъ, въ свою очередь, значительно смягчается и вліяніе монарха на бюрократію и зависимость ея отъ его непосредственной воли: всякая воля монарха, прежде чѣмъ воплотиться въ дѣятельность бюрократіи, должна пройти черезъ посредство министра, который за нее принимаетъ на себя отвѣтственность передъ палатами. Можно сказать, что впервые черезъ посредство конституціоннаго министерства образуется брешь въ старой твердынѣ бюрократическаго произвола, прикрытаго безотвѣтственнымъ главой.

Измѣнившееся положеніе министерства неминуемо отражается и на бюрократіи, на ея дѣятельности и окраскѣ. Имѣя передъ собой постоянный контролирующій аппаратъ въ видѣ народнаго представительства, бюрократія въ конституціонномъ государствѣ работаетъ совершенно иначе, нежели въ абсолютномъ: мѣняется и темпъ и качество работы. Въ парламентскихъ комиссіяхъ впервые встрѣчается профессіональная подготовка чиновниковъ и житейскій опытъ народныхъ представителей. Отсюда возможность плодотворной совмѣстной дѣятельности. Однако преобразованіе бюрократіи совершается и въ другомъ направленіи, и притомъ не на пользу, а во вредъ бюрократическому механизму. Политическая роль министерства, принимая

партійно-боевую окраску, способна наложить свое клеймо и на дѣятельность всей бюрократіи въ цѣломъ. Результаты этого отражаются весьма тяжело и на составѣ служащихъ и на ихъ работѣ. Съ перемѣной каждаго партійнаго министерства оно сажаетъ своихъ приверженцевъ на руководящія, хорошо оплачиваемыя мѣста, совершенно не считаясь ни съ ихъ способностью ни съ ихъ служебной подготовкой. Партійность покрываетъ, такимъ образомъ, всѣ недостатки и даже положительную негодность кандидатовъ. Съ другой стороны, и сама дѣятельность такой партійной бюрократіи становится весьма неудовлетворительной. Благодаря очищенію состава отъ членовъ другихъ партій бюрократія теряетъ много способныхъ и опытныхъ дѣятелей; при частой перемѣнѣ такихъ партійныхъ теченій служебный составъ теряетъ дѣловую традицію и опытность, дѣлопроизводство теряетъ устойчивость и единообразіе, приводитъ къ произвольной практикѣ и весьма пристрастной, односторонней оцѣнкѣ и освѣщенію фактовъ.

Неудивительно теперь, что въ развитомъ конституціонномъ строѣ мы нерѣдко находимъ различеніе политическихъ должностей и профессіонально-техническихъ. И только первыя должности, на которыя возложено правленіе въ отличіе отъ управленія, высшая политика въ отличіе отъ администраціи, только онѣ замѣщаются партійно въ духѣ того министерства, которое въ то или иное время находится у власти. Такимъ лицамъ принадлежитъ такъ называемое общее направленіе всѣхъ дѣлъ и преимущественно по общему управленію. Но отъ этихъ должностей отличаются другія, гдѣ требуются спеціальныя техническія знанія, большой опытъ, устойчивость и строгая послѣдовательность въ работѣ. Такія должности замѣщаются внѣ политическихъ соображеній, и часто имъ обезпечивается высокая служебная независимость и неприкосновенность. При перемѣнѣ министерства эти должности отнюдь не мѣняютъ своего состава. Подобнымъ образомъ обыкновенно организуются посты статсъ-секретарей или ихъ товарищей, товарищей министровъ и главноуправляющихъ и т. п. Само собою разумѣется, наконецъ, что менѣе всего партійность можетъ приниматься во вниманіе при назначеніи судей и замѣщеніи судейскихъ должностей въ конституціонномъ государствѣ. Къ такимъ должностямъ принадлежатъ не только должности по вѣдомству юстиціи, но и государственнаго контроля, такъ какъ въ конституціонномъ государствѣ и контроль организуется коллегіально и пользуется судейскими привилегіями.

Что касается далѣе новыхъ образованій, свойственныхъ спеціально конституціонному строю, то изъ нихъ заслуживаетъ особаго вниманія организмъ такъ называемой административной юстиціи, которая въ значительной степени отражаетъ на себѣ общую систему раздѣленія властей въ правовомъ государствѣ. И въ самомъ дѣлѣ,

она построена на томъ принципѣ, что администрація, нуждаясь въ извѣстной самостоятельности, не можетъ быть непосредственно подчинена контролю судебной власти. И если бы каждый гражданинъ каждое дѣйствіе управленія могъ бы немедленно обжаловать въ судъ, то этимъ путемъ была бы стѣснена исполнительная власть въ необходимой свободѣ дѣйствій, тормозилось бы осуществленіе ею важнѣйшихъ государственныхъ задачъ, и, въ концѣ-концовъ, она оказалась бы подчиненной суду, который бы въ силу этого извратился бы въ своей основной функціи. Но, съ другой стороны, именно въ конституціонномъ государствѣ выяснилась необходимость такого суда, который защищалъ бы субъективныя публичныя права гражданъ, рѣшалъ бы случаи спора различныхъ учрежденій о предметѣ вѣдомствъ и былъ бы высшимъ дисциплинарнымъ судомъ для государственныхъ служащихъ. Въ виду такой потребности въ большинствѣ европейскихъ государствъ и былъ созданъ особый смѣшанный судъ въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, который состоялъ частью изъ судей, частью изъ лицъ, прошедшихъ административную карьеру, при чемъ его вѣдомству и подлежали вышеперечисленныя дѣла. Члены подобныхъ судовъ, назначаемые пожизненно, снабжены судейской несмѣняемостью и независимостью. Присутствіе въ ихъ составѣ бывшихъ администраторовъ должно гарантировать такое направленіе дѣлъ, которое будетъ считаться со всей своеобразностью административной практики, съ одной стороны, и съ необходимостью независимаго положенія исполнительной власти — съ другой. Эта аргументація не выдерживаетъ критики въ томъ смыслѣ, что судья, рѣшающій вопросъ о законности и справедливости въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, оставаясь въ предѣлахъ своихъ функцій, отнюдь не можетъ представить какой-нибудь опасности для исполнительной власти. Но, конечно, спеціальное выдѣленіе административной юстиціи весьма соотвѣтствуетъ общему компромиссному характеру конституціоннаго строя и его крайне бережному отношенію къ свободѣ дѣйствій административной власти. Административный судъ своего рода третейскій судъ между судебной и исполнительной властью.

Обращаясь теперь къ общему ходу развитія конституціоннаго строя, мы можемъ отмѣтить три фазы такого развитія: первую — переходную, время борьбы общества со старымъ режимомъ за власть; вторую—эпоху расцвѣта конституціонализма; третью—періодъ упадка, который вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождался переходомъ ко многимъ новымъ формамъ. Первая эпоха совпадаетъ съ торжествомъ формъ призрачнаго конституціонализма и отличается преобладаніемъ монархическаго начала. Въ это время торжествуютъ идеи теократіи и легитимизма, а королевская прерогатива становится источникомъ указной законодательной власти. Борьба съ такой властью идетъ, главнымъ образомъ, при помощи финансовой силы палатъ, которыя

ставятъ свои ассигнованія въ тѣсную зависимость отъ тѣхъ или иныхъ уступокъ въ области личныхъ правъ, судебной защиты, или контроля палатъ надъ дѣятельностью администраціи. Особенно упорную борьбу мы наблюдаемъ въ Англіи, гдѣ легальная борьба два раза прерывалась революціями, и была увѣнчана успѣхомъ лишь благодаря неоднократной смѣнѣ различныхъ династій. Вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ Англіи мы можемъ отмѣтить и наиболѣе рѣшительную побѣду, такъ какъ здѣсь удалось привести министерство въ непосредственную зависимость отъ палатъ, такъ что оно оказалось только комитетомъ палаты, или, иначе говоря, комитетомъ партіи, обладающей большинствомъ въ нижней палатѣ. Въ Англіи, такимъ образомъ, задолго до демократизаціи избирательнаго права установился парламентарный строй, который и отдалъ все правительство страны въ руки властвующей олигархіи крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, промышленниковъ и торговцевъ. Вето короля постепенно вышло изъ употребленія, а министерство образовывалось каждый разъ изъ партіи большинства, такъ что при потерѣ этой партіей преобладанія въ палатѣ и министерство должно было или уйти въ отставку или въ лучшемъ случаѣ распустить палату и выждать результата новыхъ выборовъ. Этотъ парламентарный режимъ подготовилъ почву для послѣдующей демократизаціи строя, такъ что, когда палаты впослѣдствіи получили болѣе демократическій составъ, то имъ достался въ руки уже готовый аппаратъ такого полнаго властвованія законодательнаго фактора надъ исполнительной властью, что лучшаго нельзя было и требовать. Однако и въ Англіи реформа въ смыслѣ расширенія избирательнаго права сопровождалась глубокимъ кризисомъ конституціонализма, который въ значительной степени и сейчасъ наблюдается и наблюдался въ конституціонныхъ государствахъ континента.

Первымъ основаніемъ такого кризиса является исключеніе изъ представительства въ парламентѣ широкихъ народныхъ массъ. Пока эти послѣднія находятся на низкомъ уровнѣ хозяйственнаго и культурнаго развитія, онѣ относятся въ высокой степени индиферентно къ захвату избирательнаго права крупными собственниками. Но какъ только среди нихъ выдвигается сколько-нибудь сильная группа, она немедленно начинаетъ борьбу за участіе въ народномъ представительствѣ. Въ особенности такое стремленіе свойственно мелкому городскому классу торговцевъ, ремесленниковъ и классу фабричныхъ рабочихъ, такъ же, какъ сельской группѣ арендаторовъ и мелкихъ землевладѣльцевъ; эти группы во главѣ съ городской интеллигенціей, въ концѣ-концовъ, и организуютъ борьбу за всеобщее избирательное право. Требованіе это, будучи лишено непосредственнаго соціальнаго значенія, является результатомъ повышеннаго политическаго самосознанія массъ, желающихъ, чтобы ихъ интересы были также пред-

ставлены въ парламентѣ, какъ интересы крупной собственности и капитала. Такъ называемый квартирный цензъ, введенный въ Англіи послѣ биллей о реформѣ, приблизительно охватываетъ ту группу, о которой мы говорили. Формально, слѣдовательно, къ этой группѣ принадлежитъ всякій владѣющій собственной квартирой и платящій за нее квартирную плату. Послѣдняя въ Англіи тоже опредѣлена въ 10 ф. ст. въ годъ. Но, конечно, устраненіе высокаго ценза, будучи посягательствомъ на привилегію богатыхъ классовъ населенія, встрѣтило съ ихъ стороны чрезвычайное сопротивленіе. Не надо забывать, что въ Англіи до билля о реформѣ подлежали избранію лишь тѣ землевладѣльцы, которые обладали въ сельскихъ мѣстностяхъ доходомъ не менѣе 600 ф. ст., а въ городахъ не менѣе 300 ф. ст.; что во Франціи во время конституціонной монархіи избирателями были лица, платившія не менѣе 300 фр. прямыхъ налоговъ, а избираемыми плательщики 1.000 фр. въ годъ, а въ Пруссіи и сейчасъ существуетъ классовая система, по которой наиболѣе состоятельные элементы, образующіе 15% избирателей, имѣютъ столько же голосовъ, сколько остальные 85% малоимущихъ избирателей!

Борьба порождаетъ сопротивленіе, и вотъ мы видимъ, какъ конституціонное государство въ своемъ стремленіи уничтожить своего врага, отступаетъ отъ своихъ собственныхъ принциповъ и началъ, усиливаетъ прерогативы исполнительной власти, поощряетъ ея абсолютистскія тенденціи, бросается въ рискованныя внѣшнія авантюры. Но хуже всего, что въ такое время вопіющія нарушенія правового принципа, совершаемыя исполнительной властью, проходятъ не только совершенно безнаказанно, но еще и при полномъ одобреніи руководящихъ партій. Впрочемъ, и самъ конституціонный строй предвидитъ подобную возможность борьбы съ демократіей и отказа отъ правовыхъ гарантій. Представляясь фиктивнымъ воплощеніемъ народнаго представительства и узурпаціей народныхъ правъ, конституціонное представительство само освящаетъ свое собственное упраздненіе въ видѣ законовъ и уставовъ о такъ называемомъ осадномъ или исключительномъ положеніи. И если даже въ нѣкоторыхъ государствахъ такое положеніе не предусмотрѣно офиціально закономъ, это нисколько не мѣшаетъ ему въ случаѣ надобности дѣйствовать, а исполнительной власти получать полное прощеніе за акты усмирительной диктатуры.

Жестоко ошибся бы тотъ, кто полагалъ бы, что осадныя и военныя положенія предусматриваютъ лишь тотъ случай, когда дѣйствительно съ началомъ какой-нибудь войны является необходимость ввести особый порядокъ на случай непріятельскаго нашествія. Конечно, осадныя положенія предвидятъ и такой случай. Но главной цѣлью ихъ является установленіе военной диктатуры на случай внутреннихъ столкновеній, возстаній и вооруженной борьбы. И такъ

какъ властное меньшинство привилегированныхъ, естественно, предвидитъ столкновеніе и борьбу за власть съ громаднымъ большинствомъ населенія страны, то въ осадныхъ положеніяхъ оно и создаетъ себѣ средства для борьбы именно съ массовымъ народнымъ возстаніемъ, которое можетъ охватить цѣлыя мѣстности. Сущность осадныхъ положеній заключается въ частичномъ введеніи абсолютизма въ его наиболѣе рѣзкой формѣ. Для этого въ данной мѣстности отмѣняются всѣ конституціонныя права и свободы, начиная съ неприкосновенности личности и кончая свободой прессы, союзовъ и собраній. Отмѣняется ординарная власть и компетенція общихъ судовъ. Вводится единоличная власть военнаго начальства. Оно облекается чрезвычайными полицейскими полномочіями вплоть до права закрытія промышленныхъ и торговыхъ заведеній, конфискаціи недвижимаго и движимаго имущества, военнаго суда и смертныхъ казней. Нечего говорить, что на помощь полиціи при усмиреніи двигаются войска, которыя, въ свою очередь, истребляютъ имущество гражданъ, арестовываютъ ихъ и подвергаютъ тяжкимъ наказаніямъ безъ слѣдствія и суда. Въ такихъ мѣстностяхъ уже не различаются дѣйствительно виновные и только заподозрѣнные,—аресту, обыску и высылкѣ подвергаются всѣ, кто только вызываетъ малѣйшее подозрѣніе въ сочувствіи возставшимъ. Какъ очевидно, подъ видомъ осадныхъ положеній конституціонное государство хранитъ оружіе имъ самимъ низвергнутаго абсолютизма. Разница лишь въ томъ, что здѣсь абсолютизмъ оказывается временнымъ и мѣстнымъ явленіемъ, тогда какъ при старомъ режимѣ онъ былъ не исключеніемъ, а общимъ правиломъ.

Исключительныя положенія также мало спасаютъ конституціонное государство отъ его гибели, какъ полицейская тиранія—абсолютизмъ. На смѣну конституціонному строю приходитъ демократія, которая въ одномъ случаѣ выражается въ рядѣ постепенныхъ демократическихъ реформъ, а въ другомъ водворяется сразу, однимъ ударомъ послѣ революціоннаго переворота. Но демократія несетъ съ собой совершенно новую идейную систему, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и перейдемъ.

ОТДѢЛЪ III.

Ученіе о народномъ государствѣ.

ГЛАВА VII.

Народный суверенитетъ.

Rousseau. Du contrat social. Laveleye. Gouvernement dans la démocratie. Maine. Popular Gouvernement. M. Ostrogorsky. La Démocratie et l'organisation des parties. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. Hatschek. Allgemeines Staatsrecht, II. W. Wilson. Congressional Gouvernement. Esmein. Eléments de Droit Constitutionel Francais. М. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Тахтаревъ. Отъ представительства къ народовластію. Магазинеръ. Самодержавіе народа. Брайсъ. Американская республика. Курти. Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи.

Демократія—значитъ властвованіе народа. Народъ здѣсь выступаетъ на первый планъ. Идеологически одинъ народъ здѣсь является источникомъ всякой власти. Монархическое начало въ демократіи отпадаетъ совсѣмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно упрощается и вся идеологическая система. Въ демократіи самъ народъ—монархъ. Спрашивается, однако, что это за народъ? Вѣдь мы уже видѣли, что народъ въ конституціонномъ государствѣ далеко не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ, конкретнымъ народомъ, живущимъ въ томъ или иномъ государствѣ. Каковъ составъ этого народа? Но этимъ однимъ вопросомъ дѣло не ограничивается. Надо выяснить еще, почему этотъ демократическій народъ имѣетъ право властвовать. И какъ далеко простирается его власть?

Если мы для отвѣта на поставленные вопросы обратимся къ теоріи и практикѣ демократіи, мы увидимъ, что демократическій народъ нисколько не меньше, чѣмъ монархъ претендуетъ на происхожденіе своей власти отъ Бога или, по крайней мѣрѣ, на особое благословеніе Божіе. Во вступительныхъ формулахъ демократическихъ конституцій мы неоднократно встрѣчаемъ такія выраженія, какъ: съ „помощью божественнаго Провидѣнія“ въ присутствіи „Божества“, „Высшаго Судіи“, „именемъ Всемогущаго Бога“ и т. д. Такія формулы, несомнѣнно, теократическаго содержанія, христіански-протестантскаго характера. Онѣ обозначаютъ, что Божество спеціально присуще данному народу и ему вручило политическую власть. Смыслъ здѣсь тотъ же, что и въ формулѣ „Божіей милостью“ королей. Но, несомнѣнно, и тѣ же затрудненія съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, ибо въ каждомъ демократическомъ народѣ достаточное количество не только иновѣрцевъ, но и положительныхъ безбожниковъ, которымъ по хри-

стіанскому ученію скорѣе грозитъ Божіе наказаніе, а никакъ уже не благодать или особое благословеніе. Въ лучшемъ случаѣ теократическая формула здѣсь имѣетъ то значеніе, что Божество въ такой же степени благоволитъ республикѣ, какъ монархіи, и первая вовсе уже не такая богопротивная форма правленія, какъ это утверждали монархически настроенные писатели. И въ самомъ дѣлѣ. Не только въ древнія времена боги одинаково покровительствовали народоправству и царямъ, но и въ новое время ни одна республика не оставалась безъ спеціальнаго покровительства того или иного патрона. Извѣстенъ св. Маркъ, какъ покровитель Венеціи, Богоматерь, какъ покровительница Польши, и т. п. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, и народъ не хуже монархъ Божіей милостью, чѣмъ самые великіе цари. Но отсюда не далекъ и тотъ выводъ, который совершенно въ демократическомъ духѣ сдѣлалъ въ свое время Іосифъ II австрійскій, когда сказалъ, что по существу каждый сапожникъ въ такой же степени мастеръ Божіей милостью, какъ и любой монархъ и любой земледѣлецъ, ибо все, что совершается на землѣ, происходитъ неизмѣнно Божіей милостью.

Иное значеніе имѣла религіозная формула въ то время, когда отдѣльныя маленькія республики дѣйствительно представляли изъ себя цѣлостныя религіозныя общины единовѣрцевъ. Подобные примѣры мы можемъ наблюдать въ исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ тотъ періодъ ихъ развитія, когда бѣжавшіе изъ Англіи сектанты искали на новомъ материкѣ воплощенія новаго царства Божія и основывали здѣсь сектантскія колоніи, проникнутыя строго вѣроисповѣднымъ духомъ. Но въ такихъ колоніяхъ часто господствовало и принужденіе вѣры, иновѣрцы же въ ихъ среду не допускались. Здѣсь однородный вѣроисповѣдный составъ вполнѣ соотвѣтствовалъ религіозной формулѣ власти, которая была тоже своего рода исповѣданіемъ вѣры. Въ подобномъ же духѣ находимъ мы примѣры и въ Швейцаріи, гдѣ нѣкоторые кантоны сохраняли то строго католическій, то протестантскій характеръ и права гражданства предоставляли лишь своимъ единовѣрцамъ. Въ настоящее же время, при провозглашеніи полной свободы вѣроисповѣданія, религіозное обоснованіе потеряло прежній смыслъ, но, конечно, это не мѣшаетъ ей въ силу извѣстнаго демократическаго консерватизма и до сихъ поръ красоваться въ началѣ всякихъ торжественныхъ актовъ республиканскихъ правительствъ и собраній. Весьма возможно, что во многихъ демократическихъ кругахъ въ этихъ формулахъ желаютъ видѣть выраженіе того христіанскаго духа, который въ Америкѣ нисколько не мѣшаетъ царству доллара, а въ Швейцаріи содѣйствуетъ въ высокой степени мѣстной промышленности и торговлѣ. Такое христіанство къ большомъ ходу въ обѣихъ названныхъ республикахъ, за что особенно восхваляютъ Америку миссіонеры и проповѣдники всѣхъ религій.

Одно удобство религіозныхъ формулъ въ демократіи въ томъ, что здѣсь изъ нея не дѣлается никакихъ серьезныхъ выводовъ для политической жизни. Такимъ образомъ здѣсь каждый вѣруетъ въ то, во что онъ хочетъ, акты гражданскаго состоянія не связаны совершенно съ религіозными обрядами, и всѣ граждане безъ различія исповѣданій пользуются всѣми политическими правами. Такая свобода вѣроисповѣданія есть одна изъ первыхъ ступеней современнаго демократизма, и она уже воспринята многими конституціонными государствами, осуществившими рядъ демократическихъ реформъ. Гораздо труднѣе воспринимается конституціонно-монархическимъ государствомъ то полное отдѣленіе государства отъ церкви, которое знаменуетъ собой истинно демократическій строй. Такъ дѣло обстоитъ въ Америкѣ. Во Франціи лишь въ послѣднее время республика вступила на этотъ путь. Въ конституціонно-парламентарныхъ государствахъ подобный строй находимъ пока лишь въ Италіи. Во всѣхъ этихъ государствахъ церковь является частнымъ сообществомъ вѣрующихъ, которое подлежитъ во всемъ общему дѣйствію закона о союзахъ и собраніяхъ. Въ христіанской Америкѣ мы находимъ еще одно ограниченіе церкви, состоящее въ запрещеніи ей пріобрѣтать недвижимыя имущества. До извѣстной степени этому примѣру послѣдовала и Франція со своимъ новымъ закономъ о конгрегаціяхъ, которая владѣніе церковными имуществами поставила въ зависимость отъ общинъ и государства. Такія мѣры совершенно понятны въ демократіяхъ, такъ какъ, несомнѣнно, духъ нетерпимости и авторитета, присущій католичеству, является серьезной угрозой духу демократическаго государства.

Другое обоснованіе суверенитета встрѣчаемъ мы въ цѣломъ рядѣ конституцій, гдѣ говорится о народѣ или націи, какъ источникѣ его. „Народъ Соединенныхъ Штатовъ" является сувереномъ въ сѣверной американской республикѣ, и отъ его имени была издана федеральная конституція 1787 г. „Вся политическая власть принадлежитъ народу,— гласитъ новѣйшая конституція штата Калифорніи, — правительство учреждено для охраны, для безопасности и для благосостоянія народа, а народъ имѣетъ право измѣнять или преобразовывать его всякій разъ, какъ этого потребуетъ общая польза". Подобнымъ же образомъ читаемъ мы и въ конституціи Франціи 1791 г. „Суверенная власть едина, недѣлима, неотчуждаема и неотъемлема. Она принадлежитъ націи, никакая часть народа, никакое лицо не могутъ приписывать себѣ ея осуществленія"... „Изъ одной націи вытекаютъ всѣ власти". Тоже находимъ мы и въ швейцарскихъ конституціяхъ: „Суверенитетъ принадлежитъ совокупности народа". „Суверенитетъ принадлежитъ народу... Народъ же состоитъ изъ совокупности гражданъ". „Верховная власть принадлежитъ народу". Даже бельгійская конституція объявляется „отъ имени бельгійскаго народа"; согласно ея утвер-

жденію, „всѣ власти исходятъ отъ націи и осуществляются въ формѣ, предписанной конституціей“.

Понятіе народа или даже націи въ демократіи имѣетъ другой смыслъ, нежели въ конституціонномъ государствѣ. Въ народномъ государствѣ понятіе гражданина равнозначно съ словомъ избиратель, законодатель, участникъ отправленія суверенной власти. Всеобщее избирательное право, непосредственное голосованіе, широкое участіе въ образованіи судебной и исполнительной власти,—все это доступно всякому совершеннолѣтнему гражданину, неопороченному въ правахъ. Народъ здѣсь есть дѣйствительно народъ, невзирая на его цензъ или имущественное состояніе. Всякій бѣднякъ, работающій поденно, имѣетъ здѣсь право на такой же голосъ, какъ и милліонеръ, владѣющій цѣлыми территоріями. И, казалось бы, необходимый выводъ отсюда: здѣсь воплощеніе народнаго интереса, здѣсь государство существуетъ ради широкихъ народныхъ массъ, здѣсь, наконецъ, можетъ и должна быть осуществлена старинная мечта о царствѣ народнаго благосостоянія и свободы. И отсюда особый демократическій патріотизмъ, ибо нельзя не любить государство, это истинное воплощеніе общаго блага, гдѣ каждый чувствуетъ себя не пасынкомъ, а сыномъ, гдѣ каждый пользуется истиннымъ человѣческимъ счастьемъ. Ибо нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что народъ, состоящій въ громадной массѣ изъ трудящейся бѣдноты, употребитъ доставшуюся въ его руки власть именно на то, чтобы залѣчить свои вѣковыя раны, причиненныя ему корыстной эксплуатаціей хищниковъ и гнетомъ узурпаторовъ. И если мы налицо имѣемъ демократію, то, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и такой строй, въ которомъ благоденствуетъ въ полномъ смыслѣ слова самодержавный народъ.

Въ такомъ обоснованіи власти народа весьма много притягательной силы. Какъ кажется, здѣсь, наконецъ, воплощена сама справедливость, ибо тотъ, кто приноситъ жертву, тотъ и опредѣляетъ ея примѣненіе; кто несетъ всѣ тягости, тотъ пользуется полнотой власти; кто оказываетъ услуги и помощь ближнимъ, пользуется и отъ нихъ тѣмъ же самымъ. Однако въ идеологіи народнаго суверенитета есть и своего рода взрывчатое вещество, которое можетъ сдѣлать ее для многихъ весьма неудобной. Политическое равенство и свобода далеко еще не обозначаютъ соціальнаго равенства и свободы. Экономическая власть капитала остается попрежнему и при господствѣ самаго несомнѣннаго народовластія. А между тѣмъ народъ въ громадномъ своемъ большинствѣ принадлежитъ не къ категоріи собственниковъ и предпринимателей, властвующихъ при помощи капитала. Наоборотъ, онъ принужденъ не только продавать свой трудъ, но вмѣстѣ съ нимъ свое все время, свою независимость, возможность духовнаго и нравственнаго совершенствованія, свою свободу и т. д. безъ конца. Развѣ можетъ быть истинно свободнымъ человѣкъ, который каждую минуту

можетъ быть лишенъ куска хлѣба, выброшенъ на улицу, принужденъ видѣть голодную смерть своихъ дѣтей? Развѣ такой человѣкъ не откажется лучше отъ своихъ политическихъ убѣжденій и не отдастъ свой голосъ богачу, лишь бы не потерять своего заработка? И не слѣдуетъ ли ради осуществленія полной народной свободы и счастья дополнить политическую свободу соціальной и этимъ обезпечить дѣйствительное самодержавіе народа? Развѣ можно говорить о народномъ суверенитетѣ тамъ, гдѣ массы этого державнаго народа находятся въ экономическомъ порабощеніи у ничтожнаго меньшинства людей, которые тѣмъ менѣе имѣютъ право на привилегированное положеніе, чѣмъ рѣшительнѣе провозглашено равенство гражданъ, всѣхъ одинаково составляющихъ суверенный народъ? Такъ разбивается народъ, какъ единство, а сувереномъ становится не народъ, а властвующій надъ нимъ капиталъ. Отсюда выходитъ соціальная революція или реформа.

Послѣдующее обоснованіе народнаго суверенитета находимъ мы въ теоріи взаимнаго договора гражданъ. Эта идеологія опирается на дѣйствительный историческій фактъ такого основанія государствъ, который находимъ въ Америкѣ во время образованія тамошнихъ колоній. Справедливой славой въ этомъ отношеніи пользуется договоръ, заключенный пилигримами на кораблѣ „Майскій Цвѣтокъ“ въ 1620 г., во время переѣзда изъ Англіи въ Америку. По этому договору эмигранты взаимно обязались объединиться въ политическое и гражданское тѣло для поддержанія добраго порядка и достиженія поставленныхъ ими цѣлей, а для этого обѣщали издать соотвѣтственные законы, выбрать правителей и подчиняться имъ. Этотъ договоръ легъ въ основу колоніи Нью-Плимутъ, а за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ имъ подобныхъ. Во всѣхъ этихъ договорахъ колонисты обѣщались повиноваться постановленнымъ по большинству голосовъ законамъ и обязались не касаться свободы вѣроисповѣданія, какъ прирожденнаго права человѣка. Такъ же были формулированы и основные законы Массачузетса, гдѣ граждане объединились для того, чтобы обезпечить свободу вѣры и въ гражданскихъ дѣлахъ управляться самимъ собою. Такой договоръ сталъ типичнымъ для Америки, и въ своей деклараціи независимости Соединенные Штаты прямо провозглашаютъ слѣдующее: „Мы считаемъ,—говоритъ здѣсь конгрессъ,—безспорными и очевидными слѣдующія истины, что всѣ люди сотворены равными; что Творецъ далъ имъ извѣстныя неотчуждаемыя права; что между этими правами на первое мѣсто должно поставить жизнь, свободу и стремленіе къ благополучію; что для обезпеченія этихъ правъ люди установили правительства, коихъ справедливая власть исходитъ изъ согласія управляемыхъ; что во всѣхъ случаяхъ, когда правительство—какова бы ни была его форма—противодѣйствуетъ достиженію этихъ цѣлей, народъ въ правѣ измѣнить или уничтожить его и учредить новое прави-

тельство, основать его на такихъ принципахъ и организовать его власть въ такой формѣ, которыя вѣроятнѣе всего должны обезпечить его безопасность и счастье“. И въ томъ же духѣ составлена знаменитая декларація французской конституціи 1791 г. „Люди рождаются и пребываютъ свободными и равноправными,—такъ говоритъ она.—Соціальныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ. Цѣль всякаго политическаго соединенія есть сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Это—права: свободы, собственности, безопасности и противодѣйствія насилію... Пользованіе естественными правами со стороны каждаго человѣка не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же самыми правами... Законъ есть выраженіе общей воли“...

Такое обоснованіе суверенитета обладаетъ большими преимуществами. Народъ здѣсь уже не есть большинство преимущественно несостоятельныхъ гражданъ, которые могутъ противопоставить свои интересы состоятельному меньшинству. Народъ здѣсь есть совокупность всѣхъ индивидовъ, заключившихъ между собою договоръ. Благодаря послѣднему государство принимаетъ вполнѣ индивидуалистическій характеръ. Свобода каждаго находитъ полное выраженіе уже въ томъ, что каждый повинуется совершенно добровольно, поскольку это онъ самъ оговорилъ въ договорѣ. И никому не запрещено присоединиться къ этому договору и вступить въ государственный союзъ. Само государство становится добровольнымъ союзомъ людей, и этимъ обезпечивается такая конституція суверенитета, которая совершенно лишаетъ его насильственнаго характера. А между тѣмъ, какъ говоритъ французская декларація 1791 г., „принципъ всякаго суверенитета покоится по существу на насиліи“. Но тѣмъ болѣе возрастаетъ любовь и самоотверженіе гражданъ къ такому государству. На мѣсто страха двигательнымъ моментомъ становится добровольное подчиненіе: всякій заинтересованъ въ охранѣ своихъ собственныхъ правъ, всякій добровольно исполняетъ свою собственную волю. Никто здѣсь не служитъ чужой выгодѣ или корысти, и всѣ ограниченія направлены лишь къ взаимной пользѣ всѣхъ.

Однако смягченіе или, вѣрнѣе, оправданіе суверенитета не есть его полное устраненіе. Верховная власть народнаго государства нисколько не менѣе претендуетъ на абсолютное повиновеніе гражданъ, чѣмъ конституціонное. И въ тѣхъ случаяхъ, когда она встрѣчается съ сопротивленіемъ, она, въ свою очередь, прибѣгаетъ къ принужденію. Спрашивается: куда же здѣсь исчезаетъ добровольное исполненіе своей собственной воли? Вѣдь всегда возможно расхожденіе этой послѣдней съ волею общей, съ волей всего государства. И здѣсь-то слабый пунктъ теоріи прирожденныхъ правъ. Правда, здѣсь выходомъ оказывается договоръ. Частная воля, вошедшая въ государство, есть

не абсолютно свободная воля, но такая, которая предварительно связала себя договоромъ или впослѣдствіи присоединилась къ нему. Но договоры должны быть исполнены. Это вѣдь ея собственное обѣщаніе, чтобы жить въ государствѣ и пользоваться лишь тѣми правами, которыя положительно предусмотрѣны въ договорѣ. Ото всѣхъ остальныхъ правъ, прирожденныхъ и неотчуждаемыхъ, частная воля отказалась въ силу своего же свободнаго акта. Но нѣтъ и не можетъ быть вѣчныхъ договоровъ. Это была бы не свобода, а самое настоящее рабство. Поэтому всякому гражданину должно быть предоставлено право расторгнуть договоръ, прекратить его дѣйствіе и выйти изъ состава государства, или, по крайней мѣрѣ, потребовать пересмотра существующаго договора и возобновленія прежняго соглашенія. И такъ какъ принципіально договоръ заключенъ между всѣми гражданами, то каждому отдѣльному гражданину и должно быть предоставлено вышеуказанное право расторженія договора. Такое право, конечно, весьма плохо мирится съ идеей государственнаго суверенитета, которая такъ же, какъ принужденіе, представляется многимъ столь же присущей народному государству, какъ и абсолютному, если только на мѣсто монарха поставить народъ, или даже совокупность отдѣльныхъ индивидовъ.

Сопоставляя со сказаннымъ всѣ перечисленныя выше идеи демократіи, нельзя не видѣть здѣсь противорѣчій, которыя присущи всякой сложной идеологіи. Эти противорѣчія еще возрастаютъ, если мы возьмемъ ихъ въ живомъ практическомъ отношеніи къ индивиду, этому основному элементу народнаго строя. Ибо въ народномъ государствѣ индивидъ воистину является началомъ и концомъ всего. Здѣсь по принципу все идетъ снизу, а не сверху. Примемъ ли мы божественную теорію суверенитета—и здѣсь индивидъ окажется основнымъ посредникомъ между божествомъ и народоправствомъ. Только личная вѣра создаетъ общину вѣрующихъ; не можетъ быть церкви тамъ, гдѣ нѣтъ крещеныхъ отдѣльныхъ людей. Не можетъ религіозное общество состоять изъ невѣрныхъ, иновѣрующихъ, схизматиковъ и еретиковъ. И если община вѣрующихъ должна стать демократіей, то она прежде всего должна состоять изъ людей, въ сердцѣ своемъ принявшихъ Бога. И если этотъ Богъ даруетъ имъ власть, то это Богъ личной свободной вѣры и убѣжденія, Богъ живущихъ въ ихъ душахъ. Только народъ, воспринявшій Бога, можетъ создать демократію. Если же мы имѣемъ какого-либо посредника между божествомъ и отдѣльнымъ вѣрующимъ, то, конечно, и власть, исходящая отъ божества, потеряетъ свой непосредственный характеръ, станетъ властью не изъ народа, не отъ него, а властью со стороны, отъ кого-то другого. А такая власть не есть народная, демократическая. Сувереномъ здѣсь становится или монархъ или олигархія.

Индивидуальный критерій долженъ быть примѣненъ къ демократіи и въ томъ случаѣ, если народъ понимать какъ нѣкоторое культурное единство, какъ націю въ истинномъ смыслѣ этого слова. Ибо то чувство, которое создаетъ національное единство, есть также чувство отдѣльнаго человѣка. Въ демократіи это чувство значительно видоизмѣняется. Оно здѣсь не связано ни съ опредѣленной народностью, ни съ расой, ни съ языкомъ. Въ народномъ государствѣ не можетъ быть рѣчи объ угнетеніи какой-либо одной народности, такъ же какъ о привилегированномъ положеніи другой. Не можетъ быть здѣсь и принужденія въ области языка. И эти признаки, будучи оставлены безъ принудительной регламентаціи и внѣ какой-либо національной борьбы, съ одной стороны получаютъ свое нормальное развитіе, а съ другой—отходятъ на совершенно второстепенный планъ. Въ лучшемъ случаѣ получается многоязычная республика въ родѣ швейцарской федераціи. Но мѣсто такихъ второстепенныхъ признаковъ занимаютъ другіе, болѣе существенные. Къ нимъ принадлежитъ сознаніе общности пользованія такими благами, какъ просвѣщеніе, широкая и свободная общественность, народныя политическія формы, личная свобода и безопасность, высоко развитая правовая защита и т. п. Такое сознаніе высокой цѣнности общей культуры не можетъ, однако, быть основой демократіи, если оно дѣйствительно не охватываетъ всѣхъ гражданъ безъ исключенія, если каждый изъ нихъ не сознаетъ ни счастья участвовать въ національномъ творчествѣ ни отвѣтственности за его дальнѣйшій расцвѣтъ. Эта національная культура должна быть не чужой, а своей, родной, въ истинномъ смыслѣ слова. Другими словами, она должна быть не только національной, но и индивидуальной. Она рушится немедленно какъ объединяющая, создающая народъ сила, какъ только индивидъ перестанетъ считать ее своей.

Индивидъ становится рѣшающимъ критеріемъ и въ томъ случаѣ, если мы въ основу народа положимъ не только первоначальный договоръ, но народный интересъ, общее благо, хозяйственное преуспѣяніе. Вѣдь въ народномъ государствѣ никто не можетъ и не долженъ рѣшать за народъ, что для него полезно и что вредно, гдѣ его благо и гдѣ его нѣтъ. Если бы это было такъ, то передъ нами не было бы демократіи. Но народъ здѣсь опять-таки понимается не какъ нѣчто оторванное отъ живого человѣка. Напротивъ того, здѣсь народъ и есть совокупность всѣхъ отдѣльныхъ индивидовъ. Спрашивается теперь, можно ли здѣсь говорить объ общемъ благѣ, если оно не совпадаетъ съ благомъ всѣхъ? Мыслимо ли здѣсь осуществлять народный интересъ, который таковымъ отнюдь не представляется всѣмъ членамъ этого самаго народа? Здѣсь можно различать интересъ данной минуты и даннаго поколѣнія, интересъ, свойственный тѣмъ или другимъ группамъ народнаго

труда, тѣмъ или инымъ участникамъ національной промышленности, но въ основѣ каждаго такого интереса лежитъ интересъ индивидуальный, интересъ отдѣльной особи, какъ производителя и потребителя въ національномъ хозяйствѣ. И гдѣ воистину примѣнимо положеніе Канта, что человѣкъ нигдѣ и никогда не долженъ быть средствомъ въ чужихъ рукахъ, но только цѣлью, то это здѣсь, въ народномъ государствѣ, гдѣ каждый индивидъ есть законодатель своего собственнаго благосостоянія, послушный лишь своей свободной волѣ, оцѣнивающій общую пользу при помощи своего собственнаго критерія.

Индивидъ и народъ, индивидъ и общество—такова основная идеологическая противоположность демократіи, и съ точки зрѣнія этой противоположности необходимо разсмотрѣть отношенія индивида къ власти. Прежде всего здѣсь необходимо остановиться на самомъ ея характерѣ. Является ли она столь же абсолютной, какъ въ самодержавной монархіи, или нѣтъ; порождаетъ ли она, съ другой стороны, столь же безусловныя обязанности со стороны гражданина; такъ же ли подлежитъ членъ республики общественному принужденію, какъ подданный всякаго иного государства? На эти вопросы приходится отвѣтить утвердительно. Поскольку гражданинъ является управомоченнымъ къ осуществленію власти, онъ—часть коллективнаго суверена, со-суверенъ, со-владыка свободнаго государства. Но этотъ народъ въ цѣломъ, какъ совокупность органовъ, осуществляющихъ его суверенную власть, оказывается абсолютнымъ государемъ, монархомъ, передъ волею котораго должна склониться каждая отдѣльная воля. И суверенъ этотъ предъявляетъ не только требованія уплаты податей или выполненія государственныхъ повинностей, но въ средѣ послѣднихъ имѣется и повинность крови, обязанность защищать данное государство отъ враговъ, даже умереть на полѣ битвы,—другими словами, принести въ жертву государству самое драгоцѣнное благо для человѣка—его земную жизнь. И въ отказѣ отъ отбыванія воинской повинности народное государство современности такъ же видитъ преступленіе, какъ и всякое другое. И въ наказаніе за запрещенное законами дѣяніе демократія такъ же считаетъ себя въ правѣ наказывать своихъ гражданъ, какъ абсолютное или конституціонное. Болѣе того, народное государство современнаго типа считаетъ вполнѣ возможнымъ отнимать у своихъ согражданъ жизнь, подвергать ихъ смертной казни отъ руки палача при помощи висѣлицы или на электрическомъ стулѣ.

Такъ государственная формула власти оказывается и въ томъ смыслѣ пригодной для народнаго государства, въ какомъ она неоднократно оправдывала абсолютную власть королей. И не даромъ въ настоящее время поднятъ очень важный вопросъ о положеніи государственныхъ служащихъ въ республикѣ. Вопросъ этотъ под-

нятъ по частному поводу, но на самомъ дѣлѣ онъ громадной принципіальный важности; онъ формулируется слѣдующимъ образомъ: имѣютъ ли право государственные служащіе образовывать профессіональные союзы въ цѣляхъ поднятія уровня условій своего труда, увеличенія заработной платы или содержанія, организаціи въ случаѣ надобности стачекъ и т. п. Другими словами, если граждане не имѣютъ права индивидуальнаго сопротивленія, даже когда государство угрожаетъ имъ смертью, то спрашивается, не имѣютъ ли права коллективнаго сопротивленія служащіе государства, разъ то же право имъ гарантировано относительно частныхъ хозяевъ и предпринимателей? Идеологія абсолютной власти демократическаго государства отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Служба государству, работа на благо цѣлаго по этой системѣ должны совершаться при иныхъ условіяхъ, нежели трудъ, занятый на частныхъ предпріятіяхъ. На служащихъ лежитъ обязанность вѣрности и послушанія, которая можетъ потребовать отъ нихъ отказа отъ профессіональныхъ интересовъ труда. Болѣе того, республика по этой идеологіи можетъ прибѣгнуть къ помощи государственныхъ служащихъ, чтобы предотвратить вредныя для общественнаго интереса послѣдствія какой-нибудь частной стачки на такихъ предпріятіяхъ общаго пользованія, какъ желѣзнодорожный транспортъ, водопроводное дѣло, электрическое освѣщеніе и т. п. И профессіональная солидарность государственныхъ и частныхъ служащихъ и рабочихъ здѣсь разбивается, такимъ образомъ, во имя государственнаго суверенитета республики.

Неудивительно теперь, что возникаетъ серьезный вопросъ о делегаціи верховной власти народомъ-сувереномъ тѣмъ или инымъ лицамъ или учрежденіямъ. И если монархъ физически неспособенъ выполнить всѣ тѣ дѣла, которыя подлежатъ рѣшенію государственной власти, то это также можно сказать и относительно самодержавнаго народа. Формула же здѣсь весьма проста: она можетъ быть непосредственно заимствована изъ монархической практики и въ силу этого легко можетъ оказаться, что народъ, будучи „носителемъ“ суверенитета, тѣмъ не менѣе, передастъ его осуществленіе президенту, палатамъ, судамъ, самоуправленію и т. д. Такая делегація можетъ повести и къ большой концентраціи власти, такъ что, въ концѣ-концовъ, не будетъ неожиданно, если изъ такой делегаціи родится пожизненный президентъ, а затѣмъ и императоръ, какъ глава „республики“. И будетъ ли это Бонапартъ или Робеспьеръ, комитетъ общественнаго спасенія или всемогущій парламентъ,—все равно, но во всякомъ случаѣ народъ здѣсь станетъ тѣмъ лѣнивымъ или по нуждѣ бездѣятельнымъ монархомъ, который царствуетъ, но не управляетъ. Нечего говорить, что воплощенная въ такихъ учрежденіяхъ республика ничѣмъ существенно не будетъ отличаться отъ любой конституціонной монархіи или даже абсолютизма, а конструк-

ція власти здѣсь совершенно совпадетъ съ тѣмъ верховенствомъ, которое мы сейчасъ изобразили. Но, пожалуй, казнить членовъ народа отъ имени самого народа или прекращать стачечное движеніе среди народа при помощи делегатовъ народа будетъ нѣсколько удобнѣе, чѣмъ дѣлать это отъ имени государя или же отвлеченнаго государства. „Народу“ долженъ безропотно покориться всякій народъ.

Другой чертой демократіи, гдѣ личность чувствуетъ себя обязанной преклониться передъ фикціей народной воли, весьма искусственно образованной, является, безспорно, принципъ большинства. По существу одна воля не значитъ больше, чѣмъ иная, и скопленіе однѣхъ воль на одномъ рѣшеніи значитъ нисколько не больше, чѣмъ скопленіе такихъ же воль на другомъ рѣшеніи. И если одно рѣшеніе привлекло къ себѣ на нѣсколько голосовъ больше, чѣмъ другое, то отсюда еще совершенно не слѣдуетъ, что первое есть единственно справедливое и правильное, что его правоту должны признать всѣ, и что, наконецъ, люди, которые держались другого мнѣнія, должны непремѣнно отказаться отъ того мнѣнія, котораго они держались, и подчинить свое поведеніе волѣ тѣхъ, которыхъ оказалось нѣсколькими единицами больше при общемъ голосованіи. Меньшинство при такой системѣ оказывается не только лишеннымъ возможности проводить свое рѣшеніе, но прямо порабощеннымъ большинству, которое и присваиваетъ себѣ ту верховную власть, которая принадлежитъ всему народу. И если даже мы имѣемъ передъ собой всенародное непосредственное голосованіе, и голоса гражданъ разбиваются на двѣ группы, то отдѣльный гражданинъ, принадлежащій къ меньшинству, не только подчиняется рѣшенію большинства, но, что еще важнѣе, долженъ почитать рѣшеніе большинства за рѣшеніе всѣхъ, за постановленіе общей воли. Однако дѣло обстоитъ еще хуже въ томъ случаѣ, когда при голосованіи образовываются три и больше мнѣній, раздѣляющихъ голоса, такъ что два мнѣнія въ совокупности собираютъ больше голосовъ, нежели третье, но каждое въ отдѣльности меньше, нежели третье. Тогда мы получаемъ на сторонѣ этого третьяго меньшинство, которое, однако, беретъ верхъ надъ большинствомъ своихъ противниковъ и объявляется рѣшеніемъ и мнѣніемъ всѣхъ. Такъ иногда меньшинство беретъ верхъ надъ большинствомъ, и въ такомъ случаѣ большинство покоряется меньшинству выдающему себя за большинство.

Мажоритарная система, будучи примѣнена къ народному представительству, способна давать еще болѣе удивительные результаты. Благодаря случайному распредѣленію округовъ при избраніи одного депутата на округъ всегда возможно, что партія, находящаяся въ меньшинствѣ въ странѣ, окажется въ большинствѣ въ парламентѣ, и такимъ образомъ выразителями мнѣнія страны будутъ тѣ люди, которые, наоборотъ, совершенно съ большинствомъ избирателей не

согласны и которыхъ большинство не имѣло никакого основанія избирать. Не менѣе легко можетъ случиться, что парламентъ дѣйствительно совершенно разойдется съ представляемымъ имъ народомъ, и, однакоже, онъ будетъ все время говорить, рѣшать и законодательствовать отъ имени народа, противъ котораго онъ по существу идетъ. Для того, чтобы предупредить такое извращеніе народовластія, примѣняется цѣлый рядъ искусственныхъ средствъ, которыя должны обезпечить надлежащее представительство меньшинства, пропорціональное представительство партій и т. п. Всѣ эти мѣры, однако, нисколько не гарантируютъ того, что въ парламентѣ побѣдитъ партія, дѣйствительно представляющая собой большинство избирателей въ странѣ. И если при голосованіи эта партія расколется, то въ такомъ случаѣ она легко останется въ меньшинствѣ. Но во всякомъ случаѣ, какъ при мажоритарной системѣ, такъ и при наличности пропорціональнаго представительства, то мнѣніе будетъ считаться мнѣніемъ народа, которое соберетъ наибольшее, хоть и случайное большинство голосовъ въ парламентѣ. Такова идеологія большинства и ея примѣненіе въ народномъ государствѣ.

Расхожденіе между личностью и обществомъ совершается еще въ одномъ отношеніи въ народномъ государствѣ. Голосованіе, играющее такую огромную роль въ демократіи, нуждается, какъ въ неизбѣжной предпосылкѣ, въ партійной организаціи. Для того, чтобы привести каждаго избирателя къ урнѣ, несмотря на его занятость и работу, несмотря на его недостатокъ времени и естественную подчасъ усталость, нужна необходимо активная организація, которая бы не только напомнила избирателю о его гражданскомъ долгѣ, но помогла бы ему разобраться въ программахъ соперничающихъ кандидатовъ, въ оцѣнкѣ ихъ личныхъ свойствъ и способности быть представителемъ народныхъ интересовъ. При непосредственномъ голосованіи въ такой же степени необходимо разъяснить каждому голосующему значеніе даннаго законопроекта, привести всѣ доводы за и противъ, освѣтить его со стороны экономической, юридической и культурной. Всю эту громадную работу продѣлываютъ партіи, эти свободныя организаціи людей, объединенныхъ общимъ классовымъ интересомъ или политическимъ убѣжденіемъ. Но, съ другой стороны, тѣ же партіи, становясь устойчивыми крупными организаціями со своей идеологіей, съ большими капиталами, прессой, цѣлыми арміями агитаторовъ, пропагандистовъ, съ цѣлымъ штабомъ профессіональныхъ политиковъ, разсчитывающихъ на выборныя должности, въ значительной степени шаблонируютъ и монополизируютъ политическую жизнь. Сила партійнаго внушенія достигаетъ такой интенсивности, что для человѣка изъ народа почти нѣтъ возможности составить себѣ свое собственное мнѣніе о политическихъ вещахъ, а тѣмъ болѣе провести это мнѣніе черезъ весь аппаратъ выборной агитаціи

или непосредственнаго голосованія. Такъ складывается господство партій, совершенно подавляющихъ личное мнѣніе и личную инициативу въ политикѣ. Партія поглощаетъ личность.

Побѣждая на выборахъ, партіи, естественно, побѣждаютъ въ такой же степени и въ парламентѣ. Захватъ большинства есть для нихъ важнѣйшая политическая цѣль. Но большинство вѣдь и есть тотъ основной аппаратъ, при помощи котораго осуществляется суверенитетъ народа. Мнѣніе большинства и есть мнѣніе націи. Такимъ образомъ, захвативъ большинство въ свои руки, партія можетъ осуществлять свою программу отъ имени народа, какъ выраженіе именно народной воли, народнаго желанія. При наличности многихъ и притомъ малочисленныхъ партій въ цѣляхъ образованія большинства образовываются различныя, иногда весьма случайныя коалиціи, которыя ведутъ къ компромиссной политикѣ такого сорта, что здѣсь теряются даже тѣ принципіальныя программныя различія, которыя привлекли на сторону тѣхъ или иныхъ партій голоса избирателей. Разстояніе между волей народа и волей представительства становится въ силу этого еще больше, и оно способно только увеличиваться подъ вліяніемъ личныхъ интригъ и корыстныхъ интересовъ представителей, часто продающихъ открыто свой голосъ тѣмъ, кто больше даетъ. И если бы не было контроля общественнаго мнѣнія, который достигаетъ громаднаго значенія въ народномъ государствѣ, то, въ концѣ-концовъ, при помощи демократической идеологіи легко могла бы образоваться такая фальсификація народной воли, которая, хотя бы временно, могла бы привести къ самой настоящей тираніи.

Вполнѣ послѣдовательно поэтому демократическія конституціи удѣляютъ такое важное мѣсто провозглашенію или подробному перечисленію правъ человѣка и гражданина. Эти послѣднія имѣютъ здѣсь основное, принципіальное значеніе. Они какъ бы возвращаютъ гражданъ къ самому источнику этой формы правленія. Здѣсь не нужно еще какихъ-нибудь дополнительныхъ законовъ для дѣйствительности правъ личной свободы, какъ въ конституціонномъ государствѣ: они обезпечены самой конституціей, безъ нихъ нѣтъ и демократіи; они—не результатъ законовъ, а предшественники ихъ; они существуютъ не потому, что они полезны или необходимы, а потому, что они представляютъ собой первое истеченіе воли суверенныхъ гражданъ, безъ которыхъ нѣтъ и демократіи. Неприкосновенность личности здѣсь уподобляется неприкосновенности какого-нибудь монарха. Членъ суверепнаго народа не можетъ быть схваченъ делегатами этого самаго народа безъ вины или наказанъ безъ законнаго самимъ гражданиномъ признаннаго суда. И не потому не можетъ быть стѣсненъ гражданинъ въ пользованіи своего права слова, исповѣданія, сходокъ и собраній, что это можетъ быть вредно или полезно для государства, а потому, что именно при помощи

такихъ дѣйствій онъ осуществляетъ право царствующаго гражданина, дѣйствующаго въ составѣ суверенныхъ собраній или для осуществленія своей политической воли. Воспрепятствовать такому гражданину въ его актѣ непосредственнаго голосованія, въ избирательной агитаціи, въ партійной пропагандѣ принципіально то же, что помѣшать монарху быть монархомъ. И если бы сегодня всѣ члены державнаго народа почувствовали себя стѣсненными въ этихъ драгоцѣннѣйшихъ и основныхъ правахъ или не могли ихъ осуществить, то точно такъ же остановилась бы здѣсь вся государственная жизнь, какъ она остановилась бы въ монархіи въ случаѣ отсутствія или плѣненія монарха. Гражданинъ въ демократіи есть начало и конецъ всего.

Указанный характеръ правъ гражданина въ сопоставленіи съ идеологіей народнаго суверенитета, системой большинства и господствомъ партій нисколько, однако, не разрѣшаетъ первоначальнаго противорѣчія, которое мы отмѣтили съ самаго начала. Итакъ, спрашивается, кто же суверенъ въ народномъ государствѣ: отдѣльное ли лицо, гражданинъ или народъ, индивидъ или большинство, личность или партія. И что жъ остается отъ основныхъ правъ, разъ они делегируются, и какъ можно говорить о народномъ властвованіи, когда личныя права образовываютъ непреоборимую границу для выше указаннаго суверенитета. Передъ нами идеологія, которая по своей запутанности и алогичности немногимъ лучше ограниченной неограниченности абсолютизма или дуалистическаго единства конституціоннаго государства. Въ особенности же выясняется сказанное противорѣчіе, если мы вспомнимъ, что среди неприкосновенныхъ и священныхъ личныхъ правъ числится и право личной собственности, играющее совершенно исключительную роль далеко не въ одной только хозяйственной жизни. Частная собственность съ ея самодержавнымъ характеромъ представляетъ собой какъ разъ ту великолѣпно приспособленную форму, которая защищаетъ возможность не только безграничнаго накопленія, но и пользованія промышленнымъ капиталомъ, дающимъ въ руки предпринимателя громадную соціальную власть. И если возможны случаи столкновенія гражданъ съ народомъ, какъ сувереномъ, на почвѣ пользованія ими правомъ союзовъ, слова и т. п., такъ что приходится въ этихъ случаяхъ говорить о злоупотребленіи личными правами свободы, то, спрашивается, не способно ли одно неприкосновенное право собственности перевернуть всю демократію верхомъ внизъ.

И въ самомъ дѣлѣ. Частная собственность ставитъ въ крѣпкую зависимость арендатора отъ землевладѣльца, рабочаго отъ хозяина и должника отъ кредитора. И, несмотря на всѣ средства, обезпечивающія тайну голосованія, собственникъ всегда найдетъ возможность влiять на зависимыхъ отъ него людей и направлять въ желательномъ духѣ ихъ голосованіе. И если это можетъ сдѣлать одинъ собствен-

никъ, то тѣмъ съ большимъ успѣхомъ сумѣютъ сорганизовать такое давленіе на выборахъ въ свою пользу многіе капиталисты, объединенные общимъ интересомъ. Не менѣе окажется крупный капиталъ въ силахъ повліять въ желательномъ смыслѣ на тактику или даже на созданіе новыхъ партій. Въ случаѣ надобности всегда возможно затратить крупныя средства на основаніе новыхъ органовъ прессы, на изданіе обширной литературы листковъ и памфлетовъ, на организацію цѣлой партійной компаніи при помощи ловкихъ политическихъ дѣльцовъ, которые изъ народнаго дѣла сдѣлали выгодную профессію для цѣлей личнаго обогащенія и карьеры. Наконецъ въ случаѣ надобности въ каждомъ парламентѣ найдется достаточно слабыхъ, а то и порочныхъ лицъ, которыя не откажутъ продать свою совѣсть народнаго представителя за соотвѣтственное денежное вознагражденіе. И всѣ эти способы пріобрѣтенія голосовъ и вліянія на народную политику тѣмъ чаще пойдутъ въ ходъ, чѣмъ доступнѣе политическая власть малоимущимъ народнымъ массамъ, имѣющимъ серьезный интересъ въ ослабленіи своей соціальной зависимости отъ капитала.

Уже при анализѣ конституціоннаго государства мы видѣли, какъ велики интересы капитала въ дѣлѣ эксплуатаціи государственной политики, особенно въ финансовой и экономической области.

Тамъ, однако, эти интересы прекрасно защищены при помощи крупныхъ привилегій собственности въ составѣ народнаго представительства. Въ народномъ государствѣ такихъ привилегій нѣтъ. Здѣсь капиталъ долженъ среди самого народа найти своихъ слугъ и приверженцевъ. И это тѣмъ болѣе, что въ демократіи перевѣсъ не на сторонѣ имущихъ, а неимущихъ; послѣдніе же всегда склонны съ завистью и недовѣріемъ смотрѣть на спекуляцію, на капиталистовъ, на биржу и тѣхъ, кто съ ними зарабатываетъ. Если же присоединить къ этому вѣчную вражду труда съ капиталомъ и возможность вмѣшательства государства въ пользу перваго, то станетъ ясна еще одна причина, которая понуждаетъ крупный капиталъ къ тому, чтобы, пользуясь священнымъ правомъ собственности, захватить въ свои руки верховную власть народнаго государства. Ясна отсюда и двойная тенденція демократіи: съ одной стороны, по возможности ограничить размѣры делегаціи, данной народомъ законодательнымъ органамъ, столь легко попадающимъ въ руки капиталистовъ, а съ другой—вторженіе въ свободу хозяйственнаго оборота, особенно въ ту сферу права собственности, гдѣ устанавливаются монополіи, организуются тресты, и капиталъ выступаетъ въ качествѣ новаго соціальнаго тирана. Такъ народъ въ качествѣ суверена выступаетъ противъ одного изъ священныхъ, неотчуждаемыхъ правъ и аннулируетъ или ограничиваетъ его.

Выводъ отсюда одинъ. Въ демократіи идеологія не даетъ стройной логической системы. Здѣсь мы такъ же, какъ въ абсолютномъ

и конституціонномъ государствѣ, имѣемъ передъ собой нѣкоторый компромиссъ. И трудно, почти невозможно привести его въ послѣдовательную, цѣлостную форму, въ которой все было бы закончено и совершенно. Однако компромиссъ этотъ можно расчленить на нѣсколько частей. Прежде всего это компромиссъ между личностью и обществомъ, гражданиномъ и народомъ. Въ силу этого компромисса индивидъ принимаетъ для себя въ видѣ обязательной нормы всякое рѣшеніе, которое будетъ вынесено при голосованіи тѣмъ или инымъ большинствомъ голосовъ, участвующихъ въ вотированіи гражданъ. Во-вторыхъ, гражданинъ подчиняется руководству свободныхъ политическихъ организацій или партій и при ихъ содѣйствіи осуществляетъ право голосованія или выборовъ тѣхъ или иныхъ лицъ. Въ-третьихъ, гражданинъ подчиняется законнымъ дѣйствіямъ тѣхъ учрежденій и лицъ, которымъ большинство делегируетъ или передаетъ тѣ или иныя права и функціи власти. Въ-четвертыхъ, самъ онъ пользуется лишь постольку правами свободы, такъ называемыми основными, неотчуждаемыми правами человѣка и гражданина, поскольку народъ-сувcovеренъ въ своемъ верховномъ актѣ признаетъ и укрѣпитъ за нимъ эти права. Все это совершается въ силу воли народа, въ образованіи которой и отдѣльный гражданинъ принимаетъ участіе наравнѣ и совмѣстно съ другими гражданами, и этой волѣ народа онъ подчиняется, если самъ былъ противнаго мнѣнія. Такъ при помощи фикцій и фантазмъ, при посредствѣ цѣлаго ряда искусственныхъ предпосылокъ организуется дѣйствительно суверенная воля народа. Въ ней, какъ въ конечномъ единствѣ, сходятся, хоть и не примиряются, антагонизмы демократіи. И только съ того момента, когда, наконецъ, воплощается въ конституціонномъ законѣ воля народа, можно говорить о рѣшительномъ и окончательномъ актѣ миѳическаго царственнаго существа, сложеннаго изъ личности и коллектива.

ГЛАВА VIII.

Федерализмъ и демократическія гарантіи.

Кромѣ литературы приведенной въ VII главѣ см. еще: Jellinek. Die Lehre von den Staatenverbindungen. Haenel. Deutsches Staatsrecht. Le Fur. Etat fédéral et confédération d'états. Hatschek. Allgemeines Staatsrecht. III. Das Recht der modernen Staatenverbindung.

Законъ играетъ въ виду сказаннаго въ демократіи совершенно своеобразную роль. И если въ конституціонномъ государствѣ онъ есть главная сдерживающая норма, регулирующая лишь наиболѣе общія положенія и опредѣляющая русло для дѣятельности исполнительной власти, то здѣсь это исключительная форма проявленія суверенной воли. И если абсолютный монархъ можетъ и законодатель-

ствовать въ смыслѣ изданія общихъ нормъ и администрировать при помощи указовъ, то народная воля, будучи исключительнымъ проявленіемъ коллективнаго цѣлаго, можетъ быть выражена только въ формѣ закона—и не иначе. Очень вѣрно поэтому былъ опредѣленъ законъ въ демократіи у Руссо, какъ выраженіе общей воли. И эта воля, будучи верховной и принадлежа непосредственно народу, прежде всего обладаетъ полнотой организаціонной и учредительной власти. Только самъ онъ здѣсь распоряжается своей собственной судьбой, только народъ самъ создаетъ органы своей воли, распредѣляетъ между ними функціи, разграничиваетъ компетенціи, опредѣляетъ порядокъ отвѣтственности передъ самимъ собой и поставленными имъ учрежденіями. Каждую данную минуту можетъ народъ взять назадъ свои велѣнія, пересмотрѣть ихъ или передѣлать. Онъ можетъ все созданное имъ уничтожить и создать новое. И одной его волей развивается все государство, въ одномъ законѣ самодержавнаго народа вся полнота его юридически неограниченной власти.

И благодаря закону, развивается передъ нами и вся государственная организація народнаго строя. Очень часто народъ въ непосредственномъ голосованіи оставляетъ за собой лишь высшую учредительную или конституціонную власть. Въ силу этой власти онъ создаетъ органы обыкновеннаго законодательства, компетенція котораго строго ограничена напередъ перечисленными предметами, причемъ часто народъ предопредѣляетъ и направленіе и духъ тѣхъ законовъ, издать которые онъ поручаетъ законодательному корпусу. Народъ въ конституціонномъ актѣ точно такъ же сообразно своимъ намѣреніямъ опредѣляетъ положеніе исполнительной власти, ея степень зависимости отъ законодательной, предметы вѣдомства и отвѣтственность передъ судомъ. Точно такъ же опредѣляетъ конституція положеніе и составъ судебной власти, устройство органовъ самоуправленія, опредѣляетъ максимумъ налоговъ, регулируетъ заключеніе займовъ, санкціонируетъ международные [договоры, опредѣляетъ объемъ и санкцію личныхъ правъ свободы отдѣльнаго гражданина. Милостью суверена здѣсь существуетъ все и лишь до тѣхъ поръ, пока этого желаетъ суверенъ. Съ этой точки зрѣнія передъ нами полный образъ абсолютизма,—только съ той разницей, что самодержецъ здѣсь не отдѣльное лицо, а весь народъ, какъ совокупность полноправныхъ, неопороченныхъ гражданъ. Сувереннаго государя создалъ абсолютизмъ. Суверенное государство родилось подъ сѣнью конституціонализма. Суверенный народъ царствуетъ въ демократіи. Пока стоитъ государство, незыблемо держится его суверенная государственная власть. Разница лишь въ отношеніи къ закону. Государь неограниченный стоитъ надъ нимъ; законодатель правового строя—подъ нимъ; народъ творитъ законъ для самого себя: въ демократіи онъ и царь, и подданный, и законодатель.

Не менѣе своеобразна здѣсь и система охраны законности и цѣлесообразнаго направленія исполнительной власти. Къ ней мы и перейдемъ. Гарантіи законности въ демократіи, по своей конструкціи, скорѣе приближаются къ гарантіямъ самодержавія, чѣмъ къ гарантіямъ конституціоннаго строя. Какъ и въ абсолютной монархіи здѣсь налицо живой суверенъ, и его связанность нѣсколько иного рода, нежели связанность парламента, обязаннаго дѣйствовать по соглашенію съ монархомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, подобно конституціонному парламенту, и народъ обязанъ соблюсти извѣстныя формы для того, чтобы его рѣшеніе получило значеніе для всѣхъ обязательной народной воли. Но эти формы во власти самого народа, какъ суверена. Онъ можетъ ихъ измѣнить согласно своему желанію; ихъ обязательность для него, слѣдовательно, простирается лишь до тѣхъ поръ, пока онѣ законно не отмѣнены. Но разъ народъ пожелалъ измѣнить самый способъ изъявленія своей воли, никто и ничто ему въ этомъ помѣшать не можетъ. И если сегодня онъ рѣшаетъ дѣла при помощи простого большинства, завтра онъ можетъ установить квалифицированное; и если теперь онъ голосуетъ при помощи непосредственнаго голосованія въ кантональныхъ собраніяхъ, то на будущее время онъ можетъ принять голосованіе при помощи такъ называемаго референдума, или опроса всѣхъ гражданъ на дому въ той или иной формѣ. Само собой, пока данная форма или способъ голосованія не отмѣненъ, онъ обязателенъ для суверена, и выраженное въ другой формѣ рѣшеніе не будетъ законнымъ и формально безупречнымъ.

Сфера строгой законности, въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, продолжается въ демократіи и тамъ, гдѣ она начинается въ абсолютномъ государствѣ, т.-е. тамъ, гдѣ уже идетъ рѣчь объ исполненіи воли сувереннаго народа. И если послѣдній оставилъ за собой лишь учредительную власть, выражающуюся спеціально въ измѣненіяхъ и дополненіяхъ конституціи, то строгая законность примѣняется уже къ дѣятельности того законодательнаго учрежденія, которому народъ-суверенъ поручилъ изданіе законовъ. И въ этомъ смыслѣ палаты въ народномъ государствѣ оказываются гораздо болѣе связанными, нежели въ конституціонномъ. Составъ представительства, избирательное право, порядокъ выборовъ, компетенція, — все это, конечно, опредѣляется и въ народномъ государствѣ, такъ же какъ въ конституціонномъ, гдѣ законы основные издаются въ особомъ порядкѣ и опредѣляютъ порядокъ дѣйствія законодательной власти. Но вотъ черта, которой мы въ конституціонномъ строѣ совершенно не находимъ: народъ-суверенъ обыкновенно относится съ большимъ недовѣріемъ къ дѣятельности своихъ законодательныхъ палатъ; поэтому онъ

не только требуетъ къ себѣ на утвержденіе принятые законы, которые затѣмъ и подвергаетъ непосредственному голосованію при помощи референдума, но прямо изъемлетъ изъ компетенціи законодательной палаты цѣлый рядъ дѣлъ, которыя считаетъ особенно важными, запрещаетъ ихъ касаться законодателю и разрѣшаетъ ихъ путемъ внесенія въ конституцію такъ называемыхъ поправокъ. Мало того, происходитъ не только ограниченіе палатъ опредѣленными предметами вѣдомства, но и стѣсненіе палатъ въ смыслѣ самаго направленія дѣлъ. Благодаря этому парламентъ принимаемъ служебный характеръ при народѣ-монархѣ и лишь ограничивается разрѣшеніемъ такихъ дѣлъ, и притомъ въ такомъ духѣ, какъ предписываетъ учредительная власть народа въ его непосредственномъ органѣ. Законодательная власть благодаря этому настолько теряетъ свой независимый характеръ, настолько оказывается въ постоянной зависимости отъ избирателей, что превращается не столько въ законодательный, сколько въ законосовѣщательный органъ, при чемъ члены палатъ менѣе всего чувствуютъ себя представителями всего народа, а скорѣе всего временными экспертами, приставленными народомъ къ обсужденію законопроектовъ и изготовленію мнѣній по ихъ поводу. Нельзя и здѣсь до извѣстной степени не провести аналогіи между законосовѣщательными комиссіями, комитетами и совѣтами при абсолютномъ монархѣ и народѣ-суверенѣ. И въ Швейцаріи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ подобное развитіе привело къ значительному умаленію законодательной власти.

И если въ конституціонномъ государствѣ мы находимъ цѣлый родъ признаковъ, формально отличающихъ конституціонный актъ отъ закона, то одинъ изъ этихъ признаковъ уже въ парламентарной монархіи является своего рода переходной формой къ признанію учредительной власти народа. Таково утвердившееся сначала въ Англіи, а затѣмъ въ другихъ государствахъ континента правило, согласно которому измѣненія въ законѣ, имѣющія конституціонный характеръ, не принимаются обычными законодательными палатами; но въ случаѣ, если необходимо произвести такія измѣненія, палаты распускаются и предписываются новые выборы. И при помощи послѣднихъ производится во время предвыборной агитаціи подробный опросъ населенія, которому и предлагается выбрать депутатовъ, болѣе всего отвѣчающихъ по своей программѣ желаніямъ народа. Этимъ путемъ непосредственно высказывается вся масса населенія, которая въ актѣ выборовъ и даетъ надлежащія полномочія депутатамъ на принятіе конституціонной поправки по точно опредѣленной программѣ. Такой порядокъ входитъ въ твердый обиходъ демократическихъ націй, и въ концѣ-концовъ въ каждомъ серьезномъ случаѣ происходитъ обращеніе представителей народа непосредственно къ самому рѣшенію избирателей. И только ихъ воля окончательно рѣшаетъ вопросъ.

Во Франціи мы находимъ иной порядокъ. Здѣсь учредительная власть принадлежитъ особому національному собранію, которое образуется изъ Сената и палаты депутатовъ. Масса избирателей никакому особому опросу не подлежитъ, а важнѣйшія конституціонныя измѣненія принимаются совершенно помимо массы самодержавнаго народа. Такой фактъ, однако, совершенно не значитъ, что такая форма учредительной власти принципіально присуща демократіи. Напротивъ, такая делегація учредительной власти, которая имѣется во Франціи, указываетъ на крупные остатки чисто-конституціоннаго строя въ тѣлѣ великой романской республики. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе былъ демократиченъ тотъ плебисцитъ, который, хотя и въ искаженной формѣ, однако неоднократно примѣнялся во французской республикѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что развитіе во Франціи республиканскихъ идей рано или поздно придетъ къ той же практикѣ, которую мы находимъ въ другихъ демократіяхъ; трудно допустить, чтобы французскій народъ былъ менѣе заинтересованъ въ осуществленіи своей воли, чѣмъ другіе республиканскіе народы.

Обращаясь теперь къ самой практикѣ референдума такъ же, какъ и непосредственныхъ собраній народа, мы видимъ, что въ отличіе отъ монарховъ въ абсолютномъ государствѣ народъ значительно консервативнѣе и умѣреннѣе въ пользованіи своей властью, нежели любой самодержецъ: голосованіе происходитъ далеко не такъ часто; путемъ народнаго голосованія принимаются только самыя необходимыя поправки; сама дѣятельность учредительной власти строго соразмѣряется съ темпомъ развитія и нуждами страны; здѣсь нѣтъ и помину того капризнаго и перемѣнчиваго курса, который такъ свойственъ личному режиму многихъ абсолютныхъ владыкъ. И съ другой стороны народъ, обладающій всей полнотой верховной власти въ цѣломъ, становится законопослушнымъ подданнымъ, лишь только онъ кончилъ свою суверенную функцію. И конечно, послушаніе закону такого гражданина нельзя сравнивать съ покорностью закону со стороны не только абсолютнаго, но и конституціоннаго монарха. Послѣдній, будучи безотвѣтственъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не переходитъ на положеніе частнаго человѣка подобно отдѣльному гражданину: онъ постоянно находится при осуществленіи своей власти,— то какъ глава правительства, то какъ старшій членъ династіи, то какъ верховный вождь націи, то какъ командующій ея арміей. Во всѣхъ этихъ званіяхъ и положеніяхъ монархъ не только исполняетъ законъ—онъ часто дѣйствуетъ лишь въ предѣлахъ закона, но и этимъ дѣло не ограничивается; онъ не менѣе часто осуществляетъ внѣ закона или надъ закономъ стоящее свое собственное право, а въ силу этого и конкурируетъ съ закономъ. Ничего подобнаго мы не можемъ замѣтить въ народномъ государствѣ. Внѣ конституціи и закона гражданинъ не имѣетъ никакихъ правъ. И если даже онъ

призывается къ отправленію какихъ-либо должностей, то дѣйствуетъ при этомъ лишь на строгомъ основаніи закона и во исполненіе его положительныхъ велѣній.

Что касается теперь содержанія и формы закона, то въ народномъ государствѣ мы встрѣчаемъ явленіе совершенно обратное тому, какое мы наблюдали въ абсолютномъ государствѣ. Въ послѣднемъ въ формѣ указовъ и административныхъ распоряженій сплошь и рядомъ издаются правовыя нормы, или, иначе говоря, законы въ матеріальномъ смыслѣ. Въ демократіи, наоборотъ, въ виду подчиненнаго положенія народу не только исполнительной власти, но и законодательной, непосредственное законодательство народа очень часто имѣетъ своимъ предметомъ инструкціи законодателю, которыя по необходимости принимаютъ форму закона. Съ другой же стороны и законодатель, получивъ отъ народа не только полномочія, но и положительное велѣніе взять на себя регулированіе того или иного административнаго дѣла, не въ правѣ отказаться отъ изданія соотвѣтственнаго закона, который, конечно, будетъ таковымъ лишь съ формальной, а не матеріальной точки зрѣнія. Очевидно, здѣсь происходитъ нѣкоторое перемѣщеніе функцій и измѣненіе органовъ сравнительно съ ихъ системой въ конституціонномъ государствѣ. Вмѣсто раздѣленія властей происходитъ нѣкоторое ихъ объединеніе въ высшей власти самодержавнаго народа.

Положеніе исполнительной власти въ демократіи почти буквально соотвѣтствуетъ ея названію: она только исполняетъ законъ. Въ этомъ отношеніи она стоитъ гораздо ближе къ судебной, нежели въ конституціонномъ строѣ. И прежде всего она совершенно лишена того характера высшей правительственной, которую мы находимъ даже въ конституціонной монархіи. И если законодатель въ демократіи подчиненъ народу, какъ обладателю учредительной власти, то еще болѣе подчиненное положеніе занимаетъ здѣсь глава исполнительной власти. Онъ можетъ быть порой поставленъ весьма высоко. Ему присваивается даже наименованіе „главы государства“ или „президента республики“. Но это есть только выборная временная должность. По существу это лишь первый министръ республики. Ему совершенно не присущъ моментъ безотвѣтственности или особой неприкосновенности. Это обыкновенный гражданинъ, какихъ много, которому народомъ дано временное порученіе. Правда, въ компетенцію власти такого президента можетъ входить веденіе внѣшнихъ сношеній и международное представительство. Ему можетъ быть ввѣрено высшее командованіе арміей, ему можетъ быть дано право созывать и распускать законодательный корпусъ, болѣе того, онъ можетъ быть даже снабженъ такимъ королевскимъ правомъ, какъ право наложенія вето на рѣшенія палатъ—и тѣмъ не менѣе президентъ отнюдь не становится въ силу этого ни величествомъ, ни ко-

ролемъ. Его власть—только подзаконная, ограниченная, отправляемая имъ отъ чужого имени и по чужому порученію. Самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакихъ правъ. Еще очевиднѣе такое положеніе президента, когда во главѣ правительства стоитъ цѣлая коллегія, а президентомъ является ея обычный предсѣдатель.

Ясно теперь, что здѣсь ни о какой конкуренціи исполнительной и законодательной властей не можетъ быть и рѣчи. Нѣтъ также и необходимости прибѣгать къ такой сложной системѣ министерской отвѣтственности, которая въ монархіи должна покрывать собой безотвѣтственнаго ея главу. Акты президента должны быть строго закономѣрны, такъ какъ онъ первый самъ отвѣчаетъ за нихъ. И здѣсь дѣло идетъ не только о юридической отвѣтственности, но, что еще важнѣе, о политической отвѣтственности передъ избирателями, которыми часто является весь народъ. И только такая тѣсная зависимость президента отъ народа побуждаетъ иногда послѣдняго расширять полномочія главы исполнительной власти, снабжать его нѣкоторыми регулятивными функціями или извѣстной свободой личнаго усмотрѣнія. При общемъ недовѣріи народа къ исполнительной власти, такія полномочія, однако, не идутъ далеко. Наибольшей уступкой, которую народъ оказываетъ своему президенту, оказывается дарованіе права непосредственнаго назначенія министровъ, независимо отъ какого бы то ни было вліянія палатъ. Въ такомъ случаѣ президентъ совершенно самостоятельно, подъ своей личной отвѣтственностью подбираетъ весь составъ завѣдующихъ отдѣльными вѣдомствами, которыя оказываются подчиненными лишь одному ему. Акты такого министерства являются столь же подзаконными, какъ и акты самого президента. Но порядокъ отвѣтственности здѣсь болѣе естественный, нежели въ конституціонной монархіи: здѣсь начальникъ отвѣчаетъ за подчиненныхъ, а не наоборотъ.

Закономѣрность исполнительной власти въ демократіи обезпечивается въ общемъ при помощи того способа, который примѣняется къ должности президента. Обыкновенно большинство всѣхъ крупныхъ административныхъ должностей замѣщается по выбору и на срокъ. Благодаря этому устанавливается политическая отвѣтственность служащихъ, которые при истеченіи срока службы подвергаются новому избранію. Широкая гласность стережетъ каждый шагъ ихъ служебной дѣятельности и дѣлаетъ ее предметомъ суда общественнаго мнѣнія. Кромѣ того, конечно, каждый служащій подлежитъ за свои служебныя дѣйствія обычному суду, при чемъ отвѣчать ему приходится не по особому дисциплинарному кодексу, а по общему закону. Такой отвѣтственности особенно содѣйствуетъ положеніе служащихъ въ народномъ государствѣ, которымъ здѣсь не присваивается никакого особаго почета, никакихъ привилегій или преимуществъ власти. Каждый служащій, за каждую провинность или нарушеніе чу-

жихъ правъ, можетъ быть привлеченъ любымъ заинтересованнымъ лицомъ къ общему суду, которому и принадлежитъ полное право суда и наложенія взысканій. И здѣсь, такимъ образомъ, выдерживается тотъ общій принципъ, что служащіе—только повѣренные, агенты или слуги народа, но отнюдь не его начальники или властители. Само собой разумѣется, что акты такихъ представителей администраціи отличаются строгой законосообразностью; обыкновенно законъ очень подробно, иногда даже мелочно опредѣляетъ ихъ степень власти и предметы вѣдомства.

Обращаясь къ судебной власти, мы видимъ, что въ народномъ государствѣ она находится въ такой же зависимости отъ народа-самодержца, какъ законодательная и исполнительная. Судьи выбираются народомъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Полномочія свои они получаютъ непосредственно изъ рукъ самого народа, и народный законъ устанавливаетъ ихъ власть и полномочія. Съ другой же стороны институтъ присяжныхъ, который беретъ свое начало еще въ конституціонномъ государствѣ, здѣсь достигаетъ своего величайшаго развитія. Присяжные получаютъ доступъ къ предварительному слѣдствію и играютъ роль рѣшающаго фактора на судѣ. Такимъ образомъ, судъ есть не только дѣло судьи, но и присяжныхъ; именно на нихъ падаетъ признаніе факта, и вмѣстѣ съ тѣмъ они придаютъ и самому судебному слѣдствію характеръ народнаго суда. И если мы сопоставимъ теперь законодательную, исполнительную и судебную власть въ составѣ народнаго государства, мы получимъ въ высшей степени своеобразную систему раздѣленія властей.

Раздѣленіе властей въ конституціонномъ государствѣ оказалось въ значительной степени сочетаніемъ и даже подчиненіемъ властей. Исполнительная и судебная власть оказались безусловно въ подчиненіи законодательной, которая одна обладала тамъ характеромъ истинно-верховной. Напротивъ того, мы уже могли убѣдиться въ томъ, что въ демократіи всѣ эти власти значительно уравнены другъ съ другомъ, такъ какъ всѣ одинаково подчинены той высшей власти, которая стоитъ надъ ними и является учредительной, конституціонной властью самого народа. Будучи соединены въ такомъ общемъ и высшемъ источникѣ, эти власти не нуждаются еще въ особомъ подчиненіи другъ другу, наподобіе хотя бы того подчиненія, которое мы наблюдаемъ при конституціонномъ режимѣ. Царство закона здѣсь вѣдь тождественно съ царствомъ высшей воли самого народа. Благодаря этому, раздѣленіе властей въ демократіи значительно полнѣе, идетъ дальше и глубже. Это не есть то раздѣленіе актовъ, которое мы видѣли выше. Функціональное разграниченіе теряетъ свою рѣшающую роль. Въ народномъ государствѣ не имѣетъ никакого особаго значенія, чтобы административно-техническое содержаніе не-

премѣнно совпадало съ такой же формой, и наоборотъ. Напротивъ, какъ мы уже видѣли выше, здѣсь иногда законъ въ формальномъ смыслѣ покрываетъ совершенно не юридико-нормативное содержаніе, а въ конституцію вносятся по содержанію обыкновенные законы. Въ демократіи важно, чтобы ни одинъ изъ ставленниковъ народа не захватилъ слишкомъ много власти, и не сталъ надъ другимъ. Отсюда и новый смыслъ самого раздѣленія властей.

Въ конституціонномъ государствѣ раздѣленіе властей имѣетъ совершенно опредѣленное значеніе: тамъ этимъ путемъ впервые обезпечивается верховенство закона и ему подчиняется управленіе и судъ. Острее этой мѣры направлено именно въ сторону администраціи, которая съ одной стороны лишается законодательныхъ функцій, а съ другой — подчиняется закону, а съ нимъ контролю законодательства и суда. Раздѣленіе властей въ демократіи имѣетъ совсѣмъ другую цѣль. Здѣсь царство закона тождественно съ царствомъ народной воли. Въ одинаковой степени долженъ быть подчиненъ народу и законодатель такъ же, какъ администраторъ и судья. И если эти власти должны быть разъединены, то вовсе не затѣмъ, чтобы подчинить цѣликомъ исполнительную власть законодателю. Это только создало бы лишнее средостѣніе между однимъ и другимъ органами народа. Но необходимо, чтобы ни одна власть не усилила чрезмѣрно своей силы и могущества за счетъ другой; чтобы ни одна изъ нихъ не возстала въ соединеніи съ другой противъ народа. И если по теоріи Локка-Монтескье раздѣленіе властей должно было обезпечить свободу гражданъ, то раздѣленіе властей въ демократіи должно обезпечить неприкосновенность власти народа-суверена. Такъ создается не только раздѣленіе или обособленіе властей, но и противопоставленіе другъ другу различныхъ органовъ одной и той же власти, которые взаимно уравновѣшиваютъ и ослабляютъ другъ друга. Ибо народъ-суверенъ въ цѣломъ своемъ составѣ дѣйствуетъ лишь изрѣдка, тогда какъ законодатель, управленіе и судъ дѣйствуютъ всегда.

Менѣе всего можно предполагать, что народъ желалъ въ раздѣленіи властей создать ограниченіе своей воли. Напротивъ, народъ заинтересованъ какъ разъ въ томъ, чтобы его воля была исполнена и осуществлена наиболѣе безпрепятственно, послѣдовательно и полно. И именно поэтому онъ и устанавливаетъ раздѣленіе властей. Нужно, чтобы власти были раздѣлены для того, чтобы каждая изъ нихъ безъ помѣхи исполняла волю народа-суверена; надо не менѣе раздѣленіе властей и съ той цѣлью, чтобы ни одна изъ нихъ не оказалась слишкомъ сильной и опасной для народа; надо, наконецъ, чтобы будучи отдѣлены одна отъ другой, онѣ взаимно контролировали и наблюдали другъ за другомъ. Здѣсь, такимъ образомъ, не столько необходимо раздѣленіе властей, сколько ихъ взаимное уравновѣщеніе.

И въ результатѣ такого порядка получается значительное умѣреніе той абсолютной власти народа, на которую мы указали выше. Власть истекающая изъ одного источника оказывается раздѣленной, а вмѣстѣ и ослабленной благодаря раздѣленію властей. Первоначальный общій источникъ, который по всей справедливости могъ быть уподобленъ лишь абсолютному государю, изъ недовѣрія къ своимъ органамъ раздѣляетъ ихъ, но вмѣстѣ и ту власть, которую онъ самъ имъ передалъ; этимъ самымъ онъ, конечно, ограждаетъ своихъ сочленовъ отъ притѣсненій и произвола. Въ этомъ мы находимъ первое раздѣленіе властей, которое столь характерно для самодержавнаго народа. Но къ этому присоединяется другое раздѣленіе властей, основанное на самоуправленіи.

И дѣйствительно, особеннаго распространенія въ народномъ государствѣ достигаетъ самоуправленіе. И оно здѣсь опять-таки пріобрѣтаетъ особый характеръ. Будучи офиціально признано народомъ какъ законодателемъ въ цѣломъ, самоуправленіе общинъ имѣетъ свое собственное происхожденіе и самостоятельныя права. Община есть тотъ же самый державный народъ, но въ ограниченномъ территоріальномъ объемѣ; тотъ же народъ является держателемъ государственныхъ правъ въ болѣе крупной территоріи кантона, штата или провинціи, которая представляетъ собой высшую самоуправляющуюся единицу; наконецъ тотъ же народъ, но взятый въ предѣлахъ всей территоріи страны, выступаетъ въ качествѣ носителя высшей конституціонной учредительной власти. Ясно отсюда, что община не есть пассивный предметъ центральнаго законодательства. Въ общемъ рѣшеніи всего законодательствующаго народа слышатся голоса и представителей той общины, которой дѣло рѣшается. Такимъ образомъ актъ, утверждающій правовое положеніе общинъ въ государствѣ, не есть только велѣніе свыше. Его можно конструировать, какъ рѣшеніе согласившихся между собою общинъ, какъ своего рода договорный, федеративный актъ; ибо община идетъ раньше союза, и этого отнюдь не игнорируетъ строй народнаго государства. Общинѣ принадлежитъ и первичная основная компетенція. Въ истинной демократіи въ силу этого тѣ дѣла, которыя положительнымъ актомъ не предоставлены высшему союзу, принадлежатъ общинѣ. Компетенція каждаго высшаго союза въ силу этого по необходимости уже и спеціальнѣе, нежели компетенція низшаго. Община—это само первичное народное государство, государство-ячейка, изъ котораго выростаютъ и провинціи, и штаты, и, наконецъ, союзное, сложное государство.

Воистину здѣсь мы подходимъ къ одному въ высшей степени важному пункту, который разрѣшаетъ въ значительной степени то основное противорѣчіе, которое мы отмѣтили еще въ самомъ началѣ. Какъ мы уже упомянули раньше, между народомъ и личностью въ

демократической идеологіи нѣтъ такого примиряющаго пункта, который бы разъ навсегда былъ въ состояніи сочетать ихъ въ необходимую гармонію. Явилась даже серьезная опасность то полнаго поглощенія личности народомъ, то, наоборотъ, раздробленія общества на массу ничѣмъ другъ съ другомъ несвязанныхъ индивидовъ. Какъ можно видѣть теперь, послѣ знакомства съ юридической системой народнаго государства, примиреніе это можно найти лишь въ томъ порядкѣ распредѣленія правъ различныхъ территоріально раздѣленныхъ коллективовъ, изъ которыхъ каждый органически входитъ другъ въ друга. И если мы сравнимъ правовой строй абсолютизма, конституціоннаго государства и демократіи, то юридическая природа послѣдней станетъ для насъ болѣе чѣмъ понятной. Въ системѣ абсолютизма мы имѣемъ единственную возможность самоограниченія или внѣшнихъ фактическихъ препятствій и ограниченій, которыя обезпечиваютъ правовую сферу личности или корпорацій. Въ конституціонномъ строѣ передъ нами конструкція взаимоограниченія другъ друга уравновѣшивающихъ правовыхъ сферъ. Въ народномъ государствѣ мы находимъ одинъ и тотъ же источникъ права гражданина, который по мѣрѣ его поглощенія коллективомъ удѣляетъ все меньшую компетенцію, но вмѣстѣ все растущую степень власти по мѣрѣ того, какъ расширяется и растетъ тотъ коллективъ, который подымается надъ нимъ и, въ концѣ-концовъ, заслоняетъ его волю все болѣе и болѣе удаляющейся отъ индивида общей волей или волей народа.

Лучше всего эту систему въ ея чистѣйшемъ видѣ мы можемъ прослѣдить на такой федеративной республикѣ, какой являются Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Въ самомъ низу всего общественнаго зданія индивидъ, контрагентъ и участникъ первоначальнаго договора, заключающій съ другими, столь же равными и свободными людьми, соглашеніе объ основаніи государства. Первымъ такимъ государствомъ оказывается община. Всѣ права, которыя актомъ договора не отданы общинѣ, остаются за гражданиномъ. И это не только потому, что все, что не запрещено, дозволено, но и потому, что община утверждается для охраны уже раньше существующихъ личныхъ правъ, а формулируются въ договорѣ права и задачи общины, а не человѣка, который былъ и остается свободнымъ. Община, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ становится властью надъ индивидомъ и, поскольку рѣшаетъ большинство участниковъ общины на основаніи первоначальнаго договора, община—суверенна. Образованіе власти сопровождается здѣсь, такимъ образомъ, съ одной стороны письменнымъ актомъ, опредѣляющимъ права общины и гражданина, а съ другой стороны—установленіемъ для первой несравненно меньшаго объема правъ, нежели тотъ, который былъ оставленъ за индивидомъ.

Но общины, въ свою очередь, соединились и образовали колоніи, которыя впослѣдствіи превратились въ штаты. И здѣсь мы наблюдаемъ примѣненіе того же самаго принципа. Въ видѣ штата общины устанавливаютъ надъ собою государственную высшую власть. Сами онѣ этимъ актомъ становятся въ подчиненное положеніе къ штату. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совершается и другой процессъ: тѣ самые индивиды, которые отреклись отъ своей полной свободы ради общинъ и вошли въ составъ этихъ послѣднихъ въ качествѣ ихъ членовъ, теперь, не переставая хранить свои личныя права и свои права въ качествѣ членовъ общинъ, вступаютъ такими же членами, участниками высшаго общенія штата, и составляютъ въ немъ рѣшающую и направляющую силу. Только въ договорѣ гражданъ царило полное единогласіе; въ рѣшеніи общинъ дѣйствующимъ оказалось большинство членовъ сравнительно немногочисленнаго союза, а въ рѣшеніяхъ штата голосуютъ въ качествѣ членовъ тѣ же индивиды, которыхъ мы видѣли раньше, но не въ качествѣ членовъ общинъ, а въ качествѣ члена народа такого-то и такого-то штата. И большинство здѣсь значительно измѣнилось. Благодаря территоріальному расширенію границъ отъ общины до колоніи или штата чрезвычайно возросло и количество индивидовъ, входящихъ въ составъ новаго державнаго народа. Воля послѣдняго несравненно болѣе отдалена отъ индивида, чѣмъ воля общины, и по содержанію болѣе обща и отвлеченна, ибо она рѣшаетъ лишь общія всѣмъ общинамъ дѣла. И если въ общинѣ общая воля, воля большинства, еще весьма конкретна и доступна непосредственному анализу гражданина даже съ точки зрѣнія своихъ мотивовъ, то воля штата, воля „народа" этого штата уже весьма далека отъ такого анализа и скрыта въ своихъ мотивахъ и основаніяхъ.

Но такое подчиненіе воли гражданина народу штата такъ же, какъ подчиненіе ей воли общиннаго народа, сопровождается и неизбѣжнымъ суженіемъ и ограниченіемъ компетенціи. Чѣмъ выше воля, тѣмъ уже ея компетенція. И это понятно: чѣмъ дальше отъ отдѣльнаго гражданина источникъ власти, тѣмъ недоступнѣе ему ея мотивы, тѣмъ болѣе слѣпымъ становится его повиновеніе, тѣмъ болѣе пассивный характеръ принимаетъ онъ самъ относительно господствующаго надъ нимъ большинства. Здѣсь заложена какъ разъ та опасность деспотіи, которой такъ боится каждый членъ суверепнаго народа. И чтобы предупредить эту опасность, онъ тѣмъ болѣе ограничиваетъ власть, чѣмъ болѣе поднимаетъ ее надъ собою. И хотя никто другой, какъ самъ гражданинъ, участвуетъ своимъ голосомъ въ созданіи суверенной воли, но онъ слишкомъ теряется въ массѣ, слишкомъ поглощается ею, чтобы этой суверенной волѣ отдать широкія права и всеобъемлющую власть. Поэтому этой высшей власти онъ всегда стремится дать спеціальный характеръ и узкую компе-

тенцію, которая значительно ограничиваетъ произволъ столь присущій массовому рѣшенію.

И когда дѣло, наконецъ, доходитъ до федераціи, когда народы отдѣльныхъ штатовъ сливаются въ одинъ общій союзный народъ, создаютъ новую державную націю и ей передаютъ надъ собою величайшія власть и права, вполнѣ естественно, что и здѣсь мы наблюдаемъ тотъ же самый общій процессъ. И федеративная власть оказывается не только высшей по своему положенію, но и самой бѣдной по своему содержанію. Такъ самодержавіе народа лишается того характера абсолютной власти, который, какъ казалось, болѣе всего приближаетъ ее къ монархическому самодержавію. Въ отличіе отъ монарха самодержавный народъ проводитъ въ высшей степени оригинальную систему раздѣленія властей. Будучи единымъ въ своей живой, реальной основѣ, опираясь исключительно на массу гражданства, народъ-самодержецъ дѣлитъ самъ себя на цѣлый рядъ все болѣе широкихъ территоріальныхъ союзовъ; каждому изъ этихъ союзовъ представляется убывающая широта компетенціи, каждому изъ нихъ вручается все высшая и высшая власть. И когда, наконецъ, самодержавный народъ въ своемъ высшемъ значеніи, во всеобъемлющемъ національномъ единствѣ встрѣчается со своей волей учредительнаго, высшаго конституитивнаго характера, онъ имѣетъ передъ собой наиболѣе ограниченную власть, наиболѣе узкій объемъ точно опредѣленныхъ функцій. Такъ совершается превращеніе абсолютнаго, неограниченнаго владыки въ умѣреннаго и ограниченнаго государя. Будучи лишь способомъ мѣстнаго управленія въ конституціонномъ строѣ, народное самоуправленіе вырастаетъ въ народномъ государствѣ до размѣровъ всеобъемлющаго правового принципа. Самоуправленіе народа-націи ограничивается дѣятельностью и правами народа-штата; этотъ послѣдній имѣетъ передъ собой народъ-общину; послѣдній есть организація народа-гражданина. И если мы ретроспективно посмотримъ теперь на положеніе исполнительной и законодательной власти сравнительно съ властью самодержавнаго народа, многое для насъ предстанетъ здѣсь въ новомъ свѣтѣ.

Исполнительная власть, пріуроченная къ самымъ различнымъ самоуправляющимся союзамъ, сама теряетъ ту мощь, которую она имѣла бы, если бы обладала единымъ, централизованнымъ и всеобъемлющимъ организмомъ. Будучи децентрализована и сосредоточена въ выборныхъ должностяхъ народнаго самоуправленія, она естественно не обладаетъ достаточной силой самостоятельнаго сопротивленія и менѣе всего можетъ стать мѣстомъ сосредоточія, насилія и произвола; не надо забывать, что общая федеральная власть не имѣетъ никакихъ особенныхъ связей или точекъ соприкосновенія съ властью штатовъ, а исполнительные органы штатовъ столь же мало связаны

съ выборными властями общинъ. И если бы даже какой-нибудь президентъ пожелалъ дать общій толчокъ всей администраціи государства, онъ не могъ бы этого сдѣлать просто потому, что его велѣнія не пошли бы дальше однѣхъ федеральныхъ властей. Но, съ другой стороны, и сама исполнительная власть, не можетъ быть превращена въ простую игрушку того или иного законодателя: этотъ послѣдній, несмотря на самодержавный характеръ народной власти, всегда ограниченъ и не можетъ выйти изъ предѣловъ своей законной компетенціи. И если здѣсь существуетъ опасность произвола со стороны кого бы то ни было, то это лишь со стороны самого самодержавнаго народа, который одинъ можетъ въ силу своей учредительной власти смѣшать всѣ учрежденія, упразднить самоуправленіе во всѣхъ территоріяхъ, кромѣ самой общей, и поставить въ непосредственную зависимость отъ себя всѣ власти и учрежденія. Этимъ путемъ вся страна была бы обращена въ одну грандіозную всеобъемлющую общину. Спрашивается теперь, возможно ли это? И на ряду съ этимъ поднимается другой вопросъ: развѣ не грозитъ демократіи опасность и съ другой стороны; а что будетъ, если штаты, провинціи, а можетъ быть, общины, опираясь на первичность своихъ правъ и близость своихъ учрежденій къ гражданину, вернутъ себѣ свою первоначальную компетенцію и обратятъ все государство въ международный союзъ свободныхъ и самодержавныхъ общинъ?

Первая опасность не представляется особенно сильной въ современной демократіи, такъ какъ благодаря участію всѣхъ гражданъ въ общинномъ и провинціальномъ самоуправленіи ихъ интересъ настолько тѣсно связанъ съ интересомъ общинъ, провинцій и кантоновъ, что совершенно невѣроятнымъ представляется, чтобы въ одинъ прекрасный день были уничтожены эти первичныя организаціи тѣмъ самымъ гражданиномъ, который принимаетъ такое живое участіе въ ихъ жизни и дѣятельности. Для того, однако, чтобы обезпечить въ центрѣ интересы такихъ общинъ, особенно болѣе крупнаго объема, гдѣ интересъ гражданъ не можетъ быть такимъ непосредственнымъ и живымъ, въ систему законодательныхъ органовъ вводится особая верхняя, или первая, палата, которая и сосредоточиваетъ въ себѣ спеціально представительство провинцій, штатовъ или кантоновъ такимъ образомъ, что независимо отъ числа населенія дается по одному представителю каждой мѣстной самоуправляющейся единицѣ. Такую систему федеративнаго представительства надо весьма рѣзко отличать отъ двухпалатной системы конституціоннаго государства, гдѣ мы имѣемъ представительство классовъ, а не территорій. Не то представляютъ собой демократическіе сенаты, въ которыхъ совершенно отсутствуетъ денежный цензъ, въ лучшемъ случаѣ признается возрастный цензъ, а главное значеніе имѣетъ представительство самоуправляющихся частей народнаго государства.

Вторая опасность, о которой шла рѣчь, представляется, несомнѣнно, болѣе настоятельной. Мѣстные интересы всегда могутъ возобладать въ душѣ отдѣльнаго гражданина; интересы цѣлаго всегда имѣютъ нѣсколько отвлеченный характеръ, и нужна значительная степень политической зрѣлости, чтобы сумѣть отдать имъ предпочтеніе. И это нужно тѣмъ болѣе замѣтить относительно гражданина народнаго государства, интересы котораго могутъ цѣликомъ исчерпываться мѣстной жизнью не далѣе его церковной колокольни. И вотъ мы видимъ въ высшей степени интересную систему судебной защиты конституціи и закона, которая сложилась особенно въ цѣлостную систему въ Сѣверной Америкѣ, а оттуда уже была воспринята рядомъ другихъ демократическихъ государствъ. Для того, чтобы понять эту систему, необходимо уразумѣть своего рода іерархію актовъ, которую даетъ послѣдовательный рядъ центральныхъ и мѣстныхъ территоріальныхъ союзовъ. На первомъ планѣ стоитъ конституція союза. Всѣ нарушающіе ее акты подлежатъ отмѣнѣ. На второмъ мѣстѣ стоятъ союзные статуты или постановленія федеральнаго законодательства. Въ случаѣ нарушенія ихъ законодательствомъ или конституціей штата, послѣднія подлежатъ отмѣнѣ. На третьемъ мѣстѣ считаются конституціи штата. Нарушающіе ихъ постановленія законодательства штата считаются недѣйствительными и подлежащими отмѣнѣ. На четвертомъ мѣстѣ находятся статуты или законы отдѣльнаго штата, и всѣ общинныя конституціи и постановленія являются незаконными и недѣйствительными, если онѣ противорѣчатъ вышеуказаннымъ статутамъ. И на суды возлагается обязанность въ случаѣ обращенія къ нимъ сторонъ отмѣнять для даннаго случая дѣйствіе того акта, который окажется противорѣчащимъ акту высшаго разряда. А такъ какъ во главѣ іерархіи актовъ находятся именно акты высшихъ союзовъ и притомъ именно акты самого народа, то, такимъ образомъ, не только непосредственное законодательство народа защищается отъ превышеній власти со стороны законодательныхъ органовъ его, но и союзы высшаго порядка отъ узурпаціи со стороны союзовъ низшаго порядка. Этимъ путемъ, очевидно, предотвращается въ достаточной степени указанная нами опасность со стороны децентрализаціонныхъ стремленій въ народномъ государствѣ.

Демократическій характеръ федеральнаго принципа съ его оригинальной системой ограниченія народнаго суверенитета въ послѣднее время значительно затемненъ благодаря, съ одной стороны, существованію федераціи монархій подъ именемъ германской имперіи, а съ другой—въ виду монархическаго суверенитета колоніальныхъ федерацій Британской имперіи. Представляется поэтому необходимымъ выяснить ту существенную разницу, которая раздѣляетъ всѣ эти различные виды федерацій. Остановимся, прежде всего, на

Германіи. Какъ извѣстно, она представляетъ собой федерацію цѣлаго ряда большихъ и маленькихъ конституціонныхъ монархій (21 счетомъ) и трехъ небольшихъ аристократическихъ городскихъ республикъ. Федерація эта основана не на союзѣ народовъ, а на соединеніи правительствъ указанныхъ государствъ. Органами ея служатъ, съ одной стороны, союзный совѣтъ объединенныхъ правительствъ, а съ другой — народное представительство народа имперіи въ видѣ рейхстага, однопалатнаго парламента; этотъ послѣдній, однако, не есть органъ самодержавнаго народа; ему принадлежитъ лишь участіе въ имперскомъ законодательствѣ, право установленія бюджета и контроль за имперской правительственной властью. Между нимъ и представительствомъ отдѣльныхъ государствъ нѣтъ никакой связи по самому составу. Наоборотъ, по общему правилу составъ представительства имперіи и отдѣльныхъ союзныхъ государствъ совершенно различенъ. Народъ, представленный въ имперіи, и народъ, представленный въ отдѣльныхъ государствахъ союза ничего общаго между собой не имѣютъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой народныя массы, поскольку онѣ могутъ быть представлены при попомощи прямого, всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права, во второмъ же—это сплошь цензовики, при чемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ на основѣ классоваго порядка выборовъ съ исключительными привилегіями для крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Нечего говорить, что менѣе всего можетъ итти рѣчь о народномъ суверенитетѣ въ двухъ десяткахъ наслѣдственныхъ Божіей милостью монархій.

Но, можетъ-быть, въ Германіи можно говорить о своеобразномъ распредѣленіи монархическаго суверенитета, при чемъ этотъ послѣдній въ такомъ случаѣ могъ бы дать аналогію федеральной организаціи народнаго верховенства въ Америкѣ. Однако и такое заключеніе оказалось бы ошибочнымъ. Правда, съ одной стороны, упомянутая аналогія получается: монархи, являясь суверенами у себя въ отдѣльныхъ государствахъ, осуществляютъ свою верховную власть два раза, съ одной стороны, въ своихъ собственныхъ наслѣдственныхъ государствахъ, а съ другой — въ составѣ такой коллегіи, какъ союзный совѣтъ, при чемъ въ послѣдней постановленія принимаются по большинству голосовъ. Такая видимость, однако, не должна обманывать. Суверенъ въ первомъ и во второмъ случаѣ не тождественъ. Въ первомъ случаѣ—монархъ, во второмъ—коллегія монарховъ. Но послѣднее собраніе есть уже не монархъ, такъ какъ это не одно лицо. Коллективный же монархъ есть все, что угодно, но не монархъ въ истинномъ смыслѣ слова. Несомнѣнно, власть коллегіи союзнаго совѣта сильно ограничиваетъ власть отдѣльныхъ сувереновъ, ибо она стоитъ надъ ними. Но власть эта не представляется истинно федеративной. Государства въ совѣтѣ представлены далеко не оди-

наковымъ числомъ голосовъ. У однихъ монарховъ голосовъ больше, у другихъ меньше. Мало того, въ совѣтѣ установлены такія привилегіи наслѣдственнаго предсѣдателя совѣта въ лицѣ монарха Пруссіи, снабженнаго правомъ абсолютнаго вето, что говорить о федераціи здѣсь не приходится. Особенно увеличиваютъ посылки такого скрытаго монархизма верховная власть командованія арміей, которая принадлежитъ прусскому королю въ качествѣ германскаго императора, право назначенія имперскаго канцлера, единственнаго министра, и завѣдываніе всей имперской администраціей. Германія— это реальпая унія государствъ, гдѣ главнымъ общимъ учрежденіемъ являются императоръ, коллегія князей и рейхстагъ. Въ лучшемъ случаѣ это федерація совершенно своеобразнаго типа.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію такихъ британскихъ колоній, какъ Канада, Капская колонія, Австралія, мы на первый взглядъ готовы здѣсь признать монархическій суверенитетъ тѣмъ болѣе, что не только здѣсь офиціально въ самой конституціи признается верховенство британской короны, но послѣдней же принадлежитъ право вето, ея представителемъ является на мѣстахъ особый ею назначенный генералъ-губернаторъ, и ею же офиціально одобрена и сама конституція колоніальныхъ штатовъ. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло оказывается совершенно иначе. Монархическій суверенитетъ короны сводится къ декоративной фикціи. Право вето ею никогда не осуществляется. Губернаторъ дѣйствуетъ, исключительно руководствуясь конституціей колоніальной федераціи, которая лишь номинально утверждена короной, на самомъ же дѣлѣ цѣликомъ составлена самими штатами колоній. И подъ фикціей монархіи скрывается самая настоящая сущность народовластія. Тѣ же общины съ непосредственнымъ участіемъ народа въ общинномъ самоуправленіи; тотъ же народъ штатовъ, не признающій ничьего чужого участія въ своемъ законодательствѣ и управленіи; и тотъ же народъ штатовъ, соединяясь съ другими на равныхъ основаніяхъ, образовываетъ федерацію, власть которой принадлежитъ никому иному, какъ народу федераціи. Отношенія такихъ колоній къ метрополіи можно скорѣе всего признать лишь союзными, но никакъ не основанными на суверенитетѣ короны. Поэтому колоніи должно признать истинными федераціями, хотя и стоящими въ фиктивно-вассальныхъ отношеніяхъ къ англійской монархіи.

Возвращаясь теперь къ гарантіямъ конституціонности и закономѣрности, какъ онѣ сложились въ народномъ государствѣ, отмѣтимъ теперь ту роль, которую въ этомъ отношеніи играетъ масса самихъ гражданъ въ демократіи. Юридически, какъ мы уже знаемъ, послѣдніе находятся въ обладаніи весьма точно опредѣленныхъ правъ свободы, которыя представляютъ собой составную часть верховнаго закона, или, иначе, конституціи. Отсюда, зная о судебной дѣятель-

ности, направленной къ защитѣ конституціи, мы можемъ сдѣлать заключеніе и относительно неприкосновенности самихъ личныхъ правъ свободы. Эти права, такимъ образомъ, столь же неприкосновенны, какъ сама конституція, и если бы въ нарушеніе этихъ правъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки былъ изданъ законъ, суживающій сферу ихъ примѣненія, то, само собой, такой законъ былъ бы немедленно отмѣненъ компетентнымъ судомъ по жалобѣ отдѣльнаго гражданина, какъ неконституціонный. И если въ конституціонномъ государствѣ сила и пространство личныхъ правъ свободы зависятъ отъ спеціальнаго закона, который одинъ придаетъ конкретное значеніе общимъ обѣщаніямъ конституціи, то въ демократіи, наоборотъ, личныя права свободы стоятъ надъ закономъ и законодательнымъ органомъ, какъ высшее выраженіе народной воли и, въ свою очередь, могутъ аннулировать или обезсиливать противорѣчащій имъ законъ. Такъ выясняется передъ нами формальная сила личныхъ правъ въ демократіи, гдѣ подавно и рѣчи не можетъ быть о нарушеніи правъ гражданина дѣйствіями исполнительной власти. Въ такихъ случаяхъ представители администраціи не только отвѣчаютъ политически передъ избирателями, но и строго юридически въ уголовномъ порядкѣ передъ общими судами.

Но и самое содержаніе правъ свободы совершенно иное въ народномъ государствѣ, нежели въ конституціонномъ. Въ составъ такихъ правъ входятъ слѣдующія категоріи. Изъ нихъ отмѣтимъ сначала права судебно-уголовнаго характера. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего запрещеніе опредѣленныхъ наказаній; таковы запрещенія смертной казни за политическія преступленія; изгнанія съ территоріи государства въ видѣ наказанія; конфискація имущества, наложенія позора на дѣтей и родственниковъ лицъ, осужденныхъ за государственную измѣну. Къ этому присоединяются требованія процессуальнаго характера: они обезпечиваютъ гражданину свободу отъ произвольнаго ареста и непремѣнное предъявленіе его законному судьѣ, судъ присяжныхъ, право быть освобожденнымъ подъ залогъ отъ ареста въ случаяхъ, если совершонное гражданиномъ преступленіе не принадлежитъ къ числу очень важныхъ, право быть судимымъ лишь по законамъ, не имѣющимъ обратной силы, право ссылаться на свидѣтелей въ случаяхъ обвиненія въ диффамаціи, право отказывать въ свидѣтельскихъ показаніяхъ по дѣламъ родственниковъ до 4 степени и свойственниковъ до 2, право на сохраненіе тайны переписки во всѣхъ частяхъ, которыя непосредственно не связаны съ процессомъ, по которому гражданинъ находится подъ судомъ и т. п.

Къ правамъ уголовно-судебнаго характера присоединяются также обыкновенно права граждански-правового и хозяйственнаго характера. Къ нимъ принадлежитъ право пріобрѣтать собственность,

владѣть ею и защищать ее, право сохранять дѣйствіе договоровъ, несмотря на изданіе законовъ въ противномъ духѣ съ обратной силой, право полученія наслѣдства, несмотря на самоубійство наслѣдодателя, право иностранцевъ владѣть недвижимой собственностью, право свободы передвиженія, право требовать отмѣны монополій и привилегій, право добиваться своего имущественнаго благосостоянія, право отказа протеста противъ вѣчныхъ правъ и привилегій, право свободы отъ прежнихъ ленныхъ поземельныхъ повинностей, право собраній и союзовъ въ промышленныхъ цѣляхъ, право пользованія патентнымъ и авторскимъ правомъ и т. п. Однако не надо думать, что права гражданина ограничиваются лишь строго буквальнымъ содержаніемъ, указаннымъ въ конституціи. Нисколько,—это противорѣчило бы основному первичному характеру индивидуальныхъ правъ. Поэтому къ толкованію этихъ правъ присоединяется строгая логическая дедукція, и права эти расширяются по принципу—что́ не запрещено, то́ позволено. Такъ изъ права равенства передъ закономъ выводится право на оказаніе правосудія и право на правильное толкованіе и примѣненіе закона. Изъ права свободы слова, прессы и вѣроисповѣданія выводится право на культуру, изъ общей свободы гражданина—право на свободу личнаго поведенія, изъ права хозяйственнаго и бытового общенія — право соціальнаго общенія и т. п. Такъ складываются многочисленныя вольности и свободы правового, хозяйственнаго, общественнаго и культурнаго значенія, и всѣ они примыкаются къ основнымъ конституціоннымъ правамъ гражданина въ народномъ государствѣ.

Наконецъ къ этимъ правамъ должно еще присовокупить права чисто политическаго характера: право вѣроисповѣданія, право равенства, несмотря на отличія расы и цвѣта кожи, право непризнанія дворянскихъ титуловъ, наслѣдственныхъ почетныхъ отличій, привилегій или денежныхъ выгодъ, право на подачу голоса безъ какого-либо денежнаго ценза, право занятія общественныхъ должностей, право на уплату лишь податей и повинностей, установленныхъ закономъ, право петицій, сопровождаемыхъ часто также правомъ получать въ теченіе опредѣленнаго срока отвѣтъ на подаваемыя петиціи, право носить оружіе и т. п. Эта послѣдняя категорія правъ для насъ особенно важна. Въ связи съ другими политическими правами, какъ, напримѣръ, правомъ устройства политическихъ митинговъ, они являются въ рукахъ гражданъ не только отстоять свои личныя права уголовно-судебнаго и цивильно-хозяйственнаго содержанія, но и создать непосредственное народное движеніе въ защиту конституціи и законности вообще.

И въ самомъ дѣлѣ. Если уже въ политическихъ митингахъ, въ свободѣ слова и печати мы видимъ могучія орудія къ защитѣ свободнаго строя со стороны демократически настроенныхъ народныхъ

массъ, то спеціально въ правѣ петицій мы находимъ способъ непосредственнаго обращенія массъ къ исполнительнымъ, а самое главное—къ законодательнымъ органамъ, при чемъ, конечно, предметы такого обращенія, такъ же, какъ поводы, никакому ограниченію не подлежатъ. Членъ сувереннаго народа по принципу имѣетъ право обращаться къ органамъ народной власти, къ своимъ делегатамъ, приказчикамъ и повѣреннымъ со всѣми замѣчаніями и претензіями, какія онъ только найдетъ нужнымъ. И если подъ такими петиціями достаточное количество подписей, то въ странѣ, гдѣ царствуетъ большинство, онѣ отнюдь не могутъ остаться безъ вліянія. И очень часто законодательство отнюдь не выжидаетъ непосредственнаго голосованія народа и принятія той или иной конституціонной поправки для того, чтобы устранить отмѣченныя въ петиціяхъ злоупотребленія, пробѣлы или недостатки.

Но нужно обратить вниманіе еще на одно право гражданина, которое въ высшей степени важно для обезпеченія его основныхъ, конституціонныхъ правъ. Это право сопротивленія и самозащиты противъ всякихъ незаконныхъ насильственныхъ посягательствъ на личность и имущество гражданина. Оно особенно важно потому, что лишеніе нѣкоторыхъ правъ можетъ имѣть непоправимыя послѣдствія, какъ физическія, такъ и моральныя. И такъ какъ каждый гражданинъ въ составѣ самодержавнаго народа является авторомъ той воли, которая создаетъ конституцію, то вполнѣ понятно, что на томъ же гражданинѣ лежитъ и первая обязанность, а съ нею вмѣстѣ и право защищать волю народа при помощи оружія. Вотъ почему право ношенія оружія является однимъ изъ основныхъ правъ гражданина. Ставшее во время средневѣковья исключительной привилегіей однихъ благородныхъ, право ношенія оружія во время абсолютизма было монополіей исключительно однихъ вооруженныхъ слугъ и рабовъ неограниченнаго самодержца. Съ великой опаской взираютъ и въ конституціонномъ государствѣ на вооруженіе гражданъ, и только въ демократіи кончается полная беззащитность гражданъ передъ государственной властью. И такъ какъ для демократіи всякій агентъ исполнительной власти, совершающій преступленія и насильства, ничѣмъ не лучше обыкновеннаго бандита и разбойника съ большой дороги, то ясно отсюда, что активное сопротивленіе такимъ преступникамъ является необходимымъ выводомъ изъ основныхъ правъ самозащиты и ношенія оружія.

Существованіе постоянной арміи по образцу имѣющихся въ конституціонныхъ государствахъ было бы, само собой разумѣется, величайшей угрозой правамъ гражданина въ народномъ государствѣ. Весь организмъ постоянной арміи построенъ на началахъ, совершенно несовмѣстимыхъ съ демократіей. Первымъ принципомъ такой арміи является слѣпое повиновеніе людей, совершенно отрѣзанныхъ

отъ всего гражданскаго общества. Долгъ солдата приковываетъ его непосредственно къ личности начальника, и особенно высшаго, которымъ въ монархіи является самъ король или императоръ. Повиновеніе солдата не имѣетъ границъ: онъ долженъ, не разсуждая, по малѣйшему приказу начальника, не только убивать другихъ людей, но и отдать свое собственное тѣло на мученія или даже смерть; онъ настолько принадлежитъ военной власти, что если бы ему даже пришлось убивать своихъ родныхъ и близкихъ, онъ долженъ непремѣнно исполнить приказанное. Такое повиновеніе и такая связь солдата и его начальниковъ возможна и въ конституціонномъ государствѣ лишь потому, что для солдатъ и арміи существуютъ исключительные законы, совершенно особое дисциплинарное право, спеціальные суды и уголовное право. Жестокость наказанія въ этомъ военно-правовомъ организмѣ идетъ вполнѣ въ уровень съ абсолютностью обязанностей и неограниченностью власти. Армія въ такомъ видѣ является послушнымъ орудіемъ власти совершенно безотносительно того, насколько эта власть законна или нѣтъ. Отсюда чрезвычайная забота о постоянной арміи въ монархическихъ государствахъ и, наоборотъ, столь же сильное недовѣріе къ ней въ государствахъ демократическихъ.

И если республиканская Франція до сихъ поръ хранитъ традиціи своего монархическаго прошлаго въ военной организаціи, то въ другихъ народныхъ государствахъ дѣло обстоитъ иначе. Уже въ Англіи съ ея парламентарнымъ режимомъ и рядомъ истинно демократическихъ учрежденій приняты особыя мѣры, чтобы обезопасить ту небольшую территоріальную армію, которая тѣмъ не менѣе является постоянной угрозой гражданской свободѣ. Такъ, въ Англіи бюджетъ арміи и ея исключительное правовое положеніе вотируется ежегодно и притомъ только на одинъ годъ. Этимъ достигается не только фикція временнаго существованія арміи, но и практическая возможность въ случаѣ надобности распустить ее по истеченіи года. Въ той же Англіи на ряду съ постоянной арміей имѣется и милиція, которая состоитъ изъ ополченія всѣхъ гражданъ. Въ народномъ государствѣ наличность постоянной арміи сводится къ необходимымъ кадрамъ для милиціи, основною же силой страны остается только послѣдняя. Милицію же образуютъ всѣ граждане, способные носить оружіе. Такая милиція есть не только безопасная для свободы народная сила, этого бы было слишкомъ недостаточно. Милиція, образованная изъ членовъ самодержавнаго народа, изъ людей, которымъ дороги ихъ конституціонныя права и привычна ихъ защита, является, безспорно, послѣдней и крайней гарантіей и народнаго верховенства и связаннаго съ нимъ правового строя. Въ составѣ милиціи народъ вооруженной рукой защищаетъ свою честь, достоинство и свободу!

ГЛАВА IX.

Политика народнаго государства.

Кромѣ литературы, приведенной въ гл. VII и VIII см. Roscher. Politik. Schollenberger. Politik. Sombart. Der moderne Kapitalismus. Мижуевъ. Передовая демократія современнаго міра. Хилквитъ. Исторія соціализма въ Америкѣ. Зомбартъ. Соціализмъ и соціальное движеніе.

Политика народнаго государства опредѣляется потребностями его населенія. Если бы демократія была не только политической, но и соціальной, она была бы лишена совершенно того характера, который ей придаетъ господство крупнаго капитала и частновладѣльческій характеръ промышленности. Но такъ какъ всѣ понынѣ существующія демократіи до сихъ поръ не отказались отъ соціальнаго господства крупной собственности, то политика народнаго государства представляетъ собой въ высшей степени компромиссный характеръ, который отражаетъ на себѣ разнородные, а часто враждебные интересы различныхъ общественныхъ группъ. Только одного элемента современная демократія лишена настолько, что онъ ничѣмъ существенно не отражается на ея политикѣ. И это—крупнаго привилегированнаго землевладѣнія стараго вотчиннаго типа, которое еще въ конституціонномъ государствѣ играетъ такую выдающуюся роль. И если мы находимъ аграрные интересы крупнаго владѣнія въ демократіи, то они цѣликомъ исчерпываются интересами сельско-хозяйственнаго производства, которое, въ свою очередь, поставлено совершенно на капиталистическую ногу: работаетъ при помощи машинъ и наемныхъ рабочихъ, нуждается въ крупномъ постоянномъ и оборотномъ капиталѣ, не пускаетъ никакихъ твердыхъ корней въ той мѣстности, въ которой работаетъ и столь же успѣшно ведется компаніями, сколь и отдѣльными предпринимателями; эти же послѣдніе весьма легко ликвидируютъ свои сельско-хозяйственныя предпріятія, чтобы перейти къ другимъ, болѣе выгоднымъ дѣламъ.

Совершенно лишнее говорить, что крупный капиталъ и въ демократіи сохраняетъ всѣ тѣ же свои основные интересы, которые онъ уже обнаружилъ въ конституціонномъ государствѣ. И во многихъ отношеніяхъ народное верховенство предоставляетъ ему особенно выгодныя условія для расцвѣта его дѣятельности. Прежде всего весьма на пользу накопленія капитала идетъ то отсутствіе крупныхъ поборовъ и непроизводительныхъ тратъ, которое естественно вытекаетъ изъ мирной политики народнаго государства. Сокращеніе расходовъ на армію одно даетъ громадныя сбереженія, которыя идутъ на расширеніе производства и на повышеніе платежеспособности потребителя. Отсутствіе внѣшнихъ завоевательныхъ войнъ, въ свою очередь,

сохраняетъ для народнаго хозяйства массу средствъ и живыхъ человѣческихъ силъ, которыя, вмѣсто того, чтобы быть истребленными въ кровавой распрѣ, остаются въ странѣ и обогащаютъ ее. Въ виду этого капиталъ, который при иномъ политическомъ строѣ ищетъ помѣщенія въ государственныхъ долгахъ, въ производствѣ орудій разрушенія и предметовъ снаряженія арміи, а пытается вознаградить себя при помощи колоніальныхъ захватовъ и эксплуатаціи внѣшнихъ рынковъ,—здѣсь остается внутри страны, удешевляетъ кредитъ, развиваетъ сильную конкуренцію и обращается къ производству предметовъ широкаго народнаго потребленія. Отсюда чрезвычайное возрастаніе національнаго богатства, которымъ отличаются не только Американскіе Сѣверные Штаты, но и такая сравнительно мало демократическая страна, какъ французская республика.

Съ другой стороны, не знаетъ капиталъ въ демократіи и тѣхъ ограниченій, которыя вмѣстѣ съ искусственными поддержками приводятъ его въ нѣкоторую гармонію съ привилегированнымъ землевладѣніемъ. Народное государство, принципіально провозгласившее свободу своимъ руководящимъ началомъ, чрезвычайно враждебно относится къ какимъ бы то ни было стѣсненіямъ торговаго и промышленнаго оборота. Въ виду этого идеальной торговой политикой демократіи является совершенная открытость границъ и полная свобода торговаго обмѣна, вывоза и ввоза. Нечего говорить, что подобный порядокъ способствуетъ своего рода естественному отбору капитала, лишаетъ его возможности переложить на внутренняго потребителя издержки по внѣшнему вывозу и обороту, а при помощи конкуренціи повышаетъ его производительность. По необходимости дешевый продуктъ опять-таки стремится къ внутреннему рынку и повышаетъ потребности широкаго народнаго потребленія. И къ свободѣ внѣшняго оборота присоединяется такая же свобода внутри государства. Капиталъ становится чрезвычайно подвижнымъ, ускоряется время его оборота, расширяется кругъ его приложенія. И при такомъ положеніи вещей совершенно устраняются старые пріемы сбереженія, а мелкіе капиталы общей массой стекаются въ руки банковъ и при ихъ помощи крупныхъ предпріятій. Спекуляція принимаетъ невиданный дотолѣ размѣръ, а въ биржахъ создаются органы общаго хозяйственнаго чувствилища.

При громадной возможности накопленія капитала и быстротѣ его оборота въ народномъ государствѣ создается и еще одинъ стимулъ для его процвѣтанія. Въ странѣ, гдѣ все основано на самодѣятельности и самоуправленіи, личная иниціатива и приспособляемость достигаютъ также совершенно исключительныхъ размѣровъ. Въ основѣ понятія энергичнаго и сильнаго гражданства лежитъ глубоко вкоренившійся индивидуализмъ. Въ такомъ обществѣ все стремится къ выработкѣ мощной личности, которая рѣзко отрицательно отно-

сится ко всякой опекѣ, искусственному поддержанію хилыхъ и слабыхъ, къ сглаживанію и ослабленію опасностей и риска. Напротивъ, создается страсть къ крупной, азартной игрѣ, любовь къ сильнымъ ощущеніямъ, стремленіе укрѣпить волю, выдержку и характеръ преодолѣніемъ серьезныхъ затрудненій, побѣдой надъ случаемъ и судьбой. Такая психика еще укрѣпляется тѣми случаями внезапнаго обогащенія, которые то здѣсь, то тамъ превращаютъ въ милліонеровъ и милліардеровъ вчерашнихъ нищихъ, поденщиковъ, чуть не бродягъ. Отсюда же и рѣдкая гибкость приспособленія, при чемъ вчерашній газетчикъ сегодня становится рудокопомъ, актеръ — желѣзнодорожникомъ, адвокатъ — горнопромышленникомъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока случай или удача не вознаградятъ, наконецъ, предпріимчиваго ловца долларовъ и не обезпечатъ ему благосостоянія. Не въ меньшей степени вырабатывается и способность съ нѣкоторымъ стоицизмомъ переносить самые неожиданные повороты судьбы. Для настоящаго дѣльца, сильнаго своей личностью, ничего не значитъ нѣсколько разъ пріобрѣсти состояніе и снова потерять его. Такіе повороты судьбы не должны убивать настоящей энергіи. Послѣ цѣлаго ряда крушеній она съ новой силой бросается въ самую чащу хозяйственной борьбы. И неудивительно теперь, что въ современной демократіи, этомъ царствѣ индивидуализма, спекуляція пріобрѣтаетъ совершенно исключительный размахъ.

Свойственное демократіи недовѣріе къ чиновникамъ и бюрократіи даетъ возможность капиталу именно въ народномъ государствѣ сохранить за собой такія крупныя отрасли національнаго хозяйства, которыя легко переходятъ къ казнѣ при конституціонномъ строѣ. Въ послѣднемъ еще нельзя считать умершими тѣ традиціи абсолютизма, которыя стремились къ соединенію въ рукахъ правительства всѣхъ крупныхъ отраслей общественной экономики. Вотъ почему тамъ создается своеобразный бюрократическій, казенный, а иногда и полицейскій „соціализмъ", который состоитъ въ томъ, что государство беретъ въ свои руки горные промыслы, заповѣдные лѣса, пути сообщенія, винную торговлю и подобныя отрасли народнаго хозяйства, монополизируетъ ихъ, а доходы обращаетъ въ общую государственную казну, откуда, главнымъ образомъ, и покрываются расходы на армію, флотъ, содержаніе двора, чиновничества и т. д. Въ народномъ государствѣ, благодаря сильному предубѣжденію противъ всякаго чиновничьяго хозяйства, такія области народнаго хозяйства, которыя какъ разъ въ демократіи могли бы итти на пользу массъ, остаются въ рукахъ частныхъ предпринимателей и приносятъ последнимъ громадные барыши. Отсюда и появленіе всевозможныхъ денежныхъ королей, желѣзнодорожныхъ, нефтяныхъ, сахарныхъ, желѣзодѣлательныхъ, хлопчатобумажныхъ и т. п. Утвердившись на подобныхъ позиціяхъ, капиталъ, конечно, можетъ послѣ этого лишь

сочувствовать духу свободы и личной инициативы въ демократическомъ государствѣ.

На пользу капиталу оказывается также широкое распространеніе интеллигентности и народнаго образованія въ народномъ государствѣ. Этимъ обезпечивается прекрасный матеріалъ для фабрикъ и заводовъ, для конторъ и банковъ. Открывается возможность весьма интенсивнаго труда, постояннаго усовершенствованія технической стороны дѣла и параллельнаго расширенія рынка. Въ особенно тѣсную связь вступаетъ капиталъ съ интеллигенціей страны. Онъ привлекаетъ на свою сторону особенно талантливыхъ политическихъ дѣятелей, журналистовъ и писателей. Онъ беретъ въ свои руки прессу и этимъ путемъ овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ. Реклама становится силой самой по себѣ и сосредоточиваетъ крупныя средства. Даже художественное творчество, наука, литература идутъ на службу капиталу и придаютъ ему неслыханное обаяніе и блескъ. И, не встрѣчая болѣе соперничества со стороны дворянства и двора, капиталистическое хозяйство привлекаетъ въ свои нѣдра наиболѣе честолюбивыхъ и сильныхъ людей, которые и отдаютъ ему свои дарованія и силы. Такъ водворяется не только экономическое, но моральное и психологическое властвованіе капитала, которое естественно увеличиваетъ довѣріе къ нему, укрѣпляетъ кредитъ и способствуетъ притоку частныхъ средствъ въ его кассы.

И когда, наконецъ, взаимная выгода и разумный расчетъ заставляютъ капиталистовъ искать не вражды, а союза, и образовываются соединенія крупныхъ капиталовъ, которыя охватываютъ цѣлыя области промышленности съ прилежащими къ нимъ развѣтвленіями производства и обмѣна, то воистину въ этихъ трестахъ капиталъ достигаетъ своего завершенія. При помощи этихъ союзовъ организуется объединенное руководство всѣмъ производствомъ и потребленіемъ въ данной области, предупреждаются кризисы, устанавливаются твердыя цѣны, обезпечивается кредитъ и вмѣстѣ пріобрѣтаются громадныя выгоды, сопряженныя съ централизаціей одного дѣла въ однѣхъ рукахъ.

И такъ какъ потребитель оказывается совершенно беззащитенъ противъ такихъ монопольныхъ организацій, то ему и приходится платить предпринимателямъ такія цѣны за товаръ, которыя равняются своего рода принудительному косвенному налогу, который, однако, уплачивается не государству, а частнымъ лицамъ, владѣющимъ объединеннымъ капиталомъ. Накопляющіяся этимъ путемъ колоссальныя богатства и развивающаяся на этой почвѣ безумная роскошь богачей до тѣхъ поръ не представляется остальному населенію чѣмъ-то вреднымъ и порочнымъ, пока въ этомъ богатствѣ видятъ лишь законную премію удачѣ и таланту особенно энергичныхъ личностей, а не наслѣдственную привилегію сословія или рода. Предполагается,

что этимъ равенство гражданъ не нарушается, и всякій ловкій и умный человѣкъ сумѣетъ составить себѣ легко и быстро состояніе: надо только не упускать случая и обладать хорошей головой.

Выдающееся положеніе капитала и громадное преобладаніе его интересовъ возможно въ демократіи потому, что, какъ мы уже выше упомянули, капиталъ идетъ здѣсь на далеко идущія уступки. Особенно стремится онъ привлечь на свою сторону широкую массу городского населенія такъ же, какъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. И это ему удается въ высокой степени. Прежде всего промышленникъ и предприниматель привлекаетъ на свою сторону громадную массу тѣхъ людей новаго, третьяго сословія, которую образуютъ люди такъ называемыхъ свободныхъ профессій, которые находятся на непосредственной службѣ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ; таковы техники, инженеры всѣхъ спеціальностей, химики, энтомологи и подобные ученые-спеціалисты, адвокаты, врачи, лѣсоводы, агрономы, бухгалтеры, специалисты-продавцы, коммивояжеры, клерки и вся эта армія привилегированнаго интеллигентнаго труда, которая не только оплачивается сравнительно высоко, но очень часто заинтересовывается въ ходѣ предпріятія при помощи тантьемъ, льготной уступки акцій и т. п. способовъ, связывающихъ интересы крупнаго капитала и высшихъ видовъ труда.

Въ еще большей зависимости отъ крупнаго капитала находятся тѣ мелкіе торговцы и ремесленники, которые почти переходятъ на положеніе несвободныхъ представителей отдѣльныхъ крупныхъ фирмъ. Связанные кредитомъ, полученіемъ матеріаловъ и товаровъ съ крупными центрами, такіе мелкіе собственники не смѣютъ и думать о какой-либо конкуренціи съ крупнымъ капиталомъ; они существуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока это угодно капиталисту, и живутъ его милостью и поддержкой. Съ другой же стороны, и мелкаго и крупнаго собственника одинаково связываетъ интересъ поддержанія собственности, которая является даже однимъ изъ основныхъ правъ человѣка и гражданина. Еще болѣе, однако, устанавливается солидарность и крупнаго и мелкаго капитала тѣмъ, что путемъ пріобрѣтенія хотя бы отдѣльныхъ акцій разныхъ крупныхъ предпріятій мелкій собственникъ необходимо втягивается въ интересы послѣднихъ, а слѣдовательно, не только чувствуетъ себя одной изъ частей коллективнаго собственника, но готовъ быть защитникомъ, пропагандистомъ и приверженцемъ своей фирмы, пока она приноситъ ему обѣщанный дивидендъ. Такъ, даже становясь независимымъ рантье, держатель акцій необходимо подчиненъ биржѣ, въ ней видитъ истиннаго творца своего благосостоянія, самъ же проникается психологіей денежной спекуляціи. И здѣсь властвуетъ крупный капиталъ.

Свободный строй народнаго государства необходимо влечетъ за собой отсутствіе принудительныхъ мѣръ, которыя бы могли со-

здать капиталу преобладаніе тамъ, гдѣ противъ него были бы серьезныя общественныя силы. Въ виду этого, несмотря на всю громадную власть, тотъ же капиталъ долженъ дѣлать весьма далеко идущія уступки тамъ, гдѣ онъ встрѣчается съ упорнымъ сопротивленіемъ. Таковой очень часто является политика капитала относительно мелкаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Здѣсь благодаря сравнительной независимости такого хозяйства и сплоченности фермеровъ капиталъ идетъ даже на ограниченіе свободы земельнаго обмѣна. Особенно такая мѣра примѣняется при колонизаціи обширныхъ еще невоздѣланныхъ областей. Громадныя территоріи объявляются государственной собственностью или даже пріобрѣтаются постепенно за государственный счетъ. Затѣмъ онѣ парцеллируются и отчуждаются въ частныя руки или на началахъ полной продажи въ собственность или же на условіяхъ аренды, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ къ арендной платѣ обыкновенно присоединяется извѣстная часть покупной платы за участокъ. И по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ арендуемый участокъ переходитъ въ полную собственность арендатора. Такимъ арендаторамъ оказывается и денежная помощь со стороны государства. При извѣстномъ успѣхѣ веденія хозяйства сосѣдніе фермеры объединяются въ кооперативы, создаютъ различныя кредитныя, потребительныя, производительныя и иныя ассоціаціи и образуютъ значительный рынокъ для сбыта произведеній крупнаго капитала.

Само собой, такое расширеніе культурной области очень полезно для всѣхъ отраслей промышленности и обмѣна, которыя стоятъ близко къ сельскому хозяйству. Машиностроительные заводы, производство искусственныхъ удобреній, шерстопрядильныя мануфактуры, хлѣбный экспортъ и т. п. предпріятія непосредственно заинтересованы въ процвѣтаніи фермерскихъ имѣній. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь мы имѣемъ и суженіе поля дѣятельности земельной спекуляціи и торговаго оборота благодаря тому, что земельные участки фермеровъ вплоть до окончательнаго выкупа почитаются государственными землями, а иногда на такомъ положеніи остаются на весьма долгія времена. Съ другой же стороны, кооперативы естественно конкурируютъ съ частными предпринимателями и отнимаютъ у частнаго капитала всю ту прибыль, которую бы онъ имѣлъ, если бы посредничество по продажѣ и покупкѣ нужныхъ для сельскаго хозяйства предметовъ было сосредоточено въ его рукахъ. И, несмотря на все это, мы видимъ, какъ капиталисты, въ сознаніи своего безсилія противъ указаннаго движенія идутъ въ значительной степени ему навстрѣчу и не препятствуютъ проведенію соотвѣтственнаго иногда, какъ это было въ Австраліи, весьма подробнаго законодательства. Мирныя договорныя отношенія съ кооперативами являются результатомъ борьбы и конкуренціи двухъ силъ.

Подобныя же отношенія находимъ мы и въ области рабочаго вопроса. Конечно, и здѣсь соглашеніямъ предшествуетъ жестокая, а иногда и очень продолжительная война. Капиталъ ничего не уступаетъ даромъ. Ему нужно доказать свою силу. И если эту силу ему доказали фермеры и ихъ союзы, то не менѣе доказательствъ силы дали и фабричные рабочіе. Исторія американскаго профессіональнаго движенія знаетъ настоящія битвы между вооруженными рабочими, съ одной стороны, и частными военными командами предпринимателей— съ другой. Однако, благодаря свободному строю демократіи, и здѣсь водворился нѣкоторый компромиссъ. Прежде всего, конечно, въ народномъ государствѣ принципіально были недопустимы тѣ мѣры полицейскаго и политическаго преслѣдованія рабочихъ, которыя такимъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли въ континентальныхъ конституціонно-классовыхъ государствахъ. Въ демократіи рабочій не можетъ быть стѣсненъ въ своемъ правѣ работать или не работать, но такъ же и въ своемъ правѣ создавать профессіональные союзы. На ряду съ земледѣльческимъ кооперативомъ и трестомъ крупнаго капитала растетъ профессіональное движеніе рабочихъ и даетъ возможность организованнаго выступленія ихъ въ защиту лучшихъ условій труда. Одна наличность рабочихъ союзовъ значительно ослабляетъ стачечное движеніе и придаетъ ему планомѣрный характеръ рѣдкихъ, но сильныхъ выступленій, увѣнчивающихся благодаря этому несравненно бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде.

И капиталъ, убѣдившись въ силѣ рабочихъ, организованныхъ въ союзы, которые благодаря народовластію обладаютъ не только возможностью политическаго выступленія, но и силой законодательнаго воздѣйствія, идетъ на большія уступки. Устраняется или обставляется исключительными гарантіями трудъ женщинъ и дѣтей. Сокращается рабочее время. Повышается заработная плата. Устанавливается фабричная инспекція не только для фабрикъ, но и для ремесленныхъ заведеній. Улучшаются гигіеническія и санитарныя условія труда. Вводятся официальныя комиссіи и обязательные третейскіе суды. Заработная плата и иныя условія труда устанавливаются общими аккордными соглашеніями, которыя заключаются, съ одной стороны, между соединеніями предпринимателей, съ другой же— представителями крупныхъ и централизованныхъ профессіональныхъ союзовъ. Нечего и говорить, что союзы рабочихъ, примкнувшихъ къ кооперативному движенію, достигаютъ небывалаго роста, собираютъ грандіозные капиталы, даютъ толчокъ дальнѣйшей самопомощи рабочихъ массъ. Страхованіе рабочихъ на случай увѣчности и инвалидности, пенсія для стариковъ, больничныя кассы,—все это въ видѣ мѣръ соціальной политики осуществляется при помощи государства и улучшаетъ положеніе трудящихся. Но, независимо отъ этого, капиталъ стремится привлечь рабочихъ къ себѣ и связать ихъ съ

интересами крупной промышленности. Капиталисты входятъ въ соглашеніе съ опредѣленными профессіональными союзами, берутъ рабочихъ лишь отъ нихъ, устраняютъ вовсе неорганизованныхъ рабочихъ, подымаютъ заработную плату и пользуются поддержкой рабочихъ въ борьбѣ съ другими конкурирующими предпріятіями; къ этимъ послѣднимъ со стороны рабочихъ примѣняются мѣры бойкота, и, въ концѣ-концовъ, не разъ предприниматели вмѣстѣ со своими рабочими изъ привилегированныхъ союзовъ оказываются въ общей борьбѣ противъ потребителя, на котораго и раскладываются не только издержки монопольнаго предпріятія, но и въ частности — повышенная оплата труда.

Какъ очевидно, капиталъ при отсутствіи искусственной государственной поддержки можетъ итти достаточно далеко и этимъ вовлекаетъ въ область своихъ интересовъ и широкіе земледѣльческіе круги и рабочія массы. Такъ устанавливается нѣкоторая гармонія интересовъ, положенная въ основу демократической политики современнаго народнаго государства. Для полнаго своего осуществленія, однако, она нуждается въ прекрасно выработанномъ политическомъ аппаратѣ, который, однако, нигдѣ не дается даромъ и стоитъ въ процессѣ своего усовершенія долгой, упорной, а подчасъ кровавой борьбы. Вѣдь не надо забывать, что, несмотря на всю свою мощь, тотъ же капиталъ отнюдь не склоненъ къ открытому предъявленію своихъ претензій и интересовъ, что для него гораздо выгоднѣе не вступать въ открытую борьбу съ неизбѣжнымъ компромиссомъ въ концѣ, а формы конституціоннаго государства гораздо лучше прикрываютъ его истинныя пружины, нежели свободная атмосфера демократіи. Вотъ почему народное государство водворяется далеко не вездѣ и не сразу, а рождается очень много переходныхъ формъ между конституціоннымъ строемъ и демократіей. Такихъ переходныхъ формъ здѣсь несравненно больше, чѣмъ между абсолютизмомъ и конституціоннымъ режимомъ. И это понятно. Конституціонное государство гораздо болѣе гибко по своей сущности, нежели абсолютизмъ. Оно способно къ частичному и постепенному преобразованію. Оно способно вмѣстѣ съ тѣмъ передать демократіи многія изъ своихъ наиболѣе устойчивыхъ учрежденій.

Первымъ пріобрѣтеніемъ, которое дѣлаетъ демократія у конституціонализма, это—всеобщее избирательное право. И эта побѣда дается обыкновенно не сразу. Послѣ каждаго народнаго возстанія отмѣняется цензъ, но во время каждой реакціи снова устанавливается, хоть и въ меньшемъ размѣрѣ. Связанное съ возстаніемъ чартистовъ пониженіе ценза избирателей въ Англіи остановилось на квартирномъ цензѣ, и только особый цензъ для депутатовъ былъ отмѣненъ совсѣмъ. Въ другихъ странахъ, какъ въ Бельгіи, всеобщее избирательное право было искажено такъ называемой плюральной

системой подачи голосовъ, при чемъ по нѣскольку голосовъ получили лица съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, съ извѣстнымъ имущественнымъ и семейнымъ цензомъ. Даже въ такихъ демократическихъ странахъ, какъ Италія, остался въ силѣ цензъ, хотя и въ прикрытой формѣ образовательнаго, который, однако, не требуется отъ лицъ, уплачивающихъ опредѣленное количество налоговъ или служившихъ на военной и гражданской службѣ. И когда нельзя было уже сопротивляться введенію всеобщаго избирательнаго права, то стремились ослабить вліяніе народа при помощи установленія высокаго возрастнаго ценза, который болѣе всего отражался, конечно, на самой многочисленной категоріи избирателей, т.-е. на народѣ. Хорошую службу сослужилъ противникамъ народнаго голосованія и цензъ осѣдлости, который требовалъ отъ избирателей пребыванія въ избирательномъ участкѣ въ теченіе опредѣленнаго срока—6 мѣсяцевъ, года, трехъ лѣтъ и т. п.; этимъ поражались права наиболѣе подвижного и текучаго рабочаго населенія, которое въ силу требованій трудового рынка должно итти туда, гдѣ больше спросъ на рабочія руки.

Не меньше усилій потребовалось и для того, чтобы провести прямое и тайное голосованіе. И въ самомъ дѣлѣ, при подачѣ голосовъ въ нѣсколькихъ степеняхъ открывался такой широкій доступъ различнымъ постороннимъ вліяніямъ и интригамъ, такъ легко было дѣйствительное большинство голосовъ превратить въ офиціальное меньшинство во второй, а тѣмъ болѣе третьей инстанціи, что при многостепенныхъ или косвенныхъ выборахъ совершенно уничтожалось значеніе всеобщаго избирательнаго права. То же надо замѣтить и относительно открытой подачи голосовъ. Она, конечно, обосновывалась весьма высокими соображеніями: необходимо было воспитать въ населеніи гражданское мужество въ высказываніи своихъ политическихъ убѣжденій. На самомъ же дѣлѣ это былъ расчетъ не на мужество, а на боязнь и экономическую зависимость населенія отъ предпринимателей и собственниковъ, которые при открытой подачѣ голосовъ могли провѣрить эту подачу и затѣмъ примѣнить рядъ тяжелыхъ хозяйственныхъ репрессій по адресу тѣхъ, кто голосовалъ въ неугодномъ для нихъ духѣ и направленіи. Только тайное и прямое голосованіе дало населенію дѣйствительную возможность выразить въ процессѣ выборовъ свое политическое убѣжденіе.

Дальнѣйшимъ измѣненіемъ избирательнаго права, еще приблизившимъ его къ дѣйствительному мнѣнію большинства была система пропорціональнаго избирательнаго права, которая извѣстна въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ формахъ. Прежде всего было обращено вниманіе на то, что меньшинство голосовъ, подаваемыхъ при выборахъ, совершенно теряется при выраженіи народной воли, и въ парламентѣ совершенно оказываются не представленными тѣ мнѣнія и

убѣжденія, которыя на самомъ дѣлѣ имѣютъ за собой чрезвычайно много народныхъ голосовъ. Для того, чтобы въ парламентѣ было дѣйствительно отражено и большинство и меньшинство, было введено особое представительство меньшинства. Съ этой цѣлью производилось такъ называемое ограниченное голосованіе, при чемъ подаются голоса за всѣхъ депутатовъ, подлежащихъ избранію въ округѣ, безъ одного. Этотъ послѣдній голосъ и отдается меньшинству. Другой системой было кумулятивное голосованіе, организованное такимъ образомъ, что населенію представлялось соединять нѣсколько голосовъ на одномъ имени, которое почему-либо представлялось особенно желательнымъ избирателю. Собственно системой пропорціональныхъ выборовъ является такая, гдѣ вся масса избирателей считается какъ бы однимъ общимъ избирательнымъ кругомъ, а все количество поданныхъ голосовъ дѣлится на число депутатовъ, и всѣ кандидаты, получившіе не меньше даннаго числа, почитаются выбранными. При помощи этихъ системъ парламентъ пересталъ быть однимъ представительствомъ большинства, но сталъ отраженіемъ всего народа въ его цѣломъ. Но одного этого пріема оказалось недостаточнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, лица, выступающія кандидатами на выборахъ подъ знаменемъ той или иной партійной программы, избираются лишь потому, что ихъ взгляды и мнѣнія находятъ себѣ одобреніе со стороны избирателей, и послѣдніе надѣятся, что кандидаты, ставъ представителями народа, не измѣнятъ тѣхъ воззрѣній, которыя они высказываютъ въ качествѣ кандидатовъ. Очень часто кандидатами даются и самыя положительныя обѣщанія относительно той политики и тактики, которой они предполагаютъ придерживаться въ палатѣ. Однако всѣ эти обѣщанія и обязательства чисто моральнаго характера и не имѣютъ никакой санкціи, а депутатъ послѣ выборовъ очень часто мѣняетъ свои воззрѣнія, сохраняя полученный подъ другимъ флагомъ мандатъ. Подобное положеніе вещей тоже въ значительной степени подмѣниваетъ истинное народное мнѣніе, и между парламентомъ, съ одной стороны, и избравшимъ его народомъ можетъ оказаться значительное несходство во мнѣніяхъ и даже самая настоящая рознь. Для предупрежденія такого явленія постепенно вводятся повелительные мандаты въ формѣ подписанныхъ депутатами прошеній объ отставкѣ безъ указанія числа. Такія прошенія хранятся у избирателей и немедленно пускаются въ ходъ, какъ только депутатъ или отказывается отъ своего партійнаго знамени или измѣняетъ тѣмъ обѣщаніямъ, которыя онъ далъ во время производства выборовъ. Такъ болѣе или менѣе, особенно въ соціалистическихъ партіяхъ, обезпечивается вѣрность депутата представляемымъ при его посредствѣ народнымъ массамъ.

Самый демократическій парламентъ, однако, совершенно ничего не значитъ, если исполнительная власть поставлена совершенно независимо и можетъ дѣйствовать, нисколько не придерживаясь выраженной депутатами народной воли. Поэтому тамъ, гдѣ еще не водворилось демократіи въ истинномъ смыслѣ слова, существенно необходимымъ является такое подчиненіе министровъ парламенту, которое не сдѣлало бы иллюзорнымъ проявленіе народной воли въ представительствѣ. Въ этомъ отношеніи демократическій парламентъ слѣдуетъ цѣликомъ тактикѣ олигархическаго, который мы уже видѣли въ конституціонномъ государствѣ. И здѣсь главными способами подчиненія министерствъ палатамъ является отказъ нежелательнымъ министрамъ въ средствахъ на государственные расходы. Такимъ путемъ устанавливается право палатъ подвергать министровъ уголовному суду и политической отвѣтственности. Первое право примѣняется лишь въ крайнихъ случаяхъ. Что же касается политической отвѣтственности, то она выражается въ томъ, что министръ, которому палата отказала въ довѣріи, долженъ немедленно выйти въ отставку или распустить палаты, чтобы при помощи новыхъ выборовъ удостовѣриться въ соотвѣтствіи вотума палатъ общему мнѣнію избирателей. Парламентарная система министерствъ представляется настолько существенной не только для преобладанія народныхъ массъ въ направленіи политики, но и внесенія закономѣрности въ дѣятельность исполнительной власти, что даже тамъ, гдѣ избирательное право еще далеко не достигло своего совершенства, все же водворилась система отвѣтственныхъ передъ палатами партійныхъ министерствъ. И если до настоящаго времени представительство меньшинства и пропорціональные выборы нашли доступъ лишь въ скандинавскихъ государствахъ, Бельгіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ американскихъ штатахъ, то парламентарная система министерствъ въ настоящее время принята во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ за исключеніемъ Германіи, Австріи, Россіи и отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ.

Эти переходныя демократическія формы—въ видѣ пропорціональныхъ выборовъ и парламентарныхъ министерствъ—оказались вполнѣ совмѣстными съ монархической формой правленія. Наоборотъ, непосредственное народное голосованіе до сихъ поръ примѣнялось лишь въ республиканскихъ государствахъ, хотя бы подобно Австраліи находящихся въ вассальной зависимости отъ монархической метрополіи. Въ монархическихъ государствахъ при демократическомъ ихъ преобразованіи возможно, однако, вполнѣ обращеніе къ народу въ видѣ распущенія палатъ и предоставленія націи возможности высказаться по тому или иному вопросу путемъ новыхъ выборовъ, при чемъ, конечно, министерство организуется по парламентарному типу, а вето короны болѣе не осуществляется. Окончательно орга-

низуется демократія, однако, лишь тамъ, гдѣ офиціально устраняется монархія и ей на смѣну идетъ республика. И здѣсь мы встрѣчаемъ различныя формы обращенія къ народу. Прежде всего мы находимъ референдумъ въ качествѣ факультативнаго вето, при чемъ въ случаѣ протеста опредѣленнаго числа избирателей принятый палатами законъ подвергается всеобщему непосредственному голосованію избирателей. Такое вето скоро уступаетъ мѣсто обязательному голосованію не только принятыхъ законовъ, но и законопроектовъ въ порядкѣ возбужденія народной инициативы. Въ этихъ случаяхъ опредѣленное число гражданъ получаетъ право предложить разработкѣ законодательныхъ учрежденій, а затѣмъ и всенародному голосованію то или иное законодательное предложеніе. Завершается эта система въ мелкихъ кантонахъ или штатахъ примѣненіемъ общихъ собраній всѣхъ гражданъ, которые тѣмъ или инымъ большинствомъ непосредственно и принимаютъ законы путемъ открытаго или закрытаго голосованія.

Спрашивается теперь, какъ организуется народъ, принимающій рѣшенія во всѣхъ указанныхъ установленіяхъ и собраніяхъ. Гдѣ тутъ живой центръ, который политически двигаетъ массы и содѣйствуетъ имъ въ разрѣшеніи поставленныхъ передъ ними задачъ. Мы уже видѣли выше, что въ демократіи такую роль играетъ никто иной, какъ партіи и партійныя организаціи. Какъ складываются здѣсь партіи, сохраняютъ ли онѣ тотъ же характеръ, что и въ конституціонномъ государствѣ или нѣтъ.

На послѣдній вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. Сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли выше, партіи значительно мѣняютъ свой характеръ. Въ конституціонномъ государствѣ, гдѣ вмѣстѣ съ соціальнымъ дѣленіемъ совпадало дѣленіе политическое, очень обострялось чувство соціальнаго различія, и партіи почти совпадали съ классовымъ дѣленіемъ. Въ демократіи дѣло обстоитъ иначе; здѣсь водворено политическое равенство при сохраненіи соціальнаго неравенства. Послѣднее благодаря этому въ значительной степени затушевано и стерто. Въ народномъ сознаніи идея народнаго верховенства надолго способна вытѣснить ощущеніе соціальнаго гнета. Народное чувство въ значительной степени умиротворяется тѣмъ компромиссомъ, который заключается между крупнымъ капиталомъ и народными массами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и властвующій капиталъ прибѣгаетъ къ иному языку и другой идеологіи, чѣмъ въ государствѣ конституціонномъ. Капиталистъ знаетъ слишкомъ хорошо, что демократіи ненавистенъ языкъ высокомѣрія или пренебреженія; народъ слишкомъ ревнивъ къ своей власти и достоинству. Въ народномъ государствѣ мы поэтому не встрѣтимъ того феодальнаго отношенія къ массамъ, которое такъ сближаетъ въ конституціонномъ государствѣ высшее дворянство и высшую плутократію.

Напротивъ, капиталистъ въ демократіи старается маскировать свою власть и значеніе; онъ выдаетъ себя за вѣрнаго республиканца и демократа; его интересы лишь постольку заслуживаютъ вниманія, поскольку - де съ ними совпадаетъ народный интересъ, онъ работаетъ не для себя, а только для народа; и если онъ содѣйствуетъ проведенію тѣхъ или иныхъ законопроектовъ, то отнюдь не въ своемъ, а во всеобщемъ интересѣ; только одна милость народа и его личная удача создали милліонеру его громадное богатство. И совершенно совпадаетъ съ такимъ характеромъ соціальныхъ отношеній структура и характеръ партій. Онѣ теряютъ свой принципіальный характеръ и основной соціальный антагонизмъ.

И въ самомъ дѣлѣ. Если мы обратимся къ характеру и составу партій, такъ же какъ къ ихъ тактикѣ въ народномъ государствѣ, мы будемъ удивлены ихъ общимъ сходствомъ и бѣдностью программъ. Каждая партія стремится задобрить массы и поэтому старается ввести въ свою программу тѣ или иные дѣйствительно народные интересы. Каждая не желаетъ ссориться съ капиталомъ и поэтому проводитъ лишь такія требованія, которыя пріемлемы и для крупнаго собственника. Всѣ партіи оказываются компромисснаго характера въ равной степени, и если онѣ чѣмъ отличаются другъ отъ друга, то только личными интересами тѣхъ группъ, которыя стоятъ за ними и соперничаютъ другъ съ другомъ въ погонѣ за мѣстами для своихъ приверженцевъ и ставленниковъ. Въ такихъ партіяхъ совершенно исчезаетъ энтузіазмъ соціальной борьбы, онѣ образуются въ своемъ ядрѣ изъ профессіональныхъ политиковъ-дѣльцовъ, которые и совершенствуются въ искусствѣ массоваго внушенія и организаціи массовыхъ движеній. Политическая честность становится исключеніемъ. А соперничество партій теряетъ какую-либо глубокую связь съ истинной соціальной основой общественной жизни. Но зато на партію ложится совершенно иная задача, которая можетъ-быть названа по преимуществу политической.

Мы уже видѣли выше, какъ своеобразно отражаются на строѣ народнаго государства черты его федеральной конструкціи. Сводя всю власть къ одному источнику, къ народу, онѣ въ то же время дѣлаютъ крайне разрозненной дѣятельность различныхъ общинныхъ, кантональныхъ, провинціальныхъ властей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы тоже видѣли выше, между отдѣльными властями, которыя всѣ въ своемъ источникѣ исходятъ отъ народа, устанавливаются отношенія, которыя могутъ быть уподоблены не только раздѣленію, но и уравновѣшенію отдѣльныхъ властей. Между послѣдними также устанавливается разрозненность, доходящая порой до полной изолированности законодательства и управленія. Отсюда рождаются слѣдующія возможности. Съ одной стороны можетъ возникнуть чрезвычайное разнорѣчіе и разнообразіе въ дѣятельности народа въ его мѣстныхъ

территоріальныхъ органахъ; съ другой—эта пестрота и несогласованность можетъ быть еще значительно усложнена самостоятельностью и независимостью отдѣльныхъ властей. Такія явленія, конечно, не представляютъ ничего ужаснаго для народа, въ особенности мелкихъ собственности и земледѣлія. Но такая децентрализація менѣе всего пригодна для цѣлей и потребностей крупнаго капитала, который по всей своей природѣ приверженецъ централизаціи, единства правовыхъ нормъ и однообразія въ административной практикѣ.

И дѣйствительно, достаточно представить себѣ позицію какого-нибудь крупнаго треста передъ лицомъ федеральной автономіи и раздѣленія властей, чтобы понять всю затруднительность его положенія въ чисто-дѣловомъ смыслѣ. Каждый штатъ завѣдуетъ своимъ собственнымъ гражданскимъ правомъ и процессомъ. Ясно отсюда, что сдѣлки, которыя имѣютъ полную дѣйствительность въ одномъ штатѣ, теряютъ всякое значеніе въ другомъ, и если компаніи или тресту необходимо развернуть свою дѣятельность во всѣхъ штатахъ, то ему нужно примѣняться къ столькимъ нормамъ и столькимъ же процессуальнымъ порядкамъ, сколько въ странѣ штатовъ и отдѣльныхъ законодательствъ. Не менѣе разнообразны могутъ быть системы мѣстнаго обложенія, способныя тяжко отразиться на доходности предпріятія. Но такъ же важны полицейскія и санитарныя постановленія съ соотвѣтственной практикой, которыя предъявляютъ свои требованія во имя общественнаго здравія. Самую важную статью, конечно, представляютъ узаконенія соціальнаго характера, положенія относительно охраны женскаго и дѣтскаго труда, патентное право, рабочее законодательство и т. п. Необходимость считаться со всѣми подобными условіями можетъ не только безмѣрно удорожить объединенное въ рукахъ треста производство, но положительно сдѣлать его невозможнымъ. Эта невозможность, можетъ въ концѣ-концовъ, наступить и прямо юридически, разъ отдѣльное законодательство выступитъ съ прямымъ и категоричнымъ запрещеніемъ какихъ бы то ни было союзовъ предпринимателей, имѣющихъ монопольный характеръ. Въ такомъ случаѣ тресту приходится вмѣсто мирнаго процвѣтанія вступать съ мѣстнымъ законодательствомъ въ настоящую борьбу, или же искать обходныхъ путей.

Къ централизаціонному стремленію въ значительной степени примыкаютъ и тѣ слои населенія, которые тѣмъ или инымъ путемъ связаны съ промышленностью или заинтересованы въ общемъ и радикальномъ переворотѣ соціальнаго характера. Рабочіе не менѣе предпринимателей заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ завоеванія не ограничивались однимъ какимъ-нибудь штатомъ, а соціальная реформа была приведена на всей территоріи общаго отечества. И такая тенденція только усиливается съ ростомъ революціоннаго сознанія среди массъ: имъ рисуется централизованная диктатура, какъ наилучшее

средство для освобожденія труда и установленія соціалистическаго строя. Для фабричныхъ рабочихъ, которые чисто политическую демократію почитаютъ лишней ступенью, а иногда, быть-можетъ, и препятствіемъ къ скорѣйшему водворенію соціальнаго равенства, самодѣятельность общинъ и штатовъ оказывается гораздо менѣе цѣнной, нежели централизація, которая въ худшемъ случаѣ объединила бы противъ себя массы, а въ лучшемъ стала бы сама орудіемъ переворота.

И дѣйствительно, централизація устанавливается. Открытая, поскольку рѣчь идетъ объ объединеніи такихъ областей права, какъ гражданскаго, уголовнаго процесса. Скрытая, поскольку дѣло централизаціи организуютъ крупныя политическія партіи. И какъ разъ въ той странѣ, гдѣ какъ въ Америкѣ открытая централизація сдѣлала очень небольшіе успѣхи, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла централизація скрытая, организованная при помощи подпольной партійной работы. И прежде всего сама партія принимаетъ не только централизованный, но монархически-деспотическій характеръ. Какъ извѣстно, во главѣ не только федераціи, но и союзныхъ государствъ въ Сѣверной Америкѣ стоитъ уже много лѣтъ такъ называемая республиканская партія, съ которой конкурируетъ другая, тоже не разъ стоявшая во главѣ демократическая партія. Обѣ партіи организованы одинаково и принципіальной разницы между ними нѣтъ. Устройство ихъ слѣдующее. На мѣстахъ имѣются особые партійные комитеты, которые и завѣдуютъ всей демагогической работой. Комитеты составляютъ списки всѣхъ лицъ, подлежащихъ избранію какъ въ законодательныя учрежденія, такъ и на административныя или судебныя должности. Всѣ эти кандидаты затѣмъ проводятся той же партіей на партійныхъ конвентахъ и выбираются подъ ея руководствомъ и давленіемъ на различныхъ народныхъ выборахъ. Дѣло это совершается съ удивительной точностью и стройностью, такъ какъ партія обладаетъ громадными матеріальными средствами и великолѣпно дисциплинированнымъ составомъ. Подборъ активныхъ членовъ совершается съ величайшей осмотрительностью, при чемъ всѣ ненадежные или „измѣнники“ выбрасываются партіей безъ малѣйшей пощады. Никакое сопротивленіе внутри партіи недопустимо.

Партійныя средства составляются различными путями. Партія прежде всего торгуетъ тѣми мѣстами, которыя у нея въ распоряженіи. А такъ какъ въ рукахъ партіи находятся всѣ должности, подлежащія народному избранію, начиная отъ любого констэбля и кончая постомъ президента республики, то суммы, получаемыя этимъ путемъ, достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Многія должности облагаются, кромѣ того, постоянными поборами въ пользу партіи, составляющими часть получаемаго по службѣ содержанія. Къ доходамъ партіи причисляются получаемыя ею суммы за проведеніе тѣхъ

или иныхъ законопроектовъ или иныхъ мѣропріятій. Наконецъ всякій рядовой членъ партіи считаетъ долгомъ аккуратно платить свой членскій взносъ, знаменующій собою принадлежность его къ столь могучей національной организаціи. Ничто не мѣшаетъ и обогащенію партіи при помощи тѣхъ ея сочленовъ, которые уже занимаютъ мѣста законодателей и администраторовъ: партія черезъ нихъ получаетъ денежные дары, концессіи, пользованіе общественными имуществами, займами и т. п. Всѣ эти громадныя средства идутъ частью на пользу главарей партіи, частью на столь же громадные расходы по агитаціи. Управленіе партіи находится въ рукахъ особыхъ комитетовъ, во главѣ которыхъ, въ свою очередь, стоитъ особый вожакъ, или боссъ. Руководство партіей, однако, не совершается открыто и публично. Лидеры парламентскихъ фракцій, губернаторы, министры и президентъ—это только ставленники и слуги партіи, но не ея вожди. Послѣдніе стоятъ въ сторонѣ отъ непосредственнаго участія въ государственной дѣятельности, но это нисколько имъ не мѣшаетъ, а наоборотъ, помогаетъ держать не только партію, но и все государство въ своихъ цѣпкихъ рукахъ.

Естественно рождается вопросъ, какъ возможно, чтобы среди свободнаго народа, подъ эгидой его самодержавія при помощи непосредственныхъ и постоянныхъ народныхъ выборовъ устанавливалась самая настоящая тиранія небольшой шайки безсовѣстныхъ и безчестныхъ политикановъ? Было бы, конечно, весьма трудно предсказать что-нибудь подобное при основаніи американской республики. Однако объяснить такое явленіе, ставшее общеизвѣстнымъ фактомъ, не трудно. Народъ, занятый ежедневной борьбой за существованіе, способный выбрать лучшихъ людей изъ своей ближайшей среды на общинныя должности въ деревнѣ, становится совершенно безпомощнымъ въ городахъ, штатахъ и федераціи, гдѣ передъ нимъ какъ разъ открывается перспектива выбора массы лицъ среди неизвѣстныхъ людей и притомъ на самыя различныя должности. Съ другой стороны, демагогія имѣетъ громадный успѣхъ среди современныхъ народныхъ массъ, далеко еще не достигшихъ желательнаго уровня интеллектуальнаго и культурнаго развитія. Народъ, прекрасно умѣющій охранять свои права отъ грубыхъ и открытыхъ нападеній, не въ силахъ раскрыть ловкую и хорошо прикрытую интригу, которая къ тому же по внѣшности разыгрывается въ священныхъ для демократіи формахъ народнаго выбора и народнаго голосованія. И пока масса не чувствуетъ себя задѣтой въ главномъ и важномъ, она равнодушно относится къ злоупотребленіямъ, непосредственно не затрагивающимъ ея повседневнаго интереса. Этимъ пользуются аферисты и демагоги, и происходитъ грандіозная комедія народоправства, въ которой правитъ не народъ, не монархъ, а безотвѣтственный

анонимный вожакъ, скрывающійся за кулисами политической махинаціи.

Но, само собой разумѣется, интересы политическаго карьеризма и демагогіи лишь потому имѣютъ такой удивительный успѣхъ, что за ними стоитъ могущественный классъ капиталистовъ, который пользуется партіей для своихъ цѣлей. Партія отвлекаетъ отъ экономически властвующаго класса политическую отвѣтственность на отдѣльныхъ своихъ представителей; партія по принципу есть внѣклассовая организація, которая претендуетъ на объективность и незаинтересованность въ экономической борьбѣ; партія стоитъ въ близкихъ отношеніяхъ къ народу, а благодаря этому она всегда можетъ быть посредникомъ между массами и группой крупнаго капитала; но самое главное лежитъ именно въ централизаціонной дѣятельности партій. Единая партія охватываетъ собой и общину, и штатъ, и законодательную власть, и администрацію. И та разрозненность и несогласованность дѣйствій, которая такъ угрожаетъ интересамъ крупнаго капитала, въ значительной степени парализуется единствомъ централизованной партіи. У партіи вѣдь вездѣ свои люди и на мѣстахъ и въ федеративномъ центрѣ. Отсутствіе внѣшней согласованности или іерархіи восполняется извнутри при помощи преобладанія вездѣ людей не только одной программы, но и одного духа. Партія блюдетъ за тѣмъ, чтобы въ томъ или иномъ штатѣ не завелось вреднаго для „промышленности“ закона, или, чтобы судьи не примѣняли его слишкомъ буквально во вредъ тому же господину страны. Будучи политическимъ буферомъ между народомъ и капиталистами, партія вмѣстѣ съ тѣмъ играетъ роль великаго фактора, дѣлающаго единую и общую политику въ народномъ государствѣ.

Нѣтъ никакихъ основаній возлагать на самое существо партійной организаціи отвѣтственности за то общество, которое она должна отражать въ своемъ существѣ. Плутократически организованная среда естественно будетъ воплощать въ своихъ партіяхъ тѣ стремленія и интересы, которые какъ разъ присущи плутократіи. Общество, въ которомъ преобладаетъ интересъ мелкаго собственника, торговца и земледѣльца, съ тою же необходимостью даетъ партіи, въ которыхъ выразится со всею подробностью духъ мелкаго мѣщанства со всею узостью его міровоззрѣнія, со всей близорукостью его политики, разсчитывающей лишь на сегодняшній день. И разъ американскія партіи основаны именно на примиреніи плутократіи съ мелкимъ мѣщанствомъ, то, конечно, въ нихъ найдетъ выраженіе какъ централизаціонная тенденція крупнаго капитала съ его стремленіемъ все купить, такъ и примитивная тактика демагогіи, разсчитанной на психологію средняго городского класса, такъ же какъ сельскаго фермерскаго владѣнія. Но въ томъ-то и заключается громадное преимущество партійной организаціи, что она съ чрезвычайной гибкостью

способна отразить въ себѣ всѣ интересы общества, притомъ самыхъ разнообразныхъ его группъ. Неудивительно отсюда, что даже въ Америкѣ мы имѣемъ все растущую рабочую партію, которая сознательно отказывается отъ компромисса съ существующимъ строемъ и стремится не къ утвержденію и сохраненію той политической свободы, которая уже есть, но къ завоеванію такой соціальной свободы, которая устранитъ плутократію, столь исказившую даже существо партій, этихъ свободныхъ по принципу политическихъ образованій единовѣрцевъ и единомышленниковъ.

И въ настоящее время рабочая партія Америки проникнута тѣмъ же духомъ общественнаго призванія, который такъ свойственъ не только одноименнымъ рабочимъ партіямъ въ Европѣ и Австраліи, но и вообще народнымъ организаціямъ въ исторіи. И воистину можно сказать, что если республиканская партія Америки даетъ образецъ плутократической демагогіи худшаго типа, то организаціи рабочихъ партій даютъ противоположный полюсъ, скорѣе приближающійся къ духовному братству или религіозному сообществу. Такова въ особенности многочисленная рабочая партія въ Германіи, которая представляетъ собой рабочую республику, врастающую въ тѣло имперіи благодаря не только сильно развитому капитализму, но и политическому гнету отсталаго государства. Сознательный и морально воспитанный пролетаріатъ, строго дисциплинированный въ открытой организаціи, гдѣ ежеминутно производится повѣрка и принципамъ и силамъ, онъ представляетъ собой союзъ равныхъ и свободныхъ людей, способныхъ на великія жертвы и прекрасно знающихъ, куда и зачѣмъ они идутъ. Несомнѣнно, быстротѣ созрѣванія здѣсь сильно помогаетъ союзъ плутократіи съ вотчиннымъ духомъ который не создаетъ никакихъ смягчающихъ политическихъ формъ въ родѣ тѣхъ, которыя мы видѣли въ Америкѣ.

Однако въ послѣднее время и въ великой заатлантической республикѣ происходитъ замѣтный поворотъ. Политическое равенство уже теряетъ свою притягательную силу при наличности соціальнаго неравенства. Происходитъ перемѣна и въ психологіи самой демократической плутократіи. Господствующіе соціально круги желаютъ быть первыми и въ общественно-политической жизни. Съ расширеніемъ союзовъ предпринимателей и съ установленіемъ болѣе или менѣе длительнаго компромисса съ народомъ въ среду крупнаго капитала все болѣе и болѣе проникаетъ начало наслѣдственности. Сопряженная съ капиталомъ возможность утонченной жизни кладетъ неизбѣжный отпечатокъ избранности и утонченности на выросшія въ роскоши и довольствѣ поколѣнія капиталистовъ-удачниковъ, создавшихъ свой капиталъ. Между кругами капиталистовъ и прочимъ народомъ появляется нѣкоторая грань и связанная съ различіемъ быта отчужденность. Желаніе идеологически оправдать свое наслѣдственное

преимущество порождаетъ, въ свою очередь, аристократическую тенденцію къ родовой идеологіи. Создается генеологія богачей, завязываются связи съ иностранной знатью, нравы и обычаи все больше уединяютъ группу милліонеровъ, которая желаетъ быть знакома лишь со своими и относится съ презрѣніемъ къ черни. Изящныя искусства создаютъ романтическій ореолъ вокругъ „избранныхъ", и среди нихъ являются меценаты, которые способны жертвовать милліоны на университеты, преміи мира, благотворительность или украшеніе страны. Равенство нарушается въ нравахъ и бытѣ, плутократія пріобрѣтаетъ сеньоральный, аристократическій оттѣнокъ.

И по мѣрѣ того, какъ объединяется капиталъ и утверждаются его основные центры, а параллельно съ этимъ уменьшается пространство свободныхъ земель, на которыя при помощи государства осѣдаетъ свободное населеніе, все чаще возникаетъ конфликтъ между трудомъ и капиталомъ. Населеніе народнаго государства, чувствуя себя самодержцемъ въ политической области, не желаетъ встрѣчаться съ неравенствомъ и въ области соціальной. Оно удовлетворяется пока до поры до времени отдѣльными возстаніями и столь же частичными компромиссами. Но это продолжается не навсегда. Съ одной стороны, у капиталиста, который уже чувствуетъ себя высшимъ существомъ сравнительно съ рабочимъ, повышается чувство классовой чести и достоинства. Онъ начинаетъ себя считать властвующимъ по собственному праву, а претензіи рабочихъ представляются ему наглымъ вымогательствомъ, оскорбленіемъ чести господина и хозяина. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ богатство однихъ все рѣзче бьетъ въ глаза другимъ, а у простого человѣка все меньше остается надежды на то, что онъ выбьется и, въ свою очередь, станетъ милліонеромъ, рабочій начинаетъ все ревнивѣе относиться къ привилегіямъ капитала и внимательнѣе отмѣчаетъ факты экономическаго угнетенія. У рабочихъ благодаря этому повышается чувство классовой солидарности и обостряется сознаніе классовой вражды. Чисто экономическая борьба получаетъ оттѣнокъ политической, даже порой революціонной.

И тѣ способы, къ которымъ прибѣгаетъ капиталъ для усмиренія рабочихъ волненій, только способны разжечь соціальную вражду. Предоставленные въ значительной степени самозащитѣ, они пользуются всѣми доступными имъ средствами, чтобы обезсилить и обезвредить противника. Въ народномъ государствѣ не имѣется тайной полиціи, и капиталъ создаетъ ее на свой собственный счетъ. Среди рабочихъ помѣщаются частные сыщики и провокаторы. Организуются въ видѣ особаго промысла такъ называемыя сыскныя или детективныя конторы; создаются кадры агентовъ и шпіоновъ, которые и поступаютъ въ распоряженіе капиталистовъ на фабрики и въ профессіональные союзы. И такъ какъ рабочіе часто отвѣчаютъ ору-

жіемъ на насильства и оскорбленія, то набираются особыя вооруженныя дружины изъ отбросовъ населенія, всевозможныхъ бандитовъ и бродягъ, объединяются подъ командой бывшихъ офицеровъ или унтеръ-офицеровъ и сплачиваются желѣзной дисциплиной. Этихъ людей въ Америкѣ по имени перваго учредителя такой дружины называютъ Пинкертонами. Въ снаряженіи они не уступаютъ жандармскимъ командамъ континента и представляютъ собой однообразно обмундированныя, преимущественно конныя команды съ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, которыя не только охраняютъ дома, зданія, машины и сооруженія капиталистовъ, но и такъ называемыхъ „желающихъ работать“ или, попросту говоря, штрейкбрехеровъ (ломателей стачки), которыхъ въ извѣстномъ количествѣ всегда имѣютъ наготовѣ частныя детективныя и пинкертоновскія конторы.

Само собой, что на ряду съ этими мѣрами все въ большемъ ходу оказываются массовыя увольненія рабочихъ или локауты. Такія мѣры становятся все болѣе употребительными по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, среди рабочихъ растутъ профессіональные союзы, съ другой же стороны объединяются предприниматели многихъ отраслей промышленности для борьбы съ рабочимъ движеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ. Каждая стачка тѣмъ дольше длится и приноситъ тѣмъ большіе убытки капиталу, чѣмъ больше приливъ средствъ у рабочихъ со стороны ихъ товарищей, занятыхъ въ другихъ, преимущественно смежныхъ отрасляхъ промышленности. А такъ какъ профессіональные союзы иногда обладаютъ весьма значительными средствами, то ясно отсюда, что и помощь, оказываемая ими стачечникамъ, можетъ быть весьма существенной. Пресѣчь притокъ этихъ средствъ, питающихъ стачку, можно только однимъ путемъ, а именно, поставивъ и другихъ рабочихъ въ тяжелое положеніе безработицы. Въ такомъ случаѣ имъ средства окажутся нужными для нихъ самихъ, и они не будутъ въ состояніи ничего удѣлить товарищамъ. И такой локаутъ примѣняется все чаще, и притомъ не только тогда, когда стачка уже гдѣ-нибудь вспыхнула, но и тогда, когда стачка еще только подготовляется. Получивъ отъ своихъ агентовъ извѣщеніе о предстоящемъ возстаніи рабочихъ, предприниматели предупреждаютъ ее возможно широкимъ локаутомъ. Этимъ путемъ иногда и въ самомъ дѣлѣ предупреждается стачка, но чаще всего рабочіе принимаютъ вызовъ и широкій локаутъ превращается еще въ болѣе обширную и грозную стачку.

Въ борьбѣ съ соціальной опасностью нельзя ограничиваться лишь одной оборонительной войной. Необходимо придать борьбѣ съ капиталомъ общественно-опасный характеръ. Надо привлечь на свою сторону широкія силы прочаго населенія, надо, наконецъ, внести раздоръ и раздѣленіе въ среду самой арміи труда. Наилучшимъ средствомъ для этого является провозглашеніе общей политической опасности,

которая бы угрожала не однимъ только предпринимателямъ-капиталистамъ. Такимъ лозунгомъ является борьба противъ анархіи, которая будто бы свойственна именно рабочему движенію подъ знаменемъ соціализма. Анархія и на самомъ дѣлѣ способна испугать даже гражданина народнаго государства. Вѣдь анархія есть гибель всякаго политическаго быта, гражданской свободы, законности и личныхъ правъ. Анархія есть отрицаніе священнаго догмата всякаго истиннаго республиканца, т.-е. верховенства самодержавнаго народа. Анархія есть попытка лишить собственности и ея охраны всѣхъ тѣхъ, кто съ такимъ трудомъ обезпечилъ себѣ уголъ и кусокъ хлѣба на черный день. Всякій мелкій торговецъ, служащій, фермеръ, ремесленникъ при словѣ анархія представляетъ себѣ картины всеобщаго разрушенія, динамитныхъ покушеній, террористическихъ актовъ, дикой свирѣпости, безсмысленнаго, кровожаднаго варварства. И, бросивъ упрекъ въ анархизмѣ рабочему движенію, можно было такъ же его скомпрометировать, какъ обвинивъ его въ коммунизмѣ и желаніи уничтожить личную самодѣятельность и свободу.

И въ самомъ дѣлѣ. Даже передовыя демократіи принимаютъ противъ заразы анархизма мѣры, которыя далеко не оправдываются дѣйствительными размѣрами скрытаго подъ знаменемъ анархіи бандитства. И не только совершенно не различается анархизмъ какъ научная теорія или политическая утопія, но подъ именемъ анархизма подвергается преслѣдованіямъ и на самомъ дѣлѣ ничего съ нимъ общаго не имѣющій соціализмъ, этотъ главный идеологическій врагъ современной плутократіи. Во имя борьбы съ анархизмомъ вводится строгая и нелѣпая полиція иностранцевъ, которая приравниваетъ демократію къ худшимъ видамъ полицейскаго режима. Въ борьбу со стачками вносится политическій и полицейскій элементъ, и народная милиція выступаетъ противъ бастующихъ рабочихъ. Пинкертоны устраиваютъ провокаціонныя покушенія, и вся обстановка насильственныхъ усмиреній на лицо. Такъ, даже въ народномъ государствѣ соціальная борьба приводитъ, въ концѣ-концовъ, къ разладу и междоусобію, которымъ и заканчивается антагонизмъ труда и капитала. И если современный федерализмъ въ Швейцаріи и Америкѣ купленъ цѣною войнъ, а уравненіе расъ и освобожденіе негровъ стоило кроваваго междоусобія уже при наличности демократическихъ и республиканскихъ формъ, то возможно, что и соціальная справедливость будетъ куплена подобною же цѣною. И рожденіе новыхъ политическихъ формъ, долженствующихъ смѣнить теперешнія, послѣдуетъ общему катастрофическому порядку установленія новаго общественнаго строя.

Оглядываясь на уже пройденный путь, на тѣ этапы, которые въ видѣ политическихъ формъ выяснены нами въ предшествующемъ

изложенiи, мы до извѣстной степени можемъ предвидѣть тѣ пути, которыми пойдетъ послѣдующее новообразованiе.

Сравнивая идеологiю власти въ трехъ типичныхъ формахъ въ порядкѣ исторической постепенности, нельзя не видѣть, что политическая идеологiя все упрощается и соотвѣтственно этому уменьшается въ объемѣ, заключаетъ въ себѣ все меньше противорѣчивыхъ элементовъ, прiобрѣтаетъ все болѣе логически стройный и вмѣстѣ позитивный характеръ. Въ виду этого мы можемъ дѣйствительно разсчитывать на то, что идейный аппаратъ будущей организацiи будетъ еще меньше включать въ себя метафизическихъ и мистическихъ представленiй и еще ближе въ своемъ исходномъ пунктѣ подойдетъ къ реальному источнику всѣхъ человѣческихъ установленiй, а именно къ самому человѣку. На нашихъ глазахъ совершилась эволюцiя отъ божественной власти черезъ нацiональное государство къ народу, какъ истинному творцу всякихъ властей. Отъ народа только одинъ шагъ остался къ живой человѣческой личности въ ея многоразличныхъ общественныхъ связяхъ.

Въ правовой конструкцiи своей разсмотрѣнныя нами формы также даютъ нѣкоторое указанiе для будущаго. И здѣсь мы видимъ постепенный переходъ отъ фактическихъ гарантiй къ юридическимъ, отъ сосредоточенiя всей власти въ однѣхъ рукахъ къ послѣдовательному ея раздѣленiю между рядомъ самостоятельныхъ факторовъ, пока, наконецъ, на сцену не выступаетъ федеральный принципъ съ его глубокоидущимъ раздѣленiемъ не только функцiй и властей, но и автономныхъ, другъ надъ другомъ стоящихъ, самоуправляющихся организацiй. И здѣсь передъ нами выступаютъ уже въ туманной дали общiя очертанiя будущаго правового строя, опирающагося на два полюса, съ одной стороны—на федерацiю федерацiй, а съ другой—на основныя неприкосновенныя права отдѣльнаго гражданина мiрового государства или, по крайней мѣрѣ, европейско-американскихъ соединенныхъ штатовъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, мы видимъ, какъ на первый планъ выходитъ все болѣе и болѣе экономическiй интересъ, отодвигая чисто политическiй на второе мѣсто и обрекая его на чисто служебную роль. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится все болѣе подвижнымъ и гибкимъ тотъ аппаратъ, который служитъ для выясненiя и примиренiя противоположныхъ интересовъ, и все усиливается значенiе широкихъ народныхъ массъ, обезпечивается ихъ право на существованiе, и серьезнымъ ограниченiямъ подвергается господство плутократiи. Вполнѣ возможно поэтому въ будущемъ воплощенiе основныхъ требованiй коллективизма, которыя находятъ все больше приверженцевъ среди трудовыхъ народныхъ массъ.

Такъ постепенно человѣчество стремится воплотить идеалы единства, права и хозяйственнаго благосостоянія возможно широкаго круга дѣятельныхъ и сознательныхъ гражданъ.

Процессъ этотъ покупается цѣной тяжелыхъ исканій и непрестанныхъ жертвъ. Онъ рождается въ соціальной борьбѣ и логическомъ противорѣчіи. Но только такимъ путемъ совершается творчество все новыхъ и новыхъ формъ, создается для людей новая земля и новое небо!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Государство и общество.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Государственныя формы.

Отдѣлъ I.

Ученіе объ абсолютизмѣ.

Отдѣлъ II.

Ученіе о конституціонномъ государствѣ.

Отдѣлъ III.

Ученіе о народномъ государствѣ.

